

ПИНДАР
ВАКХИЛИД
✠
ОДЫ
ФРАГМЕНТЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ



ΠΙΝΔΑΡΟΥ
—
ΒΑΚΧΥΛΙΔΟΥ

ΩΙΔΑΙ



PINDARI
—
BACCHYLIDIS

CARMINA
ET FRAGMENTA

ПИНДАР
—
ВАКХИЛИД

ОДЫ
ФРАГМЕНТЫ



Издание подготовил
М. Л. ГАСПАРОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1980

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*М. П. Алексеев, И. И. Балашов,
Г. П. Бердников, Д. Д. Благой,
И. С. Брагинский, А. С. Бушмин,
М. Л. Гаспаров, А. Л. Гришунин,
Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова,
Б. Ф. Егоров (заместитель председателя),
Д. С. Лихачев (председатель), А. Д. Михайлов,
Д. В. Ознобишин (ученый секретарь),
Д. А. Ольдерогге, Ф. А. Петровский, Б. И. Пуришев,
А. М. Самсонов (заместитель председателя),
М. И. Стеблин-Каменский, Г. В. Степанов,
С. О. Шмидт*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Ф. А. ПЕТРОВСКИЙ

© Издательство «Наука», 1980 г.
Перевод, примечания, статья.

П $\frac{70202-006}{072(02)-80}$ 484—79.4603030000



ПИНДАР



ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПИНДАРА

(1) Пиндар, поэт, был фиванец из Киноскефал (это деревня в фиванской земле), сын Даифанта; впрочем, иные называют его отца Пагондом, а иные ведут его от Скопелина, иные же утверждают, что Скопелин приходился ему дядею и был флейтистом, у которого Пиндар и учился его искусству. Матери же его имя было Клеодика или, как иные пишут, Кледика.

(2) В детстве своем Пиндар, как о том сообщают Хамелеонт и Истр, охотился на Геликоне и от большой усталости заснул, а пока он спал, к устам его прилетели пчелы и сделали там свои соты. А иные говорят, будто это во сне ему привиделось, что рот его полон меда и воска, и оттого-то он обратился к стихотворству.

(3) Учился он, говорят, в Афинах, то ли у Агафокла, то ли у Аполлодора; и будто бы этот последний, отъезжая с хором на чужую сторону, доверил свое училище подростку Пиндару, и тот так хорошо управился, что сделался помощником учителя. А потом, когда он поименовал Афины «оплотом Эллады», то фиванцы наложили на него пеню в тысячу брахм, но афиняне за него их выплатили.

(4) Был он не только поэт, дивно одаренный, но и человек, людезный богам. Так, бога Пана видели между Кифероном и Геликоном, певшего Пиндаров пеан, и за

это Пиндар сложил названному богу песню с благодарением за такую честь; начало же той песни — «О Пан, блюдущий Аркадию, хранитель святых оград...» Равным образом и Деметра, явившись в сновидении, упрекнула его, что из всех богов он ей одной не воспел славу; и он сложил ей песню, начало которой такое: «Державная утвердительница уставов...»

(5) Павсаний, царь лакедемонян, сожигая Фивы, на доме его написал: «Крова Пиндара-поэта пусть никто не смеет жечь!» — и дом его один остался невредим, а ныне в нем заседают фиванские старейшины. Равным образом и в Дельфах пророк перед тем, как запирать храм, ежедневно возглашает: «Пиндар-песнопевец да явится к божией трапезе!»

(6) Родился он в день Пифийского праздника, как сам о том говорит: «Пятилетний праздник, бычий скотогон, когда в первый раз я уснул, запеленутый любимец...» А через паломников, отправлявшихся к Аммону, Пиндар, говорят, испросил себе того, что лучше всего для человека, и после этого в тот же год скончался.

(7) По времени он созвдаает с Симионидом, но как младший со старшим: у обоих есть упоминания о делах друг друга. В самом деле, Симионид писал о Саламинской битве, а Пиндар упоминает царствование [Жсеркса]. И оба они вместе были при Гиероне, тиране Сиракуз.

(8) Женат он был на Мегаклее, дочери Лусифея и Каллины; от нее он имел сына Даифанта, для которого написал песнь на дафнефории, и двух дочерей, Протомаху и Евметиду.

(9) Написал он семнадцать книг: гимны, пеаны, дифирамбов две книги, просодиев две книги, парфениев две книги, да еще третью с так называемыми отдельными парфениями, гипорхем две книги, энкомии, френы и эпиникиев четыре книги.

(10) *На смерть его есть такая эпиграмма:
Пиндара дочь Протомаха и умная с ней Евметида
По опочившем отце громкий воздвигнули плач
В пору, когда из аргивской земли принесли к ним
останки
Отчие, в урну собрав на чуждадьнем костре.*

ИЗРЕЧЕНИЯ ПИНДАРА

Пиндар-песнопевец, когда его спросили, что острее пилы, ответил: «клевета».

Случившись в Дельфах и будучи спрошен, что у него есть для жертвы Аполлону, он сказал: «пеан».

Когда его спросили, почему Симонид поехал в Сицилию к тиранну, а он не желает, Пиндар ответил: «потому что хочу жить для себя, а не для другого».

Когда его спросили, почему он не выдает дочь за человека благополучного, он ответил: «надобен муж, который не только благополучен, но и впредь будет благополучен».

Когда его спросили, почему он песни пишет, а петь не умеет, он ответил: «ведь и корабельных дел мастера умеют кормило сделать, а не умеют им править».

О природоиспытателях говорил он, что они срывают незрелые плоды мудрости.

Сними же с гвоздя
 Дорийскую лиру,
 Если в душу скользнула сладкою заботою
 Радость о Писе и о Ференике,
 Который, мчась при Алфее, 20
 Не касаем бичом,
 Причастил победе своего господина —
 1 э. Царя Сиракуз,
 Любителя конеборств.

Слава Гиерона сияет
 В этом славном мужами поселенье лидийского
 Пелопа —
 Пелопа, которого полюбил держатель земли
 Посидон, 25
 Когда Клото воздвигла его из чистой купели
 С плечом, блиставшим слоновьей костью.

... Но нет, это сказки:
 Ведь так часто людская молва
 Переходит за грани истины;
 И сказания, испещренные вымыслами,
 Вводят в обман.
 2 с. Ведь Харита, 30
 Подательница всего, что нам мило,
 Столько уж раз
 Представляла нам неверное верным!
 Нет: бегущие дни — надежнейшие свидетели:
 Человек о богах 35
 Должен говорить только доброе,
 И на нем не будет вины.
 Пелоп, сын Тантала!
 Я скажу о тебе иное, чем предки:
 Я скажу, что некогда твой отец,

- Созывая богов на милый Сипил,
Благозаконно
Воздавал им пиром за пир,—
И когда-то сверкающий трезубцем бог 40
Схватил тебя и унес,
2 а. Ибо страсть придавила его сердце.
На своих золотых конях
Он вознес тебя к Зевсу в небесный
широкославный чертог,
Где такая же страсть поселила потом
Ганимеда. 45
- Ты исчез,
И люди искали, но не нашли тебя для матери;
А завистник-сосед
Стал, таясь, рассказывать людям,
Как в воду, кипящую на огне,
Острым изрубленное ножом,
Пало тело твое,
Как делили его за столом на куски и ели. 50
- 2 в. Нет!
Я не смею назвать людоедами богов!
Слишком часто кара постигала богохульников.
Если олимпийцы чтили когда-нибудь
смертного —
Это был Тавтал;
Но не мог он переварить своего великого
счастья — 55
За великую гордыню понес он от высшего Отца
Величайшую казнь:
Исполинский камень, нависший над лбом.
Он рвется его свалить,
Он забыл блаженный покой, 60
- 3 с. В безысходной жизни он окутан мучением,

Четвертым к трем —

Потому что он похитил у вечноживущих

Для сверстных себе застольников

Нектар и амвросию,

В которых было бессмертье. 65

Неправ,

Кто надеется, человек, укрыться от вedomа бога!

Оттого-то

И вернули его сына бессмертные

К кратковременной доле жителя земли.

А когда расцвели его годы,

Когда первый пух отемнил его щеки, 70

Он задумался о брачной добыче,

3 а. О славной Гипподамии, дочери писейского отца.

Выйдя к берегу серого моря,

Он один в ночи

Воззвал к богу, носителю трезубца,

К богу, чей гулок прибой, — 75

И бог предстал пред лицом его.

Сказал Пелоп:

«Если в милых дарах Киприды

Ведома тебе сладость, —

О Посидон!

Удержи медное копье Эномая,

Устреми меня в Элиду на необгонимой

колеснице, 80

Осени меня силой!

Тринадцать мужей, тринадцать женихов

Погубил он, отлагая свадьбу дочери:

3 а. Велика опасность, и не для робкого она

мужа, —

Но кто и обречен умереть,

Тот станет ли в темном углу праздно
варить бесславную старость,
Отрешась от всего, что прекрасно?
Испытание это — по мне,
А желанная победа моя — от тебя!» 85
Он сказал —
И слова его были не праздными.
Для славы его
Дал ему бог золотую колесницу и коней
с неутомимыми крыльями.

- 4 с. Он поверг Эномаеву мощь,
Он возлег с его дочерью,
И она родила ему шесть сыновей,
Шесть владык, блистающих доблестью.
А теперь, 90
Почитаемый ярью кровавых возлияний,
Он почнет у Алфейского брода,
И несчетные странники стекаются к его могиле
Помолиться у алтаря. 95
Но слава его,
Слава Пелопа
Далеко озирает весь мир с Олимпийских
ристалищ,
Где быстрота состязается с быстротой
И отважная сила ищет своего предела;
И там победитель 100
До самой смерти
Вкушает медвяное блаженство
- 4 а. Выигранной борьбы, —
День дню передает его счастье,
А это — высшее, что есть у мужей.
А мой удел —
Конным напевом, эолийским ладом

Венчать героя. 105

Я знаю:

Никого из ныне живущих,
Столь искушенного в прекрасном, столь
превосходного в могуществе,

Не прославим мы складками наших песен.

Некий бог, пекущийся о твоих помышлениях,

Бдит и над этим твоим признанием,

Гиерон. 110

Если он не оставит тебя —

Я верю, что я вновь еще сладостней

прослаблю

- 4 э. Стремительную твою колесницу,
Проложив колею благодетельной хвалы
По склонам издали видного Крония:
Самую крепкую стрелу свою
Муза еще не сработала для меня.

115

Разным людям — разное величие;
Высочайшее из величий — венчает царей;
О, не стреми свои взоры еще выше!
Будь твоей долей —
Ныне попирать вершины;
А моей —
Обретаться рядом с победоносными,
Первому во всем искусстве перед эллинами.



2. «Острова Блаженных»

*ФЕРОНУ АКРАГАНТСКОМУ,
сыну Энесидама, на победу в колесничном беге.
Год — 476.*

¹ с. Песни мои, владычицы лиры,
Какого бога,
Какого героя,
Какого мужа будем мы воспевать?
Над Писою властвует Зевс;
Олимпийские игрища учредил Геракл
От первин победы;
Но воскликнем мы ныне о Фероне, 3
Ибо победоносна была его четверня.

Он милостив к странствующим,
Он ошлот Акраганта,
Он цвет от корня достопрославленных предков,
Блюстителей города;
¹ а. Много вынесши духом,
Они обрели это священное обиталище над рекой,
Они стали зеницей Сицилии,
Время и Судьба бодрствовали над ними, 10
Осыпая богатством и благом
Родовую их доблесть.
И ты, Зевс,
Сын Крона и Реи,
Восседающий на престоле Олимпа,
И над вершиною игр у Алфейского брода,
Тронься моею песней
И оставь им в твоей милости отчие поля —
¹ в. В роды и роды. 15

Все, что было, и правое и неправое,
Не станет небывшим,
Не изменит исхода
Даже силою Времени, которое всему отец;
Но милостивый рок может погрузить его
в забвение.

Нестерпимая боль, укрощенная, умирает,
Заглушаясь радостями удач, 20
2 с Когда Доля, ниспосланная от бога,
Возносит наше счастье до небес.

Такова и повесть о царственных дочерях
Кадма:

Тяжкое претерпели они;
Но бремя горя ниспало с их плеч 25
Пред силою блага.
Длиннокудрая Семела, пав от громовой стрелы,
Вновь жива на Олимпе.
Где любит ее Паллада,
Любят Музы,
Вдвое любит родитель Зевс,
И больше всех любит сын ее, повитый
плющом. 30

2 а А в пучине,
Средь Нереевых дочерей,
Ино
Обрела негаснущую жизнь на вечные века.

Не предугазан смертным
Час их смерти;
Доживем ли до заката спокойного дня,
Детища солнца,
Не нарушив его блаженства?
Радость и тягость,

Волна за волной, набегают на род
человеческий, —

- 2 а. Это Доля, 35
Из рода в род блюдущая судьбу людскую,
Вместе с счастьем, даром богов,
Посылает людям и горе
Переменною чередой,

- Так роковой сын Лаия
Умертвил встреченного отца
Во исполнение древнего вещания пифии, —
3 с. И Эринния с пронзающим взором
Сокрушила братоубийством его воинственный
род.

Но Ферсандр, пережив Полиника,
В новых битвах снискав себе новые почести,
Стал спасительным отпрыском для корня Адра-
стидов; 46

И плод его семени,
Сын Энесидама,
Достоин славы
В хвалебных песнопеньях и в бряцании лир.

- В Олимпии
3 а. Он сам обрел свой победный дар;
У Пифона и на Истме
Вместе с братом, равным ему во славе,
Увенчала его общая Харита
За двенадцать пробегов колесничной
четверни.

Счастье победы
Смывает труд состязанья.
Богатство, украшенное доблестью,
Ведет мужа от удачи к удаче, от заботы к заботе,

3 э. Сияет звездой, 55
И нет сияния, свойственное человеку.

Владея таким уделом,
О, если бы знал человек грядущее!
Если бы знал он,
Как, миновавши смерть,
Презренные души тотчас постигаются карами!
За вину в этом царстве Зевса
Некто в преисподней изрекает роковые
приговоры. 60

Лишь достойные мужи
Обретают беструдную жизнь
Там, где под солнцем вечно дни — как ночи и
ночи — как дни.

Силой рук своих
Они не тревожат ни землю, ни морские воды,
Гонясь за прожитком; 65
Радостные верностью своей,
Меж любимцев богов
Провожают они беспечальную вечность;
А для остальных —
Муки, на которые не поддается взор.

4 а. Но те, кто трижды
Пребыв на земле и под землей,
Сохранили душу свою чистой от всякой
скверны,
Дорогою Зевса шествуют в твердыню
Крона. 70

Остров Блаженных
Овеивается там вейнями Океана;
Там горят золотые цветы,
Возникая из трав меж сияющими деревьями

Или вспаиваемые потоками.

Там они обвивают руки венками и цепями

цветочными

- 4 э. По правым уставам Радаманфа, 75
Избранного в сопрестольники
Горним отцом, супругом Реи, чей трон превыше
всего.

Там Пелей, там Кадм,

И туда вознесла Ахилла

Мать его, тронув мольбами Зевсово сердце, — 80

- б с. Ахилла, которым повергнут
Гектор, столп Трои, незыблемый, непобедимый,
Ахилла, которым преданы смерти
Кикн и эфиоп, рожденный Зарей.

Много есть острых стрел

В колчане у моего локтя.

Понимающим ясны их речи —

85

А толпе нужны толкователи.

Мудрый знает многое отроду —

А кому потребно ученье,

Те, как вороны,

Оба каркают болтливо и праздно

- 5 а. Против божественной птицы Зевса.

Сердце мое, нацель же свой лук без промаха!

В кого мы уметим,

Спустив прославляющие стрелы с тетивы

милосердного духа? 90

В Акрагант ли

Обращу я заветное слово

Нескрытного моего ума?

Сто лет не рождал этот город

Мужа, добрее к друзьям,

- Мужа, щедрее в дарах,
 5 а. Чем Ферон.
 Пусть неправедная зависть восстает на хвалу,
 И злоязычие безумцев
 Тщится покрыть забвением славные дела,—
 Неисчислимы пески,
 И сколько отрады людям принес Ферон,
 Кто в силах поведать?



3. «Геракл Гиперборейский»

ФЕРОНУ АКРАГАНТСКОМУ
на праздник Феоксений в честь Диоскуров.
Год—476.

- 1 с. Тиндаридам гостеприимцам
 И Елене прекраснокудрой
 Хочу я на радость
 Почтить прославленный Акрагант,
 Воздвигая эту песнь
 Олимпийской победе Ферона
 И его не знающих устали коней.
 Муза встала рядом со мной,
 Ибо мною обретен новоблещущий лад,
 С дорийскою поступью слаживающий
 праздничную речь. ⁵
- 1 а. Венки на этих кудрях
 К богозданному зовут меня долгу,
 Зовут меня слить
 Перезвоны лир, переклики флейт и склад слов
 По достоинству Энесидамова сына.

- Это Писа велит мне начать,
Ибо от Писы разлетаются меж людей
Песни, причастницы бессмертных, 10
Спеша к тому, чьи кудри и лоб
- 1 э. Безупречный этолиец, судящий над эллинами,
Во исполнение древних Геракловых заветов
Осенил бледной красою оливы,
Которую некогда от тенистых истоков Истра
Сын Амфитриона
Принес в Олимпию, —
Лучшую память Олимпийских игр. 15
- 2 с. Он принес ее от гипербореев,
Служителей Аполлона,
Умолив их словами разума
Во имя святилища Зевса, славного по всей земле,
О дереве, осеняющем мужей и венчающем
подвиги.
Алтари отца его уже освящены,
И луна, зеница сумерок, луна в золотой
колеснице
Полным блеском сияла ему с небес, 20
- 2 а. Когда он утвердил
Святой закон пятилетних великих игр
На алфейских склонах, достоянии бога.
Не цвела еще деревьями
В Кронийской долине Пелопова земля,
И голый сад покорствовал солнечным острым
лучам.
Это видел Геракл,
И дух устремил его в путь к Истрийским
пределам. 25
- 2 э. Там дочь Латоны,
Стремительница коней,

Встретила его,
Пришедшего взять
Из теснин и извилистых недр Аркадии
По указу Еврисфея, по року отца
Златорогую лань,
Некогда обещанную Ортосии
Писаным обетом Таигеты.
3 с. В погоне своей
Он достиг земель, что за спиной у ледяного
Борея,
Он застыл, увидав их деревья,
И сладкое желание обуяло его
Посадить их вокруг ристалищ,
Огибаемых в беге двенадцать раз.

И теперь он приходит, веселый,
На праздник свой,
Сопутствуемый богоподобными близнецами,
Которых носила Леда, широко подпоясанная
мать, — 35
3 а. Ибо, отходя на Олимп,
Это им он вверил свои состязания, диво для
глаз,
В доблести мужей и в быстроте колесничных
погонь.

И если сердце мое торопит меня воспеть
Славу Эмменидов, славу Ферона,
То это от конников Тиндаридов низошла она,
Потому что первыми из всех смертных
Эммениды их чтят у своих гостеприимных
столов, 40
3 а. Благоговейным духом блюда обряды
блаженных.

Если лучшее в мире — вода,
Если достойнейшее из благ — золото,
То в доблестях людских — Ферон
Ныне достиг предела, коснувшись Геракловых
столпов.

Дальнейший путь
Заповедан мудрому и немудрому.
Ни шагу, песнь моя!
Твой певец не безумен.



4. «Эргив»

ПСАВМИЮ КАМАРИНСКОМУ
на победу в колесничном беге,
чтобы петь в Олимпии.
Гоэ—452.

Высочайший погонщик неутомимых громов,
Зевс,
Не твои ли Оры
Пестрым напевом хороводных лир
Зовут меня в зрители высокой борьбы?
Успех друзей —
Сладкая весть, мгновенная радость добрым. 5
О Кронион,
Держатель Этны.
Обветренного бремени стоголового исполина
Тифона,
Во имя Харит
Прими олимпийский победоносный запев,
Немеркнущий ответ ширококрылой
добрести. 10

Это — запев о колеснице Псавмия,
 В писейском венке
 Рвущегося взметнуть славу Камарины.
 Бог будь благ
 Отныне к его мольбам!
 Псавмию — моя хвала:
 Он щедр вскармливать скакунов,
 Он рад привечать гостей, 15
 Мысль его чиста,
 Обращенная к миру, лелеятелю городов.

Ложь не увлажнит моих слов:
 Испытание — проба людям.
 в. Не так ли 20
 Рассеял поношения лемносских жён
 Сын Климена,
 В медных доспехах стяжав беговой победный
венок,
 Чтобы молвить Гипсипиле:
 «Таков мой бег, —
 А руки и грудь не слабей того; 25
 Нередко
 Неурочной порой приходит седина
 И к юным».



5. «Камарина»

ПСАВМИЮ КАМАРИНСКОМУ
на победу в состязании на мулах,
чтобы петь в Камарине.

¹ с. Высоких доблестей,
 Олимпийских венков
 Сладкое руно

- Прими улыбчиво, дочь Океана!
Это дары
Псавмия от упряжки неутомимых мулов.
- 1 а. Это он,
Возвеличивая многолюдный град
Твой, Камарина,
Шести двойным алтарям
На празднествах величайших богов
Воздал почет
Закланными быками и пятидневными ристаниями
- 1 э. На конях, на мулах и верхом.
В победе его — милая слава твоя,
В крике о ней — имя Акрона, его отца,
И его новозданной обители.
- 2 с. А ныне,
Воротясь от желанных пределов Эномаевых
и Пелоповых,
Твой, Паллада, держательница городов, ¹⁰
Поет он священный лес,
И реку Оанис,
И озеро в берегах.
- 2 а. И державные русла, которыми Гиппарис орошает
народ,
Быстро слаживая
Высоковерхий лес крепких зданий,
Из бессилия выводя на свет
Сонм сограждан.
- 2 э. Трата и труд, ¹⁵
Вечные приспешники доблести,
Борются за скрытый в опасностях подвиг.
За кем успех —
Тот и мудр во мнении людском,

- 3 с. Зевс-Спаситель,
 Высокооблачный,
 Ты, восседающий на Кроновом холме,
 Ты, осеняющий широко текущий Алфей
 И святую пещеру Иды!
 С мольбою
 Под посвист лидийских флейт
 Припадаю к тебе:
- 3 а. Да изобразится твой город славным
 мужествованием, 20
- А ты, Псавмий,
 Олимпийский победопосец,
 Ликующий о Посидоновых скакунах,
 Да пронесешь до смертной черты
- 3 в. Благодушную старость в кругу твоих сынов!
 Кто здравым орошен благом,
 Довлеющее добро украшая хвалой, —
 Тот не рвись достигнуть божественности,



6. «Иам»

*АГЕСИЮ СИРАКУЗСКОМУ,
 сыну Сострата из рода Иамидов
 и вознице его Фиттию
 на победу в состязании на мулах,
 чтобы петь в Стимфале.
 Послана с Энеем, учителем хора.
 Год — 472 или 468.*

- 1 с. Золотые колонны
 Вознося над добрыми степами хором,
 Возведем преддверие,
 Как возводят сени дивного чертога:
 Начатому делу — сияющее чело.

Олимпийский победоносец,
Блюститель вещего Зевесова алтаря, 5
Сооснователь славных Сиракуз,—
Какая минует его встречная хвала
В желанных песнях беззаветных сограждан?
1 а. Пусть ведаст сын Сострата:
Подошва его — под божественной пятой,
Бестревожная доблесть
Не в чести
Ни меж пепих мужей, ни на полах
кораблях; 10
А коль трудно далось прекрасное,—
Его не забыть.

Для тебя, Агесий,—
Та правая похвала,
Какую молвил Адраст
Над Амфиараем, вещателем Оиклидом:
Когда поглотила его земля на блещущих его
конях, 15
1 э. Тогда над семью кострами для мертвых тел
Пред стенами Фив
Сын Талая такое вымолвил слово:
«Горько мне о зенице вопиства моего,
О том, кто был добрый муж
И прорицать, и копьем разить!»
А не это ли и твой удел,
О сын Сиракуз,
Предводитель нашего шествия?
Я не спорщик,
Я не друг вражде,—
Но великою клятвою поклянусь: это так; 20
И заступницами моими станут Музы,
Чья речь — как мед.

2 с. Запряги же мне, Финтий, мощь твоих мулов,
И пуцу я колесницу по гладкому пути
К племени тех мужей!
Мулам ведом тот путь,
Ибо венчаны они олимпийским венком. 25
Пора мне распахнуть пред ними врата
песнопений,

Пора мне предстать
Питане у быстрого Еврота,
2 а. Где слился с ней (так гласит молва)
Посидон, сын Крона.
Чтобы родила она Евадну с синими
кудрами. 30

На груди укрыв свой девичий приплод,
В урочный свой месяц
Призванным прислужницам повелела она
Вверить дитя
Доблестному Элатиду,
Правящему над аркадянами в Фессане,
Дольцику алфейских поселений.

Вскормленная там, 35
От Аполлона познала она первую сладость
Афродиты.

2 в. Но недолго тайлся от Эпита божий посев —
Несказанный гнев
Жгучею заботою стеснивши в сердце своем,
Он пустился к пифийской святыне
Вопросить о непереносимой своей обиде;
А она меж тем,
Развязав свой багряный пояс,
Отложив свой серебряный кувшин, 40
Под синею сенью ветвей
Родила она отрока, мудрого, как бог, —

Золотокудрый супруг, кроткая думами Илифия
в Судьбы

- Были при ней,
3 с. И скорые радостные роды
Извели Иама на свет из чрева матери его.
Терзаясь,
Оставила она его на земле,
И два змея с серыми глазами 45
По воле божеств
Питали его, оберегая,
Невредящим ядом пчелиных жал.
А царь,
Примчавшись от пифийских утесов,
Всех в своем дому
Вопрошал о младенце, рожденном Евადной:
Говорил, что Феб — родитель ему,
3 а. Что быть ему лучшим вещуном над
земнородными, 50
И что племени его не угаснуть вовек.
Так возглашал он, —
Но клятвенные встречал ответы,
Что никто не видел и никто не слышал
Младенца, рожденного уже за пятый день.
В камыше, в неприступной заросли
Таился он,
И лучами багряными и желтыми 55
Проливались на его мягкое тело
Ион-цветы,
Чьим бессмертным именем указала ему называться
мать
Во веки веков.

- 3 э. А когда вкусил он от плода
Сладкой Гебы в золотом венце,

Тому, кому вскачь на двенадцатом кругу 75
 Первому по чести излила Харита
 Славную свою красоту.

Если предки, Агесий, матери твоей
 У граней Киллены
 4 а. Подлинно дарили в благочестии своем
 Многие и многократные заклания
 Ради милости Эрмия,
 Вестника богов, в чьей руке — состязание и
жребий наград,
 Возлюбившего Аркадию, славную мужами, — 80
 То это он
 И тяжко грохочущий родитель его
 Довершает твою славу, о сын Сострата.

Певучий оселок — на языке у меня,
 Слава его льется чудными дуновениями
 Навстречу воле моей.
 Мать моей матери —
 Цветущая Метопя из-под Стимфала;
 5 с. Она родила Фиву, хлещущую скакунов, 85
 Фиву, чью желанную воду я пью,
 Пеструю хвалу сплетая копьеносным бойцам.

Возбуди же, Эней, сопоспешников твоих
 Первым чередом воспеть девственницу Геру,
 А вторым — попытать,
 Не избудет ли правда речей моих
 Старую брань: «беотийская свинья»? 90
 Ты — верный мой гонец,
 Ты — скрижаль прекраснокудрых Муз,
 Ты — сладкий ковш благозвучных песнопений,
 5 а. И тебе я велю
 Помянуть Сиракузы, помянуть Ортигию,

Где, скипетром чист и мыслями прям,
 Правит Гиерон,
 Чтущий Деметру, обутую в багрец, 85
 И торжество ее дочери о белых конях,
 И мощь Зевеса Этнейского.
 Ведом он и струнам и сладкоречивым напевам;
 Пусть же его блаженства не тревожит
крадущееся время,

Пусть он примет в желанном добросердечии своем
 5 а. Шествие Агесия
 От стен Стимфалы, матери аркадийских стад,
 С родины на родину:
 Хороши два якоря 100
 Быстрому кораблю в бурную ночь —
 Да прославит мвлующий бог
 И эту и ту!
 Властвующий над морем
 Супруг Амфитриты с золотым веретеном,
 Прямому кораблю
 Дай беструдный путь,
 Чтоб расцвел 105
 Благоуханный цвет моих песен!



7. «Родос»

*ДИАГОРУ РОДОССКОМУ,
 потомку Глеполема, на победу в кулачном бою.
 Год — 464.*

1 с. Как чашу, кипящую виноградной росой,
 Из щедрых рук приемлет отец
 И, пригубив,

Молодому зятю передает из дома в дом
Чистое золото лучшего своего добра
Во славу пира и во славу сватовства
На зависть друзьям;
Ревнующим с ложе согласия,—
1 а. Так и я
Текучий мой нектар, дарение Муз,
Сладостный плод сердца моего
Шлю к возлиянью
Мужам-победителям,
Венчанным в Олимпии, венчанным у Пифона. 10

Благо тому, о ком добрая молва!
Ныне к одному, завтра к другому
Устремляет Харита в животворном своем цвету
Взгляд свой и звук лиры и многогласных флейт;
1 а. Под пение лир и флейт
Ныне выхожу я с Диагором
Славить дочь Афродиты, Солнца невесту, морскую
Роду,
Чтобы воздать хвалу за кулачный бой 15
Без промаха бьющему
Исполину в Алфейском и в Кастальском венке,
И отцу его Дамагету, угодному Правде,
Обитающим остров о трех городах
Меж аргивских пик,
Под бивнем широких хороводов Азии.
2 с. Это к ним 20
От самого Тлеполемова истока
Совокупную хочу я направить речь
О широкой мощи Геракловой породы,—
Ибо отчая их честь — от Зевса,
Материнская, по Астидами,— от Аминтора.

- Над вращением людского ума
Несчетные нависают заблуждения. 25
Не найдешь-ся сказать,
2 а. Что в начале, что в конце по смертным мерено.
Так и неравнородного брата Алкмены,
Ликимния, что сошел с Мидеина ложа,
Посохом из тугой оливы
Поразил в Тиринфе
Утвердитель этой земли, 30
Прогневленный. Возмущение души
Сбивает с пути даже мудрого.
- 2 б. Он пришел за вещаньем к богу,
И указал ему золотогривый из сладко курящегося
капища
Прямой корабельный путь
От лернейского берега к той земле среди морей,
Где великий властитель богов
Пролил на город золотые снега,
Когда умением Гефеста о медном топоре
Из отчего темени вырвалась Афина
С бескрайним криком,
И дрогнули перед нею Небо и мать Земля;
- 3 в. А сияющий смертным сын Гипериона 40
Повелел своим милым сынам
Блюсти ближвий долг,
Чтобы первыми воздвигнуть богине светлый алтарь
И жертвенным чипом
Возвеселить и отца, и деву, гремящую копьем.
Доблесть и радость
Входят в смертных, чтящих Предведенье,—
- 3 а. Но туча забвения обстигает врасплох, 45
Отстраняя ум с прямого пути вещей:
Жгучего семени огня
- 2 Пиндар, Вакхилид 33

Не внесли они на городскую высь,

Для беспламенных жертв

Оградивши свое святилище.

И Зевс

Желтую тучу свел к ним дождем щедрого

золота,

А совоокая

50

3 в. Дала им сноровку превзойти всех смертных
трудами искусных рук.

Подобные живым, шагнули по дорогам их

творения, —

И слава их была глубока;

В искусившемся и великое умение безобманно.

Есть у людей старое слово:

Когда Зевс и бессмертные делили землю,

53

Тогда Родос не виднелся в пучине,

Тогда остров таился в соленой глубине,

4 с. И как меж делившими не было Солнца,

То остался бездольным на земле

Чистейший бог.

60

Для напомнившего хотел Зевс перебросить

жребий,

Но тот сдержал:

«Видел я, — сказал он, — сквозь седое море

Землю, вадымающуюся из низин,

Многоплодную людям, добрую стадам».

4 а. И на том повелел он Доле, перебитой золотом,

Протянуть руки,

65

Положить великую клятву богов,

Воедине с Кронионом утвердить мановением,

Чтобы выйти тому острову на ясный свет

В вечный дар божьему челу.

Воистину свершились горние слова —

- И сырая соль проросла островом,
 4 э. И держит его 70
 Родитель лучей, которые — как стрелы,
 Правитель коней, чье дыхание — огонь.
 Здесь смешавшийся с Родою,
 Породил он семерых сынов,
 Мудрейших мыслями меж первых людей,
 А от единого из них рождены
 Линд, Камир и старший Иалис,
 Чтобы врозь держать натрое разделенную 75
 Отчую землю, удельные города,
 Каждый названный по имени воссевшего.
- 5 с. Там и сбывается
 Сладкий выкуп скорбной беды
 Глеполема, водителя тиринфян.
 Как пред богом,
 Шествует там дымящийся скот и решаются
состязания.
 Дважды увенчанный их цветами, Диагор 80
 Четырежды был счастлив на славном Истме
 И раз за разом — в Немее и кремнистых Афинах.
- 5 а. Знала его и аргосская медь,
 И аркадские и фиванские выделки, 85
 И уставные борения беотян,
 И Пеллена,
 И Эгина,
 Шестикратного победителя,
 Не иное гласит и в Мегарах каменная
скрижаль,
- Зевс-отец,
 Царящий над хребтом Атабирия,
 Склонись

- К созидаемой песне олимпийской победе
5 э. И к мужу, чья доблесть — в кулачной битве,
Даруй ему
Милость и честь от своих и от чужих, — 90
Ибо прям его путь, и спесь ему враг,
Ибо помнит он заветы отцов своих, твердых
духом.
Не затми Каллианактовы севы!
Ибо хоть ликует город о благе Эратидов,
Но и в единое мгновение ветер встает на ветер. 95



8. «Эак»

*АЛКИМЕДОНТУ ЭГИНСКОМУ,
сыну Ифиона из рода Влепсиадов,
брату Тимосфена, ученику Мелесия,
на победу в борьбе среди мальчиков.
Год — 460.*

- 1 с. Матерь состязаний, венчанных золотом,
Ты, Олимпия,
Владычица правды,
Где вещатели над сжигаемыми жертвами
Пытают молниеносного Зевса,
Не молвит ли о мужах, вождеющих сердцами, 5
Причаститься доблести и отдыху от трудов,
1 а. И благочестные их молитвы
Милостиво сбываются, —
И ты, священный лес
Добрых стволов над Алфеем в Писе, —
Примите это шествие, примите несущее
венки! 10
Великая и вечная слава —
На том, кому следует ваш блистательный дар.

- Разным людям — разное добро;
 Многие дороги с богом ведут к благополучию;
 1 э. Но вас
 Вверила судьба в удел Зевсу — Родителю, — 15
 И тебя, Тимосфен,
 Выкликнул он в Немее,
 А тебя, Алкимедонт,
 В олимпийской победе у Кронова холма.
 Телом красив,
 Делом подстать,
 Победный в борьбе,
 Возгласил он о длинновесельной отчей Эгине 20
 Где спасительная Правда, сопрестольница госте-
 приимца Зевса,
 2 с. Читится, как нигде меж людьми.

- Когда многое ко многому клонится, —
 Труден меткий суд прямому уму;
 Но эта земля за солеными валами 25
 От бессмертных воздвигнута божественным
 столпом
 Страшникам всех стран, —
 Пусть же взлетающее Время
 Не устанет в своих трудах
 2 а. О дорийском уделе от Эаковых времен! 30

- Зван был Эак
 На подмогу, когда сын Латоны и над ширью
 царящий Посидон
 Возносили стены венца над Илионом,
 Чтобы волею судьбы
 В градовержущих битвах встающих войн 25
 Бурным дымом они дохнули в небеса.
 2 э. Синие три змея

- Выплыли тогда к выведенной башне.
Двое пали,
Испустив, иступленные, дух,
А третий воздвигся и крикнул, 40
Быстро на противопоставшее чудо ответил Феб:
«Пасть Пергаму от мышцы твоей, герой,—
Так являет тяжко грохочущий Кронион; 45
3 с. А начаться тому
От сынов твоих первых и четвертых». Ясное сказав,
Устремился бог
К Истру, Ксанфу и ристающим амазонкам,
А потрясатель трезубца,
Простерши колесницу к морскому Истму,
Золотыми конями унес Эака 50
В Эаков край,
3 а. Летя пировать к Коринфской скале.

- Ничто не в сласть людям поровну.
Да не поразит меня камень зависти, 55
Если взведу я хвалу безбородых к Мелесию,
Ибо и ему такова была честь
И в Немее, и потом меж пятиборцев.
3 э. Знающему легче учение. 60
Разумен тот, кто заранее учен,—
Ветрен, кто этого не испытывал.
Знающий знаемое скажет лучше всех —
Каким путем
Возвыситься мужу
К вожделенной славе священных игр.

- Ныне же ему в честь 65
Тридцатую победу принес Алкимедонт;
4 с. Божеством его и мужеством

Четверо юных тел
 Обрели от него
 Недобрый возврат, бесславную молву,
 помраченный путь,
 А отец его отца 70
 Вдохнул мощь, попирательницу дряхлости,—
 С попутным делом забывается и смерть.

4 а. Но пора мне воздвигнуть память мою,
 Чтобы славить цвет победительных рук 76
 Блещиадов,
 Ныне шестым окружившихся венком
 В лавроносных играх,—
 Ибо и мертвым
 Законная воздается доля хвалы,
 Ибо и прах
 Не скрывает от них радостной славы
 сородичей. 80

4 в. Весть, дочь Гермеса, скажет Ифиону,
 А Ифион перескажет Каллимаху
 Блещущую олимпийскую красу,
 Зевсом уготованную их породе.

Зевсова да будет воля
 Славные славными умножить их дела,
 А режущие немощи отвратить от них. 85
 Зевс да возбранит Немезиде
 Надвое мыслить об их добре,
 Безгорестною жизнью
 Возвеличивая и город их и род.



9. «Потоп»

*ЭФАРМОСТУ ОПУНТСКОМУ,
брату Лампромата, на победу в борьбе,
чтобы петь в Опунте на празднике
в честь Аянта Локрийского.
Год — 466.*

1 с. Архилохова песнь,
Звучащая в Олимпии,
Победная хвала,
Тройственная и ликующая,
Цовлела Кронову холму
Для шествия Эфармоста с любезными его
друзьями.

Пыне же иные стрелы. 6
От луков Муз, целящих далеко,
Перевесь с тетивы
В честь Зевса с багровой молнией
И в честь наверхья Элиды,
Которую лидиец Пелоп
Лучшим даром взял за Гипподамией. 10

1 а. И еще одну, сладкую и крылатую,
Направь к Пифону,
Ибо не по земле пресмыкаться тыпустишь речь
твою

От дрогнувших струн
О муже-бойце из Опунтской земли.

Прославь же и землю и сына ее! 15
В уделе она
Матери Правды и дочери Благоваканности,
Спасительницы, хвалимой многою хвалою;
Процвела она
Подвигами при Касталии, подвигами при
Алфесе,

- Чьи цветы величают, венчал,
 Славную мать локров, 20
 Землю в блеске лесов.
- 1 а. Милый их город
 Осияю я огненной моей песней,
 Чтоб быстрее кровного копя,
 Чтоб быстрее крылатого корабля
 Повсюду бы разлетелась моя весть — 23
 Если только дала судьба блюсти руке моей
 Сад Харит.
- Радость людям — от Харит,
 А умение и доблесть — от бога.
- 2 с. Мог ли Геракл 30
 Палицею ударить на трезубец,
 Когда над Пилосом теснил его Посидон,
 И с серебряным луком теснил его Феб,
 И не празден был посох Аида;
 Которым гонимы смертные тела
 К полым перепутьям
 Умиравших.
- Но нет, 35
- Выплюньте, губы мои, такое слово!
 Хула на богов — недоброе ремесло,
 2 а. А похвальба не к месту — подголосок
 безумств. 40
- Оставь свой лепет:
 Будьте, боги, чужды браням и битвам!
 Обратись, мой язык,
 К городу Протогении,
 Куда рок Зевса, быстрого в громах,
 Низвел с Парнаса Девкалиона и Пирру
 Выстроить первый дом

- И родить, не всходя на ложе,
Каменный род, 45
Имя которому — люд.
Взвей им ветер шумящих слов,
Похвали им старое вино и новые песни!
- 2 в. Повествуется: 50
Черную землю
Затопила водяная сила,
Но хитростью Зевса
Глубины поглотили потоп.
Здесь начало
Ваших предков о медных щитах:
Род их —
От дочерей Япетова сына и от лучших из
Кроновых сынов, 55
А царство их — вековечно:
- 3 с. Ибо некогда олимпийский вершитель,
Унесши дочь Опунта из Эпейской земли
И смешавшись с ней в тиши под гривой
Менала, 60
Вверил ее Локру,
Чтобы настигающий жребий лет не унес его
Беспотомственным.
И мощное семя понесла жена,
И радовался отец сыну не своему,
И стало ему имя по отцу его матери.
Телом и делом превыше хвалы, 65
Принял он в опеку город и люд.
- 3 а. Шли к нему гости
Из Аргоса и Фив,
От аркадян и от писейцев,

Но более всех меж приходящими
 Читл он потомка Актора и Эгины —
 Менетия, 70
 Которого сын
 Вслед Атридам на Тевфрантских полях
 Единственный не покинул Ахилла,
 Когда мощных данаев поворотил и бросил Телеш
 К соленым корабельным бокам, —
 И явен стал для разумеющего
 Крепкий ум
 Патрокла.

3 в. Не с той ли поры и сын Фетиды
 Указал ему
 Быть в строю под губительным Аресом
 Там, где копье его, смиряющее смертных.

О если бы мне, обретателю слов, 80
 Вступить на колесницу Муз,
 Предводя отвагу и объемлющую силу!
 Я пришел на зов гостеприимства и доблести
 В честь истмийской тесьмы, перевившей
Лампромаха,

4 с. Когда двое одолели, каждый в своем, 85
 В единый день.
 Дважды затем выпала Эфармосту радость
у Коринфских ворот
 И не раз — на Немейском лоне;
 Славу мужей взял он в Аргосе,
 Славу отроков — в Афинах;
 А вырвавшись из безусых,
 Как выстоял он в борьбе 90
 Меж старшими о серебре в Марафоне!
 Зрелых подмяв
 Ловкостью, которая гнется и не ломится,

Каким он криком огласил ряды,
Юный, прекрасный, по прекраснейшем из
свершений!

4 а. В паррасийской толпе 95
Дивен предстал он на торжестве Ликейского
Зевса;

В Пеллене
Ласковое унес он целенье от студеного ветра;
Иолаев курган и морской Элевсин —
Поручители красоты его.

Все лучшее — от природы, 100
Вытверженная доблесть многих побуждает
к славе,

Но без бога — сподручнее безвестие.
4 в. Есть ближние пути и дальние пути; 105
Единая забота — не всякому впрок;
Трудно взойти до умения.
Но ты, гласящий награду победителю,
В звонком слове будь тверд:
Он рожден божьей волей —
Мышцей добр, телом прям, взглядом смел, —
Чтобы увенчать алтарь Аянта Оилеева
На победном пиру.



10. «Первая Олимпиада»
АГЕСИДАМУ ИЗ ЛОКРОВ ЭПИЗЕФИРСКИХ,
ученику Ила, на ту же победу
обещанная песня, чтобы петь на родине.
Год — 474.

1 с. Об олимпийском победоносце,
Об отроке Архестрата
Прочтите мне записанное в сердце моем!

- Я обязался ему сладкой песней —
 Я ли мог о том позабыть?
 Ты, Муза,
 И ты, Истина, Зевсова дочь,
 Прямою рукою
 Отведите от меня укор 5
 Во лжи, вредоносной гостю!
- 1 а. Издали приспевшее время
 Глубоким долгом меня винит;
 Но плаченная лихва
 Погашает людскую хулу:
 Катящаяся волна поглотит камень, 10
 И на радость я выплачу предо всеми должные
 слова.
- 1 в. Незыблемость пасет
 Зефирские Локры,
 А на сердце у них — 15
 Каллиопа и медный Арес!
 И даром перед Кикном
 Даже Геракл, чья сила выше силы,
 Обращался вспять —
 Пусть же Агесидам возблагодарит своего Ила,
 Как Ахилла — Патрокл!
 Кто оттачивает человека, кованного
 к подвигу, 20
 Тот к чудной славе толкнет его божией ладонью.
- 2 с. Немногим лишь дана беструдная услада,
 Первый меж светочей жизни людской,
 Зевсовы заветы
 Двигают меня воспеть
 Избранное меж избранных состязаний,
 Которое у Пелопова древнего кургана

- В силе своей учредил Геракл, 25
Когда убил Посидонова сына, безупречного
Ктеата,
- 2 а. И убил Еврита,
Чтобы взять от Авгиевой безмерной мощи
Охотному от неохотного выслуженную маду. 30
Под Клеонами засевши в чаще,
Смирил их Геракл на возвратном своем пути
За то, что погубили рать его тиринфян
Из элидской лощины
- 2 э. Надменные Молионовы сыны. 35
А эпейский вероломный царь
Вскоре увидел свой оплот и свое многое
добро
Оседающим в бездну бед
Под крепким огнем и ударами железа.
От борьбы с сильнейшим уклоу нет: 40
Из города, который пал,
Последним выступил безумец на крутую смерть.
- 3 с. В Писе
Мощный сын Зевса собрал полки и добычу.
Высочайшему отцу 45
Трижды святую выгородил он ограду.
На чистом месте
Отмежевал он Альтис вбитой межой.
Окружной равнине
Положил он быть для отдохновения и пира.
Алфейский брод
- 3 а. Причел в чести к двенадцати царящим богам,
И прозвание Крона 50
Дал холму,
Безымянному при Эномае и только влажному от
многих снегов.

- Три Доли стояли над первородным празднеством
И тот, кто единый выводит пытанную истину, —
- 3 а. Бог—Время; 65
 Это он в своем дальнем бегу
 Сказал нам заведомо,
 Каким разделом первин
 Освятилась добыча войны,
 Как дан был устав пятилетиям торжеств
 Первою олимпиадою в ее победах.

- Но кто стяжал
 Первые венки
 Силой рук, бегом ног, колесничным гоном?
 Кто подвигом
 Сорвал хвалу состязательной славы?
- 4 с. В беге был лучшим сын Ликимния Эон, 65
 Прямо натянул он путь своих ног,
 А полк он вел от Мидеи;
 В борьбе Эхем
 Прославил Тегею;
 В кулачном бою тирифский Дорикл
 Унес победу;
 А на конной четверне —

- 4 а. Сем мантинеец, сын Олирофия; 70
 Дротом Фрастор уметил в цель;
 А камнем, выкруженным дальше всех,
 Смог Никей,
 И шумными криками вспыхнули соратники.
 Вечер лучился
 Милым светом доброй луны,
- 4 а. И звенела округа
 Хвалебным пением веселых пиров.

Древнему следуя почину,
 Грянем и ныне

- В честь, соименную горделивой победе,
 Гром и огненный дрот 80
 Раскатывающегося Дия,
 Вспыхивающую молнию —
 Силу сил!
 Роскошествующая песня
 Отзовется в лад запевшему тростнику!
 Не в пору поздно взошла она над славной
Диркеей —
85
 Но сын от милой жены
 Желанен отцу в изнанке его детства,
 Нежностью согревающий его дух,
 Ибо при смерти горько стяжавшему
 Отдавать пасти добро свое пришельцу, 90
 5 а. Ибо малую усладу за многий труд
 Обретает сходящий к урочищам Анда,
 Тщетно дышав о песне за красные дела свои,—
 О Агесидам,
 Над которым и ласковая лира и сладкая флейта
 Простерли благоволение!
- Щедр корм славе 95
- От Зевсовых Пиерид;
 5 з. Дольщик их забот,
 Я объял знаменитое племя локров,
 Медом моим орошая город добрых мужей,
 Я воспел милое дитя Архестрата, 100
 Видя силу рук его в ту пору при олимпийском
алтаре:
 Ясен ликом,
 Юностью цвел он,
 Спасшей Ганимеда от беспощадной участи
людской 105
 По милости Киферей.

11. АГЕСИДАМУ ИЗ ЛОКРОВ ЭПИЗЕФИРСКИХ,

на победу в кулачном бою среди мальчиков,
обещающая песня, чтобы петь в Олимпии.

Год — 476.

Порою людям надобен ветер,
Порою — небесный дождь, исчадие облаков;
Но кто преуспеет, трудясь,
Тем родятся песни медового сока,
Первины вершащих похвал,
Верный залог великих доблестей.

5

Недоступная зависти,
Хвала эта ждет олимпийских победителей.
Пастьрем ее хочет быть мой язык, —
Но лишь от бога
Расцветает человек умными думами в века.
Знай же, сын Архестрата,
Знай, Агесидам:

10

За кулачную победу твою
Пад венком золотой оливы
Грянет краса моя, сладкая, как мед,
В честь породе Эпизефирских Локров.

15

К шествию, Музы!
Слово мое — залог,
Что народ, к которому ваш путь, —
Не бжежит гостей, прекрасному не чужд,
Разумом остр и копьями храбр.
А врожденному нраву
Иным не стать —
Ни в красной лисе, ни в ревучем льве.

20



12. «Удача»

*ЭРГОТЕЛУ ГИМЕРСКОМУ, РОДОМ ИЗ КНОССА,
на победу в дальнем беге.
Год — 470.*

- с. Тебе молюсь,
Дочь Зевса Избавителя,
Хранящая Удача:
Обойми Гимеру во всю ширь ее сял!
Тобою в море
Правятся быстрые корабли,
Тобою на суше
Вершатся скорые войны и людные советы. 8
Вскатываются и скатываются то ввысь, то вниз
Чаянья людские,
Прорезая зыбучую ложь:
- а. Никому из живущих на земле
Нет от богов верного знака о будущем, —
Ум к предстоящему слеп. 10
Многое нежданное
Выпадает людям, радости наперекор,
Иным же встречные бури
Глубоким благом мгновенно оборачивали скорбь.
- в. Сын Филанора,
Так и для тебя,
Боевого петуха в четырех стенах,
Не шагнув от очага,
Невостпетою осыпалась бы слава бега, 15
Если бы мятеж, бросающий мужей на мужей,
Не осиротил тебя Кносскою твоею родиною.
Ныне же,
Увенчанный в Олимпии,
Увенчанный дважды у Пифона и на Истме,

Ты, Эрготел,
Превознес собой горячие заводи нимф,
Новый насельник собственных пашен.



13. «Беллерофонт»

КСЕНОФОНТУ КОРИНФСКОМУ
из рода Олигетидов,
на победу в беге и в пятиборье.
Год — 464.

- ¹ с. Трижды победный олимпийскими победами
Прославляя дом,
Любимый меж граждан, пособный меж странников,
Я поведаю о блаженном Коринфе,
Пышущем юностью, 8
Где порог Посидона Истмийского.
Здесь обитает
Благозаконность
С кровными своими — Миром и Правдой,
Нешаткая опора городов,
Опека людского добра,
Золотые дочери советной Справедливости,
¹ а. Отвращающей Спесь, 10
Злоязычную родительницу Пресыщения.

Красная речь на устах моих,
И прямая отвага вздымает мой язык.
Что отроду в людях, того не скрыты!
Недаром, сыны Алета,
Вам давался не раз
Победный блеск одоления
Предельной доблестью в священной борьбе, 15
И не раз цветущие Оры

- Посевали в мужские сердца
1 а. Древние измышления.
Всякое создание — от создателя!
Кто явил Дионисовой благодати
Дифирамб за бычью гоньбу?
Кто меру отмерил 20
Конской узде?
Кто дважды возвел на божьи храмы
Пернатого царя?
Здесь цветет сладко дышащая Муза
И цветет Арес смертоносными копьями юных.
- 2 с. Зевс Отец, 25
Царящий над Олимпией свыше и вширь,
Будь беззавистен к словам моим
Во веки веков!
Невредимо пасущий народ Коринфа,
Дай путь
Веянью Ксенофоновой судьбы!
Прими чин шествия, несущего венки,
Ибо ведет его с Писейских равнин
Победитель в беге и в пятикратной борьбе, 30
Первый в этой доле меж смертными.
- 2 а. Явясь на Истм, 35
Увенчался он двумя зелеными прядями;
И в Немее
Не было ему противоборца.
Над Алфейской водой
Освящен блеск ног Фессала, его отца;
У Пифона меж восхода и заката
Взял он честь бега и честь двойного бега;
Под той же луной
В кремнистых Афинах

- Три лучшие победы быстрогого дня
 Легли ему на гриву;
- 2 а. У Геллотии было их семь; 40
 И меж двух морей, по уставу Посидона,
 С отцом своим Птеодором, с Эритимом и Терпсием
 Вывел он песни, которым долго звучать.
 А сколько было побед
 В Дельфах и на львином лугу,—
 О том мне спорить со многими,
 Ибо и песка морского никому не перечесть. 45
- 3 с. Всему своя мера:
 Должный срок — превыше всего!
 В общем море на необщем челне,
 Славя мудрость древних и доблесть бойцов, 50
 Не солгу о Кориифе
 Ни Сизифом, в уменьях хватким, как бог,
 Ни Медеей, выбравшей брак вопреки отцу,
 Спасительницей Арго и пловцов его,—
- 3 а. Ни теми, кто в отваге своей у дарданских стен 55
 С двух сторон представляли разрубать войну,
 Одни — за Елену с милым племенем Атрея,
 Другие — к отпору им.
 В дрожь бросал данайцев ликийский Главк, 60
 Величаясь, что в городе над Пиревои
 Царство, длинное поле и дом
 Держал его отец —
- 3 а. тот, кто когда-то
 Многое претерпел,
 Взуздывая над бьющими ключами
 Исчадь змеистой Горгоны —
 Пегаса,
 Пока меченную золотом узду 65

Не подала ему дева Паллада.
В вещем сне она молвила ему:
«Ты спишь, сын Эола?
Конская чара — вот она;
Яви ее Отцу-Укротителю,
Заклав ему белого быка!»

4 с. С синей эгидой 70

Виделась она спящему во мраке,
Говоря такие слова.
Он вскочил на твердые ноги —
Чудо лежало рядом с ним,
Он схватил его,
Ликующий, он бросился ко пророку этих мест,
Он крикнул Кераниду о свершившемся — 75
Как по слову его он спал на жертвеннике богини,
И как дочь Олимпийца, чье копьё — как молния,
Подарила его

4 а. Укротительным золотом.

И был ему ответ: немедля покорствовать видению,
Крепконогую жертву 80
Воздать земледержцу в широкой его силе
И воздвигнуть алтарь Афине-Всаднице.
Мощью богов
Сбыться легко

И тщетным клятвам, и тщетным надеждам.
Ринувшись, схватил,

Кроткой чарою отянув ему челюсть, 85

4 в. Сильный Беллерофонт — крылатого коня,

И в пляске,

Меднодоспешный, взлетел ему на хребет.

Отсюда,

С пустого лона холодного эфира,

Сыпал он стрелы на воинство лучниц-амазонок,

Отсюда поразил он Солимов 90

И Химеру, дышащую огнем.
Но об участи его —
Смолкаю;
А Пегасов корм — в древних яслях Кронидова
Олимпа.

5 с. Не пристало мне
Вихрь моих дротов во множестве их жал
Сильной мышцею 95
Метить по ту сторону меты.
Нет —
Я пришел сюда добровольной подмогой
Музам на сияющих престолах
К Олигетидам Истмийским и Немейским.
В едином слове скажу я великое,
Ибо с двух сторон за мною гремит
Шестидесятикратно
Утешный крик присяжного глашатая
подвигов. 100

5 а. О славе, которая была им в Олимпии,
Я сказал;
О славе, которая будет,
Я не промолчу;
Надежда на нее — во мне, но исход — от бога.
Если неустанна удача их породы — 105
Положимся на Зевса и Эниалия!
Шесть побед на Парнасском надбровье,
А сколько в Аргосе, сколько в Фивах,
Сколько у аркадского алтаря увидит владыка
Ликея,

5 э. Сколько Пеллена,
Сикион,
Мегара,
Затворенная роща Эакидов,

И Элевсин, и жирный Марафон, 110
И под вздыбленной Этной богатые горда,
И Евбея!
Обшарь всю Элладу —
И явится столькое, что не охватит глаз.
Будь же легкой стопа их плаванья!
Свершитель Зевс, 115
Дай им честный путь
И причастие сладостным отрадам!



14. «Хариты»

*АСОПИХУ ОРХОМЕНСКОМУ
на победу в беге среди мальчиков.
Гоэ — 488.*

1 с. Вы, что живете
В крае прекрасных коней, пад водами Кефиса,
О Хариты, воспетые в песнях,
Владычицы светлого Орхомена,
Блюстительницы древних минийцев,
Слушайте!
Вам я молюсь!
Это вы подарили смертным 6
Все, что приятно и сладостно,—
Это вами мудр, прекрасен и славен
Человек.
Сами боги без важных Харит
Не ведут ни пляску, ни пир;
Это вы,
Правя уставы небес,
Утвердили троны свои 10
Близ златолукого

Аполлона Пифийского,
Чтобы чтить величье отца-Олимпийца.

2 с. Державная Аглая,
Сладкопевная Эвфросина,
Дочери величайшего из богов,
Слушайте меня!
Очаровывающая Таллиа,
Слупай меня,
Глядя на это благопобедное шествие,
Легкой поступью движущееся к нам!
Я пришел воспеть
Бережной песнею на лидийский лад
Того, чье имя Асопих,
Ибо минийская земля стала победительницей в
Олимпии,
О Харита, благодаря тебе.

А ты, Эхо, 20
Ступай к черноостепным чертогам Персефоны,
Передай отцу его эту славную весть:
Предстань Клеодаму
И скажи ему: «Сын твой
В славных долинах Писы
Увенчал молодые кудри
Крыльями знаменитых побед».



Ибо стрелы твои
Отуманивают и души богов
От умения сына Латоны
И глубоколонных Муз.

- 1 в. А кого не полюбит Зевс,—
Тот безумствует пред голосом Пиерид
И на суше, и в яростном море,
И в страшном Тартаре, 13
Где простерт божий враг — стоголовый Тифон,
Некогда вскормленный киликийской многоименной
пропастью,
Ныне же Сицилия и холмы над Кумами в ограде
валов
Давят его косматую грудь,
И привязь его —
Снежная Этна, 20
Столп небес,
Вечная кормилица режущих бурь,
- 2 с. Этна, чьи недра —
Чистейший поток неподступного огня,
Чьи потоки
Хлещут в белый день валами пара,
А в ночах
Красное пламя с грохотом катит скалы к
просторам пучин. 25
Это от ползучего чудища
Бьет ввысь страшная Гефестова струя,—
Диво на взгляд, диво на слух,
- 2 а. Как он вкован в Этну
Меж подошвой и вершиной в черной листве,
И как рвет ему опрокинутую спину
Острое дожде.

- О Зевс,
Быть бы мне любимым пред тобою —
Пред тобою, правящим эту высь, 30
Лоб многоплодной земли,
По имени которой
Славный зиждитель
Возвеличил ближний город,
Когда в Пифийском бее выкликнул глашатай
Гиерона,
Благопобедного меж колесниц.
- 2 а. Плавателю первая радость —
Попутный ветер от пристани,
Ибо в нем — надежда на лучший возврат. 35
Если должно судить по схожей судьбе —
Быть твоему городу славным в венках и скакунах,
Именитым в песенных праздниках.
Ликийец Феб,
Царящий над Делосом, влюбленный в Кастальский
Парнас,
Пожелай этой доли в сердце своем 40
Краю лучших мужей,
- 3 с. От богов рождены
Все свершения смертных доблестей:
Все, кто мудр, все, кто силен, все, кто речист,
В жажде хвалить героя
Да не вылетит за черту борьбы
От толчка моих рук меднощекий дрот —
Пусть бьет в цель, перестигнувши соперников! 45
Если время будет вечно, как сейчас,
Править ему обилие и доход,
А от муки пошлет ему забвение,—
- 3 а. Запомнит Гиерон,
В скольких войнах сколько битвы

Выстоял он испытанною душою,
Меж тем как божья ладонь
Несла ему честь, какой не срывал никто из

Эллинов,

Высокий венок богатств.

50

Словно Филоктет,

Шел он на битву,—

И гордецы, теснимые неволею,

Льстились ему в друзья.

Так богоравные герои

Плыли, чтобы с Лемноса валучить

3 э. Сына Пеанта,

Сокрушителя Приамовой Трои,

Завершителя данайских трудов.

Бессильно ступал он, но в нем был рок,

53

Так и Гиерону

Бог-направитель

В подкрадывающиеся годы

Приведи достигнуть всего желанного!

Муза,

Будь мне послушна

И пред Диноменом

В громе о награде победной четверни!

Слава отца — не чужая сыну.

Милую похвалу

59

Мы приищем этнейскому владыке,

4 с. Которому Гиерон

Воздвиг этот город

В его богозданной вольности

По законам, положенным Гераклидами,—

Ибо племени Памфила и Гилла

Под Тайгетскою крутизной

Вечно угодны дорийские уставы Эгимия;

Чтобы им она причлась по их доблести 80
Над изнемогшим врагом.

5 с. Если в пору сказано слово,
Если многое пытано и в малое сжато,
Дальше от следов твоих будет людская хула.
Пагубное пресыщение
Сламывает острие торопливой надежды,
Слух о чужих подвигах
Больно ложится на скрытные умы,
Пусть! 85

Лучше зависть, чем жалость:
Хорошего держись!
Кормилом справедливости правь народ,
Под молотом неложности откуй язык:
5 а. Самая малая искра велика,
Излетая от тебя.
Ты над многими судья,
Пред тобою многие верно говорят и вправо
и влево, —
Но если дорога тебе сладкая молва,
То в цветущем своем пылу 90
Не истощись щедростью:
Как кормчий муж, разверни под ветром твой
парус,

Не поддайся, друг, льстивым корыстям:
Гордая слава
За спиною смертных
5 в. Одна открывает сказателям и певцам
Бытование отошедших.
Не умирает благомысленная доблесть Креза,
А безжалостно жгущий медным быком 95
Фаларид повсюду постигнут ненавидящей молвою,
И лиры у очага

Не приемлют его
В кроткую общность отроческих песен.

Добрый успех — первая награда;
Добрая молва — вторая доля;
А кто встретил и принял обе — 100
Тот стяжал себе высочайший венец.



2. <«Иксион»>

*ГИЕРОНУ СИРАКУЗСКОМУ,
сыну Диномена, на победу в колесничном беге.
Год — 475 (?)*

- ¹ с. Многоградные Сиракузы,
Священный удел воишствующего Ареса,
Божественная кормительница
Мужей и коней, ликующих о железе,
От сверкающих Фив я несу тебе
Эту песню,
Эту весть
О потряшей землю четверне,
На которой колесничный Гиерон 8
Обвил далеко блестящими венками
Ортигию,
Престол речной Артемиды,
Чьей подмогой
Мягкая сила Гиерона
Укротила пестросбруйных жеребцов.
- ¹ а. Это она, рассыпающая стрелы,
И с нею состязатель Гермес 10
Увенчали его сияющей красой,
Когда впряг он мощь скакунов

В точеный верх послушной колесницы
И воззвал к широкой силе бога,
Бога с трезубцем в руке.

Многим царям многие певцы
Голосистую вершили хвалу,
Награду побед.
В честь Кибира поют на Кипре, 15
Угодного золотогривому Аполлону,
1 а. Читателя, избранного Афродитой,
А ведет те песни
Благодарность — воздаяние добрых дел,
Так и о тебе,
Сын Диномена,
Девушка из Зефирских Локров
Поет на пороге родного дома,
Бестревожная в мощи твоей
Перед обессиленными тяготами войн. 20

Рассказывают так:
Иксион,
Вечно кружимый крылатым колесом,
Вечно по уставу богов
Кричит смертным:
«Кроткою мздой воздавай благодетелю!»
2 с. Ему ли того не знать? 25
Сладкую вкушавший жизнь при благосклонных
Кронидах,
Он не выстоял под долгим счастьем,
Он в неистовом сердце своем
Захотел Геру,
Дольщину Зевсова многорадостного ложа,
И мгновенно в непроглядную беду
Ринуло его дерзновение —

- Должное претерпев, избранную понес он
казнь 30
- За двойную вину:
Первый из первых героев,
Он коварно замесил меж смертных родную
кровь,
- 2 а. И в просторах великой опочивальни
Он дернул на Диеву жену.
Но всякая мера — по мерщику!
Непутное ложе 35
В гущу горя ввергло наложника:
Он спал с тучей,
Он ловил сладкую ложь,
Незрячий!
Видом она была, как небесная Кронова дочь,
А восставила ее в хитрость ему Зевсова ладонь —
Красную пагубу! 40
- 2 в. И четыре спицы гибельно захлестнули его в узлы,
И рукам и ногам его не уйти от пут,
И что сказано ему — то сказано всем.
Не стояли Хариты вокруг,
Когда рожден был ему сын — не сын.
Единственный от единственной,
Не в чести меж людей, ни в уставах богов,
И вскормившая назвала его Кентавром.
Он смешался с магнесийскими кобылицами 45
У круч Пелиона,
И от них рождено чудное полчище,
Схожее с обоими,—
Снизу как мать, сверху как отец.
- 3 с. Бог
Все исходы вершит по промыслу своему,
Держит на крыльях орла, 50

Обгоняет в морях дельфина,
Высоколобого гнет,
А иным дарит нестареющую славу.
Не надобен мне
Язвящий клык злоязычия!
Издали знаю, в скольких бедах
Тяжкой ненавистью вздувался хулитель

Архилох. 65

Лучший удел —
Богатство и счастье умения.
Удел этот — твой!

- 3 а. Открытым сердцем ты явил это всем.
Вождь и князь венчаных мужей и перепутий,
Был ли кто другой в эллинской старине
Выше тебя, 60
В чести и богатстве?
Праздная эта мысль, напрасная тяжба!

- В цветущий путь
Выхожу я глашатаем доблести.
Юности опора — в отваге грозных войн:
Истинно стяжал ты в них славу без конца,
3 а. Бившись меж шпорящих, бившись пепий; 65
А старость твоя зрелыми советами
Дает мне славить тебя уверенною речью
За все во всем.
Радуйся!
Как финкийский груз,
Через седую соль
Идет к тебе песня,
Касторова песня эолийских струн.
Прими ее охотно, 70
Вверх ее семиударной лире!

Будь, каков есть:

А ты знаешь, каков ты есть.

4 с. Для мальчишек хороша и обезьяна —
Всегда хороша! —
Но счастлив тот Радаманф,
В ком безущербен плод душевного сада,
Кому не в сладость льстивый обман,
Вечно крадущийся за смертными в шопотных
уловках. 76

Дважды губителен подговор клеветы,
Постушь его — лисья постушь.
Но корыстнице-лисе велика ли корысть?
Глубоко утопает в море соленая снасть,
Но я, нетонущий, — над неводом на плаву. 80

4 а. Невмочь коварному
Вбросить сильное слово меж добрых мужей, —
Но виляя, они захлестывают,
Я не дольщик бесстыдства!
Другом другу хочу я быть
И врагом врагу,
Как волк, его застигая обходами здесь и
там. 85

Кто словом прям,
Тот всякому надобен порядку —
Под царем, перед бурной толпой и меж
правлящих мудрецов.

Необорный бог

4 в. То возносит одних,
То другим дарит просторную славу,
Но ничто не исцелит завистника:
Кто мучится по дальней черте,
Тот втравляет в сердце большую рану,
А желанное его — впереди.

С легкостью нести принятое ярмо —
 Благо;
 А копытами бить против жала —
 Скользкий путь!
 Жить угодным хочу я меж добрыми,

96



3. «Асклепий»

ГИЕРОПУ СИРАКУЗСКОМУ

утешение в болезни.

Год — 474 (?)

¹ с. Хирон, сын Филиры!
 Общую волю прищав на свой язык,
 Как я хотел бы
 Видеть его, отошедшего, живым,
 Многозаботное чадо Уранида Крона,
 Дикое чудо с дружелюбной думой,
 Хозяина Пелионских долин!

б

Таков он некогда вскормил Асклепия,
 Утолителя тел, пугателя недугов,
 Доброго плотника безболья, —
¹ а. Которого еще и не родила
 Вспомогаемая Илифией
 Дочь конеборного Флегия,
 Как под золотыми стрелами Артемиды
 Сошла она, правимая Фебом,
 Из опочивальни — в незрячий дом:
 Не бессилен гнев Зевсова племени!
 Пренебрегши богом, скривясь умом, не

10

сказавшись отцу,

- Иной она выбрала брак,—
А была уже смешана с неостриженным
Аполлоном,
- 1 э. А несла уже в лове чистый его посев. 15
Не ждала она, пока грянет брачный хор
В вечерних запевах девушек-подруг,—
Хотела она того, что не дано: 20
Многих горькая участь!
Самая пустая из людских пород —
Та, что порочит ближнего, жаждет дальнего,
В несбыточном чаянье гонясь за тщетой.
- 2 с. Таково было горделивое
Ослепление Кориныды в красе ее одежд: 25
На ложе она взошла
К аркадскому пришельцу —
Но не убереглась от бдительного:
Из Пифона, приемлющего стада,
Царственный Локсий
Внял вернейшему из общников,
Положился на всеведущий свой ум,
Который не лжет,
Которого не ввести в обман
Ни богу, ни смертному, ни думой, ни делом; 30
- 2 а. И познав изменную неправду
Гостя-наложника, Исхия Элатида,
Он послал единокровную сестру свою
В полете неумного гнева
К лакерийским обрывам Бебиады,
К дому девы. Там чуждый демон,
Совратитель, стал погубителем 35
И ее и ближних ее,
Ибо общей была их гибель:
Единое огненное семя
Выжгло нагорный лес.

2 э. Но уже положили родичи девушку на сруб,
 И уже обегал ее тело буйный Гефестов язык,
 Как молвил Аполлон: 40
 «Не потерпит сердце мое
 В материнской тяжкой страде
 Жалкой гибели моей породе».
 Он сказал,
 Он шагнул,
 Он выхватил сына из трупя,
 И пылавший пожар расступился перед ним.

А унес его бог к магнесийскому кентавру 45
 Для науки
 Исцелять живущих от страдальных недугов.

3 с. Шли к нему, кто сжился с язвами, евшими себя,
 Кто ранен блеклой медью или дальним камнем,
 Кого гложет стужа и летний зной, — 50
 Он разрешал их страсти, изымал из мучений,
 Одних обхаживал мягкими зацевами,
 Других миротворным питьем
 Или снадобьем, обхватывающим рану,
 А иных, спасал ножевой разрез.

3 а. Но корысть — обуза и умению. 55
 Золото, сверкнув из рук несметной мздой,
 Совратило его
 Вырвать из смерти схваченного смертью;
 И палящая молния от Кронидовых мышц,
 Пав меж этим и тем,
 Затворила вадох в его груди,
 Обоих обомкнула их участью,
 Ищи себе смертный у богов
 Уменья по уму, ступени по стопе, 60
 Помни, в какой мы доле.

- 3 э. Не пытай бессмертия, милая душа —
Обопри на себя лишь посильное.

Если бы в Хироновой пещере
Жив был здравый его дух,
Если бы медвяная моя хвала
Чарою запала в его сердце, 65
То явил бы он знатным людям по мольбам моим
Лекаря жгучих болей,
Зовущегося по Фебу или по Февову отцу.
И я взрезал бы ладьей ионийскую вызь
К истоку Аретусы,
К этнейскому гостепримцу,

- 4 с. Пастырю Сиракуз, 70
Кроткому владыке над гражданами,
Беззавистному к добрым, чадолюбивому к
странникам.
Я сошел бы к нему, неся двойное благо —
Золотое здоровье
И песню,
Сверкающую венками от пифийских побед,
Первоскачущим Фереником сорванных в Кирре:
Ярче небесной звезды 75
Я встал бы ему над морскою глубиью.

- 4 а. Теперь же мои мольбы —
К Матери, великой богине,
Воедине с Паном величаемой девичьим пением
У ночного моего порога.
Если дано тебе, Гиерон, 80
Всякую речь схватить за острие,
То ведомо тебе древнее слово:
«С каждым счастьем по два несчастья смертным
шлют небожители».

Немудренный их красиво не вынесет,
А вынесет добрый, на лучшее обернув.

4 в. Спутник твой — благо,
Смотрит на тебя, единого из всех, большая
судьба, 85

На царя народов;
А несколькокой жизни не было дано
Ни Пелею, сыну Эака,
Ни Кадму, равному богам.
Не они ли слывут блаженнейшими меж смертных,
Не они ли слышали песнь повитых золотом Муз
И на кручах 90
И в семивратных Фивах,
Когда брал один волоокую Гармонию,
А другой — прославленную Фетиду от советного
Перся?

5 с. С обоими пировали боги,
И сыны Кронида сидели на золотых престолах,
И дарили дары.
В милости Зевса 88
Преобразились былые их певзгоды и воспрянул
дух.

Но и после
Одного обездолили радостью пронзающие муки
трех дочерей,
Хоть и сам нисходил Зевес к вождеденному ложу
белолокотной Фионы, 100

5 а. А другого единственный сын,
Бессмертною Фетидою рожденный во Фтии,
Под луком войны испустивши дух,
С пылающего костра
Плач взметнул меж данайцев.
Нет: чей ум на верном пути,
Тот радуйся выпавшему от блаженных;

Переменчивы ветры в выси,
Ибо недалний попутчик человеку — 103
Давящая полнота обилия.

5 а. Малый в малом, большой в большом,—
Это и я,
Осеняющего меня демона
Чтущий всею мерою ума.
Если бог мне явит нежащее богатство,— 110
Надежда моя — на высокую славу впереди.
Нестор и ликиец Сарпедон, живые в молве,
Ведомы по гремящим словам,
Сложенным мудрыми слагателями.
Только в песнях — увековечение доблести,
Но немногим оно дано.



4. «Аргонавты»

АРКЕСИЛАЮ КИРЕНСКОМУ
на победу в колесничном беге
песня заступническая за Дамофила.
Год — 462.

1 с. Нынче стать тебе, Муза,
При муже, которого я люблю,
При царе Кирены, где добрые кони,
Чтобы в шествии Аркесилая
Взвезть ветер песнопений,
Воздаваемых чадам Латоны
И пифийской скале.
Где некогда жрица,
Сопрестольница Зевсовых золотых орлов,
От близости Аполлона 6

Провещала Батту,
 Жидителю плодоносной Ливии,
 Покинуть священный свой остров
 И воздвигнуть на белом, как грудь, холме
 Город добрых колесниц,
 1 а. Чтобы в семнадцатом колене
 Сбылось вещанье,
 Которое выдохнула из несмертных уст 10
 Мощная духом Медея,
 Дочь Эста, властительница колхов.

А сказала она так
 Перед полубогами, что плыли с копьепосным
 Ясоном:
 «Слушайте меня, сыны богов и сильных духом
 мужей!

Будет день,
 И от этой земли, бичуемой морем,
 Дочь Эшафа
 Возьмет на рассаду для почвы Зевса Аммона 15
 Корень городов,
 Сладкий смертным.

1 в. На быстрых коней променяв короткоперых
 дельфинов,
 Вместо весел будут здесь править уздой и
 повозками быстрее бурь;
 Быть Фере матерью больших городов,— 20
 Этот знак
 Подал Евфаму, сходявшему с корабля,
 Бог в смертном образе,
 Землю ему вручив залогом гостеприимства,
 А Кронион Зевс
 Грянул над ними благосклонным громом.

2 с. Это было, когда пловцы

Привязывали к ладье
Медное колено якоря,
Узду быстрого Арго, 25
За двенадцать дней
Пронесши с Океана
По пустынной спине земли
Древко выбей,
Исторгнутое моими заботами;
И тогда-то одинокий бог,
В светлое облекшись обличье честного мужа,
Начал к нам свою дружескую речь,
Как гостеприимец, зовущий странников
к трапезе. 30

2 а. Но сладкий возврат не пускал нас к нему;
Он понял, что нас влекло,
И назвавшись Еврипилом, сыном нетленного
земледержца и земсколебателя,
Он вырвал своей правой рукой
Пахотную землю, первый гостеприимственный дар,
Он простер его к нам, и герой его не отверг: 35
Прыгнув на берег,
Из руки в руку принял он божественный ком.
Но канул тот подарок,
С древка зыбей увлеченный в вечерний час
влажною солью моря;

2 в. Хоть и часто я взывала к служителям,
сложителям наших забот, 40
Но забвение было в их душах,
И до урочного срока рассеялось по этому острову
Нетленное семя Ливии края раздольных плясок.
Если бы Евфам,
Воротясь в отчизну свою,
Бросил тот дар на священном Тенаре в пасть
подземельного Аида, —

- Он увидел бы, властный сын Посидона-конника, ⁴⁵
Рожденный Европой, дочерью Тития, при Кефисе
на берегу,
- 3 с. Как четвертое колено кровных его,
Народившись в свой срок,
Встало бы от великого Лакедемона,
От Аргосского залива,
От Микен,
Чтобы наложить данайскую руку
На просторы материка.
Ныне же 50
От ложа чужеземных жен
Зачинать ему избранное племя,
Которое в угоду богам явится к этому острову,
Чтоб родить хозяина подоблачных равнин,
И этому лишь мужу
Провещает однажды Фоб
Из чертогов своих, обильных золотом,
- 3 а. Когда в грядущие дни сойдет тот муж в пифийский
храм, — 55
Провещает на судах повезти города
К тучным уделам нильского Крониона»,

Слово за слово,
Таковы были речи Медеи.
Недвижно и молча
Цепенели герои, равные богам,
Внимая сгусткам ее мудрости.
Блаженный сын Полимнеста!
Не тебе ли в этих речах
Пролегло пророчество 60
О самородном звоне дельфийской пчелы?
Она приветила тебя трижды,
Она явила в тебе суженого царя Кирены,

3 а. А спрашивал ты о том лишь, как выкупить твой
скованный язык.

Недаром и ныне
Вешним цветом багряных лепестков
Цветет восьмая поросль сынов твоих — 65
Аркесилай,
Которого в конном беге
Осенили славою меж окрестных народов
Аполлон и Пифийская святыня,

Но я верю Аркесилая Музам
Только с чистым золотом бараньего руна,
Странствуя за которым,
Чести от богов исполнились микийские мужи.

4 с. А каким началом пачалось их плаванье? 70

А какие беды склепали их стальными скрепами?
Было предрешение:

Пелию — пасть от именитых Эолидов,
От их руки, от их необорного умысла.

Леденящая весть

Сошла в его плотную душу

От пупа матери-Земли, где густые леса:

Быть на страже 75

Против человека, обутого на одну ногу,

Который от горных урочищ

Сойдет к приметной земле знаменитого Иолка,

4 а. Будь он свой, будь он чужой.

И время пришло:

Пришел страшный,

С двумя копьями в руке,

С двумя одеждками на теле:

Здесьняя, магнетская, в рост его дивным членам, 80

И барсова шкура — сверху, от дрожи дождей.
 Не стриженными кудрями ложились волосы,
 А золотом растекались по всей спине.

Прямо шел он,

Твердо встал он

На площади, где толпился народ.

85

4 э. Никто его не знал,

Но всякий говорил, любуясь:

«Не это ли Аполлон?

Не с медной ли колесницы супруг Афродиты?

И разве не погибли на тучном Наксосу

Сыны Ифимедея, От и дерзновенный владыка
 Эфнальт?

И разве из победного колчана Артемиды не

догнала быстрая стрела

90

Тития,

Чтобы лишь посильных ласк желал человек?»

5 с. Так переговаривались толковавшие,

Стремглав приспешил Пелий

В точеной колеснице на мулах

И вмиг застыл,

95

Пораженный предведомым убором,

Обувшим правую, только правую ногу гостя.

Скрав гневом страх,

Так обратился Пелий:

«Из какой ты земли, странник?

И какая из земнородных жен

Извела тебя из белого чрева?

Не пятнай себя мерзкой ложью:

Назови свой род».

100

5 а. Не смутясь,

Спокойными словами ответил гость:

«Я учен уроками Хирона,

А иду из пещеры его от Харикло и Филиры,
Где чистые дочери кентавра вскормили меня,
И за двадцать прожитых лет
Не обидел я их неподобным словом или делом. 103
Я пришел в мой край
Принять недолжно правимый удел моего отца,
Древнюю честь
От Зевса владыке Эолу и сынам его,—
5 а. Ибо дошло до меня, что беззаконный Пелий
В белом гневе
Силою обездолил правовластного родителя
моего. 110
И тот,
Страшась спеси необузданного вождя,
Едва увидел я солнце,
Как по мертвом, воздвиг по мне скорбные
похороны в дому своем,
За плачем женщин
В красных лоскутьях вверив меня тайно ночному
пути,
Чтобы выкормил меня Хирон, сын Крона. 115
6 с. Вот вам моя речь в немногих словах;
Не скройте же от меня,
Чтимые граждане,
Дома отцов моих о белых конях:
Я — сын Эсона,
Я пришел в нечуждую землю, как свой к своим,
А от божественного кентавра дано мне имя —
Ясон».

Так он сказал. 120

И едва взошел он,—
Отчие очи признали его,
Брызнули слезы со старческих ресниц,

Ибо радовалась душа отца,
Избранного видя отпрыска своего,
Прекраснейшего меж мужей.

6 а. На молву о нем

Приспели оба Эсоновы брата —
Ферет от ближних потоков Гипереи, 125
А от Мессены — Амифаон;
И не замедлили приветить родича
Адмет и Меламп.

Ласковыми словами принял их Ясон в долю пира,
Простер к ним радость,
Снарядил их ладными дарами
И пять ночей и дней 180
Обрывал лепестки блаженного житья.

6 э. А на шестой день

Положил он важную речь,
Поведал родичам все от самого начала,
И они не оставили его.
Возвысившись от застолья,
Бросились они в Пелиев чертог,
Ворвались, 135
Встали.

Сын прекрасноволосой Тиро сам к ним вышел
на шум.

Кроткой речью,
Мягким голосом
Уставил Ясон устоя
Для мудрых слов:
«Сын Посидона Каменного!

7 с. Торопливы бывают смертные умы

Вместо правды славить коварную корысть, 140
Хоть и жестоко за нею пробуждение.
Но тебе и мне —

Должно чином умерить пыл,
Чтобы выткалось грядущее благо.

Знающему говорю:

От одной рождены телицы
И Крефей и дерзостный Салмоней;
А от них в третьем посеве — и мы
Видим солнечную золотую мощь.

Вражда единородных

Затмевает и честь,

И от нее отвращаются Мойры.

145

7 а. Не нам делить

Медью мечей и дровов

Великую почесть пращуров.

Ни овцы,

Ни рыжие паствы быков,

Ни все поля, которые ты пасешь,

Отнятым у моих родителей сдобривая твое добро, ¹⁵⁰

Не печалят меня: бери их!

Но царский посох и трон,

С которого Крефеев сын

Правил правду над конным людом, —

Не обидев и не обидевшись,

7 в. Оставь их мне,

155

Чтобы новое зло не встало от них».

Так сказал он.

Несмутимо ответил ему Пелий:

«Да будет так!

Но вокруг меня

Старческая уже витает доля,

А в тебе

Только что вскипает юношеский цвет, —

И тебе одному под силу

Рассеять гнев подземных богов:

Ибо Фрикс повелел
 Вызволить его душу с Этова одра 160
 И увести глубококорунный покров
 Барана, которым он спасся от пучины
 8 с. И безбожных мачехиных стрел.
 Дивный сон пришел ко мне с этой вестью;
 Я спросил над Касталией, в чем мой долг;
 И бог воздвиг меня
 К спешному посольству снарядить корабль.
 Прими тот подвиг, 165
 И я клянусь:
 Будешь ты царствовать и властвовать!
 Поручкой — Зевс,
 Родитель — свидетелем!»

Так положив,
 На том согласились;
 И тотчас Ясон
 8 а. Поднял вестников 170
 Повсюду возгласить о плавании,
 И тотчас встали с ним
 Трое неутомимых в битвах —
 Кронидовы сыны
 От Леды и от Алкмены с выгнутыми ресницами;
 И двое других, с гривами, как гора,
 Посидонова порода от Тенарских кручи и от Пилоса,
 Мощи в честь — добрая слава,
 Сбывшаяся в Евфаме и в тебе, широкосяльный
 Цериклимен; 175
 И от Аполлона,
 Лирник; рождатель песней,
 Пришел во многой хвале
 Орфей;
 8 в. И Эрмий о золотом жезле

И к милой доле возврата;
И отозвалось из туч
Знаменье доброгласного грохота,
И вырвались, пронзив,
Лучи просиявшего света.

Верю знакам богов

200

Утвердилось в героях вдохновение;

9 а. К веслам их крикнул вестун,
Вмолвив им радостную надежду;
И ненасытные задвигались весла
В быстрых руках.

Дуновежье Юга

Привеяло их к устью неприятного моря.

Там поставили они

Священную ограду

Соленому Посидову,

Где явилось им красное стадо фракийских
быков,

205

И каменный выем новозданного жертвенника.

А из бездны невзгод,

Когда взмолились они ко владыке кораблей

10 с. О спасении от неодолимого размаха

Сбегающихся скал, —

Двух живых,

Двух катящихся быстрее грозовой гряды, —

210

То меж ними пролег их путь

И стал для движущихся пределом.

И пришли они к Фасису,

И смешались в силе своей с черноокими колхами

Пред лицом Эета.

И тогда правительница острейших стрел,

На четыре нерушимые узла

Наученного зелиями колхидянки.

Он налег на плуг,

Он припряг его узами к бычьим хребтам, 235

Он настиг их широкие бока

Большим стрекалом,

И он вытрудил, мощный, отмеренный урок.

Вопль

Испустил Эет сквозь безголосую скорбь,

Дивясь его силе;

11 а. А товарищи простерли к могучему дружеские
руки, 240

Зеленою листвою одели его,

Медом слов приветили его;

И тотчас

Чудный сын Солнца

Молвил Ясону о сияющем руне,

Где простерлось оно от Фриксова ножа, —

Но была его надежда,

Что второго труда не вадымет Ясон:

Было оно в чаще,

И держали его насытые челюсти змея,

Который вдоль и втолць 245

Был громадней корабля в пятьдесят лопастей,

Сколоченного железными ударами...

11 э. Долго мне катить по торному пути,

А час мой смыкается;

Но ведома мне и короткая тропа,

Ибо умудрен я превыше многих.

Слушай, Аркесилай!

Он убил дракона умением своим,

Змея с серым глазом, с пестрой спиной,

Он умкнул Медею по охоте ее 250

На погибель Пелию;

И вмешались они в зыбь Океана,
В Чермное море
И в племя мужеубийственных лемносских жен,
Где и был спор тел, состязающихся за ткань,
12 с. И брачный союз.

Вот они, те дальние пашни,
Которым суждено было в некий день и в некую ночь
Принять семя 255
От луча твоего довольства,
Ибо, там укоренившись,
Племя Евфама просияло на веки веков,
Чтобы в должный срок,
В доле с лакедемонскими мужами,
Выселиться на остров, еще звавшийся Каллистой,
С которого простер тебе Аполлон
Ливийские доли,
Чтобы множился в почести от богов 260
Тот, кому дано
Править божественный город золотопрестольной
Кирены

12 а. Прямотою разума своего,

Познай же Эдипову мудрость!
Если мощному дубу
Все ветви снесет секущий топор,
Опозорив дивный его облик,—
То и бесплодный он постоит за себя въяве, 265
Если грозовой огонь роком низринется на него
Или если встанет он державными колоннами
И примет, прям,
Нелегкое бремя в чужих стенах,
Вдали от родного леса.

- 12 а. Ты — пасущнейший меж врачевателей, 270
 И Пеану дорог свет твоих дней:
 Лишь мягкие руки улелеют рану.
 Нетрудно и слабому сотрясти свой край;
 Но утвердить его вновь — это долгая борьба,
 Если бог для вождя не кормчий.
 Ткань этой благодати ткется тебе: 275
 Решись,
 Обложи своей заботою счастье Кирены!
- 13 с. Сдумавшись, соблюди Гомерово слово:
 «Дельный вестник —
 Всякому делу великая честь».
 Правую вестью и Муза возвеличена.

- Ведомо Кирене,
 Ведомо знаменитому Баттову чертогу 280
 Праведное предсердие Дамофила,
 Меж юных — юн,
 А в совете — столетний старец,
 Он укоротил злословию яркий его язык,
 Он выучился
 Дерзких — ненавидеть,
 13 а. С добрыми — не тягаться 285
 И к дальним свершениям — не тянуть:
 Ибо случаю людскому — недолог срок,
 Это познано,
 И он ему — верный служитель, а не беглый раб.

Молвится не зря:
 «Горше нет, чем знать, где добро, а неволиться
 прочь».
 Вдали от земли отцов, 290
 Вдали от наследных уделов
 Это поборают небо новый Атлант —

- Но нетленный Зевс милует и Титанов,
Ветер стих —
Время сменить паруса.
13 а. Единое у него обетование —
Исчерпавши пагубу немощи,
Увидеть свой дом,
Чтобы на пиру над истоком Аполлона
Выпростать душу свою для юности, 205
С умелой лирой меж разумных граждан
причаститься покоя,
Никому не в ущерб,
Ни от кого не терпя.
И тогда-то помянет он поток бессмертных речей,
Открывшийся ему для Аркесилая в гостеприимных
Фивах.



5. «Батт»

*АРКЕСИЛАЮ КИРЕНСКОМУ
и его вознице Карроту, сыну Алкисибия,
на победу в колесничном беге,
чтобы петь на Карнейском правднике.
Год — 462.*

- 1 с. Неохватна сила богатства,
Если муж, принявший его от судьбы,
Сочетает его с чистейшей доблестью,
Попутчиком дружелюбия. 5
Вслед чете их
От первого рубежа твоих лучших лет
Ты стремился со славою,
Аркесилай,
Дольщик богов,
И был над тобою Кастор на золотой колеснице, 10

После бурь и дождей просветляющий небо над
блаженным твоим очагом.

1 а. Боги даруют мощь,
Мудрые умеют красиво ее выносить.
Ты шествуешь в правде,
И великое обилие вокруг тебя:
Ты — царь больших городов, 15
Они — честь уму твоему, зеница рода твоего; 20
Ты — счастливец этого дня,
Он прицес тебе конным бегом желанную
Пифийскую славу

В шествии мужей,
d а. Отраде Феба.
И пока звенят они о тебе
По сладким садам Киренской Афродиты, —
Ты помни, что бог — начало и верх всего, 25
Ты помни, что Каррот — любезнейший меж
ближних твоих.

В дом Баттиадов, правящих правдой,
Он вошел не с Повинною, дочерью позднего ума, —
Нет: лучшую из колесничных честей 30
Возложил кастальский гость на кудри твои,
2 с. Обскакав двенадцать раз вокруг священных оград:
С нервущимися вожжами,
С невредимую силою кузова,
Во всем уборе, снаряженном первыми
умельцами, 35
Променил он Крисейский холм
На полую долину бога, —
И ныне та снасть — в кипарисовом доме, 40
При кумире из цельного ствола,
От лучников-критян

Вверенном парпасскому крову.

2 а. Благого вершителя

Как не приветить доброхотным сердцем?

Сын Алексибия,

45

Тебя осияли прекраснокудрые Хариты;

Счастливец,

За великий свой труд обрел ты памятник

славящих слов;

А ведь меж сорока возниц,

50

Павших, удержал ты колесницу недрогнувшим

духом,

Чтобы ныне предстать от блистательной гоньбы

К равнинам Ливии,

К городу предков.

2 в. От сужденных трудов

Никто не избавился, никто не избавится.

Но древнее счастье Батта,

55

Твердыня града, сияющее око для

странников,

Бодрствует вслед потомкам пад будущим, как над

бывшим.

Это он

В бегство бросал тяжко рычащих львов,

Выходя к ним с заморским словом,

Ибо Феб-начинатель обымал их ужасом,

60

Чтобы не минуло безысходно

Вещание его киренскому царю.

3 с. Феб для мужей и жен

Уделяет целение в тяжких недугах;

Феб угодному своему

65

Дарит лиру и Музу, влагает миролюбивую

праведность;

- Феб блюдет пещеру пророчеств,
 Откуда мощные отпрыски Геракла и Эгимия 70
 Выступили жить
 В Спарту, в Аргос и к божественному Пилосу;
 А из Спарты и моя звенит милая слава, —
- 3 а. Ибо не оттуда ли праотцы мои Эгиды 75
 Отплыли на Феру,
 Водимые Долей, покорные богам?
 И не оттуда ли прицвав завет складчины над
 жертвами,
 Твой Карнейский праздник, Аполлон, 80
 Мы величаем на этом пиру
 Крепко воздвигнутую Киреву?
 Держат ее Антенориды,
 Троянские гости о медных клинках,
 Пришли они за Еленою,
 Увидевши родину обращенной в дым
- 3 а. От Ареса; и конное их племя 85
 Читется в жертвах мужей, пристунающих к ним
 с дарами,
 Мужей, приведенных Лучшим из совершителей,
 Который вскрыл
 Путь быстрым ладьям сквозь морскую соль,
 Подарил богам священные дубравы
 И для спасительных шествий Аполлона 90
 Вымостил прямоходную дорогу топоту коней,
 Где и мертвым он лег на окраине площади,
 Блаженщый меж людей, священный им ныне; 95
 А иные цари, залученные Аидом,
 Чтятся от него поодаль перед дьорцами их,
 За великие свои доблести
 Ублажаемые мягкой росой
 Шественных возлияний,
 И слышат подземным слухом

Счастье свое и благодать,
В которой заслужил быть их общником
Сын их Аркесилай.

- Пусть же Аркесилай
В хоре юных прославит Феба и золотую лиру
- 4 а. Милой песней 105
Красной мздой пифийских победных трат!
Он крепок хвалой разумных,
А слова их — вот:
Ум и язык его — превыше лет; 110
Отвагою он — орел, ширяющий среди птиц;
Сила его — оплот в борьбе;
С материнских лет он крылат меж Муз 115
И умелец меж колесничных гонщиков.
- 4 в. Сколько лучшего ни стекается в его край,
Он дерзает на все.
И как ныне бог блюдет его свершения,
Так и впредь,
Блаженные Крониды,
Дайте ему сил по думам и по делам его, 120
Чтобы ветер зимы,
Вздохом пожирающий плоды,
Не увял бы его срок.
Мощный дух Зевса —
Кормчий при демоне тех, кто ему любезен;
И я молюсь:
Пусть и в Олимпии пошлет он победную честь
Племени Батта,



6. «Антилох»

*КСЕНОКРАТУ АКРАГАНТСКОМУ,
брату Ферона, отцу Фрасибула, из рода Эмменидов,
на победу в колесничном беге.
Год — 490.*

- 1 с. Слушайте меня!
Вспахивая пашню Харит,
Вспахивая пашню круглоглазой Афродиты,
Я шагаю
Туда, где пуп гулко грохочущей земли,
Туда, где клад песен о Пифийских победах 5
Ждет обильных Эмменидов от речного Акраганта,
Ждет Ксенократа
Средь многого золота Аполлоновых дубрав.
- 2 с. Ни буревые ливни, 10
Недобрым полчищем рвущиеся из туч,
Ни вихрь
Всеуносящим смерчем не втопчет его в провалы
морей.
Явленный в ясном свету,
Лик этих песен откроет людской молве
Славу колесничной победы
Отца твоего, Фрасибул, и рода твоего 15
В долине Крисы.
- 3 с. Об руку с той победой
Вершишь ты прямой урок 20
Сына Филиры сыну Пелея,
Широкому силой, сирому без отца
В горном краю —
Выше всех богов чтить Кронида,
Тяжкого правителя молний и громов, 25
И ту же честь
Возносить родителям, пока длятся их дни.

- 4 с. В давние дни не с этим ли шел заветом
Сильный Антилох
Пасть за отца
Пред смертоносным Мемноном, воеводою
эфиопов? 30
- Раненный от Парисовых стрел,
Конь удержал колесницу Нестора;
Настигаемый мощным копьем,
Выкрикнул сыну мессенский старец смятение
свое; 35
- 5 с. И не в прах покатались его слова —
Не дрогнув,
Смертью купил отчий возврат божественный сын,
Лучшим бойцам из древних родов 40
Явив громадою подвига
Вышнюю о родителе доблесть.
- Так было;
Так и пыне,
Правя шаг по отческому уставу, 45
- 6 с. След в след брату своего отца,
Просиял Фрасибул.
Он разумен в богатстве,
Он срывает в юности не кривду и спесь,
А мудрость Пиерийских теснин,
И тебе он верен в пылу конского приступа, 50
Сотрясающий землю Посидон!
Ум его тебе люб,
А душа его меж застольных бесед
Слаще долбленого пчелиного труда.



7. <«Афины»>

МЕГАКЛУ АФИНСКОМУ,
ИЗ РОДА АЛКМЕОНИДОВ, ИЗГНАННИКУ,
на победу в колесничном беге.
Год — 486.

с. Державные Афины —
Лучший зачин
Воздвигаемым песнопениям
Конному роду могучих Алкмеонидов.
Какое отечество, который дом
Назову я виднее в эллинской молве?
Город городу говорит о них,
О сынах Эрехфея, для тебя, о Аполлон, 10
Дивную воздвигших обитель у божественного
Пифона.

Влекут меня пять истмийских побед
И та, олимпийская, отменная перед Зевсом, 15
И эти две, что при Кирре, —
Твои и твоих отцов победы, Мегакл!
В радость мне новое благо твое,
В горечь мне — зависть, награда лучших дел;
Вон истину говорят: 20
Счастье, которое долго в цвету,
И добром и злом лежит на осчастливленных.



8. «Алкмеон»

*АРИСТОМЕНУ ЭГИНСКОМУ,
сыну Ксенарха из рода Мидилидов,
на победу в борьбе.
Год — 446.*

- 1 с. Тишина,
Благосклонная дочь Правды,
Возвеличивающая города,
Блудущая ввыси затворы войны и думы,
Направь к Аристомену 6
Эту почесть пифийских побед!
В должный час
Ты умешь кроткое творить и кроткое любить;
1 а. Но кто впустит в сердце неласковый гнев, 10
Тем круто встанешь ты поперек вражде,
Спесь их низвергнув в бездну.

Этого не ведал Порфирион,
Вызов свой бросив вперекор судьбе, —
А ведь прибыль мила лишь от рук
доброжелателя,

- 1 а. А ведь сила в свой срок обманет и 15
надменного.
Познал это и киликийский Тифон о ста черепах —
Как и царь исполинов,
Пал он от грома и от стрел золотых
Аполлона,
Ныне склонившегося духом благим
К сыну Ксенарха
В пути его от Киры
В парнасском венке под дорийскую песнь. 20

- 2 с. Не отвержен Харитами
Этот остров праведного города,

- Зпатный причастник доблести Эакидов:
 Изначальню совершенна слава о нем.
 Многими он воспет,
 Вскормивший героев,
 Победителей состязаний и быстрых битв,
- 2 а. Гражданами знаменитый, —
 Мне же недосуг
 Долгую речь
 Лире вверять и нежащему слову,
 Ибо жестко подступает пресыщение.
 Стань моим бегом мой долг —
 Это младшее из лучших твоих дел,
 О юноша, крылатый от рук моих!
- 2 а. В схватках ты шагал за братьями матери, 35
 Ты не посрамил олимпийца Феогнета,
 Ни храброго победным телом Клитобаха
 истмийского,
 Ты умножил отчипу Мидилидов,
 И за то на тебе —
 Слово, загаданное Оикловым сыном
 В оные дни у семивратных Фив 40
 Пред битвой сынов, незыблемых между копий,
- 3 с. Новородных,
 Проторивших из Аргоса повторный путь.
- А молвил он так
 Пад бьющимися:
 «От породы
 Блещет в рожденных знатная отвага родителей.
 Вижу: Алкмеон 45
 Первый пасет перед Кадмовыми воротами
 Пятнистого змея на жарком щите;
- 3 а. Вижу: от тягот прежней страды
 К выше окрыленному воспрянул знамению 50

Доблестный Адраст,
Но недоброе ждет его в доме:
Единый он из воинства дапаев
Согнется над костями павшего сына
Прежде, чем боги
Дадут ему с невредимым его людом
Возвратный путь

- 3 э. К просторным Абантовым поприщам». Таково Амфиараево слово.

55

И ныне, ликуя,
Вскяну я на Алкмеона зеленый венок,
Брызну я на Алкмеона песнею.
Ибо мне он сосед и добра моего страж,
Ибо предстал он мне
На пути сюда, где славимый цуп земли,
Ибо причастник он
Сродного ему ведовского умения.

60

- 4 с. Ты, пускающий стрелы вдаль,
Ты, пасущий в пифийских складках
всеприемлющий храм,
Ты, податель высочайшей из радостей,
Ты, принесший победителю и в доме его на
празднествах твоих
Хищный дар пятиборья,
Владыка,
Молю:

- 4 а. Опустит доброхотный взор
На ладную песнь,
На все, что вывел я о каждом подвиге!
Правда сама
Соприсуща этим песенным шествиям.
Божьи заботы

Да пребудут нетленны над вашею судьбою,
Ксенарх!

Кто насытился добром не в долгом труде,
О том говорят неразумные:

4 в. «Он мудр: крепка его жизнь, как пряма его
мысль». 76

Но не в людской это силе:

Божество

Мечет счастье с высот тому ли, этому ли,

А иного и низводит прениже рук.

Но мегарская награда — твоя.

Марафонская победа — твоя,

И три одоления во славу Геры твоей земли —

Воистину твои, Аристомеи! 80

5 с. На четверо тел

Пал ты свыше и не по-доброму:

Не сладостный, как тебе,

Сужден им возврат от Пифона,

И не вздымется радостью сладкий смех, 85

Когда встанут они перед матерью, —

Закоулками прячутся они от врагов,

Угрызаемые сбившимся.

5 а. Дольщик свежего счастья

В неге широких надежд

Возносится, окрыляясь мужеством, 90

И заботы его — превыше богатств.

В малый срок

Возвеличивается отрада смертных,

Чтобы рухнуть в прах,

Потрясшись от оборотного помысла,

5 в. Однодневки, 95

Что — мы? что — не мы? Сон твоя —

Человек.

Но когда от Зевса нисходит озарение,
То в людях светел свет и сладостен век:
Мать Эгина,
Дай же всюду сынам твоим вольный путь,
И да будут при них
Зевс,
Мощный Эак,
Добрый Теламон с Пелеем
И Ахилл.

100



9. «Кирена»

*ТЕЛЕСИКРАТУ КИРЕНСКОМУ,
сыну Карнеада, на победу в беае при оружии.
Год — 474.*

¹ с. Пифийского победителя о медном щите,
Милостью глубоко подпоясанных Харит,
Хочу я прокричать Телесикрата,
Обильного мужа,
Венец Кирены, гопительницы коней, —

Той Кирены, 6
Которую из гудящих ветром впадин Пелиона,
Дикую деву,
Похитил Феб с золотых колес,
Чтоб владычить ей там, где обильными стадами
и плодами
Расцветает третий корень бескрайней милой земли.

¹ а. Сереброногая Афродита 10
Вышла навстречу делийским гостям,
Взявшись за слаженную богом колесницу

- Легкою рукой;
 Милый стыд принесла она к сладкому их ложу,
 Общйй брак смешала она меж богом и дочерью
 Мощного Гипсея,
 Царя оружных лашифов,
 Третьего в роду от Океана, —
 А его в славных складках Пипда 15
 Родила, возрадовавшись о ложе Пеноя,
 Няяда Креуса,
 1 в. Дочь Земли.
 Это он вскормил Кирену, чьи локти сильны,
 И не любила она ни возвратный бег челнока по
 станку,
 Ни радость пиров средь верных друзей, —
 Нет: меч и дрот 20
 Медный обрушивала она на лесных зверей,
 Мирный покой добывая для отчих стад,
 И мало высккивал с ее век перед зарей
 Сладкий наложник — сон. 25
- 2 с. В безоружном одноборстве с тяжелым львом
 Застиг ее
 Дальний стрелец с широким колчаном,
 Аполлон;
 И так он выкликнул Хирона из покоев его:
 «Выйдя из святых пещер, сын Филиры, 30
 Подивись на женскую мощь и дух,
 Как юная бьется, не дрогнув лбом,
 Сердцем осиливая усталъ,
 В душе не обуреваемая страхом!
 Кто родил ее? Отсевком какого сева
 2 а. Она держит убежища тенистых гор?
 Силу она вкушает безмерную! 35

Праведно ли поднять на нее громкую мою руку,
Праведно ли с ее ложа сорвать медовый цветок?»

И ярый кентавр,
Усмехнувшись из-под добрых бровей,
Отозвался таким ему советом:
«Умному Зову
Тайные вверены ключи
Святых ласк.
И богам и людям
Стыдно у всех на виду
Мить первины сладкого ложка, —
Оттого-то тебя, кто не властен лгать,
Медвяный пыл
Понуждает к притворному слову.
Откуда ее род,
Спрашиваешь ты, владыка?
Спрашиваешь ты, кто знаешь
Предел всех путей и цель всех вещей, 45
И сколько вешних листков брызжет из земли,
И сколько песчинок клубят моря и реки меж
вихрей и волн,
И все, чему быть, и откуда быть?
Но уж если тягаться мне с мудрым, 50
3 с. То слово мое — вот:

Ты пришел сюда быть ей мужем,
Ты умчишь ее за море в избранный Зевсов сад,
Ты поставишь ее владычицею города,
Где надравниный холм привял люд с островов.
И державная Ливия, край широких лугов,
По-доброму примет в золотом доме твою славную
нимфу,
И будет ей жребий — взять эту землю в дар,

Не бесплодную порослями, не беззатную
живностями,

- 3 а. И родит она дитя, которое светлый Гермес
От милой матери
Умчит к престолом Земли и Времен. 60
На колени приняв младенца,
Увлажняют они ему губы нектаром и амвросией,
Поставят его в бессмертии Зевсом и Аполлоном,
В отраду ближним, в охрану стадам —
И за то назовут его Помием — пастырем и Агрием —
ловчим, 65
А за это — Аристеем, лучшим из всех».

- Это сказав,
Побудил он Феба к сладостному браку.
3 в. Быстр божий труд, краток божий путь:
В тот же день устроился брак
В терему золотой Ливии,
Чтобы править ей там городом,
Лучшим в красоте, ведомым в борьбе. 70

Так и теперь,
У трижды святого Пифона
Сын Карнеада
Сочетал Кирену с цветущей Удачей:
Он явил Кирену в победе своей,
И она его примет, благосклонная,
В отчий край, где прекрасны женицы,
Ибо несет он из Дельфов вожделенную славу. 75

- 4 с. О великом речь — всегда велика;
Краткость расцветив — знатока потешишь;
А знать свой час — превыше всего.
Видели семивратные Фивы:

Знал свой час Иолай,
Когда отрушил он лезвием голову Еврисфея
И был варыт,
Где лег и праотец его, колесничник Амфитрион,
Гость кадмейских спартов, ристателей белых
кошей,

4 а. Которому умная Алкмена
От него и от Зевса
Родила в одни роды двух необорных
близнецов. 85

Но какой глупец не обратит уста свои к Гераклу,
Не помянет Диркейскую струю,
Вспойвшую и его и Ификла?
Мне же петь их по добром исходе каждой мольбы.

Да пребудет со мною
Чистый свет авенящих Харит!
Я говорю:

И на Эгине,

И на Нисейском склоне

Трижды прославил он этот город,

4 а. Трудом избежав безмолвного бессилия.

Пусть же ни единый из сограждан,

Ни друг, ни враг

Не темпит молчанием добрый труд, что принят за
всех,

И не рушит завета морского старца, —

А завет таков: 95

«Хвали и врага за красивые дела

Всем сердцем, и будешь прав».

Недаром, Телесикрат,

Глядя на многие одоления твои,

Девушки молча молят

Каждая себе такого мужа или сына, 100

На урочных ли празднествах Паллады,
 5 с. На олимпийских ли,
 На тех ли, что в честь широкогрудой Земле,
 На несчетных ли в твоей родине.

Утолена моя песенная жажда,
 Но иная некая древняя слава движет меня
 Это долг
 Разбудить память прародителей твоих, 105
 Что сошлись под город Ирасу о ливийской жене,
 Что сватались к дочери Антея
 За прекрасные ее кудри, за добрую ее славу.
 Много было лучших из соплеменных,
 Много притязало из чужеродных,
 Ибо видом была она чудо,

5 а. И на цветущий плод златоувенчанной ее Юности
 Льстился каждый жнец. 110
 Но к славнейшему браку растил ее отец:
 Слышал он, как Дапай для сорока восьми дочерей
 Быстрого брака достиг в Аргосе в предполуденный
 час,

Выведа хор их к рубежу борьбы,
 Спором ног повелев решать, 115
 Которая — кому из сошедших в зятья.

5 в. Так и ливиец
 Выбрал жениха по певесте:
 Он поставил ее во всем уборе ее
 Целью у предельной черты,
 Он сказал, что уведет ее тот,
 Кто первым домчится коснуться ее одежд; 120
 И тогда-то Алексидам,
 Вырвавшись в быстром бегу,
 Милую деву взял рукою за руку
 И повел сквозь козные толпы номадов.

А они им сыпали листья и несли вепки,
Ибо крылья многих побед
Бились у него за плечами.

125



10. «Персей Гиперборейский»

*ГИПНОКЛУ ПЕЛИННЕЙСКОМУ,
СЫНУ ФРИКИИ,*

*на победу в двойном беге среди мальчиков,
по просьбе Форака Фессалийского из рода Алевадов.
Год — 498.*

- 1 с. Счастлив Лакедемон,
Блаженна Фессалия,
Ибо царствует над обоими
Порода единого отца,
Лучшего в битвах —
Геракла.
Некстати ли моя похвала?
Это Пифон, это Пелинна, это Алевады
Зовут меня вывести песенную славу
Навстречу Гипноклу на праздничном его пути.
- 1 а. Вот он вкусил от борьбы,
И вот он назван
От всех окрестников Парнасских теснин
Высшим меж дважды бежавших отроков.

Аполлон!

10

Если от бога дана человеку сладость начал и
концов, —

От тебя в нем — свершение,
От породы в нем — вступление на отцовский след.

- 1 э. Дважды победный в олимпийской Аресовой броне,

Победил и в споре ног на лугу под скалою Кирры ¹⁵
Отец его Фрикий, —

Будь же Доля снутницей им и впредь,
Расцвети она им мощным богатством!

2 с. Необделенные дольщики эллинских услад,
Да не встретят они оборота божьей зависти: ²⁰
Будь к ним незлобен бог!

Счастлив тот в песнях умельцев,
Кто одолением рук и доблестью ног,
Мужеством и мощью

Взял лучшую из наград,
И кто живыми глазами видел жребий отрока
своего, ²⁵

Стяжавшего пифийский венок.

Медное небо

Не откроется перед ним, —

Но что прикосновению для смертного племени,

В том исплавал он блеск до предельных берегов.

Но ни вплавь, ни впешь

Никто не вымерил дивного пути

К сходу гипербореев — ³⁰

2 а. Лишь Персей,

Водитель народа,

Перестушил порог их пиров,

Там стожертвенным приношением богу

закалывались ослы,

Там длащимся весельям в хвалебным словам

Радуется Аполлон, ³⁵

И смеется на ослиную встающую спесь,

3 с. Не чуждается их права и Муза:

Хоры дев, звуки лир, свисты флейт

Мчатся повсюду,

Золотыми лаврами сплетены их волосы,

И благодушен их пир.
Ни болезни, ни губящая старость
Не вмешиваются в святой их род.
Без мук, без битв

- 3 а. Живут они, избежавшие
Давящей правды Немезиды.
Смелостью дыша,
Это в их счастливые сборища
Шагнул, предводимый Афиною,
Сын Данаи.
Он убил Горгону,
Он принес островитянам
Ту голову, пеструю змеиною гривой, —
Каменную смерть.
- 3 в. И дивному вера есть, коль вершитель — бог.

45

- Повороты кормило!
Врежь якорь в сушу, спасенье от скал!
К иному летит краса песни моей,
Как пчела к цветку от цветка.
- 4 с. Эфирейцы,
Над Пенеем разливая сладкий мой зов,
Пусть еще и еще возвеличат
Дивного Гиппокла,
Увенчанного меж смертных,
Старым на радость, девушкам на заботу.
Разная разным тревожит душу страсть, —
- 4 а. Но к чему кто рвется,
Тому будь добытое в насущную радость,
А что будет через год, того не прозреть.

60

Я же верю в Форака, доброго гостеприимца:
Это он, пекущийся обо мне,
Впряг четверню в колесницу Пиерид,

65

- Любящего любя, правящим правя по-доброму.
4 э. Проба явит золото на пробном камне —
Проба явит и прямизну ума.
Прославим же достойных братьев,
Упрочивших и возвысивших фессалийский
устав! 70
- Ибо отчина лучших —
Кормчее правление городов.



11. «Орест»

ФРАСИДЕЮ ФИВАНСКОМУ
*на победу в бегах на стадий среди мальчиков,
чтобы петь в Фивах, в святилище Исмения.*
Год — 474.

- 1 с. Дочери Кадма —
Ты, Смела, попутчица пебожительниц,
И ты, Ино, — белая богиня в терему Нереид,
Рядом с матерью лучшего из сыповей —
Геракла,
Сойдите к Мелии,
Сойдите в храм, где неприступны золотые
треножки!
- Это он, перед всеми чтимый Локсисем,
1 а. Посящий имя Исмения,
Истинный престол прорывающих,
Это он вас ныне созывает в сонм,
Дочери Гармонии, равные в чести,
Чтоб на этом пределе вечера
Прозвенеть вам о святой Правде и о Пифоне, где
правосудный пуп земли, 10

- 1 в. Воздать хвалу семивратным Фивам и спору при
Кирре,
Где напомнил мне про родной очаг,
На который он вскинул третий венок,
Фрасидей,
Победив на тех тучных пажитях, 15
Где принял Пилад Ореста Лаконского.
- 2 с. А Ореста
Из горючего коварства сильных Клитемнестриных
рук
Вынесла Арсиноя-кормилица,
Когда вслед душе зарезанного Агамемнона
Дарданийскую деву, Приамову Кассандру 20
Белою медью на темный Ахеронт
- 2 а. Погнала безжалостная жапа.
Ифигения ли,
Заколотая над чуждым Еврипом,
Разожгла в ней гнев, чья ладонь тяжела?
Новое ли ложе
Укрощеньем ночным свело ее с пути? 25
Женская вина тяжела,
- 2 в. И не скрыть ее от чужих языков:
Злоречив город.
Большому счастью — большая зависть:
Скрытым ропотом дышит прах, 30
Так пал в свой час
Сын Атрея в знаменитых Амиклах,
- 3 с. Так сгубил он вещью деву,
За Елену
Вырвав из неги горящий Илион.
Но Орест,
Юный лбом гость старого Строфия, 35
Жильца Парнасских отрогов,

Поздним Аресом
Смертью настиг и мать свою и Эгисфа.

- 3 а. Увело меня, друзья мои,
С прямых путей на изменчивые распутья,
Снесло меня ветром,
Как пробивающуюся сквозь море ладью. 40
Муза моя,
Если голос твой сдан внаем,
Пусть он разное шумит, посеребрянный,
- 3 а. Но теперь пред ним —
Лишь отец ли Пифоник, сын ли Фрасидей,
Чья двойная блещет радость и слава! 43
В давней победе добрых колесниц
Настигли они вскачь
Быстрый луч олимпийского громкого одоления —
- 4 с. И сойдя к Пифону,
В голом беге
Обошли они легкостью эллинское воинство. 50

- Благу от бога я радоваться рад,
Но в годы мои выискую посильного.
Вижу я: в городе, который цветет,
Среднее счастье — прочнейшее.
Жребий самовластья противен мне,
- 4 а. Общие доблести — желанны.
Тому не опасна зависть,
Кто, высшего достигши, пасет его в тиши, 65
Чуждый губящей спеси;
И черная смерть
Красна ему будет у предела его,
Ибо оставит он сладкому племени своему
Крепчайшее из благ —
Милость доброго имени.

- 4 э. А не тем ли прославлены в песнях
Сын Ифikle — Иолай,
И Касторова мощь, и ты, владыка Полидевк,
Божьи сыны,
Переменные обитатели престолов Ферарны
И Олимша?



12. «Горгона»»

*МИДАСУ АКРАГАНТСКОМУ,
победителю на флейте.
Год — 490.*

- 1 с. Услышь мою мольбу,
Богиня блеска,
Лучшая из обителей людских,
Гостеприимница Персефоны,
От крепкого холма
Пасущая паству над Акрагантом,
Владычица,
Милостиво прими
Пифийский этот венок
Мидаса, осененного славою,
Любимца людей и богов,
Победившего Элладу
В том умении,

6

- которое выплела некогда Паллада
Из смертного стона дерзостных Горгон,
2 с. Слыша, как изливался он
В страдной муке
От девичьих уст и змеиных неподступных уст
В час, когда Персей

10

Повершил третью из сестер,
Чтобы роком настичь приморский Сериф и народ
Серифа.

Да: ослепил он
Божественную породу Форка,
На погибель обернул он Полидекту пир его,
И тесное рабство, и насильное ложе матери, ¹⁵
Ибо взял он голову Медузы с прекрасными щеками,
3 с. Сын Дапай,
Рожденный от льющегося золота.
И тогда-то, отведа от трудов
Дорогого ей витязя,
Девственница выстроила флейту, разноголосую
снасть,
Выведа орудием стоп ²⁰
Скрежещущий, вырванный из быстрых челюстей
Евриалы.

Что далось богине, то дала она людям,
Запечатлевши именем: многоглавая песнь.
В славное напоминание о зовущей борьбе
Рвется та песнь сквозь тонкую медь и трость, ²⁵
Из Кефисской ограды любовавшуюся хороводами
Красного хороводами города Харит.

Если есть меж смертными счастье —
Оно за трудами;
Только богу под силу вложить его в единый лишь
день. ³⁰
От сужденного не уйти:
Разящий час непредвидимости
Нежданное подарит, а жданного не пошлет.



НЕМЕЙСКИЕ ПЕСНИ

1. «Геракл-младенец»

*ХРОМИЮ ЭТНЕЙСКОМУ,
сыну Агесиды, на победу в конном беге.
Год — 476 (?)*

- 1 с. Вадох державный Алфея,
Ветвь прославленных Сиракуз,
Ортигия,
Колыбель Артемиды, сестра Делоса,
Тобою хочет начать
Сладостная песня моя 6
Хвалу коням, чьи ноги — как буря,
И славу Зевсу Этнейскому.
Это Немейя,
Это Хромиева четверня
Зовет меня впрячь мой голос
В песнь о подвигах его побед.
- 1 а. Подпожье славы — от богов
И от дивных доблестей мужа;
Навершь славы — успех: 10
Муза рада гласить о великих победах.
Осыпь же блеском
Этот остров,
Который Зевс, владыка Олимпа,
Даровал Персефоне,
Обещав мановеньем кудрей
Тучную землю многоплодной Сицилии
- 1 э. Увенчать вершинами изобильных городов; 15
И приставил к нему Кронион

Народ, обрученный с войною,
 Конный, с копьями, вкованный в медь,
 Не раз срывавший
 С олив Олимпии золотую листву.

Много прошел я прямых путей,
 Не задовши лжи.

- 2 с. И вот я стою пред дверью
 Мужа, славного гостеприимством. 20
 Лучшая песнь на устах моих.
 Щедрый пир в дому ожидает меня —
 Здесь не внове чужездные странники;
 А на хулителей есть добрые люди,
 Водой заливающие дым.
 У каждого свое ремесло — 25
 Выбери лишь верную дорогу,
 И природа вооружит тебя в бой.
- 2 а. В деле властвует сила,
 В совете — провидящий ум,
 Если сила и ум — наследные.
 Сын Агесидама,
 Тебе дано
 И то и другое на выгоду. 30
 Не мило мне богатство,
 Утаенное в покоях дворца:
 Там, где оно есть —
 Пусть оно будет в радость,
 Пусть оно будет в помощь друзьям,
 Ибо в ногу идут мужские надежды с мужским
 трудом.

- 2 э. Для меня же превыше всего —
 Геракл,
 Но из великих его подвигов
 Трону я древний сказ,

- Как сын Зевса,
 Едва из утробы матери, 33
 Минував родовые муки,
 С близнецом своим братом явился свету,
 3 с. Как, спящего в шафрановой пелене,
 Гера увидела с золотого трона
 И, вздувшись гневом, 40
 Змей на него ринула царица богов.
 Сквозь разъятые двери
 В недра просторного покоя скользнули они
 Стиснуть младенцев быстрыми челюстями.
 Но он поднял голову им навстречу,
 Он простер неодолимые руки к первому бою,
 3 а. Сжал шею обсих змей 45
 И долгим удушьем
 Выдохнул жизнь из несказуемых тел.
 Непереносимый страх
 Обрушился на прислужниц у ложа Алкмены,
 А сама она, 50
 Необутая, не одетая,
 Вскинулась с ложа навстречу напору чудищ;
 3 в. Вожди кадмейцев
 Ворвались толпою, одетые в медь;
 Амфитрион,
 Потрясающий обнаженным клинком,
 Предстал разить язвящее бедствие,—
 Ибо своя напасть всякому страшна,
 А чужая пролетает над сердцем, не
тропувши,—
 4 с. Но застыл, 55
 В изумлении, слившем ужас с радостью:
 Сверхчеловеческую
 Увидел он смелость и силу сына —
 Речи вестников несчастья

Волею бессмертных обратились вспять.

- И тогда призвал он ближнего своего, 60
Правогадателя Тиресия, первого меж
 пророками высшего Зевса,—
И тот поведал пред ним и пред воинством,
С какими сын его померяется судьбами,
4 а. Скольких на суше,
Скольких на море умертвит он немирных чудовищ,
И кого из людей 65
На кривой дороге гордыни
Настигнет его жестокая казнь;
И о том,
Как в равнинной Флегре
Гиганты, восстав войной на богов,
Под ударами его стрел
С прахом смешают сияющие свои кудри,
4 а. Поведал Тиресий;
И о том, как мирный и неизменный 70
Обретет он покой от великих своих трудов,
Несравненного удостоясь воздаяния —
В блаженных чертогах
Цветущую Гебу примет он на ложе свое,
И на брачном пиру
Пред Зевсом Кронидам
Восславит его державный закон,



2. ТИМОДЕМУ АХАРНСКОМУ

с Саламина, на победу в разборе.
Время — до 480 или после 464?

- 1 с. Как Гомериды,
Певцы сочлененных песен,
От Зевса начинали речи свои,—
Так тот, кого мы поем,
Заложил основанье побед своих на священных
играх
В многократно воспетой роще Зевса Немейского.⁹
- 2 с. Но ему еще суждено,—
Если век поведет его прямою тропой отцов ко
славе великих Афин,—
Не раз срывать прекраснейший цвет на Истме,
Не раз торжествовать у Пифона,—
Ему, сыну Тимоноя. 10
- 3 с. Где прошли горные Плеяды,—
По пятам пройдет и Орнон.
Саламин умеет растить ратоборцев —
Это Гектору в Трое возвестил Аянт.
О Тимодем!
Сила твоя, испытанная борьбой, возвеличивает
тебя, 15
- 4 с. Издревле
Славились Ахарны добрыми мужами;
И всегда в хвалах победителям
Тимодемиды именовались превыше всех.
Возле царственных высей Парнаса
Четыре победы унесли они с состязаний;
От коринфских мужей
- 5 с. В долине доблестного Пелопа
Восемь венков возложили они на чело;

На родине их победы превосходят число и счет;
А Немея подарила им семь
На играх Зевса.

Прославьте же Зевса,
Вы, сорпутники Тимодема
В славном его возвратном пути,—
И да будут ему сладостны громкие вапи
голоса! 25



«Ахилл»

*АРИСТОКЛИДУ ЭГИНСКОМУ,
сыну Аристофана, на победу в разнорье,
чтобы петь на Фларийском празднике в Эгине.
Год — около 475.*

1 с. Царица Муза,
О мать наша,
Заклинаю тебя:
В священный месяц Немен
Низойди на гостеприимный остров дорян —
Эгину,
Ибо там над водой Асопа
Ждут тебя юноши,
Строители песен, сладких, как мед,
В жажде твоего голоса.
Разное о разном томится,
Но победа в играх
Любит песню превыше всего,
Песню надежную спутницу
Подвигов и победных венков.

1 а. Исторгни же из мысли моей
Песню изобильную!

Воздвигни громкое славословие
Владыке многооблачного неба, 10
Которому ты дочь;
А я приобщу его
К лире и юношеским голосам.

Любезный труд
Ожидает красу того края,
Где некогда обитали мирмидоняне,
Чью древнюю славу
По милости твоей 15
Не занял позором Аристоклид,
Обессилев в многоборье состязания:
1 а. От истомляющих ударов
Целящее зелье —
Славная победа среди широких немейских равнин
Сын Аристофана,
Лицом он красив,
Дела его подстать красоте,
И если высшей достигнет он доблести, — 20
Нелегко проплыть еще далее
В неисходную зыбь
За теми Геракловыми столпами,
2 с. Которые воздвигнул герой и бог
Славными свидетелями предельных своих
плаваний,
Укротив по морям
Чудовищ, чья сила непомерна,
Испытав глубинные течения,
Принесшие его к концу всех путей, 25
Где указаны им грани земные,

Но к каким, душа моя,
Чуждым рубежам обращаешь ты мой челн?

Повелеваю тебе:

Неси мою Музу к Эаку и Эакову роду,

И за речью моей полетит

Хвала достойным, цветущая справедливостью:

2 а. Влечься к чужому —

Не лучшее в человеке:

Своего взыскуй!

Здесь твоя лучшая краса

Для сладостной песни.

Доблестью древности

Радовался владыка Пелей,

Чье копье было выше всех копий:

Один, без войск, взял он Иолк

И силой поверг морскую Фетиду. 35

Широкий силою Теламон

Об руку с Иолаем разорил Лаомедонта;

2 а. С ним он пошел

И на мощь амазонок с медными луками:

Никогда

Страх, укротитель мужей,

В нем не умалил

Силу духа,—

Кто рожден в доброй славе, 40

Тот тверд и весок,

А кто перенил ее,

Тот темен,

Тот дышит то тем, то этим,

Тот не сделает твердого шага,

Тот лишь пригубит тысячу тысяч подвигов

бессильным к свершению духом.

3 с. Русый Ахилл

Еще отроком, под кровом Филиры

Тешился славными деяниями,

Не давая покоя
Дроту с коротким клинком, 45
Подобному вихрям.

В битве нес он смерть
Дякому льву и сражаемому вепрю;
Их хрипящие туши
Приносил он кентавру, сыну Крона,
Когда было ему шесть лет,
И таков он остался навсегда.
Артемида и отважная Афина 60
Дивились ему,

3 а. Без собак и без лукавых сетей
Настигающему олений
Единой силою своих ног.
Да, мой сказ услышан от предков:
Глубокий думами Хирон
Под каменным своим кровом
Взрастил Ясона,
Взрастил Асклепия,
Научив его кротким законам зелий,
Выдал замуж Нерееву дочь,
Золотогрудую,
И взлелеял ее могучего сына,
Укрепив его дух наставлениями,

3 в. Чтобы после,
Вихрями морей принесенный к Трое,
Он противостал 80
Крику боя и стуку коней
Ликийских, фригийских, дарданских,
Чтоб, сплетясь в борьбе
С эфионами, носящими дроты,
Камнем положил он в мыслях своих,
Что не вернется обратно в свой дом,
Царь их, родич Гелена, бурливый Мемнон.

4 с. Вот из какой дали
 Излучился к нам свет Эакидов;
 Зевс, не твоя ли в нем кровь, 65
 И борьбу не в твою ли честь
 Взметаёт песнь,
 Юными голосами славящая отраду Эгины?
 Заслужен этот клик
 Победителем Аристоклидом,
 В блеске своих трудов
 Причастившим хвале
 Родной остров и Феарийскую святыню
 Пифийца. 70

В испытании проясняется предел,
 Которого достигает предо всеми
 4 а. Отрок среди отроков,
 Муж среди мужей,
 Старец среди старцев, —
 Три доли даны каждому смертному,
 А четвертая добродетель довлеет преклонным
 годам: 75
 Велит она —
 Быть мудрым в пасуцном;
 И все они близки тебе, Аристоклид.

Радуйся, друг!
 Я посылаю тебе
 Пенную смесь
 Меда и белого молока,
 Питье, чтобы петь
 Долийским дуновеннем флейт.
 Мой дар — поздний, 80
 Но быстр орел меж крылатыми,
 Когда, издали выследив,
 Разом хватает он в когти

Кровавую добычу;
И только крикливые галки
Ищут корма над самой землей.
А тебе
За отвагу твою, пожинающую награды,
Клио с пышного своего трона
Дала сиять сияньем тройным —
От Немей, от Мегар и от Эпидавра.



4. «Эакиды»

ТИМАСАРХУ ЭГИНСКОМУ
из рода Феандридов, ученику Мелсия,
на победу в борьбе среди мальчиков.

- 1 с. Радость —
Лучший врачеватель в поцесенном труде;
Песни,
Мудрые дочери Муз,
Облегчают его своим прикосновением.
Теплая вода
Не так умягчает члены,
Как добрая похвала, напутствуемая лирой. 5
Слово живет дольше, чем дело,
Если милостью Харит
Язык изводит его из грудных глубин.
- 2 с. Пусть же мне будет дано
Завести мой песенный зачин
В честь Зевса Кронида,
Немеи
И Тимасарховой победы в борьбе;
Пусть внемлет ему благосклонно
Под сенью башен обитель Эакидов,

Повсюду льющая свет
Гостеприимной своей справедливости.

- О если бы отец твой Тимокрит
Еще грелся под буйным солнцем, —
Сколько пестрых звуков кифары
Он склонил бы над мопм напевом, 15
Отзываясь победной песнью
- 3 с. На игры в Клеонах,
Нанизавшие для тебя венки,
И в Афинах, блистающих добрым именем,
И в Фивах о семи вратах,
Где у Амфитрионова светлого кургана 20
Сплетали кадмейцы тебе цветы,
С радостным сердцем чествуя Эгиву.
Как друг к друзьям,
Ниспел Тимасарх в гостеприимный их город,
К благословенному добру Геракла —
- 4 с. Геракла, пред которым с мощным Теламопом 25
Пала Троя,
Пали мерыпы,
Пал великий Алкионей, устралающий воитель,
Сокрушивший камнем двенадцать колесниц
И дважды двенадцать конеборцев на них.
Кому невероятны такие слова, 30
Тот не искушен в боях,—
Ибо кто действует, тот и претерпевает.

Но долгому рассказу о тех подвигах
Противятся устав и торопливые часы, 35
Хоть чара и влечет мое сердце
Коснуться их в этот праздник новолуния.
Соленая зыбь обмывает тебя —
Но ты укрепись пред искушениями!

- И тогда заведомо
Явимся мы в сиянии, поправ врагов,
А тот, в чьих взорах — зависть,
Во мраке будет вращать 40
Пустую и неизменную свою мысль.
- 6 с. Какую бы доблесть
Ни вложил в меня властительный Случай, —
Я знаю:
Влекущееся время свершит предопределенное.
- Начни же ткать и не медли,
О сладкая лира моя,
В лидийском ладу 45
Милую песнь
Эноне
И Кипру,
Где царствует вдали Теламонов Тевкр,
Как Аянт — на отчем Саламине,
- 7 с. Как Ахилл — на Евксинском блистательном
острове,
Как Фетида — во Фтии,
А Неоптолем — в пронизывающем дали Эпире,
Чьи кручи холмов под бычьими пастбищами
От Додоны нисходят к Ионийским струям.
А у подножия Пелиона
Пелей, 55
Обратив десницу свою на Иолк,
Отдал город в рабство гемонянам,
- 8 с. Ибо изведаль он коварство
Ипполиты, Акастовой супруги:
С Дедалова клинка
Вскармливал на него потаенную смерть
Пелиев сын;
Но Хирон его спас,

- Во исполнение Зевсова предопределения.
 Всепобеждающему огню
 И львам, неистовым в схватке,
 Чьи когти пронзительны, чьи клыки устрашают
 мощью,
- Положив предел,
 9 с. Взял Пелей себе в жены 62
 Единую из высококрестольных Нереид,
 И дано ему было увидеть
 Царских сидений возвышенный круг,
 С которых владыки неба и моря
 Являли ему дары свои и мощь
 В роды и роды.
 Но нет путей на закат
 Дальше Гадира;
 Обрати же снасть кораблей своих
 К берегам Европы, 70
 Ибо свыше моих сил
 Досказывать до конца
 Повесть о сынах Эака.
- 10 с. Нет —
 Я пришел сюда возгласить о Феандридах
 С их победами, закаляющими тело,
 Олимпийскими, Истмийскими, Немейскими: 75
 Никогда из этих испытаний
 Не возвращались они к порогу своему
 Без венков, тяжелых плодами славы.
 Там, о Тимасарх,
 Дом твой служил победным песням.
 И если ты повелишь мне
 Для Калликла, брата матери твоей, 80
- 11 с. Воздвигнуть столп белее царского камня,—
- 5 Пиндар, Вакхилид 129

То как золото в расплаве блещет во весь свой
блеск,
Так песнь о благих делах
Равняет человека божественностью царям:
Пусть же к Калликлу 85
На Ахеронтов брег
Донесутся звучные мои слова
Оттуда, где цвел он под сенью Коринфа,
Состязаясь для бога,
Глухо колеблющего тяжкие три зубца.
12 с. Древний предок твой Евфан
Счастлив был бы воспеть Калликловы
подвиги; 90
Но всему свои сверстники —
Что воочию видел человек,
То и мнит он поведать всех изряднее.
О, случись ему восхвалять Мелесия,
Как обернул бы он спор,
Как сплел бы речь,
Не привыкший уступать в словесном бою,
Милостиво взирающий на тех, кто добр, 95
Берегущий мощь против недругов.



5. «Пелей»

*ПИФЕЮ ЭГИНСКОМУ,
сыну Лампона, племяннику Евфимена, сына Фелистия,
ученику Меландра Афинского,
на победу в разноморье.
Время — 480-е годы.*

1 с. Я не ваятель, —
Не таковы творения мои,
Чтобы стыть им прикованными к подпожням,

Нет:

На широкой ли ладье, в малом ли челне
 Ступай в Эгину,
 Сладостная песня моя,
 С вестью,
 Что сын Лампона, Пифей,
 Широкий силою,
 Стяжал в Немее 5
 Победный венок сугубой борьбы,
 Не явив еще на щеках
 Свежую зрелость, магь нежнолистных гроздий.

- 1 а. Это дар, которым он чтит
 Копьеносных героев,
 Посев Зевса, и Крона, и золотых Нерейд,—
 Эакидов,
 И с ними — родину свою,
 Землю, ласковую к странникам,
 Мощную мужами, славную кораблями
 По молитве,
 Которую от жертвенника эллипского бога 10
 Вознесли ладонями к эфиру
 Многоведомые сыны Эндейды
 И могучий державою Фок —
 1 э. Сын богини,
 Рожденный Псамафеей на обломе морском.

Но не смею сказать о страшном —
 О дерзости без правоты,
 Которая увела их с именитого острова, 15
 О том божестве,
 Которое бросило от Эноны в изгнание
 Доблестных мужей.
 Не все то благо, что истинно

В нескрытом лике своем:
Молчание —
Порою мудрейший выбор для человека,

2 с. А чтобы восславить
Счастье Эакидов,
Силу их мышц,
Железные их войны,—
Пусть разровняют передо мною поле для
дальних прыжков: 20

Толчок колен моих крут,
Орлы взмывают и за море!
Благосклонны к героям,
Пели им блистательным хором
Музы на Пелионе,
И меж них — Аполлон,
Настигая золотым своим плектром
Лиру о семи языках,

2 а. Вел разноголосый их строй. 25

Начав свой запев от Зевса,
Славили они
Чтимую Фетиду
И Пелея,
Которого Крефеева дочь,
Сладострастная Ипполита,
Хотела опутать обманом,
Пестрыми уловками убедив
Мужа своего, блюстителя магнетов,
Лживую изготовив речь,
Будто было на нее покушение 50
На брачном ложе Акаста,—

2 в. А истиною было противное.
Много окольного замыслив,
Умоляла она Пелея всем пылом своим;

Стрекало ее слов
 Гнев вздымало в Пелее —
 Не колеблясь,
 Отверг он юную жену,
 Страшась педоброго от Родителя Гостепримца.
 И тучегонитель Зевс,
 Владыка бессмертных, 35
 Обратя к нему взор,
 Мановением с неба обещал ему
 В скорые супруги
 Морскую Нереиду с золотым веретеном,
 3 с. В родичи ему склонив Посидона,
 Чей путь — меж Эгами и славным дорийским
Истмом,
 Где радостные толпы
 Под свист тростников
 Встречают бога,
 Соревнуясь в отваге и силе тел.

Врожденная доля — 40
 Мера всем свершениям человеческим.
 Ты, Евфимен,
 В объятиях эгинской Победы
 Пригубил разноголосие славословий,—
 3 а. И ныне горд
 Видеть, как племя сестры твоей,
 Сев от твоего корня,
 Прянул и рвется тебе вослед.
 Подстать ему и Неменя
 И месяц, любимый Аполлоном,—
 Сверстников, сопедшихся к борьбе, 45
 Ов осилил дома
 И осилил под сенью Нисейского гребня.

Я счастлив,
Что целый город
Борется за доброе дело;
Но помни, Пифей,—
Это легкая рука Менаандра
Порадовала себя
Сладкой мздою твоим трудам,
3 а. Ибо из Афин пришел к тебе созидатель борцов.
И для Фемистия 60
Пусть найдется песнь у тебя, моя Муза,—
Страхни немоту,
Возвысь голос,
Натяни парус до вершины мачты
И спой,
Как он, кулачный боец,
Победой своей
Похитил в Эпидавре
Достойную честь сугубой борьбы,
И как принес он цветущие зеленью венки
К предверью Эака,
В хоре русых Харит.



6. «Бассиды»

АЛКИМИДУ ЭГИНСКОМУ
из рода Бассидов, внуку Праксидаманта,
правнуку Софлида, ученику Мелесия,
на победу в борьбе среди мальчиков.
Время — 460-е гг.?

1 с. Есть племя людей,
Есть племя богов,
Дыхание в нас — от единой матери,
Но сила нам отпущена разная:

Человек — ничто,
 А медное небо — незыблемая обитель
 Во веки веков.
 Но нечто есть
 Возносящее и нас до небожителей, — 5
 Будь то мощный дух,
 Будь то сила естества, —
 Хоть и неведомо нам, до какой межи
 Начертан путь наш дневной и почной
 Роком.

- 1 а. Так пыне Алкимид
 Являет взору
 Породу свою, плодовитым подобную полям: 10
 То дарят они людям год житья со своих
 равнин,
 То в отдыхе приемлют они новую силу.
 Отрок-борец,
 Пришел он от зовущих схваток Немей,
 Счастливый жребий выпал ему от Зевса — 15
 Небездольным ловцом выйти из борьбы,
- 1 а. След в след Праксидаманту, отцу его отца,
 Единокровному своему.
 Олимпийский победоносец,
 Первым Праксидамант стяжал для Эакидов
 Венок алфейских ветвей,
 Пять раз был венчан на Истме,
 Трижды — в Немее, 20
 И тем вызволил из забвения Соклида, выпшего из
 Агестимаховых сыновей.
- 2 а. Трое их было, победителей в борьбе;
 Вкусивших труда,
 Но достигших в доблести предельного рубежа.
 Милостию богов,

Не вмещал еще стольких с бою добытых венков
Не единый дом в недрах Эллады. 25

Этому дому
Попутным ветром песенной славы
Повей, моя Муза:
Моя речь о великом, как стрела из лука,
Метко ударит в цель.

2 а. Для этого дома
Певцы и повести 30

Сберегли подвиги миновавших мужей,
А их немало среди Бассидов, —
Рода, славного издавна,
Чья ладья плывет под грузом похвал,
Чьи гордые деяния
Много дарили песен пахарям Пиерид.
Не от этой ли отчей крови и Каллий 35
Руками, одетыми в ремни,
У трисвятого Пифона
Угодил победою отпрыскам Латоны, чья из золота
стрела,

2 в. И просиял на закате в хоре Кастальских Харит,
А Креонтид
На волноломе неутомимого моря
Принял почести от трехгодového торжества, 40
Где закаляют быков в священной ограде Посидона,
И он же
Львиною листвою увенчал победительный лоб
Под огигийскими склонами Флиунта
С темной тенью.

3 с. Отовсюду течет широкая прибыль 45
К словесным людям,
Укращающим остров, добрый в славе,
Ибо Эакиды

Явленными своими великими доблестями
 Несравненный жребий выметнули ему.
 Имя их распростерлось
 Над сушей и морем
 До самых эфиопских земель,
 Куда не воротиться владыке их Мемнону: 60
 Тяжкой раною их ранил Ахилл,
 Шагнув с колесницы,
 3 а. Чтобы ярм острием своего копья
 Сразить сына блистающей Зари.

Торную
 Проложили предки дорогу к славе,
 И я рвусь по следам их,—
 Но есть слово: 55
 Который вал ударяет в борт,
 Тот и тревожнее для сердца моряка.
 Двойное бремя
 Возложив на доброхотные плечи,
 Выхожу я вестником единой из честей.
 Пятой сверх двадцати,
 3 а. Приносимых со священных состязаний. 60
 Их сберег
 Славный род Алкимида,—
 Хоть опрометчивый жребий и лишил Политимида
 и тебя, дитя мое,
 Олимпийских цветов в священной ограде Зевса,—
 А Мелесий,
 Кормчий сил твоих и рук 65
 В быстроте своей был подобен
 Дельфину в море.



7. «Неоптолем»

СОГЕНУ ЭГИНСКОМУ,
сыну Феариона, из рода Евксенидов,
на победу в пятиборье среди мальчиков.

1 с. Илифия,
Сопрестольница далеко мыслящих Судеб,
Дочь Геры, великой в силе своей,
Рождающая рождаемых,
Слушай меня!
Без тебя нам не видеть ни света, ни доброй ночи,
Без тебя нам не знать и Гебы, сияющей твоей
сестры,— ⁵
Хоть все мы дышим о разном;
Хоть на каждом — доли его ярмо,
И над каждым, с бичом,— собственная его судьба.

И вот через тебя
Сын Феариона Соген,
Избранный в доблести,
Прославляется ныне в песнях
Меж пришедшими к пятерной борьбе.
1 а. Недаром обитает он в краю Эакидов,
Где песни звучат и копыя стучат,
Ибо здесь 10
В каждом пылает дух,
Ревностью искуиться в состязании.
И чей увенчается труд,
Тот станет для Муз истоком льющихся струй,
Которые — как мед для ума:
Ибо без песни
И великая сила пребывает во мраке.
Ведомо,
Что единое есть зеркало для лучших дел —

- Милостью Мнемосины с яркою повязью 15
 Найти в славных напевах слов
 Мзду за тяготы свои.
- 3 а. Умный пловец,
 За три дня предведая бурю,
 Не губит себя ради прибыли —
 Ибо бедному и богатому единый путь
 К смертной грани. 20
 И все же, мнится мне,
 Слава Одиссея больше испытанного им,
 А виною тому сладкое слово Гомера.
- 2 с. Вымыслы его и крылатое искусство
 Некое несут величие;
 Умение его обольщает нас,
 Сказками сбивая с пути;
 А сердце у толпы —
 Слепо:
 Будь ему по силам видеть истину,— 25
 Гневаясь за доспех,
 Не вонзил бы себе отточенный меч в средостенье
 Мужественный Аянт,
 Сильнейший по Ахилле,
 На быстрых ладьях
 Прямым дыханием мчащего Зефира
 Устремившийся к городу Ила,
 Чтобы в битве отбить
 Супругу для русого Менелая.
- 2 а. Да, волны Аида захлестывают всех, 30
 Рушась и на бесславного и на славного.
 Но честь — тому, кого бог
 Возвеличил доброю молвою,
 Попечительницей о тех, кто мертв,

- Честь — тому, кто пришел узреть
Великий пуп широкотелой земли,
Здесь,
В пифийской низине, 35
Опочил Неоптолем,
Разоривший Приамов град,
За который столько страдали данаи.
По возвратном блужданье
Миновав Скирос, подплыв к Эфире,
2 а. Недолго царил он в молосской земле,
Но навеки оставил эту честь роду своему, — 40
Сам же пришел к богу
С первинами троянских добыч,
Где в схватке над жертвенным мясом встретил
его ножом
Человек.
- 3 с. Безмерна была тоска
Гостеприимных Дельфов;
Но то была дань судьбе —
Ибо назначено было 45
Единому из царственных Эакидов
Пребыть до конца времен
В древней священной роще, у дивных стен божьего
дома,
И оттуда блюсти
Чин многожертвенных шествий
Во имя благодольной Правды...
— Довольно трех слов:
Нелживым свидетелем творимого.
- О, Эгина, 60
Тверда моя душа
Поведать путь достославный и торный
3 а Сняющим доблестям

Твоих и Зевесовых сынов,
 Но во всем, что есть,
 Сладка передышка —
 Пресыщают
 Даже мед и милые цветы Афродиты.
 Всякому
 От природы различен жизненный удел.

Иному одно, 55
 Иному другое —
 А совокупное счастье
 Не в подъем одному;
 Не назвать, пред кем положила Доля такой
предел.

Но тебе, Феарион,
 Должной мерой отмерила она зажиток,
 3 а. По плечу тебе дала отваги на доброе
 И не положила охулки на крепость твоего
ума, 60

Я твой гость —
 Чуждаясь черной хулы,
 Я прославлю тебя,
 Я пролью на тебя, как речной поток,
 Истинную хвалу,
 Достойную мзду достойным.

4 с. Ахейцу от Ионийской соли,
 Встав со мной рядом,
 Не в чем меня упрекнуть —
 Я верю в гостеприимство, 65
 Светел мой зрак меж сограждан моих,
 Нет во мне надмения,
 Путь мой чист от всякого насильства,
 И остаток моих дней
 Да будет благостен в своем приближении.

- Кто знает меня, пусть скажет —
Преступил ли я против песни порочащим словом?
Пред тобою, 70
О Соген из рода Евксенидов,
Я клянусь:
Не ступал я за черту,
Устремляя быстрый мой язык,
4 а. Как дрот с медным острием,
Отстраняющий от борьбы
Невспотевшую шею и силу
Тел, еще не обожженных солнцем.
После трудов слаще услада.
Дай же мне 75
Возвысить мой возглас сверх меры —
Я не тот невежда,
Который откажет победителю в дани похвал.
Не в труд сплетать венки из цветов,—
Но дай срок,
И Муза моя совет тебе воедино
Золото,
Слоновью кость
И лилейный цветок, исторгнутый из пены морской.
- 4 а. Но вспомнив о Зевсе при Немее, 80
Всколебай им
Мирный гром многоголосых песнопений,—
Ибо где, как не в этой земле
Кротким голосом славить царя богов,
Чье семя в лоне Эгины породило Эака,
5 с. Властителя городов 85
В добром именем отчем краю,
Первого из гостей и братьев
Твоих, Геракл.

Если причастится человеку человек,—
 То отраднее всех отрад
 Ближнему ближний, любящий глубию души;
 Ежели таков к тебе бог,
 Поправший Гигантов,—
 То волен ты, Соген,
 Лелеющий сердце, нежное к отцу, 90
 Жить в жилищах предков твоих,
 Благодатных и благословенных,
 б а. Стиснутых божьими святилищами по обе руки,
 Как дышлами четверни.

Блаженный бог.
 Не чрез тебя ли молить о милости к Согену
 Владеющего Герой 95
 И деву с серыми глазами?
 Не ты ли властен
 Щедро дарить смертным
 Силу в неодолимых неудачах?
 Если ты сплетишь для Евксенидов
 Жизнь по мере их,
 Жизнь, сильную в шагу,
 Жизнь благодольную
 В юности и в блещущей старости,—
 То сыны их сынов 100
 б а. Век бы хранили нынешнюю честь
 И обретали бы пуцую.

А о Неоптолеме
 Никогда
 Неподобными словами не вымолвит мое сердце
 обидного!
 Но полно:
 Кто трижды и четырежды возвращается к одному,

Тот скуден,
Как суеслов, без конца лепечущий детям: 105
«Коринф, сын Зевса...
Коринф, сын Зевса...»



8. «Аянт»

ДИНИЮ ЭГИНСКОМУ,
сыну Мегаса, из рода Хариадоз, на победу в беге.
Год — 459 (?)

- 1 с. Державная Юность,
Вестница амвросических нег Афродиты,
Ты живешь на ресницах отроков и дев,
Одного ты вверяешь ласковым ладоням Судьбы,
Другого — жестким.
Счастлив тот,
Кто не разминулся с добрым случаем,
Кому дано
Царить над лучшими из Эротов! 6
- 1 а. Лучшие из Эротов
Были пастырями Кипридиных даров,
Витая вокруг ложа Зевса и Эгины,
Чей сын расцвел
Царем Эионы, могучим мышцею и советом.
Многие много молили о лицезрении его,
Цвет окрестных героев без зова шел под его
закон. 10
- 1 в. Строители ратей в каменистых Афинах
И потомки Пелопидов в Спарте.
О Эак,
К священным коленам твоим припадаю я с мольбой

О милом городе и о гражданах его:
 В моих руках —
 Лидийская митра, шитая звоном, 13
 Немейская почестъ
 Двойному бегу
 Диния и Мегаса, его отца.

Самое прочное счастье людское —
 От бога:
 2 с. Не бог ли некогда осыпал богатствами и Кинира
 в приморском Кипре?..

Но пусть застынет
 Легкий мой шаг —
 Я вбираю воздух пред новым словом:
 Многое сказанное по-многому сказано, 20
 А новое найти и вынести на суд —
 Всего грозней,
 Ибо суд этот — пастбище для зависти,
 А она прилепляется лишь к доброму,
 Худому она не враг.

2 а. Снедью ее стал
 И сын Теламона,
 Брошенный на клинок:
 Кто не речист, но мощен душой,
 Тот в скорбном споре уступает забвению,
 А лучший дар достается искусной лжи — 25
 Так тайными голосами
 Услужили данайцы Одиссею,
 И Аянт, обездолен золотым доспехом,
 Встретил смерть.

2 в. А как несхожи были они,
 Разя ранами жаркие тела врагов.
 Потрясая копьё, ограду смертных,

В схватке ли пад Ахиллом, только что
павшим, 30
В дни ли иных трудов и многих смертей?
Издавна была ты сильна,
Вражья речь, лживая речь,
Застолье обманчивых слов,
Измыслительница коварств,
Вредоносное зло,
Ты, насилующая всякий блеск,
Ты, возносящая гнилую честь
Темных людей.

3 с. Зевс-отец, 35
Да не явится во мне никогда
Тот нрав!
Да будет проста дорога жизни моей,
А когда умру,
Да не ляжет клеймо беславия на детей моих!
О золоте молятся одни,
О бескрайних полях — другие,
А я хочу скрыть мое тело в земле,
Угодный согражданам,
Хваля достохвальное,
А на преступное рассевая хулу.

3 а. Разрастается доблесть, 40
Как дерево, мечущее зеленые ветви,
Возносясь во влажный эфир
Меж мудрыми и праведными мужами.
По-разному надобны бывают друзья:
Выше всех — помощь в трудах;
Но любо и в отраде
Остановить взгляд на том, кто верен.
О Мегас,

- Вернуть твою душу в мир —
 3 э. Не по силам мне: 45
 Тщетным надеждам — безумный исход.
 Но мне дано
 Для рода твоего, для Хериадов твоих
 Безмерный воздвигнуть
 Песенный столп
 Во славу быстрых ног
 Дважды двух победителей.
 Я счастлив
 Испустить хвалу, достойную подвига:
 От ее заклятий
 Безболезненна делается усталость мужа;
 И еще до вражды Адраста с кадмейцами
60
 целась
 Эта славословящая песнь.



9. «Адраст»

ХРОМИЮ ЭТНЕЙСКОМУ
на победу в колесничном беге, в Сикионе.
 Год — 474 (?)

- 1 с. От Аполлона и от сикионских стен —
 В путь, о Музы.
 К новооснованной Этне,
 Чьи ворота распростерты перед пришельцами,
 В путь к блаженному дому Хромия
 С сладким словом на песенных устах!
 Вот он взошел на колесницу,
 Правя победоносными конями,
 Он подал знак

К песне во славу матери и близнецов,
Вместе взирающих от высокого Пифона. 9

- 2 с. Есть меж людьми слово —
Добрые свершения в безмолвии не хоронить!
Вещий напев стихов —
Достойная дань горделивому.
Одухотворим же гремящую лиру и флейту
Пред высотами конеборств,
Адрастом в честь Феба установленных
У Асоповых струй.

- Вспомнив о них,
Не украшу ли я славными почестями 10
3 с. Царственного героя,
Осиявшего город свой
Свежестью торжеств, спором сильных, блеском
колесниц?

- От дерзких Амфиараевых умыслов,
От страшного мятежа
Он бежал далеко от родного крова и Аргоса;
Сыны Талая,
Осиленные бунтом, были безвластны,
Но он, умнейший,
Замирил миновавший спор;

- 4 с. Дав Оиклиду в жены
Эрифилу, укротительницу мужей,
Сделал он верных ему в клятве
Наибольшими меж русоволосых дапас.
Тогда-то и вывели они воинство
На семиворотные Фивы.
Не казали им птицы попутный знак,
И Кроноид обращенной вспышкой
Устремлял их, обезумевших не в путь, а
с пути: 20

- 6 с. На открытую рвалось беду
 Войско в медных доспехах и сбруях.
 И берег Исмена
 Отсек им сладкий возврат —
 Белый дым вошел от жира их тел,
 Семь костров поглотили юные мышцы их,
 И только Амфиараю
 Бог разверз всеильным перуном
 Глубокую грудь земли,
 Поглотив его с колесницею,
 6 с. Пока не ударило его в спину Периклименово ²⁵
копье,
 Обрушивая позор на воинственный его дух!

Пред божественным ужасом
 Бегут и сыны богов.
 О Кронион, родитель Зевс,
 Если есть на то сила твоя,
 Отврати отсель
 Сверхмужеское испытание сил
 На жизнь и на смерть от финикийских копий!
 Пусть по моей мольбе
 Дастся сынам этнейцев в долгую дань
 Благозаконный удел, 30

- 7 с. Пусть народ
 Проблестит гражданственным блеском!
 Здесь край мужей,
 Любителей конеборств,
 И души их — превыше богатства.

Я знаю, пет веры моим словам,
 Ибо всюду тайная корысть
 Обирает честь, носительницу славы.
 Но кто был под щитом у Хромиа

- В пешем крике, среди коней и в боях кораблей,—
Тому ведомо, 35
- 8 с. Что в битвенной грозе
Честь есть бог,
Устремивший его копьеносный пыл
К отвращению бича Эниалия.
У немногих достанет духа и рук
Погнать на вражеский строй
Тучу смерти, заградительницу пути бойцам.
Над потоком Скамандра
Слава цвела для Гектора,
А над обрывистым Гелором, где Реин брод, 40
- 9 с. Этот свет сверкнул сыну Агесидама
В первой его молодости,—
А об иных его днях, и на пыльной земле, и на
ближнем море
Еще петь мне песнь.

- Из трудов юности и правды
Добрая родится старость.
Знай же, Хромий,
Милостию божеств
Дивного причастился ты счастья: 45
- 40 с. Ибо если над горами богатств
Возносится достойная слава,—
То нет высших вершин для смертной стопы.

- Безмятежность мила застолице,
В нежных песнях распускается свежий цвет
побед,
Крепнут голоса над винными чашами.
Слей вино с водой,
В чаше, сладкой вестнице пира, 50
- 11 с. Буйный сын лозы

Пусть разольется по серебряным фиалам,
Завоеванным Хромию
Конями его в священном Сикионе,
Где венчали его
Венки Латонина сына, по уставу сплетенные,
Зевс-отец,
Дай прозвучать мне о его доблести!
По благости Харит
Дай прославить его победу
Превыше других!
Дай достигнуть дроту моему вернее
До цели Муз.

69



10. «Диоскуры»

*ФЕЭЮ АРГОССКОМУ,
сыну Гилия, на победу в борьбе в Аргосе,
на празднике Геры.
Время — 460-е гг. (?)*

¹ с. Город Даная и пятидесяти его дочерей на блиста-
тельных тронах,

Аргос,
Благолепную обитель Геры,
Воспойте, Хариты!
В нем сняют десять тысяч слав
Деяниям его отваги.
Персею
Долгая слава за Медузу Горгону.
Ладонями Эафа
Много воздвигнуто городов в Египте.
Гишармнестру,

8

Единственный меч удержавшую в ножнах, не
минует хвала.

1 а. Диомед

Бессмертие принял от богини сероокой и
русоволосой.

А под Фивами

Приняла земля пред Зевсовым перуном
Вещего Оиклида, грозovou тучу войны.

Славен Аргос и прекраснокудрыми женами —
Славу эту в древности явил Зевес, 10

Нисходя к Алкмене и к Данас.

Зрелый плод ума и прямой путь правды

Сочетались здесь в Линкее и в Адрастовом отце;

1 а. Вскормлено здесь и копьё Амфитриона —

Тот, кто сильнее всех счастьем,

Вошел в его родню,

Когда медным оружием сокрушил он телебоев, 18

А царь богов,

Уподобясь ему обличьем своим,

Внес в чертог его

Семя неукротимого Геракла —

Геракла, супруга Гебы,

Прекраснейшей из богинь,

Ступающей по Олимпу близ матери своей,

блюстительницы супружеств.

2 с. Коротко дыхавне уст моих,

Не исчислить ему всех благ, что на доле священной
ограды Аргоса, 20

И тяжело ему противостоять всей зависти людской.

Но ты, Муза,

Пробуди добрые струны моей лиры,

Заботой своей коснись состязаний,

Где медный спор
Сгоняет народ к бычьим жертвам Геры,
И к той борьбе,
Где Феэй, сын Гиляя,
Двойною победой достиг забвенья благопопесенных
трудов.

- 2 а. Некогда при Пифоне
Осилил он все эллинское воинство;
При Истме и Немее,
Счастливый приходом, домогся он венка,
Утруждая Муз
Трижды у морских ворот
И трижды средь священных равнин, по Адрастову
чину.

Отец наш Зевс!
Сердце его жаждет, хотя уста его молчат.
И свершение трудов его — в тебе.
Не минует милость твоя
Мольбы того, кто в неробком сердце несет отвагу.

- 2 в. И я пою то, что ведомо лишь богам,
И я пою того, кто в высокой борьбе соревнуется
о пределе!

А высший устав —
Это тот, что ставлен Гераклом в Писе:
Предвестием были
Сладкие голоса афинских торжеств,
Дважды тебя приветившие,—
Недаром земля, обожженная огнем,
В расписных тайниках сосудов
Несла оливковый дар
Славному храбрецам народу Геры.

- 3 с. Не впервые
Милостию Харит и Тиндаридов

Честь, завоеванная в борьбе,
Следует знатному племени
Предков твоей матери, о Феэ!
Будь я сородичем Фрасиклу и Антию,
Не пришлось бы мне скрывать свет очей моих перед
Аргосом! 40

Город Прета, кормилец коней,
Сколько раз
Цвел ты победами
И в низинах Кориинфа, и четырежды у Клеонских
мужей!

3 а. Из Сикиона к тебе притекли
Одаренные винными серебряными чашами,
Из Пеллены —
Облаченные нежащими шаффранами,
А медь твою многую не впору перечесть, 45
Не вмочь оценить, —
Медь от Клитора, и Тегей, и ахейских нагорных
городов,
Медь от Ликея,
Снесенную к Зевсу данью побед
Бегу ног, силе рук.

3 э. Кастор с Полидевком, кровным своим, 60
Гостями были Памфая, —
Так диво ли,
Что пророс его род лучшими из состязателей?
С Гермесом и Гераклом
Братья-блестители Спарты, широкой в плясках,
Правят цветущие жребьи схваток
И пекутся о честных мужах, —
Несобманно племя богов.

4 с. Переменною чередою 55
День они пребывают при Зевсе, милом отце,

- И день — в полых недрах Фераппы.
 Един их жребий,
 Ибо это Полидевку милей,
 Чем всецело быть ему богом и жить в небесах,
 А Кастору мертвым лежать в бою.
 Это Идас, гневаясь за быков, 60
 Провзил его острием жадного копьа,
 4 а. И это Линкей
 Увидел его с Тайгета скрытым в дубовом дупле,
 Ибо взором был острее всех земножителей.
 Быстрой стопой
 Помчались сыны Афарей,
 Смелое дело
 Замыслили они в уме своем,
 Но страшная казнь настигла их от Зевса. 65
 За ними по стопам ринулся сын Леды,
 У отчей гробницы вышли они на него лицом к лицу,
 4 э. С отчей гробницы схватив точепый камень,
убранство Аида,
 Чтобы им уметить
 В грудь Полидевка.
 Но он не рухнул, он не отступил:
 В бок Линкею вогнал он медь летящего копьа, 70
 А Идаса дымным огненосным громом поразил Зевс,
 И оба сгорели, покинутые,—
 Смертным не под силу тягаться с сильнейшими.
- 5 с. Быстро воротился Тиндарид
 К мощи своего брата;
 Был еще брат живым,
 Но хрипло вылетало его дыхание.
 Проливая горячие слезы, 75
 Со стоном
 Выговорил Тиндарид, возвысив свой голос:

«Отец Кронион,
Есть ли мне какое избавление от страданий?
Ниспошли, о владыка, смерть
За ним и мне!
Кто теряет друзей, тот теряет честь,—
Ибо редкий из людей, пособников в наших трудах,
5 а. Верен в беде».

Так молвил он;

И Зевс,

Представ перед ним,

Обратил к нему ответное слово:

«Ты — мой сын,

80

Но после меня приблизился к матери твоей

Герой ее и муж,

Излив в нее смертное семя.

Я вручаю твой выбор тебе:

Если хочешь ты, чуждый смерти и мерзкой

старости,

Обитать на Олимпе

С Афиною и с Аресом, о черном копье,—

5 в. Жребий в твоих руках.

88

Если же бьешься ты за кровного твоего,

Если хочешь ты поровну с ним разделить удел,—

Половина дыхания твоего будет в глубях земли,

Половина — в золотых чертогах небес».

Так сказал Зевс,—

И не было двух мыслей в уме у Полидовка.

А бог

Разомкнул очи и уста

Бойцу, с головой, одетой в медь,—

Кастору.



11. АРИСТАГОРУ ТЕНЕДОССКОМУ

на его избрание пританом.

Год — около 416.

- 1 с. Рейна дочь,
Сопричастница пританеев,
Гестия,
Сестра высочайшего Зевса
И Геры, с ним разделяющей престол,
Прими подобру в обитель свою
Аристагора,
Допусти к сияющему жезлу твоему
Ближних его!
- Они чтут тебя, правя высокий Тенедос, 8
- 1 а. Они возносят к тебе первой из всех богов
Обильные возлияния и обильный жир,
Лира и песнь откликаются им,
Закон Зевса-Гостеприимца блюдетсЯ у них
На пирах во веки веков.
Дай же Аристагору
Достичь двенадцатимесячного предела своего
Со славой и без печали!
- 1 в. Блажен для меня и его отец Аркесилай,
Дивный телом, бестрепетный смолоду;
Но кто и обильем велик,
Кто и видом своим превосходит всех,
Кто и силой проблистал, подвизаясь в боях, —
Пусть помнит:
Он в смертное тело одет, 15
И концом концов
Будет земля, которая его прикроет.
- 2 с. Слава ему —
В добрых речах сограждан его,

Слава ему —

В песенной красе и в медовом бряцанье струн!
Венцом над Аристагором блещут шестнадцать
побед, ²⁰

В простой борьбе и в двойной борьбе по ближним
местам,

Гордость его и славной его породы.

2 а Боязливы были надежды отца его и матери —
Силу сына

Отвратили они от схваток Пифона и Олимпии!

А я клянусь:

Появись он у Касталийских струй,

Появись он под сенью рощ на Кроновом берегу, — ²⁵

Воротился бы он славнейшим иных состязателей,

2 а Отпраздновал бы пятилетнее торжество, зановедан-
ное Гераклом,

Увенчал бы кудри багрецом ветвей.

Увы, меж людей

Иные из благ теряет заносчивое тщеславие,

Иные же — робкий дух, ³⁰

Презрительный к собственной силе,

За руку оттягивающий от успеха, который ждет.

3 с. Не видится ли в нем

Древняя кровь спартанского Писандра,

Который из Амикл

С Орестом привел к Тенедосу

Медную эолийскую рать?

Не видится ль и кровь Мелалиппа, предка матери
его, ³⁵

Слившаяся с Писандровой над потоком Исмена?

Древние доблести

3 а. Чередуют силу поколений людских:

Черные пашни не плодоносят подряд,

Деревья благоухают цветами не вровень каждый
год, ⁴⁰

Всему нужна перемена.

Тот же удел

Правит и смертным людом.

3 а. От Зевса смертным

Открытых знамений пет —

Лишь бесстыдная надежда живет в паших телах, ⁴⁵

Когда шагаем мы к подвигам,

Когда замышляем несчетные деяния;

Русло же их

Отбегает далеко от нашего предвидення.

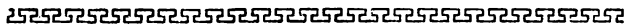
Кто ловит прибыль —

В меру лови,

Ибо всех безумий острее

Страсть о недоступном.





ИСТМИЙСКИЕ ПЕСНИ

1. «Иолай и Кастор»

*ГЕРОДОТУ ФИВАИСКОМУ,
сыну Асоподора-изгнанника, на победу
в колесничном беге, — песня, для которой поэт
оторвался от пеана кеосцам.
Год — около 458.*

- 1 с. Матерь моя Фива,
Носительница золотого щита,
Для меня твой труд
Превыше всяких забот!
Да простиг меня
Каменный Делос, над которым ныне моя рука, —
Что дороже для доброго, чем отец и мать? ⁶
Помедли, обитель Аполлона:
Если боги со мной, —
Допряду я до конца обе мои славы, —
- 1 а. И на омытом Кеосе для прибрежных мужей
Выведу хор пред косматого Феба,
И на Истмийском всхолмье меж двух зыбей, 10
Где Кадмову полку
Шесть венков стяжала победная борьба
Во имя отчизны,
От Алкмены родившей бестрепетпейшего из
сыновей,
- 1 в. В дрожь бросавшего псов Гернона.

Я слаживаю дар
Геродоту на конной четверне,
Не чужими руками правящему бразды, 15

- Но хочу его смежить
С песней о Касторе и об Иолае.
Гонители колесниц,
Лучшие меж рожденными в Спарте и Фивах,
2 с. Состязатели неисчетных игр,
Украшившие дома
Треножниками, котлами и золотом чаш, 20
Вкусившие от победных венков,
Просияли они светлую доблестью
И в голом беге,
И в тяжелом щитоносном грохоте,
2 а. И в силе мышц, 25
Мечущей дроты и каменные диски.
Не было тогда пятиборства —
Всякому делу был свой венец.
Осенив их ветвями гривы,
Сколько раз являлись они
Над берегом Диркеи, над берегом Еврота —
2 а. Сын Ификла, отрасль от сева спартов, 30
Сын Тиндара, насельник высокой ахейской
Ферапны.
Вам мой привет!

- А здесь,
Облегая моею песнею
Посидона,
Трижды священный Истм
И склон над Онхестом,
Меж почестей Геродоту
Я восславлю и громкий жребий отца его Асоподора,
3 с. И праотцеву папшю Орхомена, 35
Которая его приняла
Из безмерных зыбей, из обломков крушенья,
Из ледяной беды.

Прирожденная участь привела его к прежнему
счастью,
Но кто знал страданье — тот зорок умом. 40

3 а. Кто ревнует о доблести всем пылом своим,
Не жалея трудов и трат,
Тому, достигшему,
Поделом беззавистные и честь и блеск.
Мудрому легко,
Добрым словом воздав за многие труды,
Стижать себе всеведомую красу;

3 о. А иному труду иная награда сладка,
Пастырю ли, пахарю ли, птицелову или рыболову, —
От гиблого голода всяк бережет нутро. 50
И только тот,
Кто в скачке и в битве
Познал роскошество славы, —
В доброй молве
Высшую собирает прибыль:
От ближних и от неближних —
Красную речь.

4 с. Но пора нам прогреметь чередой
Зыблющему землю
Кронову сыну,
Близкому богу,
Благодетелю конных колесниц,
И сынам твоим, Амфитрион, 55
И Миниевой долине,
И Деметриной элевсинской дубраве,
И Евбее, —
Всем удолиям гнутых бегов;

4 а. И твоя к ним причтется ограда, Протесилай,
Освященная в Филаке ахсынами.

Но не высказать мне всего,
Что Гермесом-сопязателем вверепо
Геродоту и его скакунам,—
Малой мерой мерится стих,
А о чем промолчишь, в том больше порой отрады.

49. Пусть же Геродот
На сверкающих крыльях певчих Пиерид
Обернет свою руку избранной листвою
Пифона и алфейских Олимпиад,
Слаживая славу семивратным Фивам!
А кто пасет про себя тайное свое добро,
Насмехаясь над теми, кто не таков, как он,—
Тот забыл, что душа его низойдет к теням
Бесславно.



2. КСЕНОКРАТУ АКРАГАНТСКОМУ,
сыну Энесидама, и вознице его Пикомазу,
на победу в колесничном беге,
песнь посмертная для Фрасибула,
сына Ксенократа, посланная через Никасиппа.
Год — около 470.

- 1 с. В старые, Фрасибул, времена,
Кто всходил на повитую золотом колесницу Муз
Навстречу гремучей своей лире,
Тот, как стрелы, стремил медвяные песни свои
Тем юным, чья свежая красота
Сладкие сушила плоды
Афродите на светлом престоле.
- 1 а. Жадная Муза не шла тогда в наем,
И не торговала медовая Терпсихора
Нежногосыми песнями, клейменными серебром,—

Ныне же зовет она вслед
Слову аргосца на путях его правды: 19
1 а. «В деньгах, в деньгах — человек!» —
Так сказал он, лишась добра и друзей.

Ты понял меня.
Не безвестное я пою —
Пою истмийскую конную победу,
Которую послал Ксенократу Посидон,
Дорийской зеленью обвивая ему лоб, 15
Почитая в нем
2 с. Доброго колесничника, светоч Акраганта.
Так и в Крисе
Осенил его блеском широкосильный Аполлоц;
Так и в пышных Афинах
Он пришелся подстать громким почестям сынов
Эрехфея
И охулки не положил на хлещущую копей 20
Спасительную руку Никомаха,
2 а. Во-время умевшую отпустить вожжу.

(Это в нем позвали гостеприимца
Элейцы, вестники урочного Зевсова мира,
И сладко выдохнули ему привет, 25
Принавшему к коленям золотой Победы
2 а. В той земле,
Где слывет священный лес Олимпейского Зевса
И где бессмертную честь
Пожали сыны Энесидама.)

Поистине, Фрасибул, 30
Не забыт твой дом
Ни милыми пирами, ни медвяными песцями:
3 с. Ни бугра, ни препоны на том пути,

- Каким сходит к славным геликонская честь.
Пусть же бьет мой диск дальше всех, 35
Как был выше всех сладким нравом Ксенократ!
Почтенный меж граждан,
3 а. По всеэллинскому уставу вскармливавший
скакунов,
Прилежал он всем божеским застолям;
Ветер, овевавший радушные его пиры, 40
Никогда не велел ему подтягивать паруса:
Летом доплывалось ему до Фасиса,
Зимою — до нильских берегов.
3 э. И хоть завистью обвисли души людей,
Ты не промолчи
Ни о доблести отца,
Ни об этой песне моей — 45
Не затем она сложена, чтобы праздно коснеть!
Объяви это, Никасипп,
Когда ступишь на порог милого моего
гостеприимца.



3. МЕЛИССУ ФИВАНСКОМУ,
из рода Клеонимидов
на немейскую победу в колесничьем беге —
вступление к последующей песне.
Год — около 474—473.

- с. Кто из смертных изведal счастье
В славной ли борьбе,
В мощном ли богатстве,
Но остался чист от пагубы пресыщения,—
Тот вправе
Витать в похвалах сограждан.
Зевс,

Не от тебя ли все смертные доблести?
Долго живет блаженство при богобоязненных, 9
И не вечен его цвет при лукавых уловках,

Но за славные подвиги
Воздаяние доблестному — песня,
Воздаяние ему — шествие
Благодарно величающих голосов.
Доля двойной победы
К радости оборотила сердце Мелисса: 10
И в истмийской лощине стяжал он венок,
И в полном логе широкореброго льва
Конным одолением огласил он имя семивратных
Фив.

9. Врожденная доблесть необманчива.
Славен был в колесницах Клеоним;
Колесничными трудами вымерил богатство и род
его,
По матери сверстный Лабдакидам.
Но превратно время, катящее дни,—
Только боги рождают неуязвимых.



4. «Геракл»

*МЕЛИССУ ФИВАНСКОМУ,
сыну Телгсия, ученику Орсия,
на истмийскую победу в разборе —
продолжение предыдущей песни.*

- 1 с. Милостями богов
Десять тысяч троп мне открыты;
Но легче всех
Явлена Истмом

- Песнь во славу доблести твоей, Мелисс!
Доблестью такой
Издавна цвели Клеонимиды,
И боги были с ними до людского их рубежа. 5
Но по-разному разные ветры бьют и гонят смертных.
- 1 а. Издавна слывшие
Чтимыми от фивян,
Гостеприимными меж окрестников,
Чуждыми зычной снеси,
Сколько есть безмерного дыхания славы
Над всеми, кто жив, и всеми, кто мертв, — 10
Они выпили его до конца,
Досытавши мужеством до Геракловых столбов,
- 1 а. Кормильцы коней, 15
Угодники медного Ареса,
И не было доблести дальше их, —
Как вдруг в единый лишь день
Грубая буря войны
Четырьмя мужами осиротила их блаженный очаг.
- Ныне же вновь
Цветет земля,
После черной зимы испестрепная красными
розами, —
- 2 с. Так велели боги.
Потрясатель суши,
Царящий в Оихесте и на морском мосту, где
коринфский вал, 20
Этою дивною песнею отцам твоим
Поднимает с одра
Древнюю славу их громких дел:
Пробужденная от сна,
Блещет она лицом, как зарева звезда меж звезд,
- 2 а. Вестница колесничных побед, 25

На всхолмьях Афин,
На сикионских играх Адраста
Стяжавшая песенную листву
От былых певцов.
Многолюдных сборищ
Не чуждалась их гнутая колесница —
Конский счет сводить со всею Элладюю
Было им по душе.

Кто не дерзает — о том молчат; 30
2 а. Кто бьется, не достигнув, — тот скрыт для Удачи.

Она одна
Дарит лучшее и дарит худшее;
И коварство дурных опрокидывает сильных.
Не забыто, как кровавый Аянт 35

В ночи
Всею мощью облег свой меч,
На позор Элладе под стенами Трои.
3 с. Но Гомер его почтил среди мужей,
Выправил его доблесть,
Указал о нем песнь по жезлу своих божественных слов.

Что сказано хорошо — 40
То звучит, не умирая,
И ложится на всеродящую землю и море
Красных дел
Негаснувший луч.

3 а. Познать бы и мне благоволенье Муз,
Воспламенить бы и мне костер моих похвал
Венцом разноборцу,
Ветви Телесия — Мелиссу!
Отвагою в труде настигает он ревучего льва, 45
Хитростью — лису,

- Навзничь отражающую орлиный вихрь, —
Все благо бойцу, лишь бы враг стал слаб!
- 3 э. Статью он не выдался в Ориона,
И смотреть на него — свысока смотреть; 50
Но где мощь гнет мощь — там он тяжек.
Так в пшеничную Ливию, в Антеев дом
Пришел из Кадмейских Фив
На борьбу,
Чтоб не крылся черепами гостей Посидонов храм,
Человек
Видом мал, духом тверд, —
- 4 с. Сын Алкмены, 55
Исходивший землю и седое море в крутых берегах,
Укрощая путь корабельщикам,
Чтобы взойти на Олимп,
Где и ныне при Эгидоносце
Обымает он прекраснейшую из отрад,
Чтимый друг богам,
Супруг Гебы,
Царь золотого дворца, 60
Герге — зять.
- 4 а. Это для него у Электриных ворот
Мы, его одпоземцы,
Правим мир,
Свежие вьем венки для алтарей
И в огонь громоздим
Жертвы павшим восьмерым, заковапным в медь,
Сынам от Мегары, дочери Креонта.
Это им
На закате света встает огонь
И всю ночь бьет воздух душистым дымом,
А наутро — быть
Годовой игре, подвигу силы,

И это там,
 Миртами убеливши лоб, 70
 Двойную свою победу явил Мелисс,
 После третьей, прежней, меж отроками,
 Когда вверился он советному уму
 Кормчего своего у кормила.
 С ним, чье имя Орсей,
 Соединю я Мелисса в величании моем,
 В сладких росах струящейся благости.



5. «Эгина»

*ФИЛАКИДУ ЭГИНСКОМУ,
 сыну Лампона, брату Пифея,
 на победу в разнорыбье.
 Год — 479—478.*

- 1 с. Зрячая Фия,
 Многими пменами именуемая
 Матерь Солнца,
 Это ты научила людей
 Сильное золото чтить превыше всего,
 Это в царскую твою честь
 Дивно состязаются в вихревой борьбе 6
 В море корабли и в колесницах кони,
 1 а. А в битвах игр
 Вожделенную обретает славу
 Густо увенчанный победитель 10
 В мощи мышц, в скорости ног.
 Людская сила метится божеством.
 Два лишь блага взмечают пух
 цветущего обилия —
 1 а. Хорошее дело и добрая молва.
 Если выпали они тебе на долю — 13

Не рвись быть Зевсом: у тебя есть все.
Смертному — смертное!

- Пусть на Истме расцвели два подвига борьбы
Для тебя, Филакид,
А в Немее — для тебя вдвоем с Пифеем,—
Не вкусна мне песня боз Эакидов! 20
И Хариты меня привели к сынам Лампона
- 2 с. В этот город, где благ закон;
Чиста его дорога для божьих дел,—
Не преминь же
Песнею вмешаться в похвалу его трудам, 25
Ибо слово — мзда для добрых бойцов,
Ибо гремят они в разноголосье флейт и лир
- 2 а. Во веки веков.
Это Зевсом велено им стать заботой певцов:
Сильным сынам Инея — в светлых жертвах
этоляц, 30
Коногону Иолаю — в чести от Фив,
В Аргосе — Персею,
Над цогоком Еврота — конью Полидевка
и Кастора,
- 2 э. А в Эноне —
Высокому пылу
Эака и Эаковых сынов —
Тех, что дважды
Боем попрали Трою
Вслед Гераклу и вслед Атридам.
Оттолкнись же — и в путь!
Скажи:
Кто убил Кикна? Кто Гектора?
Кто — эфиоцкого воеводу, бесстрашного Мемно-
на в медной броне? 40

- И кто вонзил копье
В лучшего Телефа над берегом Каика?
3 с. И уста мои ответят:
Родина им — Эгина, остров из островов,
Издавна строенная
Неприступная башня высочайших доблестей. 45
Тысячей стрел
Готов о ней грянуть мой речистый язык,
А порука тому — город Аянта,
Саламин,
Выстоявший перед Аресом силою гребцов,
3 а. Под смертным ливнем Крониона,
В бушующей гибели несчастных мужей. 50
Но гордыню ороси молчание!
Зевс пасет и это, и то;
Зевс — всему владыка!

- А победную радость в милом меду
Любит и здешняя честь.
Кто выйдет на бой,
3 а. Изведав породу Клеоника? 65
Долгая усталь не ослепляла их мужей,
Щедрые траты не иссушали их надежд.
Так хвала же и тебе, Пифей,
Проторивший путь Филакиду меж гибкими, 70
В кулачном беге сильный умом!
Отнеси ему венок, вручи льняную перевязь
И на юных крыльях устреми к нему песнь.



6. «Теламон»

ФИЛАКИДУ ЭГИНСКОМУ,
сыну Лампона, брату Пифея, племяннику Евфимта
на победу в разнорыбе.

Год — 484 или 480.

- 1 с. Как на мужеском цветущем пиру,
Повторную чашу
Я напелю песнями Муз
Во славу Лампоновой породы.
Счастливая в борьбе,
Впервые снискала она в Немее
Лучшую красу венков твоих, Зевес;
А ныне вновь
От владыки Истма и пятидесяти Нерейд,
Лучший в оружии меж сынами,
Принял победу
Филакид.
О, если бы и третья об Эгинской земле
Брызнула возлиянием медовая песнь —
Зевсу — Олимпийцу!
- 1 а. Кому из смертных в радость трата и труд 10
Для богозданных дел,
В ком святой посев богозданной славы,
Тот люб богам,
Тот бросает якорь у предела счастья.
Радости той достигь
Раньше черной смерти и белых седин 15
Молит потомок Клеоника.
И я кричу
К высокому престолу Клио и ее сестер:
Да сбудется по слову друга моего!
- 1 в. Эакиды золотых колесниц!
Ясный мне поставлен устав: 20

- Не излив росы славословящих похвал,
Не ступать на землю Эгины,
Десять тысяч торных дорог след в след
Мерены по вашим подвигам
За Нильский исток и за гиперборейский край.
Безъязычная или иноязычная
Есть ли даль,
- 2 с. Где не слышано о Пелее, зяте богов, 25
Или о Теламоновом Аянте, или
О его отце,
Которого повел на судах,
Верного соратника тиринфянам,
Сын Алкмены 30
В медную радость боя?
Это с ним он полонил Пергам,
Это с ним сокрушил меронов
И на флегрейского волопаса Алкиопея, который —
как гора,
Гудящую свою натянул тетиву
- 2 а. Геракл. 85

Он пришел позвать его в море
И застал его на пиру.
Он стоял в львиной шкуре,
Крепкий копьем,
А лучший Теламон
Для нектарного возлияния
Подал ему винную чашу, вздыбленную
золотом, — *40

И Амфитриониад,
Вскинув к небу необорные руки,
Вымолвил такие слова:
«Отец мой Зевс!
Если доброхотен ты к мольбе моей,—

- 2 а. Заклинаю тебя, заклинаю святою клятвою:
 Да будет от Эрибеи сын, 15
 Чтоб полна была доля моего гостеприимца!
 Да будет он тверд, как шкура вокруг меня,
 Добытая в первейшем немейском бою,
 И да будет дух его мужествен!
 Так сказал он,
 И явился от бога над ним
 Орел, царь птиц,
 И сладкая радость уколола сердце его,
- 3 с. И он молвил, зазвучав, как провидец:
 «Будет тебе сын по мольбе твоей, Теламоп!»
 И он прорек ему зваться Аянтom по явленному орлу
 И быть первым в трудах Эниалия.
 Он сказал: он сел,— 55
- но длинна мне трона его подвигов!
- К Филакиду,
 И к Пифею, и к Евфимену
 Я пришел, моя Муза, кладовщиком торжеств,
 И слова мои по-аргосски кратки. 60
- 3 а. Пятиборные три победы
 Пожали они на Истме,
 А иные — в густолистой Немее,—
 Два светлые сына с братом их матери.
 Сколько песен вывели они на свет,
 Краснейшею рососою Харит
 Увлажняя отчину Псалихидов,
 Утверждая дом Фемистия,
 Обитая город, дорогой богам!
 А Лампон, прилежа к их делу
 Во славу Гесиодова слова,
 Назидает, бодрит,
- 3 а. Общую красу готовит сынам и городу,
 Чтимый гостями за добрые дела, 70

Меры искатель, меры блюститель,
Чьи слова и мысли — одно.
Меж борцов он — как ваксосский камень, остря-
щий медь,
И ему поднесу я
Диркейскую святую струю,
Подпоясанными дочерьями Мнемосины в золотом
покрывале
Выбитую у крепких ворот
Города Кадма.



7. <«Фивы»>

*СТРЕПСИАДУ ФИВАНСКОМУ,
племяннику Стрепсиада, павшего в бою,
на победу в разномборье.
Год — 454 (?)*

- ¹ с. Какая тебе радость радостней всех,
Блаженная Фива,
Меж радостей твоей земли?
Рождество ли Диониса,
Кудрявого сопрестольника Деметры, гремящей
в медь?
Нисхождение ли высшего меж богов 5
В полуночном золотом дожде
- ¹ а. К Амфитрионову дому,
Чтобы севом Геракла настичь жену?
Или тучная дума Тиресия?
Или мудрый о конях Иолай?
Или спарты с неустаяющими копьями? 10
Или битвенный крик,
- ¹ э. От тысяч павших друзей погнавший Адраста к
конному Аргосу?

- Или ставленные тобою
Выселки Дориды в Лаконской земле
И Амиклы, павшие от твоих Эгидов,
По вещему слову Пифии? 15
Но счастье бывшего — сон:
Люди беспамятны
- 2 с. Ко всему, что не тронута цветом мудрецов,
Что не влажено в струе славословий.
- Правь же ныне праздник, 20
Пой же красные песни
Стрепсиаду!
Он несет от Истма многоборный венок,
Он мышцей могуч, он статью красив,
И доблесть ему под рост.
- 2 а. Он сияет в Музах с синими кудрями,
И ветвь его осеняет
Брата его матери, соименного ему,
Чья участь замешана под медным щитом Ареса. 25
- Награда честному — честь:
Поистине,
Кто от милой родины отвел кровавый град,
- 2 а. В туче боя выйдя с мечом пред вражье воинство,
Тот знай:
Великую умножит он славу о согражданах
В жизни и в смерти. 30
Сын Диодота,
Ты недаром хвалил битвенного Мелеагра,
Хвалил Гектора, хвалил Амфиарая:
Цветущую твою юность ты выдохнул
- 3 с. В гуще первоборцев,
Где лучшие держали боевой спор 35
На пределе надежд.

Несказанно было мое горе.
Но земледержец
Ясное небо выпас из грозы —
И вот моя грива украшена соцветьями,
И песня у меня на губах.

- Да не тронет зависть небожителей
- 3 а. Радостей повседневно, 40
За которыми вслед
Мирным шагом я шагаю в старость и в смерти
Смерть всем одна,
Но судьба над всею — неравная.
Где дальний взгляд — там недалний путь,
Там не вспрыгнуть к медному полю, где троны богов,
Там крылатый Пегас
- 3 а. Сбросил всадника, равнившегося к урочищам
небес,
В Зевсов сход —
Беллерофонта.
Неправедной сладости — горький конец.
А ты, Локсий,
Цветущий золотою гривой,
Дай нам и у Пифона в состязаниях твоих 50
Лучший венок.



8. «Свадьба Фетиды»

*КЛЕАНДРУ ЭГИПСКОМУ,
двоюродному брату Никокла,
на победу в разноборье среди мальчишек.
Год — 478*

- 1 с. Для Клеандра в его цвету
Славную мзду трудам
Всколыхните, юные,

Перед блестящим косяком Телесарха, его отца:
Торжество об истмийской победе
И о том, что в Немее обрел он силу борьбы.
За него и я
Призван воззвать к золотой моей Музе, 6
Свеяв скорбь с души.

Из великих вышли мы бед,
Так нашим ли лбам сиротеть неувенчанными,
Нам ли лелеять боль?
От ненужных зол
Вынесем сладкое перед людный слух,
Избыв труды.
Некий бог отвел
Тапталову глыбу от наших глав,
2 с. Непереносимую для Эллады тягость. 10
Страх отлетел —
Гнущей заботе конец.
Подножного держись —
Ибо коварно
Нависло над людьми и кружит им жизненную
тропу
Время,
И только в вольности — целение наших рап. 15

Преисполним же доброю надеждой сердца,
Посвятим же Эгине первоцветы Харит,
В семивратных возлелеянные Фивах!
Две сестры-близнецы от единого отца,
Младшие в Асоповом племени,
Обе вы угодны были Зевсу-царю;
И одну он поставил над городом колесниц,
У прекрасных Диркейских струй, 20
3 с. А с тобою он спал на Эвоийском острове,

Где и родила ты ему, тяжко гремящему отцу,
Эака,
Любезнейшего из смертных,
Решителя распрей меж бессмертными;
А его богоподобные сыновья
И угодные Аресу сыновья сыновей
Под стонущий медный гром
Подвизались в мужестве,
Безупречные разумом, мудрые душой.

25

Памятовал о том и блаженный сонм,
Когда Зевс и яркий Посидон
Спорили о ложе Фетиды:
Каждый желая ее, прекраснейшую в супругах,
Каждый покорствуя любви.
Но не им назначили ее участь бессмертные заботы
богов,

30

4 с. Вяняв судьбе,

Ибо молвила меж них советная Фемида:
«Суждено морской богине родить
Сына-царя, царственнее отца,
И быть его дроту сильней,
Чем перун и неумный треазубец,
Коль сольется с нею Зевс или Зевсов брат.
Оставьте же спор:

35

К смертному пусть прильнет она ложу
И павшим в бою
Пусть увидит она сына своего,
Аресу подобного мышцей,
Молнии — остротою ног.
И слово мое — вот:
Пелею, сыну Эака,
Уступить божью честь супружества,
Ибо набожней никто не слыл в Иолкской

земле.

40

- 5 с. Устремите же гонцов к нерушимой пещере Хирона,
 Чтобы вновь не срывать нам
 Листья ссор
 За Нерееву дочь.
 В вечер полнолуния
 Пред силою витязя
 Пусть она разомкнет 45
 Милую узду девичества.
 Так сказала богиня двум Кронидам,
 И они отвечали кивком бессмертных бровей.

- Не сгинул плод ее слов;
 Вождь сам поспешил на брак Фетиды;
 И уста умельцев возвестили неведающим
 Молодую доблесть Ахилла.
 Он обрызгал лозы мизийских равнин
 Кровью черной пагубы Телефа, 50
 6 с. Он вымостил Атридам победный возврат,
 Он вызволил Елену,
 Он копьем подсек жилы Трои —
 Тех, кто шел на него,
 По равнине вздымавшего смертный боевой труд:
 Мощь надменного Мемнона,
 И Гектора, и других борцов. 55
 Всем указал им обиталища Персефоны
 Ахилл, столп Эакидов,
 Осиявший свою Эгину и корень предков своих,
 В самой смерти не оставленный песнями:
 Над костром его и над курганом его
 Разливали Геликонские девы бессмертный плач,
 Ибо велено богами:
 Доброму мужу и по смерти быть в песнях
 богинь. 60

7 с. Велению этому и ныне срок:

Колесница Муз

Ринулась вызвенеть память о бойце Никокле.

Никоклу — честь!

В долах Истма причастился он дорийской зелени,

Неизбежною рукою настигая окрестников, ⁶⁵

Не посрамив племени отцовского брата, избранного
меж мужей.

Заплетите же, сверстники,

Нежный мирт в венок многоборному Клеандру;

Недаром удача шла рядом с ним

В Алкафоевом споре и меж юношей Эпидавра!

И достойный не откажет ему в похвале,—

Он не смял, он не скрыл

Юность свою, не чуждую прекрасного.





ОТРЫВКИ

І. ЭПИНИКИИ

1. ДЕВЯТАЯ ИСТМИЙСКАЯ ПЕСНЬ

[Адресат неизвестен.]

Славно имя Эака,
Славна Эгина о несчетных кораблях:
Это божий суд
Привел, чтобы ее утвердить,
Дорян Гилла и Эгимия,
Это их уставами пасутся здесь люди,
Не преступая ни правды богов, ни прав чужезем-
цев; ^б
В море они — как дельфины,
И как мудрые судьи — в трудах Муз и спорах
борьбы...

.....

2—3. КАСМИЛУ РОДОССКОМУ,

на победу в кулачном бою

Кто хочет и может
Претерпеть отраду,
Вняв советному слову Дальнего Стрельца
Агамеду и Трофонию...

«...А об Агамеде и Трофонии Пиндар рассказывает, будто когда они выстроили дельфийский храм и просили у Аполлона вознаграждения, то бог вещал, что воздаст им на седьмой день, и призвал их вволю насытиться. Они повиновались, и вот на седьмую ночь оба они скончались во сне».

4. МИДИЮ ЭГИНСКОМУ

Если хоть единый из смертных...

5. ИЗ НЕИЗВЕСТНОГО ЭПИЦИКИЯ.

[О Нерейдах:]

Сизифу, сыну Эола,
Они повелели воздвигнуть
Отовсюду видную честь
Угасшему отроку Меликерту...



II. ГИМНЫ

29—35. ГИМН ЗЕВСУ ДЛЯ ФИВАНЦЕВ

29. Что воспеть нам?

Исмена

Или Мелию о золотом веретене,

Или Кадма,

Или спартов, племя святых мужей,

Или Фиву в синем венке,

Или все превосмогающую силу Геракла,

Или щедрую славу Диониса,

Или свадьбу белорукой Гармонии?..

5

30. ...Самую же первую —

Советную Справедливость на золотых конях,

Небожительницу,

От истоков Океана к державному порогу

Олимпа

По блещущему пути

Примчали Судьбы

В незапамятные супруги Спасителю Зевсу;
И повитые золотом, и сияющие плодами,
Рождены от них
Времена.

31. «Пиндар говорит, будто сами боги на пиру у Зевса, когда тот спросил, не нужно ли им чего, умоляли, чтобы он создал себе таких богов, которые бы великие эти дела и всякое его устройство украшали словом и напевом».

32. [*Кадм слышал Аполлона,*]

Прямые являющего напевы...

33. ...Владыку, что сильней всех счастливцев,—
Время...

33а. [*Геракл, сын Зевса:*]

Священною палицею в руке...
Грянул он на воинство,
[Не огню,] не морю, не вихрю,
[А подобный молнии]...

33б=147. [*Аполлон, сын Зевса:*]

В пору и рождества Аполлона...

33с=87. ..Радуйся, богозданный остров,

Поросль, желанная для детей Латоны, в чьих
косах — блеск,

Порождение моря,

Недвижимое чудо широкой земли,

От людей именуемое Делосом,

А от блаженных олимпийцев — Звездой,

Далеко сияющей по синей земле...

38—41. ГИМН К УДАЧЕ

38. Не мощь, а Удача — правительница побед...
39. Удача, несущая города...
40. Неумолимая кормица двух кормил...
41. Удача, единая из Долей — Мойр,
Ты сильнее сестер своих...

42—43. ИЗ НЕИЗВЕСТНЫХ ГИМНОВ

42. Не должно показывать чужим
Тяготы наши.
Вот тебе мои слова:
Сколько блага есть и радости на доле твоей, —
Выставляй их пред всеми;
А что несносного и недоброго выпадет людям ^б
от богов, —
Да будет окутано тьмою...
43. ...Сын мой,
Да будет ум твой — как кожа твари из-под
скал морских:
Так и разговаривай с человеком всех городов.
Охотною похвалою вторь собеседнику,
Думай нынче так, а нынче иначе...

51. ГИМН АПОЛЛОНУ ПТОЙСКОМУ

...Перепрянув землю и море,
Встав на . . . кручах,
В складки гор разбросал он семена священных
рощ ...

...И нашла дева приют у трех гребней Птоя...
...[Тенер], вещун, храмовник,
Соименник этих равнин...



III. ПЕАНЫ

52а. П е а н 1.

ФИВАИЦАМ НА ПРАЗДНИК ИСМЕНИИ

...Пока мерзкая не приспела старость,
Пока тень не упала на душу,
Будь дума человека — о мере,
Будь взгляд — на именье дома его.

Иэ, иэ!

Свершился год,
И дочери Правды, Времена
Сходят в Фивы, копогонный город,
К Аполлонову пиру, украшенному венком!
Пусть же и народ свой
Он увьет цветами разумного благозакония!

6

52b. П е а н 2.

АБДЕРИТАМ

- 1 с. Сын наяды Фронии,
Сын Посидона,
Ты, Абдер, одетый в медную броню,
От тебя начав,
Поведу я пеан перед Ионийским людом
К Аполлону Деренскому и к Афродите...
.....

[Говорит Абдера:]

- 1 а. «...И дом мой — фракийская земля, 25
 Благоплодная, многовиноградная.
 Да не устает большое Время в беге своем упрочить меня!
- Новозданная,
 Видела я мать моей матери,
 Ббитуя в прах вражеским пожаром. 30
 Но кто выступит силою за друзей на врагов,
 Тому труд в добрый час обернется миром».
- Иэ, пеан! Иэ, пеан! Не смолкайте, звуки! 35
- 2 а. 60
 Что повито в чести и в добром совете,—
 Над тем не вянет безоблачная нега,—
 Да пошлет ее бог и нам!
 Кто умер встарь,
 Тех не тронет вражеская ревность, 55
 И потомки воздадут своим предкам
 Долею дальней славы.
- 2 а. Это им 60
 Войною далась даровитая земля,
 Божественная кормилица людям;
 Это они утвердили изобилие,
 Это они отогнали за Афон пеонийские копыя;
 Судьба перестигла их,
 Но с претерпевающими — бог. 65
 Потрудившийся в добром
 Лучится хвалебною молвой:
 Высочайший блеск
 Осиял их на врагов у Меланфилла...» 70
 Иэ, пеан! Иэ, пеан! Не смолкайте, звуки!
- 3 с. «...Но будет день — и смутится у реки
 Малое оружие пред великим вопиством». 75
 В месяце первый день,

Он был назван обуюю в красное благосклонной
Гекатой,

Чтобы так тому и быть;
И вот труженицы сладких [песен]... 80

.....

3 э. Тебя, [Аполлон],
Призывают наневы душистого Делоса,
А на кручах Парнасских скал —
Дельфийские девы с кружащимися глазами
В быстроногом хороводе
Мощным голосом звенят к тебе сладкую
песнь. 100

А ты, Абдер,
По-доброму осени меня благодатью на славные де-
ла,

И войско, радующееся коням,
Силою твою
На последний выведи бой. 105
Иэ, пеан! Иэ, пеан! Не смолкайте, звуки!

52d. П е а н 4.

КЕОСЦАМ В ЧЕСТЬ ДЕЛОСА

[Говорит остров Кеос:]

.....

1 э. ...Дом мой — скала, 25
По ведом я доблестью по играм Эллады;
Я — питатель Муз;
И пива Диониса несет мно дар жизни, целенье
в беде. 25

Ни коней у меня, ни рогатых стад,—
Но не отдал ведь Меламп
Родину свою и провидческий дар
Даже за аргосское царство,— 30

- Иэ, иэ, о! иэ, певн! —
- 2 с. Домашний свой город, сверстные и родные
 Были ему и любимей и милей.
 Пусть гонится глупец за тем, что вдали,—
 А мне по душе слово царя Евксантия:
 Он отверг критян, просивших о царе,
 Не вошел в седьмую долю с сынами Пасифаи,
 А сказал он им знаменье:
 «Боюсь Зевса-Воина 40
 И боюсь землетрясающего бога, чей гулок удар:
- 2 а. Молнией и трезубцем
 Землю и люд
 Обрушили они в тартаровы недра,
 И оставили только мою мать 43
 В терему за красною оградю.
- Мне ли
 За чужое добро, за дальний большой надел
 Блаженные отринуть уставы моей земли?
 В этом ли твердость?
 Нет, моя душа: 60
 Не тебе кипарисы, не тебе идейские пастбища!
- 2 э. Доля моя — малая куна дубов,
 Но ни страсти в ней, ни смятеция...

52е. Певн 5.

АФИНИНАМ В ЧЕСТЬ ДЕЛОСА

[Об ионянах:]

- ...и взяли, и держали Евбею, —
- 7 с. Иэ, Аполлон Делиец!
 Они встали на севах стадных островов
 И на Делосе с широкою славою,
 Ибо дал им домом золотокосмый Аполлон 40
 Тело Астерии,—

- С матерью Мнемосиною и с владыкою черных
туч 66
- Это ваш удел!
Слушайте же меня:
Жаждет язык мой излить сладкорунный мед
На пиру богов, на широком ристалище Лок-
сия, 80
- 2 с. Меж жертв,
Приносимых за блещущее всеэллинство,
От которого отмолил дельфийский народ
Тот голод... 65
-
- ...В смертном лике Париса,
Спустив стрелу с тетивы,
Бог, бьющий вдаль, 80
Надолго уберег Илион от разорения,
- 2 а. Грянувшей смертью сокрушив 85
Верную ограду ахеян,
Мощного сына морской Фетиды с синими кудрями.
Неукротимый духом,
Как он спорил с Герою, богиней о белых локтях,
Как он выходил на Полиаду!
Не велик был бы труд низринуть Дарданию, 80
Не будь над ней Аполлон.
Но над золотыми тучами и кручами Олимпа
Восседая, Зевс
Не волен перемерить меру судьбы, предел богов:
За высоковолосую, 85
За Елену был должен в пылу палящего огня
Сгинуть просторный Пергам.
- И когда в оплаканный плачущими могильник
Лег мощный труп Пелеева сына,
То через соленую волну 100

- Поплыли гонцы на Скирос
За широкою силой Неоптолема,
2 а. И Неоптолем сокрушил Илион.
Но не судьба была ему увидеть милую мать,
Не судьба была водить по отчим полям
Мирмидонских конников
В медных шлемах,—
Его вынесло к Томару в молосской земле,
Не щадимого ни бурями,
Ни тем, чей широк колчан и далек удар,—
Ибо поклялся Феб:
Кто старца Приама убил в прибежище алтарного
очага,
Тому не достичь ни радостного дома, ни прекло-
ных лет
И меж слуг, в раздоре за должный дар
Он сразил Неоптолема
В ограде своей, там, где цуп Земли.
Иэ, иэ, юноши, пойте, иэ, пеан!
- 3 с. Ты царишь над Дорийским морем,
Остров со славным именем,
Сияющая звезда Эллинского Зевса!
Не дадим тебе возлечь за жертвенный стол,
Не почтив тебя пеанами:
Наши песни взлетят к тебе, как прибой,
И ты скажешь нам,
От какого бога ты — первая средь морей
и праведная меж путников?
Это он, вершащий и это и то,
Всевидящий Кронид,
Одарил тебя обилнем,
У вод Асопа,
У самого порога дверей ео

Взяв высокогрудую деву Эгину,— 135
 Золотыми прядями воздуха
 Он окутал широкую спину Земли,
 Чтоб на ложе бессмертия... 140

52н. П е а н 7 в.

[ПАЛЛЕНЯЦАМ?] В ЧЕСТЬ ДЕЛОСА

...Я молю Мнемосину, дочь Неба, под добрым ее
 покрывалом,
 И молю дочерей ее:
 Дайте мне доброе умение!
 Ибо слепы людские умы,
 Если без повода геликонских дев
 Ступают на путь в глубь мудрости земной. 15
 Но мне завещан от них мой бессмертный труд...

...Верить или нет?

Дочь Кел, не желая Зевса...
 ...Я страшусь повествовать невероятное... 45
 Бросившись в море,
 Явилась она сияющей скалой
 И от давних мореходов названа Ортигией.
 Без устали носилась она по Эгейским волнам,
 Но Всемогущий 50
 Пожелал смешаться в любви,
 Чтобы родить сына, носителя колчана...

52и. П е а н 8.

ФИВАНЦАМ НА ПИФИЙСКИЙ ПРАЗДНИК

...Бурливый ветер, о Музы, 65
 Унес тот храм в край гиперборсеев;
 Зато другой,

Возведенный всеискусной рукою Гефеста и Афины,
 Как строен встал,
 С медными стенами,
 С медными столбами вокруг стен,
 И золотые вшестером из-под орлиной кровли 70
 Пели чаровательницы...
 ...Но чада Крона,
 Разверзнув землю перуном,
 Поглотили святейшее меж творений,
 Гневные на усладу,— 75
 Ибо гибли
 Приходящие к ней от детей и жен,
 Прилепляясь духом к медовому пенито.
 Выковку чистейших [слов], 80
 Избавление от смерти, выкликнутой девами,
 Вложила тогда Паллада
 В глас о прошлом, сущем и будущем,
 И Мнемосина... 85

П е а н 8а. [Вещание Кассандры]

...заввучало вещее сердце жрицы 10
 Смертным стоном,
 И слова ее были, как гора средь слов:
 «О Кронион, 15
 Бес[предельный],
 Широко видящий,
 Ныне вершишь ты давно сужденную страду,
 О которой видение поведала Дарданидам Гекуба,—
 Чреватая тем мужем,
 Видела она, что рождает огненосную Эриннию о ста
 руках, 20
 Чтобы пал от нее Илион
 В пепел...»

Ради вас
Лестные звуки сплести с вымыслом ума и свистом
флейт.

Бог, бьющий вдаль,
Я несу умение моих Муз
К твоему прорицалищу, Аполлон, 40
2 а. Где некогда широкий силою Тенер, избранный ве-
щатель уставов,
Рожден был девою Мелией, дочерью Океана,
Понесшей на твоём ложе, кипфийский бог!
Это ему
Ради мудрого мужества его
Вверил ты Кадмов люд и Зетов град,
Бог-отец с нестриженною гривой;
Это его
Чтил превыше всех смертных
Бог морей, потрясающий трезубцем,
Напрягая берег Еврипа...

52m. П е а н 12.

НАКСОЦАМ В ЧЕСТЬ ДЕЛОСА (?)

...с берега Наксоса,
Вкупе с Харитами,
Заклать жертвою тучные стада
Близ той Кипфийской скалы,
Откуда Зевс,
Темнящий тучи, сверкающий громом,
Сидя на вершине,
Ждал часа,
Когда не рождавшая дочь Кея
Разрешится от сладкой муки;
И когда, как солнечный луч,

Явились на ясный свет
Близнецы — младенцы,—
Громкий крик излетел из уст Лахесы и Илифии...

54—55. [К АПОЛЛОНУ ДЕЛЬФИЙСКОМУ?]

54. «[Этот камень в Дельфах] называют пупом земли: Пиндар говорит, что это на него слетелись два орла, пущенные Зевсом с запада земли и с востока».
55. «Пиндар говорит, будто Аполлон одолел Пифона силою, и Земля за это хотела низвергнуть его в Тартар».

57. ЗЕВСУ ДОДОИНСКОМУ.

Отче Додоны,
Мощный силой,
Высший уменьем...

ИЗ НЕИЗВЕСТНЫХ ПЕАНОВ

61. Надеяться ли на мудрость людскую,
Что одна не бросает человека на человека?
Не проникнуть в умыслы богов
Земным умом,
Ибо он рожден от смертной матери...
70. Сила Ахелоя,
Источник Европы
И струи Черной реки,—
Вот кто поит самый певучий тростник...



IV. ДИФИРАМБЫ

70b=79. ДИФИРАМБ ФИВАНЦАМ.
«Исхождение Геракла, или Кербер»

- 1 с. В давнее время бечевою тянулся дифирамб,
И печистое «с» вылетало из губ у людей;
Ныне же новые врата
Раскрыты священным хороведам...
...Зная, 5
Что за праздник готовят Бромиию
Под скиптром Зевса
Урапиды в небесном дворце,
Пред державной Матерью богов
Первыми грянут тимпаны,
Ударят кроталы, 10
Вспыхнет факелом рыжая сосна,
Прозвучат глухие стоны Наяд
И безумные «алалала!» с запрокинутыми шеями;
Дышащий огнем шевельнется всемогущий
перун 15
И копье Эниалия,
И просвистит десятью тысячами змей
Мощная эгида Паллады.
- 1 а. Быстрая приспеет Артемида из уединений своих,
Львиный род 20
Приводя к вакхическому неистовству,
Ибо и звериным стаям в хоровом кругу
Радуется Бромий.
- А я,
Избранный вестник искусных слов,
Музою воздвигнут к мольбе
Об Элладе, крае красных хороводов,—
Ибо родом я из Фив, прогибающих колесницы,

Где когда-то Гармонию, говорит молва,
Взял в жены Кадм за высокий ее дух,—
И вняла она голосу Зевса:
Родилось от нее племя, славное между
людьми.

Дионис...

71. ВТОРОЙ ДИФИРАМБ ФИВАИЦАМ

«В гипорхемах Пиндар пишет, что дифирамб был изобретен на Наксосу, а в I книге дифирамбов — что в Фивах».

72—74. ДИФИРАМБ ОБ ОРИОНЕ

«Гирия в Фиваиде... где родился Орион, как о том говорит Пиндар в дифирамбах».

72. ...Некогда панцырный набросился Орион
На чужую жену...

74. ...Гонится за Плейопою, и пес при нем...

75. ДИФИРАМБ АФИНЯНАМ

В круг наш
Светлую радость свейте, олимпийцы,
Шагающие там, где курится финнамом
Пуп святых Афин, средоточие всех путей,
И блещет всенскусная площадь!
В венках из фиалок и вешних песеп
Склонитесь ко мне —
Выступающему от Зевса в блеске моем
К сугубой песне
Во славу бога, венчающего плющом,

Бромием и Эрибоем называемого меж
смертными! 10

Мы поем

Отпрыска высшего родителя и кадмейской жены.

Зримые его знаки не скрыты от провидца,

Когда Оры в багреце своем распахнули чертог,

И весна благоухает нектарными злаками. 15

Тут и рассыпаться по бессмертной земле

фиалковым купам,

Тут и вплестись розам в пряди кудрей,

Прозвенеть голосу певучих флейт,

И поющим взойти к Семеле с перевитой головой!..

76—77. ВТОРОЙ ДИФИРАМБ АФИНЯНАМ

76. Блещущие жиром,

Увенчанные фиалкам,

Звонящие в песнях,

Славные Афины —

Оплот Эллады, город под сенью божества...

77. [*при Артемисии*],

...где сыны афинян

Заложили сияющее основание

Вольности...

ИЗ НЕИЗВЕСТНЫХ ДИФИРАМБОВ

78. Воняский клич «алала!»,

Дитя Войны,

Предварение копий на копья,

Ты, для кого

Священную смерть принимают мужи,

Жертвуя собою за отечество,

Слушай меня!..

80. Владычица Кибела, Матерь богов...
81. ...Тебе, Герион, хвала,—
Но ни слова о том, что не мило Зевсу!
82. Блистательный Египет над кручами берегов...
83. Было: свиньями звали беотийский народ...



V. ПРОСОДИИ

89. Запевая ли, замолкая ли,
Кого помянуть,
Как не Латоу о широком поясе,
Как не деву-погонщицу скакунов?..

91—93. ПРОСОДИИ О ТИФОНЕ

«Пиндар в своих просодиях представил, будто боги, гонимые Тифоном, принимали вид не человека, а иных животных, и что влюбленный Зевс становился то быком, то орлом, то лебедем....»

92. ...Этна его облегает безмерными узами...
93. Ты единственный меж богов, родитель Зевс,
Неприступного укротил
В Аримах стоглавца Тифона...



VI. ПАРФЕНИИ

94а. ПАРФЕНИЙ ЭОЛАДУ ФИВАНСКОМУ

- ...вершу я, как некий
с. Священнослужитель.

Разная честь суждена людям:
Кто доблестен —
На том тяготеет Зависть,
А у кого за душой — ничто,
Тому кутает лоб черное безмолвие. 10

- а. Моя же молитва к Кроновым сынам —
За Эолада и за племя его,
Чтобы ровным было время их счастья:
Ибо дни земнородных бессмертны — 15
Смертно лишь тело.
Но чей дом не рухнул, осиротев детьми,
Под ярмом насильной Неизбежности,—
Тот живет,
Избежав тяготящей заботы;
А что было до рождения его...

94б. ПАРФЕНИЙ ФИВАНЦАМ НА ПРАЗДНИК ДАФНЕФОРИЙ

- 1 с. ...это Локсий идет,
В благодати своей умножая бессмертные свои дары
Фивам. 25

- 1 а. Подпояшу я проворно платье мое,
В нежные возьму я руки блестящую лавровую
ветвь

- И воскликну хвалу
Славному стану Эолада
И сына его Пагонда. 30
- 1 а. Венками цветет мой девичий лоб,
А песни мои
Под звуки флейт из лotosовых стволов
Вторят ладу Сирен, 35
- 2 с. Пред которым смолкает
Мгновенный порыв Зефира,
И Борей, трепещущий мощью бурь,
Отлетает, унимая быстрые волны моря... 40
.
- Много прекрасного
- 3 с. Помню я в словесной красе,
А иное ведает
Всевластный Зевс. 45
Мне же пристала
Лишь девичья мысль и девичья речь,—
- 3 а. Ни отца, ни мать
Того отрока, о ком забота моя,
Я не мину в дарственной песне.
Я взошла в наш хор
Верною очевиdiceю 50
Агасиклу
И славным гостями родителям его:
- 3 а. Встарь и вновь
Чтимы они от окрестников 55
За всеведомые победы их быстрых коней —
- 4 а. На берегах ли славного Онхеста,
Перед знатным ли храмом Итонии
Увили они венками свой лоб, 60
Или в Писе...
.

- 5 с. Не минул и потом их недобрый гнев:
За разумные заботы их
Вражьей злобою грянул он, не кривя языка,—
Но не свел их сердец
С верных путей справедливости.
- 5 а. Сын Дамены!
Благословенной стопою веди меня вперед,
И первую за тобой последует радостная дочь,
Ступая подошвами
Вслед лавру в пышной листве.
- 5 в. Андесистрота была ее наставницею...

94с=116, 117. ВТОРОЙ ПАРФЕНИЙ
ПА ПРАЗДНИК ДАФНЕФОРИЙ

В хоровод меня зовет Мусaget —
Предводи, Латона, служителя!..

95—99. ПАРФЕНИЙ ПАНУ

95. О Пан, блюдущий Аркадию,
Хранитель святых оград...
...Сопутник Великой Матери,
Сладкий любимец,
Важных Харит...
96. ... О блаженный,
Которого именуют олимпийцы
Вездесущим псом Великой Богини...
97. ...Ты цедь шь свою песнь...
99. ...Плясун, всех богов искуснейший...

104. ИЗ НЕИЗВЕСТНОГО ПАРФЕНИЯ

104а. Пиндар в «отдельных парфениях» говорит, что мужчины в любви молятся Солнцу, а женщины Луне.

104б. ПАРФЕНИЙ АПОЛЛОНУ ГАЛАКСИЙСКОМУ

Из всех овец,
 Как лучшая вода из источников,
 Материнское струилось молоко;
 Торопливо наполняли им чаны,
 Ни мех, ни кувшин не пустовали в домах,
 Полны были деревянные кадки и бочки...



VII. ГИПОРХЕМЫ

105—106. ГИПОРХЕМА ГИЕРОПУ

105. Пойми слова мои,
 Соименник божественных святых,
 Отец и вожделитель Этны!
 И меж кочующих скифов блуждает одипок
 Тот, у кого нет жилья на колесах, — 5
 Он в презренье...
106. ...От Тайгета — лаконский пес,
 Первый говчий густошерстного зверя;
 От скиросских коз
 Самое лучшее донется молоко;
 Оружье — в Аргосе,
 Колесницы — в Фивах,
 А в Сицилии, сияющей плодами,
 Быть повозкам, сработанным искусною
 рукой...

107ab.—108. ИЗ НЕИЗВЕСТНЫХ ГИПОРХЕМ

107ab. Засвистав

Пеласгийского коня, амиклейского пса,
Соревнующей стюпой
Мчись в угон за витым напевом,
Как на Дотии, открытом всем ветрам,
Тщетной смертью
[Ты] летишь за рогатой ланью,
А она лишь поворачивает шею...

5

.
...Я умею смесить ноги в легком плясе!
Критский в нем лад, и молосский над ним
гуд...

108. Когда бог указывает зачин,
То всякому делу — прима тропа
К доблести побед,
И всякий исход — прекраснейший...

.
Бог из тьмы почной
Лучезарный выведет свет,
И сумраком туч
Затмит чистейшее сиянье дня...

109—110. ГИПОРХЕМА ФИВАИЦАМ

110. Сладка война — для не изведавшего войны;
А кто сведом с ней,
Тот без меры трепещет прихода ее
В сердце своем...

109. ...Выпести бы вам, сограждане,
Под погоже небо ваше общее добро,
Взыскуя сияющего блеска

120—121. ЭНКОМИЙ АЛЕКСАНДРУ,
СЫНУ АМИНТЫ

120. Славный соимецник Дарданида,
Сын Аминты, отважный духом...

121. Славословия подобают лучшим...
...В прекрасных песнях...
Только в них достигает нас бессмертная честь,
А в молчанье — и прекрасное гибнет.

122. ЭНКОМИЙ КСЕНОФОНТУ КОРИНФСКОМУ

- ¹ с. Девицы о многих гостях,
Служительницы богини Зова,
В изобильном Коринфе
Воскуряющие на алтаре
Бледные слезы желтого ладана,
Мыслью уносясь
К небесной Афродите, матери любви,
- ² с. И она вам дарует, юные,
Нежный плод ваших лет
Обирать без упрека с любвеобильного ложа:
Где вершит Неизбежность, там все — хорошо.
.
- ¹ с. Но что скажут мне правящие над Истмом,
Запев этой песни, сладкой, как мед,
Слыша обций с общими женами?
- с. Мы познали золото пробным камнем...
.
О владычица Кипра,
Сюда, в твою сепь
Сточенный сонм юных женщин для пастбы
Вводит Ксенофонт,
Радуюсь о исполнении своих обетов.

123. ЭНКОМИЙ ФЕОКСЕНУ ТЕНЕДОССКОМУ

- с. В должное время,
 В юные годы
 Надобно пожинать любовные утех;
 Но лучащийся блеск из глаз Феоксена —
 Кто, увидев его, не вспенится страстью,
 Сердце у того
 Черное,
 Из железа или стали 5
 На холодном выкованное огне,
 И Афродита с кружащимися очами
 Гнушается им;
 Или, верно, надрывается он о наживе,
 Или женским бесстыдством
 Сбит он, служа ему душою на всех путях.
 Но я, по воле богини, 10
 Таю,
 Как тает под вгрызающимся пламенем
 Воск священных пчел,
 Едва я увижу
 Юную свежесть отроческих тел.
 Недаром, явясь на Тенедосе,
 Харита и богиня Зова...
 ...сына Агесилая...

124. ЭНКОМИЙ ФРАСИБУЛУ АКРАГАНТСКОМУ

- ¹ с. Тебе, Фрасибул,
 Шлю я к застолью этот воз любезных песнопений,—
 И да будет он сладок в хмельном кругу,
 И да будет он стрекалом для Вакховых лоз и
 афинских чаш.
- ² с. Когда отлетают от сердца
 Бременящие заботы,—

Все мы вровень плывем по золотым морям
3 с. К обманчивому берегу,
И нищий тогда богат, а богач...
.
И набухают сердца,
Укрошенные виноградными стрелами...

125—126. ЭНКМИЙ ГИЕРОНУ СИРАКУЗСКОМУ

[О струнном барбитоне,]

...которому Терпандр Лесбосский
Был первооткрывателем,
На лидийских пирах
Заслышавший перекликающийся высокий напев
Пектиды...

.
Не угашай жизненных утех:
Сладкое бытие —
Лучшее из лучшего у человека.

ИЗ НЕИЗВЕСТНЫХ ЭНКМИЕВ

127. Люби и служи любви,
Пока дано тебе время;
Не гонись, душа,
За счетом старческих тягот...

128. ...всю прелесть утех Афродиты,
Чтобы вместе с Химаром пить
И плескать вино
За здоровье Агафонида...



IX. ФРЕНЫ

- 129— ...Сила солнца сияет им,
 130. Когда здесь — ночь;
 Слободы их — под лугами багряных роз
 И под сенью ладанных деревьев,
 Тяжких золотыми плодами... 5
 ...Для иных там копи и голая борьба,
 Для иных в усладу — кости игр и звуки лир;
 Дерево их блаженства — в цвету,
 Милый запах вест по удолям их,
 А на алтарях
 Смешиваются жертвы с блеснувшим вдаль
 огнем. 10

 Медленные реки
 Изрыгают оттуда сумрак черной ночи...
131. ...В блаженной доле
 Все минуют конец, избавляющий от трудов;
 И тело их следует за всемогущею смертью,
 Но жив остается облик бытия,
 Ибо только он — от богов.
 Он спит, когда члены наши — при деле их;
 А когда на них скатывается дрема,
 Он в несчетных снах
 Являет нам близящийся суд
 Меж теми, кому радость и кому беда...
133. ...А с кого Персефона
 Примет пенью за давящую давность,
 Души тех она выведет вновь
 К вышнему солнцу
 На девятый год,

И вырастут из них великие цари,
И кто ревностен силою, и кто мудр умом;
От людей же впредь станут они зваться:
Святые герои...

134. ...Обилие —

Не беглец от счастливых...

135. [Об Эномае:]

...Погубивший десять и трех —

Пал от четвертого...

136. ...Звезды, и реки, и волпы моря...

137. Блажен, кто сошел под землю,

Увидев, что он увидел:

Ведом ему жизненный конец,

Ведомо дарованное от бога начало...

139. Есть для детей Латоны о золотом веретене

Пеаны — урочные песни;

Есть иные — для Вакха, увенчанного

цветущим плющом,

Взметающие дифирамбы;

А иные выпестовали трое...

.
И одна поет о певчех Лине, о Лине;

5

Другая — о Гименее,

Похищенном Долею в первом касании его

брака,

Слагает смертную песню;

Третья — о Иалеме,

Сокрушенном в силе его

Жестоко на него ринутым недугом;
А о сыне Эагра...

.



Х. ИЗ РАЗНЫХ КНИГ

- 140а. [*Расправа Геракла с Лаомедонтом*]
 ...Геракл...
 ...всех преодолевающий силою...
 ...в гневе на царя, 56
 Неподобного терзателя гостей своих,
 Он воззвал к верховодцу Делоса,
 Он унял нечестие...
 ...славных звонкогремящих струн, 60
 О бог, далеко разящий!
 Вспомни,
 Как на всхолмьях божественного Пароса
 И тебе, владыка, и родителю твоему
 Воздвиг он жертвенник,
 По морским мостам 65
 Шагая к Лаомедонту
 Вестником назначенной участи!..
- 140в. Ион[ийской музе подстать]
 Песню и лад
 Измыслил для флейт
 Локриец от Зефирия, белого горба 6
 Над солью Авсонийской пучины...
 ...и он грянул, как пеан
 Аполлону и [ловчей Артемиде]. 10
 А я на его короткий запев,

Встрепенувшись,
Неленивый строю язык,
Битвенному зову
Откликаясь, как подводный дельфин
В невзволнованном море
Желанною потревоженный флейтою...

- 140с. [Тиндарида,]
Укромщающие бьющий папор морей
И быстрые взмахи ветра...

[О БОГАХ.]

- 140d. Что есть бог? Бог есть все...
141. Все от бога; от бога и прелесть песен...
143. ...Безвечные,
Безнедужные,
Не томимые заботами,
Чуждые гула ахеронтских волн...
144. Ты, сын Рея, гонщик громов...
146. [Афина:]
У правой руки отца,
Где молния и дышащий огонь,
[Воссевшая...]
148. Аполлон с широким колчаном,
Пляшущий владыка великолепий...
149. ...осужден быть благодетелем смертных...

150. Муза, вещай: я — пророк твой...
151. Муза меня подвигнула...
152. Весть моя слаще
Медуницами строенного сота...
153. Да умножит древесную поросль
Добрый Дионис,
Чистый светоч позднего лета...
155. Что мне сделать в угоду
Тебе, мощный громом Зевс,
Вам, Музы,
И тебе, божественное Благодушие,—
Молвите!..
156. Буйный топотун в хоровом кругу,
Малейских вскормленник круч,
Налсжник Наяды,
Силен...
157. [*Силен в споре с Олимпом:*]
«Однодневка,
Пустомолвка,
Ты ли, скудный, хвалишься мне добром?..»
158. [*О жрицах:*]
Радуется (Деметра) священным пчелам...
- [О ГЕРОЯХ]
159. Справедливцам ворнейший спаситель —
Время...

...тяжкое хрустенье костей,—
Было у меня время
Все увидеть и все понять...

169. Обычай — владыка над всеми,
Над смертными и бессмертными;
Правый и в насилии,
Вершит он вершимое всевышней рукой.
Свидетель тому — Геракл в его подвигах:
Не он ли Герионовых быков,
Не дарсных и не купленных,
Пригнал к киклопическим воротам
Еврисфея?..
170. Жертвовать всего по сотне...
171. Цветущих юностью умертвил двенадцать
сыновей,
И отца их — тринадцатым...
172. Юность Пелея,
Героя, подобного богам,
Проблистала тысячами подвигов:
С сыном Алкмены
Он был на равнине Трои,
Он ходил за поясом амазонки,
Он испытал славное плавание Ясона
И похитил Медею в колхидском дому...
173. [Об амазонках:]
...строили они
Сирийский полк о широких копьях...
179. Амифаонидам
Цветистую тку я перевязь...

180. Не звени пред людьми
Пустыми словами —
Всего бывают надежней
Пути молчанья,
А слово, рвущееся превыше всех,—
Стрекало битв...
181. Своему хвала — посмешищем выльется...
182. [*Из речей об Эрифиле:*]
...Увы!
Незрячая, блуждает мысль
Одnodневок...
183. [*О Фениксе:*]
...Привел смелый сонм
Пращников-долопов
В помощь дротам данасв,
Уздателей коней...
184. Аянт, мощный превыше мощи,
Невянущий в радости битвы...
185. Еще стены выдыхают дым...
187. За честным столом
Не раз сочетались герои...

[О ЛЮДЯХ И О СЕБЕ]

188. Колофонского Полимнаста
Ведом тебе к каждому несущийся звук...

189. [О персах:]
 Всеустрашающие,
 Из-за святого брода в море Геллы...
190. А Мидилово племя ему...
191. Эолийский [певец?]
 Шел тропею дорийских гимнов...
192. Дельфы,
 Вещуны Аполлоновых правд...
193. Пятилетний праздник, бычий скотогон,
 Когда в первый раз
 Я уснул, запеленутый любимец...
194. Воздвигнутые на золоте,
 Стоят мои священные песни;
 Возведем же выше
 Стены в пестром убранстве слов...

 ...и пуще возвеличит уже прославленные
 Фивы
 На путях богов и людей.

[О ГОРОДАХ И СТРАНАХ]

195. Крепкая колесницею,
 Одетая в золото,
 Святейшее изваяние —
 Фива...
196. Сверкающих Фив великий утес...

- 198a. Не чужого, не дальнего хору Муз
Возрастили меня славные Фивы...
- 198b. Бессмертная влага, сладкая, как мед,
Из светлых ключей Тильфоссы...
199. [О Спарте:]
Там советы старцев, там копья юнцов,
Там хоры, и Муза, и Аглая...
201. Египетский Мепдес при морской скале,
Нильский крайний рог,
Где козлы сминаются с женщинами...
202. Пророки Микен о белых копиях...
203. [О скифах:]
А иные притворствуют:
Конский палый труп
На словах среди бела дня им мерзок,
Но тайком
Кривыми своими челюстями
Рвут они копыта его и голову...
204. Сверкающему городу — Смирне...

[О ДУШЕ И ПРАВАХ]

205. Начало высочайшей доблести,
Владычица Правда,
Не споткни мою речь о жесткую ложь...
206. Пешком за лидийской колесницей...

207. Тартара непроглядная бездна
Стиснула тебя
Узами, кованными Неизбежностью
209. Недозрелые срывать плоды мудрости...
210. Явная язва городу —
Кто мятежен или страстен любочестием...
211. Он явил злоумышленный плод души своей...
212. Зависть,
Подруга пустых душ...
213. Справедливостью ли,
Кривыми ли обманами
На вышний всходит оплот
Род земных людей?
Надвое отвечает колеблющийся мой ум!..
214. Сладостная,
Лелеющая сердце,
Питающая старость,
Сопутствует [ему] Надежда,
Кормчая правительница
Переменчивых помыслов смертных...
215. Разные у разных уставы,
И каждому свой правей,—
Не скаль на меня зубов, земное племя!
Дано мне, друг мой,
Гребнем, как русую девичью волну,
[Всчесать] наследие древних Пиерид...

217. Сладко урвать Кипридину милость...
219. А иные склонили слух к богатству...
220. Ни хулы тому, ни замены тому,
Что песут нам
Яркая земля и морские волны...
221. Радуют иного
Венки и слава коням, чьи ноги — как буря,
А иного — житье в золотом доме,
А иному мило
Быстрою ладьей пронзать вздутые валы...
222. Золото — чадо Зевса:
Не точит его ни моль, ни червь,
Смертным душам вет сильней могущества...
224. Богу ли, любимцу ли бога
Уступать — одно.
225. Когда бог человеку посылает радость,
Он сначала черное колеблет ему сердце...
226. Никто себе зла не ищет...
227. Юные заботы,
Повитые трудами,
Достигают славы, —
И горят в веках
Подвиги, вскинутые в эфир...
228. Коли начат спор,
То попятный шаг
Свергает доблесть в черные глубины...

242. ...город Эакидов...
243. ...были-де опи сыны
Зевса и Посидона, славного над конями...
244. ...рука Акидалии...
245. ...родится замолвка большой вражды...
246. ...вслед ему извивы медовых слов...
...растворилась плоть...
248. [*О Вакхе-Разрешителе:*]
...разрешает узел несносных забот...





ВАКХИЛИД



ЭПИНИКИИ

Песнь 1, истмийская <«Тельхины»>

АРГЕЮ КЕОССКОМУ,

сыну Панфеида,

*на победу в кулачной борьбе (или всеборье)
среди мальчиков, чтобы петь на Кеосе.*

Год — ок. 456.

- 1 с. Славные в лирах
 Девы Зевса, правящего с высот,
 Сойдите, Пиериды,
 Сплетите нам песни 5
 В почесть властному над Истмийской землей
 Богу, чей тесть —
 Мудрый советами Нерей...
- 1 а. ...острову Евксантиадов...

 ...о, кованные богами врата 13
 Сняющего острова Пелопса!

- 5 а. ...а на третий день 112
 Был к ним воитель Минос
 С критской ратью
 На пятидесяти кораблях с пестрою
115
 кормой;

- 6 с. Милостью Зевса,
 Подателя славы,
 Взял он Дексифею,
 Глубоко подпоясанную меж дев,
 И оставил ей половину воинства —
 Битвенных мужей, 120
 Дав в удел им утесистую ту землю,
 Сам отплыв к желанному своему Кноссу,
- 6 а. Царственный сын Европы. 125
 А как десять сменилось месяцев,
 Родила ему нимфа о вьющихся волосах
 Отрока Евксантия,
 Чтобы властвовать над островом, именитым
 в молве.

- 6 а. ...бежали его дочери 138
- 7 с. В тот город, глубокий под закатным лучом.
 От него-то и вывел род 140
 Сильный мышцей Аргей,
 Чей львиный дух
 Вспыхивал на каждый битвенный зов,
 Быстрый в беге Аргей, 145
 Достойный наследник отцовых благ,—
- 7 а. Ибо щедро оделил Панфеида
 Лучник Аполлон
 Дарами врачевства и ласковости
 к странникам; 150
 И в доброй доле Харит
 И меж многих, на него любовавшихся,
 Он, скончав свой век,
 Пятерых оставил сыновей хвалам людским,—
- 7 а. А из них единому 155
 За дела отца и на радость отцу

Вышний погонщик Зевс
 Дал истмийское это одоление
 Вслед иным венкам, сияющим для него.

- Я твержу и буду твердить:
 Только в доблести — величайшая слава; 160
 А богатство — спутник и худших людей,
 8 с. И оно лишь вздувает гордыню в муже.
 Угода богам
 Лелеет нам сердце вернейшею иных надежд;
 А кому далось здоровье в удел, 165
 А кому довелось жить от своего добра,
 Тот поспорит меж людей и с первейшими.
 Всякая радостна людская жизнь,
 8 а. Коль чужда болезней и бессильной
 бедности! 170
- Хоть равно жадны
 Богатый до многого, бедный до немногого, —
 Но не сладко для смертных всеобилие, 175
 И всегда они ловят, чего не уловить:
 8 а. Легковейные заботы им выблют дух,
 И не дольше их честь, чем жизнь. 180
 А доблесть
 Многотрудна,
 Но кто тверд в ней до самого конца,
 Тому и по смерти
 Встанет она
 Возделенным памятником яркой славы.



Песнь 2, истмийская.

АРГЕЮ КЕОССКОМУ,
на ту же победу, чтобы петь в Коринфе

- с. Молва, оделительница славою,
Ступай на священный Кесс,
О милом имени принеси им весть:
В схватке храбрых рук
Стяжал победу Аргей, 6
Обновляя память о той красе,
Какую здесь,
На славном заливье Истма
Явили мы,
У которых за спиною — божественный остров
Евксантия, 10
Семьюдесятью венками наших побед!
И Муза этих мест
Созывает уже сладкие посвисты флейт,
Чтоб почтить победными песнями
Милого сына Панфеида.



Песнь 3, олимпийская «Крез»,

ГИЕРОНУ СИРАКУЗСКОМУ,
сыну Диномена, на победу в колесничном беге.
Год — 468.

- ¹ с. Владычицу благоплодной Сицилии,
Деметру и Кору в синем венке
Воспой, Клио,
Дарительница сладких даров,
И воспой стремящихся гieroновых коней
В олимпийском беге,

- 4 а. Где гордая победа и блещущая Харита 5
 Ринули их над пирью пенного Алфея,
 Ими стяжав блаженные венки
 Сыну Диномена,—
- 1 в. — и грянул люд: 10
 «Трижды счастлив тот,
 Кому от Зевса дано в удел
 Многолюднейшее владычество меж эллинов!
 Он умеет горы своих богатств
 Не окутывать черным плащом темпоты:
- 2 с. Храмы полны празднествами закланий его, 15
 Улицы полны гостеприимством пиров его,
 Золото его мерцающим блеском горит
 На высоко выделанных треножниках
- 2 а. Перед храмами 20
 Где святую Фебову землю
 Орошают дельфийцы касталийской струей».

- Богу, богу
 Да воздастся наш блеск —
 Нет на свете вернейшего блага!
- 2 в. Так когда-то 25
 Владыку лидян, обуздателей коней,
 В час свершения Зевсова суда,
 В час, как Сарды пали под персидскую рать,
 Спас Креза
- 3 с. Феб Аполлон о золотом мече.
 Нечаянного достигнув слезного дня,
 Не желал властелин ждать рабской
 неволи: 30
- Он воздвиг костер
 Перед кованными медью палатами,
- 3 а. Он взошел на него

- С верной женой и неутешными кудрявыми
дочерьми, 35
- Он воздел ладопи к крутым небесам, 35
- 3 а. Он вскричал:
«Непосильный бог!
Где благодарность вышних?
Где Феб—владыка?
Вот губится Алиаттов дом 40
За несчетные [пифийские дары мои],
- 4 с. [Рушится город] перед персами,
Кровью потек золотой Пактол,
Неподобно ведут женщины из крепких
теремов; 45
- 4 а. И, грозная прежде, мила теперь
Сладчайшая смерть».
Так молвил Крез
И мягко ступающему слуге
Повелел поджечь деревянный сруб.
Вскрикнули девы, 50
Милыми руками обвивая мать,
- 4 в. Ибо всех смертей страшнее — предвидимая.
Но когда просквозила уже костер
Яркая мощь грозного огня,—
Вывел Зевс 55
Тучу, в черный окутанную мрак,
И хлынул на рыжее пламя.
- 5 с. Не превыше веры
Забота богов:
Делосский Феб
И старца-отца и узконогих дочерей 60
Унес на покой в края гипербореян,—
- 5 а. Ибо чтит он богов,
Ибо больше всех
Присылал он в божественные Дельфы.

- Так и ныне меж владеющих Элладою
 Ни единый не скажет смертный,
 5 а. Будто столько нес он золота Локсию, 65
 Как ты,
 прославляемый Гиерон!
 Кто не кормится завистью,
 У того на устах вечная хвала
 Любимцу богов,
 Любителю коней,
 Воину—мужу,
 Носителю Зевсова [праведного] скиптра, 70
 6 с. Причастнику синекудрых Муз,
 Прежде — грозному [силой рук],
 [Ныне — мирно] следящего насущный [час].

- Коротка жизнь,
 6 а. А крылатая надежда смущает ум 75
 Мимолетных смертных; по владыка Феб
 Молвил недаром сыну Ферета:
 «Кто смертен — тот возвращай двойную мысль:
 6 а. Что завтра — твой последний рассвет, 80
 И что пятьдесят еще лет
 Довершишь ты, погруженный в богатство.
 Честное твори и душой веселись,
 Ибо это — лучшая из прибылей».

- 7 с. Разумеющему ясно слово мое: 85
 Нетленен глубокий эфир,
 Не испятнана морская волна,
 Вечно отрадно золото,—
 Человеку же не дано,
 Миновавши убеленную старость,
 7 а. Воротить себе юношеский цвет. 90
 Но лучистая доблесть

Не меркнет вслед смертному телу,
Ибо Муза — питательница ее.
Ты, Гиерон,
7 а. Миру явил лучший цвет удачи;
А кто счастлив в свершениях,
О том не промолчат, 95
И в правдивой той похвале
Помянется песнею и этот тебе медвяный дар
Кеосского соловья.



Песнь 4, пифийская.

*ГИЕРОНУ СИРАКУЗСКОМУ,
сыну Диномена, на победу в колесничном беге.
Год — 470.*

Еще любит свои Сиракузы
Аполлон в золотых кудрях,
Если одаряет он почестью
Гиерона, правосудного городам,—
Ибо вот уже третий раз
Там, где пуп земли меж высоких скал,
Гиеронова поется пифийская победа 5
И подвиг быстроногих его коней.
Сладким [крикнул криком]
Петух Урании, лирной госпожи,
В жадный ум отрящи [новые] песни. 10
а. Мы почествовали бы его и в четвертый раз,
Не склонись в [чужую сторону]
Чаша весов Справедливости;
Но теперь за то должны мы сплетать венки
Сыну Диномена,
Чтоб едицственный он меж земных людей 15

Достиг достигнутого
 В приморской Крисе, в долине меж скал,
 И две его петь приалфейские победы.
 Что лучше, чем быть
 Любимцем богов,
 Что лучше, чем брать
 Всех благ свою полную долю?

20



Песнь 5, олимпийская «Мелеагр»,

*ГИЕРОНУ СИРАКУЗСКОМУ,
 сыну Диномена, на победу в конном беге.
 Год — 476.*

- 1 с. Счастливым вождем
 Сиракузян на клубящихся колесницах,
 Вот сладкое тебе приношение,
 Отрада увенчанных фиалками Муз,
 И ты один из живущих на земле
 Верно его поймешь.
 Правосудным духом
 Отрепшись от тревожащих забот
 И ко мне обрати свой помысел.
 Помощью глубоко подпоясанных Харит
 Вытканый этот гимн
 Посылает с божественного острова
 В именитый ваш город
 Гость,
 Не последний служитель
 Золотом повитой Урании,
 Чтоб излить из сердца
- 1 а. Звучный клик во славу Гиерона.

Так в выси
Рассекает бездонный эфир
Рыжим и быстрым крылом
Орел,
Вестник всевладычного громовника Зевса, 20
Смелый верою в мощь своей силы,
И в страхе пред ним
Расточаются щебечущие пташки;
Ни вершины пространной земли,
Ни крутые валы неустанного моря
Не удержат его,—
Он ширяет над вечною бездною,
Осевая Зефиром легкие перья свои,
Зримый и ведомый смертным взглядам. 30

1 в. Так и мне
Тысячи открыты путей
Петь подвиги,
От синеволосой даровавшие Победы
И Ареса в медной его броне,
Вам, державные сыны Диномена,— 35
Да не оскудеет щедрая милость богов!

Карего Ференика
Мчащегося, как буря,
Победным видела золотолокотная Заря 40
Над пенной ширью Алфея

2 с. И у трижды святого Пифона.
Ладонь приложу к Земле,
Клянусь:
Ни в едином беговом споре
Пыль от опередивших
Не касалась
Ференика, рвущегося к пределу. 45
Натиску подобный Борея,

Волю блюдущий наездника,
 Он мчится, в рукоплесканиях
 Новую воздвигая победу
 Гиерону—гостеприимцу.
 Блажен, кого бог 50
 Дольщиком сделал в красоте
 И кому завидная выпала участь
 Жить изобильно до самого конца;
 К полному же счастью
 Ни один не рожден из жителей Земли.

- 2 а. Оттого и сказывают так:
- Муж победы,
 Рушитель городских ворот,
 Поросль Зевса, сверкающего молнией
 Погрузился в сень узконогой Персефоны,
 Чтобы злобного зубами пса, 60
 Исчадие неподступной Эхидны
 Вывести из Аида к земному дню.
 Много злополучных душ
 Угадал он над струящимся Коцитом,
 Несчетных, как листья в ветре 65
 Над светлой Идой, кормительницей стад.
 А первым меж ними виделся —
 Смелого духом, колеблющего копьем
 Образ Парфаонова внука. 70
- 2 а. Дивный герой от Алкмены
- Звонкую напруг тетиву на лук,
 Вскрыл колчак,
 С медным клювом наложил стрелу,— 75
 Но душа Мелеагрова,
 Став пред ним, узнав его, вымолвила:
 «Сын великого Зевса!

Стой, где стал, 80
 Улыбни свой дух,
 Злою стрелою тщетно не меть
 В мертвых теней:
 Страху здесь нет причины».

Так молвил он;
 Изумясь,
 Воскликнул царственный Амфитриониад:
 «Кто из богов и смертных,
 Где и в какой земле
 Этот дивный взрастил побег?
 И кто ему был убийцею?
 Не того ли и на меня 90
 Обратит подпоясанная Гера?
 Но да будет это заботою
 Русой Паллады».

Слезно отвечал ему Мелеагр:
 «Тяжко смертному против божьего

замысла, — 95

3 а. Будь иначе,
 Конный бичеватель, отец мой Иней
 Умягчил бы гнев
 Строгой Артемиды о белых локтях и в цветном венке,
100
 Без счета ей закалая коз
 И быков о красном загровке.
 Но неодолим
 Явился тот гнев:
 Размашистого в силе, безудержного
в борьбе
 Дикого венря устремила дева
 На цветущие хороводами калидонские луга:
 В приливе сил

- Клыками крушил он виноградники,
 Рвал овец
 И любого, на него выходившего. 110
- 3 а. Лучшие из эллинов,
 Твердо тогда мы встали на смертную борьбу
 Шесть дней подряд,
 И бог дал нам, этолийцам, одоление,
 И погрести мы павших от ревущего натиска
 вепря, — 115
- Анкея и Агелая,
 Лучшего из братьев моих,
 От Алфеи рожденных в славном Энеевом
 тереме. 120
- 4 с. Всех погубила губительница-судьба:
 Не смирила гнева своего
 Дочь Латоны, надменная охотница —
 За рыжую шкуру зверя
 Твердо мы вышли на стойких в бою куретов, 125
 И там меж многих
 Пали от меня Ификл и доблестный Афарей,
 Быстрые братья моей матери,
 Ибо ни друга, ни родича
 В сече не знает яростный Арес, 130
 Ибо слепо летят копыя из наших рук
 По душу врага,
 И приносят смерть
 Тем, чья угодна богу. 135
- 4 а. Но о том не думав,
 Горькая моя мать,
 Фестиева гордая дочь,
 Страха не ведающая женщина
 Замыслила мне погибель:
 Из резного ларца 140

- Бросила она в огонь
Головню моей скорой смерти —
Ту, которой сказано было некогда
Стать пределом жизни моей.
А я в тот час
Обнажал от добытого доспеха 145
Дивное тело Даипила,
Клименова доблестного сына,
Застигнутого под самыми башнями
Средь бежавших спастись
За крепкие стены древнего Плеврона. 150
- 4 а. Как отхлынула от меня сладкая жизнь,
Я почувал бессилие
И в слезах испустил мой последний вздох,
Расставаясь с блещущею юностью.
- Тогда-то, говорят, 155
Бестрепетный сын Амфитриона
Увлажнил свои взоры,
Сокрушился о доле злополучного
И ответил:
«Лучше всего для смертного — 160
- 5 с. Не родиться, не видеть лучащегося солнца;
Но что пользы в стенании?
Что можно сделать, о том и говори.
Есть ли в палатах 165
Воинствующего Энея
Неподбрачная меж дочерей,
Видом — как ты?
Рад я взять ее светлую себе супругою!»
И ответила ему 170
Тень Мелеагра, не умевшего отступить:
«Деянира осталась в доме моем,
Свежим цветом цветет ее шея,

- И еще не ведома ей чаровательница
Афродита». 175
- б. а. Здесь сдержи,
Белокурая Каллиопа,
Славно слаженную колесницу:
Песни твоей ждут
Зевс Кросион, первый меж олимпийцев,
И неутомимый поток Алфея, 180
И мощь Пелопа,
И Писа,
Где примчался к победе славный Ференик
И откуда принес он к башням Сиракуз
Листья счастья владыке Гиерону. 185
Кто обрел удачу — того нам и хвалить,
Во имя правды
В две руки отстраняя людскую зависть: 190
- б. а. Так гласил беотийский Геснод,
Служитель сладостных Муз:
«Кого боги чтут, того и смертный славь». 195
Так и я готов
Пустить к Гиерону
Славящую песнь по правому пути —
А от песни цветут посевы всех благ,
Какие Зевс, всевышний отец,
Блюдет некасаемыми под сенью мира. 200



Шестнадцатый день,
Тебя в Олимпии
[Утвердил Пелоп]
Волею Кронида с тяжелым громом...

5

.
Чтобы право судить меж Эллинами
Быстроту проворных ног
И могучесть сильных рук;
А кому от тебя на долю
Вышим даром дарована победа,—
Тот цветет меж людей,
В mnogой славе и меж mnogой зависти.
Ныне же тобою увенчан
Лахов, сын Аристомена...

10

.



Песнь 8. [Липариону Кеосскому?]

.
2 с. ...воспевая Пифонову скалу, где закаляют овец, 17
Воспевая Истм и Немею;
Ладонь приложу к земле,
Смело я крикну — 20
Ибо в истине все обретает блеск:
Ни один из эллинов меж сверстных своих,
Ни мальчик, ни муж
Не венчался столькими победами! 25

Ты, о Зевс, чье копые — как гром,
Здесь, над серебряными крутнями Алфея
Свершил ты его мольбы
О великой славе, дарованной от богов,

Мстить за судьбу Полиника? 20

Но счастливы те,
 Кому славные немейские игры
 Украшают русые кудри
 Венком своего трехлетья!
 И этот удел 25
 По воле божества
 Победителю выпал Автому.

- 2 с. Он сиял среди пятиборцев,
 Как лучистая луна полнолуныя
 Затмевает звездные светы;
 Без числа окружившим его эллипам 30
 Явил он дивный свой облик,
 Метнув кружащийся диск,
 И воздвиг народные клики,
 Устремив рукою в крутой эфир 35
 Древко чернолиственной бузины
- 2 а. Или выстояв стремительную борьбу.

- Высокий духом и силой,
 Наземь простерши мощные тела,
 Ныне воротился он к багровому Асопу,
 Слава которого течет по земле 40
 До самого дальнего Нила,—
 Ибо даже над струей Фермодонта
 Дочери Ареса, торопящего скакунов,
 Изощренные в копьях,
- 2 а. Вкусили мощь потомков твоих,
 О царь всех рек, завидный в судьбе,
 Как вкусила и высоковатная Троя.
 Тысячи путей широки лежат
 Молве о роде твоём,

- О твоих дочерях, опоясанных в блеск, 50
 Кому в добрый час от вышних богов
 Указано быть
 Непрístupных городов первоначальницами:
- 3 с. Не ведом ли всем
 Синеволосой Фивы крепко строенный град 55
 Или громкое имя Эгины,
 На ложе мощного Зевса
 Понесшей героя, [спасителя сил],
 Который в земле ахейцев
 Испытанную явил справедливость... 60
 60
- 3 а. [и Клеону] под милым покрывалом,
 И Пирену, деву в витом венке,
 И всех, всходивших к прославляющему ложу богов
 Честных дочерей 65
 Древнего шумящего потока.
 [Ныне же] город...
 [Лякует о] победе...
 [Ляры и] клики флейт... 70
 70
- 3 в. ...синеволостую славить золотую
 [Киприду,] мать беспощадных страстей,
 Славную меж смертных...

 ... гость ...
 ... песнь ...
- 4 с. [Честь лелея] и для опочившего, 80
 [Чтобы] в вечное время
 Возвещать рождающимся поколениям
 Эту твою немейскую победу:
 Знатное дело,
 Сродную обрета себе песню,
 В высоте возлегает пред богами;

- В правде своей 85
 И по смерти остается для умершего
 Лучшая услада подюясанных Муз.
- 4 а. Много человеку [открыто путей],
 Но лишь воля богов
 Решает скрытое в черной ночи: 90
 [Слабейшего] и сильнейшего
 [Одинаково ведет...]
немногим лишь 95
 Смертным дано прозревать грядущее.
- 4 в. [Вам, флиунтияне,] свыше дано
 Именем Деметры и Дионисовым
 Населять вам город, угодный богам,
с золотым жезлом: 100
 Кто благо несет — тому от всех похвала;
 Так пойте же ныне шественную песню
 Пятиборному победителю,
 Сыну Тимоксена.



Песнь 10, истмийская.

АГЛАЮ АФИНСКОМУ

на победу в беге.

Писана по заказу его тестя

- 1 с. Молва,
 Ты прибоем
 Шумишь над людскими племенами,
 ...[сияешь]...
 ...[даже преисподним]...
 [Кто видел] золотую [победу] своими глазами, 5

- [Тому пристало теперь] покойное отдохновение...
...для Аглая, к которому ныне
Муж его сестры
С острова призвал звонкую пчелу, 10
- 1 а. Чтобы памятник Муз,
Бессмертный, перукотворный,
Общею радостью был бы людям,
Всем возглашая о доблести твоей,—
Столько ты раз 15
Во имя Псбеды
Русую голову обвивал цветами
Ради славы широких Афин,
Ради доброго имени Энеидов.

- На всеведомых Посидоновых играх
Тотчас явил он быстрый натиск своих ног, 20
- 1 в. ...к беговой черте
Стал он, еще дыша жаркою бурей;
На бегу разбрызгивал
Масло с тела на обступающую толпу;
А когда четырёхжды изогнул он бег,— 25
Дважды прокричали его победителем
Громкие глашатаи умных судей;
- 2 с. Дважды был он выкликнут и в Немее, 30
У святого Зевсова алтаря;
Подобру его приняли и славные Фивы,
И широкие площади Аргоса,
И Сикион,
И людная Паллена,
И обильная хлебом Евбея,
И священная меж островами Эгипа. 35

Разным людям — разные дороги,
Чтоб взойти по ним к очевидной славе.

- Тысяча есть в людях умений:
- 2 а. Золотая надежда 40
 Иному расцветает в мудрости,
 Иному — в милости Харит,
 Иному — в знании божьей воли,
 Иной на мальчиков
 Направляет пеструю свою стрелу,
 Иному пашни и коровьи стада
 Укрепляют дух; 45
 Но всякого дела неведом исход,
 И куда наклонятся чаши судьбы,—
 Являет только грядущее.
 И лучше всего —
 Жить подобру,
 Чтобы люди на тебя взирали с ревностью.
- 2 в. Не безведома мне и богатства мощь:
 И ненужных оно делает нужными.
 Но зачем я погнал 50
 Долгую мою речь
 Прочь от прямой дороги?
 За победою людям привычен шир...
 ...[где пенье] флейт...
 ...[мешается]...
 ...и нужно...



Песнь 11, пифийская. «Претиды»,
АЛЕКСИДАМУ МЕТАПОНТСКОМУ,
сыну Фаиска,
на победу в борьбе среди мальчиков

1 с. Дарительница сладких даров,
Ты, Победа,
[Чтимая] высочайшим отцом
На золотом Олимпе,
Стоя при Зевсе
Над смертными и бессмертными,
Ты решаешь исход их доблестей;
Милостива к нам будь,
Дочь длинноволосой реки,
Правосудного Стикса!
Ныне по воле твоей
Любимый богами Метапонт 19
Празднествами полон и шествиями
Крепких юношей,
А поют они пифийского победителя,
Красавца — сына Фаиска.

1 а. Благосклонным взором 15
Встретил его
Делосский сын полногрудой Латоны;
Без числа цветочных венков
Пало на Алексидама в долину Кирры
За силу, явленную во всепобедной борьбе:
Солнце того дня
Ни разу его не видело поверженным.

Больше скажу:
Над красою алфейских струй,
На трижды святом цоприще чистейшего Пелопя, 25
Не сбейся правосудие с прямого пути,—

Он венчал бы лоб
 Зеленью оливы, радостной всем гостям,
 4 а. Чтобы с нею плыть на родину, в пажить тельчих
 стад, 39

.
 Много он явил умений в хороводе борьбы,
 Но бог ли виной,
 Людей ли блуждающее мнение, 35
 А вырвана была из рук его высшая честь.

И вот теперь,
 Ловчая Артемида,
 Кроткая богиня о золотом веретене,
 Славная луком,
 Яркую подарила ему победу,—
 Артемида, 40
 Которой некогда Абантиад
 И дочери его в красе их одежд
 Воздвигли жертвенник
 Свидетелем многих молитв.

2 с. Всевластная Гера
 Обуяла их к бегству из милых отчих палат, 45
 Пригнетя их ум
 Роковою необорною силою,—
 Ибо шли они еще с девичьими думами
 В храм богини, опоясанной багрецом,
 Говоря меж собой, 50
 Что отец их выше богатствами,
 Чем она, чем русая подруга Кросида,
 Державного,
 Широковластного,
 И за то богиня, прогневавшись,
 Превратные вдохнула им мысли:

- С диким криком
 Ринулись они в густолиственную дებрь, 55
- 2 а. Покидая Тирипф и его богозданные площади, —
 Ибо вот уже десять лет
 Изгнанники милого Аргоса, 60
 Полубоги о медных щитах,
 Бесстрашные пред криками битв,
 Обитали здесь при царе меж восторгов и завпстей.
 Из-за малого была необорная борьба
 Между братьями Претом и Акpисием, 65
 Погибал народ
 От неправых распрей и плачевных битв,
 И взывал мольбою к Абантовым сынам
 Поделить между собою многоплодный удел 70
 И младшему сесть в Тиpинфе,
 Пока беды не стали роковыми.
 И тогда Кронид,
 Почитая род Даная и Линкея — конника,
 Пожелал положить предел их скорбям:
 И пришли могучие киклоны,
 И сложили знатному городу лучшую из стен,
 Чтобы жить там героям,
 Покинувшим Аргос, пастбище коней, — 80
 Вот откуда бросились прочь
 Синеволосые девственницы Претиды.
- 3 с. А сердце отца их стиснула боль, 85
 Непривычно бичуемого заботою:
 Он хотел вонзить в грудь двуострый меч,
 Но ласковой речью и силой рук 90
 Сдержали царя копыеносцы.
- Тринадцать полнолуний
 Скитались девы по темным лесам,
 Стремясь в Аркадию, кормилицу стад, 95

- А отец их,
 Достигнув Луса, прекрасного в струях,
 Омыл в нем тело,
 И простерши руки
 К лучам быстроконной колесницы Солнца,
- 3 а. Он взмолился к волоокой дочери 100
 Латоны под красным покрывалом,
 Чтобы вызволила из ярого безумия
 Его дочерей:
 «Будут тебе жертвою двадцать быков
 В красной шерсти, не знавших ярма!» 105
 И вяла ему
 Следопытная дочь высокого отца,
 Умягчила Геру,
 Положила предел
 Безбожному бешенству
 Двух цветами увенчанных дев. 110
 Исцеленные целительнице
 Тотчас воздвигнули алтарь и храм,
 Тотчас оросили его кровью овец
 И назначили жезам хороводный устав.
- 3 в. Вот откуда
 Вслед ахейским мужам, любимцам Ареса,
 Ты пришла, богиня, в их конный град,
 Поселилась в Метапонтѣ их в добрый час, 115
 Золотая владычица народов;
 И милую тебе рощу
 Близ полноводного Каса
 [Посвятили предки,]
 Когда волею блаженных богов
 С меднолатными Атридами впереди 120
 Сокрушили крепко строенный Илион,—

Песнь 13, немейская. <«Эакиды»>,

ПИФЕЮ ЭГИНСКОМУ,

*сыну Лампона, ученику Менандра, на победу
в разноморье среди мальчиков или юношей.*

Год — ок. 485—481.

.

- 2 с. «...высокоумной спеси 44
Он положит предел,
Даст людям устои правды.
- 2 а. Правнук Персея,
Как он тяжело и ловко
Налагает руку на сыродного льва!
Яркая медь, укротительница смертных, 50
Не в силах войти в чудовищное тело,
Погнет клинок.
Вот мои слова:
Быть здесь у эллинов 55
Трудному спору
За венки всеборья».
- 2 а. И с тех пор от этих трудов
Кто кладет на жертвенник первовластного Зевса
Цветы, сплетенные славящею Победою, 60
Тем и живые,
Пусть хоть немногим,
Золотая сияет слава меж смертных,
А когда темным облаком их окутает смерть,—
Бессмертна пребудет слава их дел, 65
Никаким не колеблемая жребием.
- 3 с. Сын Лампона,
Ты достиг этой славы в Немее,
Ты венчал свою гриву венками в цвету, 70
Ты вступаешь в высокостроенный город Эака,
На отчий остров,

- В отраду людям,
В шуме пествий, ласкающем слух,
Безмерную свою силу 75
Явив всеборьем.
- А ты, Эгина,
Пенного потока приветливая дочь,
3 а. Тебя великою честью одарил Кронид, 80
Во всякой борьбе
Явив тебя, как светоч, перед эллинами.
Славу твою
Выкликает гордая дочь твоя,
Белыми ногами 85
По твоей ступая священной земле,
Беззаботная, как телка на цветущих холмах,
Легкая, с окрестными красавицами: 90
- 3 в. Увенчавшись по уставу празднеств твоих
Алыми цветами и осокою,
Они в песнях славят имя твое,
Госпожа гостеприимного острова, 95
И твое, Эндеида о розовых локтях:
Тобой рождены
[Конный] Пелей и сильный Теламоп,
На Эаковом зачатые ложе.
- 4 с. А я [призову]
Сыновей их, вздымающих битвы:
Быстрого Ахиллеса 100
И рожденного милою Эрибеею
Щитоносца Аянта —
Того, кто, став на корабельной корме, 105
Сдержал порыв
Уже заносившего грозящий огонь
Отважного Гектора в медном шлеме,

- Меж тем, как Пелид, 110
 Кипя на Атридов суровым гневом,
 4 а. Отсрочил участь дарданцев,—
 Дарданцев, которые не смели
 Выйти из многобашенной красы Илиона 115
 И в страхе убегали от острой битвы,
 Видя на ратном поле
 Бешеного Ахилла,
 Потрясателя убийственного копья; 120
 Но едва отсекся от брани
 Бестрепетный сын Нереиды, увитой фиалками,—
 4 э. Как в синем море
 Ночной Борей, нависая валами, 125
 Сокрушает мужские души,
 Но смиряется пред светлой Зарей,
 И попутный ветер разглаживает пучину,
 Южный Нот выгибает паруса, 130
 И отчаявшиеся жадно достигают суши,—
- 5 с. Так троянцы
 Прознавшие, что Ахилл — копьеборец
 Замкнулся в своей сени 135
 Из-за русой женщины, желанной Брисеиды,
 Простерли ладони к богам,
 Словно из-под бури блеснуло им светлое солнце, 140
 Ринулись вон из стен Лаомедонта
 На ратный луг,
 На мощную схватку,
- 5 а. Страх вздувая в данаях, 145
 А вели их с твердым копьем Арес
 И Локсий Аполлон, ликийский владыка.
 Они вырвались к берегу моря,
 Они бились при судах с высокой кормой, 150
 Черная земля
 Красной стала от крови мужей,

- Павших пред Гекторовой силою... 155
 . . . полубоги...
 . . . пред натиском богоравных...
 5 э. . . . с великою надеждою...
 . . . [дыша] гордыней...
 . . . конеборные [троявцы]... 160
 Синеглазые [пожечь] корабли...
 . . . [скоро] праздновать...
 . . . в богозданном городе.
 Но судьба их была
 Прежде кровью окрасить клубящийся
 Скамапдо 165
- 6 с. Пав пред Эакидом, рушителем стен,
 А если кто из них
 На высоком срубе [погребального костра]...

- Ибо и в беспредельной ночи 175
 Зримую доблесть
 Не скрыть никаким покровом:
 6 а. Окружась неутомимою славою, 180
 Она странствует и по суху
 И по много исплаванному морю,
 Она чтит и славный остров Эака;
 Она правит над ним
 С увенчанной Евклеей, доброй молвой, 185
 И с разумною Евномисей, добрым уставом,
 Дольщицею празднеств,
 Блюстительницею мира
 По всем городам благочестивых мужей.
- 6 э. Пойте же, юноши, 190
 Прославляемую победу Пифея,
 Пойте и заботы

- Надобного людям Менапра —
 Его и у струй Алфея
 С золотой своей колесницы
 Чтила не раз
 Высокая духом божественная Афила, 195
 И уже без числа
 Увенчала она таких мужей
- 7 с. На всеобщих эллинских соперничествах.
 Кто живет, не угрызаясь едкой завистью,— 200
 Тот заслуженную воздает хвалу умелому.
 Пусть ничто у нас не скрыто от злословия,—
 Правда привыкла побеждать:
 Всеукрощающее время 205
 Всегда возвеличит красивые дела,
 А праздная речь зложелателей
 Замрет во тьме.
- • • • •
 ...[Каждому] надежда греет сердце, 220
 Так и я, положась на Муз
 Под красными их покрывалами,
- 7 в. Подношу теперь дар новосплетенных песней,
 Благодарность мою за гостеприимный блеск, 225
 От тебя, Лампон,
 Непомалу воздаваемый [чарам Муз];
 И если Клио в своем цвету
 Вложила и мне эти чары в грудь,—
 Сладка прозвучит моя песнь, 230
 Глася имя твое перед народом.



Песнь 14, петрейская.

*КЛЕОПТОЛЕМУ ФЕССАЛИЙСКОМУ,
сыну Пирриха, на победу в колесничном беге.*

1 с. Удачливая судьба —
Лучший дар от божества человеку.
Случай, тяжкою приходя стопой,
Сокрушает и достойнейшего из смертных, 5
А дурного возводит в высь,
Выпрямив перед ними дорогу.
Каждому своя честь:

1 а. Неисчетны людские доблести;
Но одна между ними — первая:
Правя тем, что в твоих руках, 10
Правыми путеводствоваться мыслями.

Битвенной страде
Не пристали звуки лир и светлые хоры;
1 а. А праздничной поре 15
Медный стук оружия не надобен.
В каждом людском деянии
Уместность — всего превыше.
Кто в деле хорош — того и бог поведет.

Так и ныне пришла пора
В дань Клеоптолему 20
Воспеть нам святыню Посидона Петрейского
И воспеть нам конного победителя —
Именитого сына Пирриха,
Гостеприимного,
Правосудного...

.

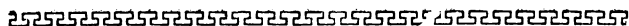


Песнь 14 б.

*АРИСТОТЕЛЮ ФЕССАЛИЙСКОМУ,
сыну Агафокла, на победу в колесничном беге.*

- 1 с. Золотопрестольная Гестия,
 Умножительница добра
 Больших людей, сыновей Агафокла,
 Ты сидишь посреди дорог
 Близ Пенея, 8
 В пастбищных долинах Фессалии —
 Там, откуда Аристотель
 Пришел в цветущую Кирру
 И дважды венчался венками
 Во славу Ларисы, правительницы коней... 10





ДИФИРАМБЫ

Песнь 15.

АНТЕНОРИДЫ, или посольство о выдаче Елены

- 1 с. Богоравного супруга Антенора,
Служительница Паллады, вздымательница битв,
 . . . золотая...
 . . . [посланцам] аргивян —
Лаэртovu сыну Одиссею 6
И Атрееву — царю Мелелаю,
 . . . глубоко подпоясанная Феано...
1 а.
 . . . обратилась [к ним]... 10
 . . . крешко выстроенную [Трою]...
 36
2 в. . . повели их [сыны Антенора],
А отец их, мудрый в совете,
Объявил царю Приаму и сынам его
Слово ахейн,

Вестники 40

- Поспешили по широкому городу,
Созывая ополченье троян
3 с. К площади, к войсковому сборищу.
Всюду прогнесь их громкий зов;
Все простерли руки к бессмертным богам, 45
Все молили о конце своих бедствий.

Молви, Муза,
Кто же первый молил первое слово?
Отпрыск Плисфена, Менелай,
Общник красиво облаченных Харит,

- Вышел с убеждающей речью:
- 3 а. «Трои сыны, угодники Ареса, 56
 Правящий в выси, взирающий на все,
 Зевс не повинен в тяжких ваших муках.
 Всем смертным дано
 Непокривленной достигнуть Правды,
 Спутницы святого Благовако́нья, 53
 Спутницы прозорливой Справедливости! —
 Блажен, чьи сыны с ней разделяют кровь!
- 3 в. А от корыстных лукавств,
 А от неразумной необузда́нности
 Расцветает лишь презрительная Спесь:
 Эта она
 Одному бросает власть и богатство другого
 И тотчас же рушит его в бездну погибели,
 Это она
 Сокрушила сынов Земли,
 Не в меру падменных Гигантов...»



Песнь 16, для дельфийцев.

ГЕРАКЛ

- с. [Я пойду к Пифийскому владыке,]
 Под грузом золота,
 А прислала мне его с блестящего своего трона
 Пиерийская Урания,
 А чеканен он многоголосыми песнями
 [Во славу бога],
 На цветущих ли берегах Гебра сердце его, 6
 В длинношеем ли ныне лебеде радость его,
 . . . чтоб вернулся ты [в свой пифийский край],
 Пифиец-Аполлон,

- И собирал бы цветы пеанов тебе,
Сколько вырастил их твой дельфийский хор, 10
Пред твоим звуча знаменитым храмом,
- а. А теперь нам петь,
Как Амфитрионад,
Мощный духом заботник, 15
Предав Эхалию в сведь огню,
Вышел на мыс меж волной и волвой,—
Чтобы долю воздать от добычи своей
Кнейскому Зевсу, простирателю туч,—
Ревучих девять быков,
Двух — колеблющему супу вадымателю вод,
И еще одного,
Высокорогого, не знавшего ярма,—
Богине с могучим взглядом,
Девственнице Афине.
И тогда-то необорное божество
Выткало Делпире плачевный умысел:
- в. Услыша горькую весть, 25
Что Зевсов сын, неустрашимый в бою,
В чистый ее дом
Невестою ведет белолокотную Иолу,
Песчаная, злополучная, что задумала она? 30
Погубила ее ревность, чья мощь широка,
Погубила ее черная завеса над будущим
В час, когда над цветущим берегом Ликорма
Приняла она от Несса чудотворный дар...



Песнь 17,
для кеосского хора на делосском празднестве.

ЮНОШИ, ИЛИ ФЕСЕЙ.
Год — до 470.

1 с. С черною кормою корабль,
Уносящий с Фесеем
Дважды семь блистательных юных ионян,
Разрезал уже Критское море;
Далеко видимый парус 5
Выгибался под дующим Бореем,
Милостью славной Афины,
Потрясающей воинственною эгидою,—

Когда уязвили сердце Миноса 10
Святые дары Киприды,
Богини, увенчанной страстью:
Не сдержал он руку перед девушкой,
Коснулся белых ее щек.
Вскрикнула Эрибея
К Пандионову медному внуку, 15
Увидел это Фесей,
Черные под бровями закружились очи,
Лютая боль помутила ему дух,
И молвил он:

«Сын изобильного Зевса, 20
Недолжный ты кормчий духу своему:
Удержись, многовластный, от насилия!
1 а. Что от богов нам назначено необорною Долею,
Куда клонятся весы Справедливости,— 25
Все сужденное нам мы примем в свой срок;
А ты умерь тяжесть духа своего:
Пусть тебя и от Зевса

Родила под надбровьем Иды 30
 Сладко именуемая Финикова дочь,
 Тебя, несравненного меж смертных,—
 Но и я ведь
 Рожден дочерью имущего Питфея
 Морскому Посидону, 35
 И недаром ей золотое покрывало
 Подарили Нереиды в синих венках.
 Кносский вождь,
 Я говорю тебе: укроти свою спесь,
 Ибо многими она чревата стонами. 40
 Пусть не видеть мне
 Милого света бессмертной Зари,
 Если ты коснешься насилием
 Хоть единого из этого юношества!
 Нет: сперва мы померимся силой рук,
 А о том, что потом,— пусть рассудит бог».

1 а. Так сказал он, доблестный копьем,
 И дивились корабельщики
 Гордой Фесесевой отваге. 50
 Воспалилось сердце Миноса,
 Новый умысел умыслил зять Солнца,
 И слова его были:
«Всемощный родитель Зевс!
 Если правда, что для тебя
 Родила меня белорукая финикиянка,—
 То услышь меня,
 Ниспошли с небес заведомое знаменье, 55
 Быструю молнию в огневых волосах!
 Если же и тебя
 Родила трезенская Эфра
 Колебателью земли Посидону,—
 То вот золотое 60

Сверкающее украшение моей руки —
 Принеси его мне из глуби моря,
 Смело кавув в отчий чертог!
 А мою молитву слышит ли Кронид,
 Блюститель мира, владыка громов,—
 Сейчас ты усмотришь сам».

2 с. Пезазорной молитве внял мощный Зевс —
 Небывалую Миносу явил он честь —
 Милому сыну
 Видную милость:
 Грянула молния —
 Желанное чудо,
 Вскинул воиньель руки
 К светлomu эфиру,
 Молвил:

«Фесей, ты видишь
 Явный мне дар от Дия; 75
 Дерзни же и ты
 В роиотное море,
 И отец твой Кронид, владыка Посидон,
 Высшую подарит тебе славу
 На дубравной земле», 80
 Так сказал он,—

и не погнулась Фесеева душа:
 Став на крепко сколоченную палубу,
 Он прыгнул,
 И ласково приняла его божественная соль. 85

Помутился сын Зевса в сердце своем
 И велел пустить по ветру дивно строепный корабль,
 Но судьба ипую стлала дорогу.
 2 а. Быстро движимый несся киль, 90
 Дул в корму ему северный Борей,

И трепетны были юные афиняпе,
 Ринутым в море видя вождя,
 И слезы текли из их кротких очей
 В предвиденьи гнетущей неизбежности. 95

А меж тем дельфины, насельники пучин,
 Устремясь, понесли Фесея
 К дому конщика, его отца;
 И вошел он в божий чертог, 100
 И увидел, дрогнув,
 Славных дочерей блаженного Нерая, —

От их светлых тел лился огненный блеск,
 Перевиты кудри были золотом, 105

Сердцем тешились они,
 В хороводе выступая быстрой поступью, —

И увидел он в том милом дому
 Любезную супругу отца своего,
 Волоокую, высокую Амфитриту; 110
 И она окинула его красным плащом,

2 а. И она взложила на густую гриву его
 Безупречный венок, темный от роз,
 Дар лукавой Афродиты для свадьбы морской. 115

Когда хочет бог,
 То для здравых умов нет невероятного.

Вот явился он
 Пред ладью с тонко резанною кормою —
 О, в каких помыслах
 Он застигнул кносского вождя, 120
 Невредимым выйдя из пучины

На диво всем,
 Божьими блистая дарами,
 И в свежей радости
 Зацели девы на светлых престолах, 125
 Заввучало море,

Юноши вокруг
Завели пеан любезными голосами,—

О, делосский бог,
От кеосских песен
Ты возрадуйся в сердце своем
И пошли от богов нам
[Причаститься достойных благ.]

180



Песнь 18, для афинян.

ФЕСЕЙ.
Год — до 470.

1 с. Х о р: — Царь святых Афин,
Повелитель привольно живущих ионян,
Отчего военную песнь
Прозвенела пыне медная труба?
Враг ли облегал 8
Нашу землю предводимым воинством?
Коварный ли вор
Расхищает наши паствы на вло
пастырям? 10
Или что иное тяготит тебя?
Говори! Как никто из смертных,
Ты владеешь подмогой юношеских сил,
О сын Пандиона и Креусы! 15

2 с. Э г е й: — Вестник к нам приспел,
Долгий пеший путь отмерив от Истма;
Несказанные сказывает дела
Могучего мужа.
Он убил все сильного Синппа, 20

Мощью первого меж смертными,
Отпрыска Посидона Литейского;
Жадного кабана сразил он средь Кром-
мионских чащ
И Скирона укротил неумного; ²⁵
Керкион уже не вызывает на кулачный
бой,
И Прокопт, напав на сильнейшего,
Уронил тяжкий молот Полипемона.
Я тревожусь! что будет далее?

3 с. Х о р: — Кто же он? откуда он?
И какое, по словам, при нем оружие?
Во враждебном ли доспехе он
Многое ведет за собою воинство?
Пли же один со служителями ³⁵
Он шагает, как странник, в чужие края,
Доблестный, сильный, смелый,
Одолевший силу стольких мощных
мужей? ⁴⁰
Верно, движет им бог,
Правой мздою карающий неправых,—
Ибо трудно вершить подвиг за подвигом,
Не изведав беды:
Все имеет конец в нескором времени.

4 с. Э г е й: — Два мужа при нем, больше нет никого,
Свисает меч с блистающих плеч,
Рукоять у него — слоновая кость,
Два точеных дрота — в его руках,
Лаконская шапка — на рыжих
волосах, ⁵⁰
Багряный хитон обвивает стан,
А поверх — фессалийский шерстистый
плащ;

Глаза горят лемносским огнем,
 Сверкают красными искрами;
 Он — отрок в первом юношеском цвету,
 Но утехи Ареса знакомы ему —
 Битвенный стук меди о медь;
 А держит он путь
 В сияющие блеском Афины.



Песнь 19, для афипян.

И О

1 с. Тысяча есть путей
 Для бессмертных песен,
 Если дар у певца —
 От пиерийских муз,
 Если синеглазые
 Хариты, подательницы победных вепков, 5
 Облекли его песнь
 Приветом.
 Вытки же новую ткань
 Для милых блаженных Афин, 10
 Славная забота Кеоса!
 Лучший ждет тебя путь,
 Ибо избранный дар
 Получила ты в удел от Каллиопы.
 Как же сбылось, что, покинув конный
 Аргос, 15
 Золотая выбежала телица
 По заботе ширококосильного вышнего Зевса,—
 Инахова дочь, с перстами, как розы?
 1 а. Разве не Аргусу,

Всюду зоркому несмыкаемыми очами, 20
 Повелела Гера,
 Высшая владычица в золотых одеждах,
 Бессонно, неутомимо
 Стеречь ту телицу с высокими рогами?
 Даже Майин сын 25
 Не мог от него укрыться
 Ни в лучистый день, ни в святую ночь.

Но [в прямой ли борьбе]
 Быстроногий вестник Зевеса 30
 Страшное одолел порождение
 Мощной семенами Земли,
 Копьем уметивши в Аргуса,
 Или [смежил он веки]
 От неустанного бдения...
 Или Пиериды [сладкою своею песнею] 35
 Наваяли ему забвение о вверенном,—

1 э. А мне вернейший путь —
 Тот, что прямее к цели:
 Когда, гонимая оводом,
 Достигла она пестроцветного Нила, 40
 Понесла она в чреве своем
 Эпафа,
 Родила она его властвовать
 Над народом в льняных одеждах,
 Цветущего великими почестями,
 Зачинателя многолюднейшего племени, 45
 От которого пошел и Кадм, Агеноров сын,
 В семивратных Фивах
 Породивший Семелу,
 А она родила Диониса, 50
 Вдохновителя вакхических плясок,
 Владыку увенчанных хороводов...

Песнь 20, для лакедемонян.

ИДАС

На просторной спартанской земле
 Русые лакедемонские [девы]
 [Вели] эту песнь,
 Когда Идас, отважный духом,
 Примчался сюда 8
 С прекраснoлaнитной Марпессой,
 Избегнув погибели,
 [Ибо] владыка морей Посидон
 [Дал ему] быстрых, как ветер, коней —
 [Примчаться] в крепко строенный Плеврон 10
 [К Евену], сыну Ареса,
 Носителю золотого щита...

Песнь 21. <КАССАНДРА?>

...как мантинейцы
 С посидоновым треазубцем на выделанных из меди
 щитах
 ...несутся...

Песнь 26. <ПАСИФАЯ?>

...Пасифая...
 ...посеяла Киприда...
 ...желание...
 Сыну Евпалама, 5
 Искуснейшему меж строящих,
 Дедалу, она открыла
 Страсть; взяв священную клятву,
 [Деревянную] повелела выстроить [телку],
 [Чтобы] с бычьей соединиться [силой] 10
 Втайне от мужа,

Миноса, напрягателя лука,
Кносского воеводы;
А он, уздав об этом,
Задумал думу: 15
[Сторожась] супруги...

Песнь 27. <ХИРОП?>

...не раз
Сын Филлиры, добрый советник,
Глядя русую голову, говорил: 35
«Обагрят он пенный Скамандр,
Поражая воинственных троянцев...»





ОТРЫВКИ

I. ЭПИНИКИИ

1. Раз навсегда скажу: даже и твердый дух
Клонится в людях пред силою корысти.

II. ГИМНЫ

- 1b-31. Геката, несущая светоч,
Дочь темнолонной Почы...
2. ...Увы, дитя мое,
Беда приспела, превыше сил, превыше слов...

III. ПЕАНЫ

4. АПОЛЛОНУ ПИФАЙСКОМУ, ДЛЯ АСИНЯН.
[«Вакхилид говорит,
будто Геракла, придя к дому Кеика...»]

- 1 с. Он ступил на каменный порог 21
В час приготовления к пиру
И сказал:
 «Праведные мужи
Сами находят путь
К обильному яству доброго дома...» 25

- 2 а. ... повелел Феб 41
Воиственному сыну [Алкмены]
[Вывести] их из храма и от [пуха земли]

- [И в этом] краю [поселить их]...
 . . . листва...
 . . . нагнувши оливы... 45
 . . . назвал он асинян...
 . . . во время...
 . . . из Галиков
- [Провидец] аргосский Меламп, 50
 2 а. Сын Амифаона, пришел
 И поставил Пифаэю алтарь
 И выгородил священный надел
 . . . эту прорицательную сень
 Безмерно чтит Аполлон, 55
 Ибо блеском она цветет
 И светлыми песнями,
 А возносят их к тебе, владыка,
 Трезенские юноши,
 Одаряемые от твоего изобилия... 60
- 3 с. [Ибо] Мир, великое божество,
 Чреват для смертных богатствами,
 Цветущ медовыми песнями;
 От его даров на резных алтарях
 Куруются богам из желтого огня 65
 Бедро быков и шерстистых овец,
 А юноши тешатся
 Состязаниями, хорами и пеньем флейт.
 На железных рукоятях щитов
 Ткут свою ткань бурые пауки; 70
 Острые копья и двуострые мечи
 Брошены ржаветь...
 ...и медные трубы безмолвны. 75
 Отрадней душе предрассветный сон
 Не сдувается с век,
 Шумят застольями улицы,
 К небу пламенем летят песни мальчиков... 80

5. Один у другого учится —
 Как прежде, так и поднесь:
 Нелегок путь
 К никем еще не сказанному слову.

IV. ДИФИРАМБЫ

6. Не ищи следов, когда рядом сам медведь.
 7. С таким повествованием согласен и Вакхилид в дифирамбах: эллины послали на Лемнос за Филоктетом тогда, когда получили предсказание Гелена, что без Гераклова лука им не взять Илиона.
 8. Оплакивающие держат копьа острием не вверх, а вниз, потому что на похоронах у древних все делалось наоборот: так, они и щиты поворачивали, чтобы изображения на щитах не осквернялись видом мертвого тела; такой обычай был у аркадян, по словам Вакхилида в дифирамбах.
 9. Вакхилид говорит о Лаокоонте с женой и о змеях, которые приплыли с островов Калидны и обернулись людьми.
 10. Зевс увидел Европу, дочь Финика, когда она с нимфами собирала на лугу цветы, влюбился в нее, сошел на землю и обратился в быка, дышащего шафраном. Обманутая Европа забралась к нему на спину, и он увес ее за море на Крит, а там соединился с ней. После этого он дал ее в жены Астериону, царю критян. Забеременев, она родила трех сыновей: Миноса, Радаманфа и Сарпедона. Так говорится у Гесиода и Вакхилида.

V. ПРОСОДИИ

- 11 + Одна есть мера, один есть путь для
 12. смертных к счастью:

Суметь прожить жизнь, не омрачая духа.

А у кого на уме несчетные заботы,

VIII. ЭНКОМИИ

20а. [НЕИЗВЕСТНОМУ].

- 1 а. ...сидя дома...
 ...без конца ворча на отца...
- 2 с. ... измученная,
 Призывает она подземные заклятия,
 Чтобы горше была его старость, 10
 За то, что держит он дочь в дому,
 Не седили ли ее дожидаясь?
- 3 с. Сын Ареса в шлеме из золота,
 Царь Евев, опоясанный в медь,
 С безжалостной рукой, запятнанной смертями,
 Таким был отцом над дочерью своей, 15
 Синеглазой, в тонкой одежде
 Марпессою, —
- 4 с. Но и его укротило время
 И необорная Неизбежность: 20
 [С первым] солнцем
 На посидоновых быстрых [конях]
 Предстал ему [Идас],
 Блаженный сын Афарея;
- 5 с. Он покинул пышповолосую по воле ее, 25

 Богини под прекрасным покрывалом...

- 7 с. Яростный [гнев] низвергнул отца
 С крутого берега [в реку],
 А дочь... 45
 ...русая Марпесса.

20Ь. АЛЕКСАНДРУ,
сыну Аминта, македонскому царю.

- 1 с. Лира моя, покинь свой приют настенный,
Слуху яви семизвучный свой чистый голос,
В руки мои приди: настало время
Послать Александру золотое перо моей Музы.
- 2 с. Пусть оно станет красой пиров новолунных,
Когда сладостная неминуемость спешащих кубков
Свежие горячит юношеские души,
Мгновенными пронизывая их чайпьями Кириды,
- 3 с. Неразлучно едиными с дарениями Диониса.
Высоко тогда возносятся людские заботы, ¹⁰
Венцы городов падают в прах пред каждым,
Каждый себе мнится владыкой над целым миром.
- 4 с. Дом сверкает золотом и слоновой костью,
Полные пшеницею, по сияющему морю
Плывут корабли твои с египетским богатством, — ¹⁵
Так застольными мечтами волнуются души.
- 5 с. Сын [гордого Аминта], великий в [славе]!
...
...в удел: какая прибыль человеку слаще,
Чем тешить дух свой [сбыточностью желаний]? ²⁰
- 6 с. ...
...[Смертный] мрак: никакому человеку
Полное счастье не дано на всем пространстве
- 7 с. Жизни. Но благо, ежели иному
Отмерено счастье той же мерою, что и горе...

20с. ГИЕРОНУ СИРАКУЗСКОМУ

- 1 с. Не спеши еще на покой,
Светлозвучная моя лира!
Новую припас я красу
Моей многоголосой Музы
Для Гиерона и гнедых его коней, 5
Чтоб послать ее, желанную, к застольникам
- 2 с. В твердо основанный город Этну:
Ведь уже певал я о скорокопытном Ференике,
Который в Дельфах
И который на берегу Алфея 10
Принес победу
На радость мужу, который...
- 3 с. ...мне тогда и девы
[И юноши]...
Из Кронидовой золотой дубравы
...положили... 15
...Кто из смертных...
...ни пред чем не робея...
- 4 с. Несчетны людские умения,
Но от бога во мне сила [утверждать]: 20
Ни единого столь сильного меж сверстных
Не видала еще с высот белокопная Заря,
Свет несущая людям...

20d. [НЕИЗВЕСТНОМУ.]

...свыше поспешила Энона,
Прекрасная супруга Париса,
По последнему его пути;
И не меньше претерпела Ниоба,
Когда светлые сын и дочь Латоны 5
Десять ее сыновей
И десять кудрявых дочерей

Сразили изостренными стрелами,
И тогда всевышний браздодержец,
Взглянув с небес,
Сжалился Зевс над неисцелимыми ее муками, 10
Сделал ее утесистым камнем,
Положил конец непереносимому страданию...

21. [К ДИОСКУРАМ.]

Ни бычьего мяса здесь нет,
Ни золота, ни багряниц,—
Зато здесь приветный дух
И сладкая Муза
И доброе вино в беотийских чашах...

IX. ИЗ НЕИЗВЕСТНЫХ КНИГ

23. [О богах:]

Жестокие педуги
Не гнут их и не мучат,
Не схожи они с людьми...

24. Не сами себе выбирают смертные
Ни мирное благо,
Ни необорную войну,
Ни губительные раздоры,—
Пет: судьба сама, распределяя дары,
То в одном, то в другом краю сгущает тучи...

25. Мало кому божество дает
Все свои годы прожить в блаженстве
И до самой старости не встретить беды...

26. Не втайне
К смертным несет свое звучащее слово
Мудрость...
27. Если кто скажет иначе → вольному воля!..
29. Образ итакийца, окутанного мраком...
30. Недоступный бурям Мемфис
И камышовый Нил...
33. [Время?] открывает чистое золото в людях...
34. Страсти людей несчетно разнообразны...
35. Избежав обратной морской волны...

Х. ЭПИГРАММЫ

1. Всеименная дочь Паллады, богиня Победа,
Хор из Карфеи ведет перед гобой хоровод.
Будь благосклонна к нему и поэта венчай
Вакхилида,
Как досель, так и впредь на состязаниях Муз.
2. Чтобы воздать за добро вернейшему ветру,
Зефиру,
Это святилище здесь в поле поставил Евдем,
Ибо Зефир по молитве его прилетал ему в
помощь
И дуновеньем своим с зерен свевал
шелуху.

СПОРНОЕ

64. <НЕСС>

[...сын] Алкмены
И вывел из [Калидона]
Там [доверил Нессу]
Перевезти [ничего]
Не подозревающую 10
Розоворукую [Деяниру],
Взяв ее на руки, [сам же]
[Пустился] через реку
[На колеснице, с младенцем в руках].
Но когда уже [Несс] приблизился [к берегу],
Любовное [обуяло его безумие]: 15
Бросился кентавр [на юную];
Громко вскричала [Деянира]
К милому супругу, умоляя
Поспешить...
...жены... 20
Горящий глаз...
Смерть и [месть]
Несказанную...
.
В сильной руке 23
С огромной палицей, [он поразил]
Дикое чудовище возле
Уха, и в середине...
Раздробил ему всю силою...
И глаза... 30
И брови...
И ноги...





ТИМОФЕЙ



ПЕРСЫ

НОМ

. I

...Струг бил в струг,
Полосуя гладь Форкиады;
5 Ноги обув
В зубы копий,
Взбывчив лоб,
Рвались они смять
Сосновые руки весел.
Налетал ли неоттяжный удар,
10 Щепящий гребные упряжи, —
Скопом рушились пловцы на ударивших;
Лучился ли у досок просвет —
Всплескивал вновь
Стук пенных сосен в кривом бегу;
15 А когда, размыканные,
Зияли ладейные тела
Боковинами в оюясах льнов, —
То иных доковеркивал новый гром,
А иные стремглав шли вглубь,
20 Обезблещенные хватким железом.
Опетленный Арес,
Взнузданный в огне,
Твердым древком

- 25 Взлетал из рук и падал меж тел,
Трепеща на ветру оперевшем.
Смерть
Нес полновес свинца
И смольный огонь,
Обжимавший стрекальные обрубины.
Теснящаяся жизнь
Жертвою стлалась
- 30 Медному жалу змей,
Крылящих с натянутых жил.
А зеленогривое море
Рубцевала
Красная роса кораблей,
- 35 И все было боль и крик.

- В напор и в отпор
Наш и вражий строй
Вплавь резал грудь
Амфитриты
В венце из рыб,
Меж мраморных крыл.
- 40 И тогда-то
Гермский долижник,
Чьей земли не обстичь и в день,
Плугом ног,
Стуком рук
Взрыл дождевое поле,
- 45 Сам себе остров под кнутами волн.
Взыскупя исхода,
Завлеченный туда, где все уже едино,...
- 50 ...Взмолился он к морскому отцу:
«Почто, Посидон...
• • • • •
- 70 ...А когда и щадил его ветер —

- Врушивался в рот
 Пенный ливень не Вакхова литья,
 Полое захлестывая снедалище.
- 75 Горлом изрыгая соль,
 Криком, как визг, и мыслью, как бред,
 Сквозь скрежет зубов
- 80 Вдосталь клял он
 Море, сокрушителя тел:
 «Лжешь, неистовое,
 Хищную шею твою
- 85 Уж вломило ты под капатное ярмо:
 Мой, мой царь
 Ныне тебя взмутит
 Соснами, отродьями гор,
 Ныне замкнет
 В свой беглый взгляд твою плавкую гладь,
- 90 Лживая буйственница,
 Вековая ненавистница,
 Любовница ветров, гончих меж волн».
 Так хрипел он, спершись в груди,
 Крутою пеною
- 95 Извергая из губ глубинную соль.

- Но уже расточалась в бег
 Торопливая вражеская сила;
 Шеями вперед
 Гибли струги, дробясь о мель;
- 100 Рвались из рук
 Черные ладейные ноги,
 В челюстях крушились
 Мраморными брызгами дети ртов.
- 105 Было море в трупах, как небо в звездах:
 Ослепшие,
 Бездыханные,

III

- Щекотали они волны, бременили берега.
А там, на песке,
410 Дрогла нагота,
Кипели слезы
С криком и стуком
Рук о грудь,
С похоронным стоном
О земле отцов:
415 «Мизия моя,
Горные складки в космах лесов.
Вырваться бы к вам
Из ристалища ветров,
Да не канет моя плоть незасыпанною!
420 Вот он, выси —
Страшный провал
Неба, родителя нимф,
Неба, Атлантова гнета;
Вот он, внизу —
Взвихренной пучины бездонный зев!
Умчаться бы мне туда,
Где вовек бы моему властелину
425 Над плавью Геллы
Крыши не крыть для дальновидного пути!
Тогда бы
Не шел я на эллинского Ареса
От Тмольских круч и лидийских Сард;
430 А ныне
Где обрести мне
Сладкий приют от избежимой ли судьбы?
Илионский брод —
Единое мне разрешение от бед,
435 Если пасть там к колену Горной Матери,
Охватить те руки о дивных локтях
Владычицы, одетой в черную листву:

- Вызволи, золотоволосая,
 140 Меня, меня, прегражденного в днях,
 Да не выпет мне жизнь
 Бьющее под челюсть
 Скорое железо в привычной руке,
 Да не размечет меня
 145 Северный ветер, губитель кораблей,
 Ходок по волнам,
 Леденящий в ночи,—
 Ибо уже одичалый вал
 Разымает мне с членом члеч,
 Чтобы лечь мне в снесь
 150 Пагубным клювам плотоядных стаи».
- Таковы лились горячие стенания.

- А как пал
- IV
- Сирый в бою
 Пажитных насельник Келен
 155 Пред железным рубителем эллином,
 И заворотило его за волосы горлом вверх,—
 Он обвинил молящей рукой сгиб навпсших ног,
 Он заплел язык азийский эллипским,
 160 Он взломал чекан печати на устах своих,
 След следя понийских слов:
 «Я меня тебя как?
 Какое дело?
 Никогда обратно:
 165 Вести меня сюда мой царь;
 Больше, отче, нет, нет,
 Никогда воевать сюда,
 Сяду тихо!
 Я не тебя сюда, я там —
 170 Сарды, Сузы, Агбатаны!

Артемис, мой великий бог,
В Эфес защита!»

- Но уже расточившись вспать, V
- 475 Быстропутные беглецы
Обоюдоострые дроты пометали из рук,
180 Врезали в лица острия ногтей,
Растерзали на грудях персидскую ткань,
Сладили голосами азийский вопль,
И царев собор
Отгрянул их стонущему ужасу,
185 Вскинувши взоры на встающую страду.
А царь,
Взвидев силу свою
В завороте, в смуте, в отпоре, в бегу,
Поверг себя на колени,
Вскинул на себя руки
- 190 И, обуреваемый вспененною судьбой,
Молвил:
«Горе дому, которому не стоять!
О, палящие струги эллинов,
Извели вы
Юных лет многолюдный цвет:
- 195 Не увить ему ладей в их обратной тропе,
Ибо их сгрызет
Пышущая пасть безъяремного огня,
Да восстанет скорбь по всей Персиде.
- 200 О, тяжек мне и горек эллинский путь!
Так не медлите же,
Запрягите мне колесницу о четырех конях,
205 Бессчастную благодать вздымите на возы,
Запалите шатры,—
Да не станет им впрок мое обилие».

- 210 А те, VI
Вскинувши победный столб
В святейший удел Крониду,
Прозвенели песнь,
Иэ, иэ, спасителю Пеану,
Стуча стопой
В лад высокой переступи пляса.
- 215 Иэ, Пеан, VII
Величатель
Новозданной Музы,
Золотой лирницы,
Приди подспорником песнословням моим!
220 Ибо мощный народ,
Знатный отцами,
Долгий днями,
Правящий Спарту,
Брызжущий юным ее цветом,
Стрекалом мепя жжет,
Смехом меня мутит,
Вменяя в бесчестье
225 Древней Музе
Юные песни.
А я от тех песен
Не чуждаю
Ни старого, ни юного, ни сверстного,
230 А гоню я прочь
Лишь охальников старой Музы,
Терзателей лада,
Истощенных вопленников,
С площадными горланами мерящих голоса.
Первым Орфей,
Сын Каллиопы, пиерийский горец,
235 Пестрозвучную породил черепаху;

- За ним Терпандр,
Вскормленник Антиссы в эолийском Лесбосе,
В славных песнях
240 Запряг свою Музу на десять сторон;
И вот Тимофей,
Вздыбив кифару
В мере и ладе одиннадцати струн,
Отверзает залежь
245 Певчего сокровища в тереме Муз.
А родил его Милет,
Первый город
Ахейского люда о двенадцати стенах,
И к тому ли святому городу
250 Низойди,
Пифийский стрелец,
Одаряя непомутимый народ
Зацветающим обилием и миром
Благозакония.





ДОПОЛНЕНИЯ





ОДЫ ПИНДАРА И ВАКХИЛИДА
В ПЕРЕВОДАХ РУССКИХ ПОЭТОВ
XVIII—XX вв.

Аноним
(вторая половина XVIII в.)

ОЛИМПИЙСКАЯ ВТОРАЯ
ФЕРОНУ АГРИГЕНТЯНИНУ,
ОДЕРЖАВШЕМУ В ДРОМЕ КОЛЕСНИЦЕЮ

Свидетели в свещенье лире
Вы, песни, ими же светим,
Какому днесь прою в мире,
Какому богу возгласим;
Заступник Пизы Дий державный;
Начатками победы славной
В ней игры учредил Алкид;
Но победитель колесницей
Ферон прославлен zde сторицей
И предков честь и град хранит.

По многим подвигам явленно
Родоначальницы его,
Седоша на реце священной,
Красе владычества сего,
И быша славное селенье
Земли сиканской удобренье,
И мзда им счастье и любовь,
Все доблести мужей святые,
Богатства, почести благие,
Иройскую блюдущи кровь.

О Хронов сыне, всех правитель,
Олимпа небодержец бог,
Ты, игрищ наших всехранитель,
Ему же в алтарях чертог
На брезех светлого Алфея,
Взыми молению, да спя
В твоей заступе, поживут
На отчине своей безбедны
Сыны ироев сих наследны,
И славу их себе блюдут.

Нам вещь рождающее время
Всесильное в нас сотворять,
Бессильно нам неправды бремя
На правду властно прелагать.
Но зол прошедших память в роды
Законами на нас природы
Веселием погрблена,
Егда по скорбям и лзвленьям
Судами их в призор моленьям
Нам радость с выспрь преподана.

О сем свидетельствует жребий,
Сужденный Кадмовым сынам,
Сим играм учрежденным в требы,
Постигшим некогда их злам,
Но ныне саятся престолы,
И мать Бакхова на долы
Перуном горним ниспаде,
Но ныне Дием и Палладой
И Гроздоносцевой отрадой
Честна в Олимпе по беде.

Предание о смертной Ине
И по сему же нам гласит,

И яко в славной той пучине
В бессмертны сонмы Нереид
Участница их благ включилась.
Егда твердь Фивом озарилась,
И ясный рано виде день,
О бурях к западам не знаем, —
Вся жизнь нам, ю же провождаем,
Лишь тишь и буря — свет и тень.

Се по сему от Имармены
Отцам твоим суды, Ферон,
Им благ судилися измены,
И вкупе ницета и фрон
Со дня, в кой в Кифероне Лая
Эдип идущий повстречая,
Отца в нем своего уби,
И тако совершил не знапно
Таинственные несказанно
Пророческие Дельф судьбы.

То зрящи фурия от гроба
На род сей язвы все простре;
Сыны отцеубийцы оба
Друг друга поразиша в пре;
Но Полиников сын Адрастов
Ферсандр, как ветвь от древних растов,
Воздвиг и поздним нам сий дом.
Енесидим сей дом пробавил;
А сын его Ферон прославил
Сему Ферону лирный гром.

В Олимпии един венчался;
В гиссопном месте славе брат
Его ристай причащался,

Когда двенадцать он крат
Вокруг столпа в конец ристаше.
Успех веселие нам наше.
Ей! доблестью плоды богатств,
Да их дарами люди спеют
И состязательны умеют
Стяжати славу всю изрядств.

Богатства с доблестями от века
Союз лучащих в мир светил
И истый свет для человека,
Его же свет сой просветил,
Грядущих тайны пронизает,
И ведый их провидец знает.
По смерти души темны злых
Мучениям вданы всегдашним:
Плутоновым судьбою страшным
Истязан всяк о злах своих.

Но праведные тамо скверны
И зол изъятые живут;
Их души семо благоверны,
И тамо их избегнет труд;
Там день не вечеряет мраком,
И солнце невечерне зраком
Дарит их кротким в век лучом;
И нуждам удовлет телесным
Не прорствуют движеньем песным
Ни ралом острым, ни веслом.

Обетам верные на роте
Беседуют к богам самим;
Там радость, сущая нам в льготе,
Не добыта трудом лихим;

Клятвопреступству же там кары.
Но иже душ светильник ярый
И в ад и в сени сей земли
Трикраты, не гасив, носили
И в Диевых путях ходили,
Вступают к Хрону разветли.

Ссленье се богоблаженных,
Да внидут в радость и покой!
Зефиром с вод невозмущенных
Свежится вечною весной.
Там крины — цвет златосиянный;
Из струй с древес же и с поляны
Растут там дивные цветы,
И праведные их сплетают,
И их венцами прилагают
Главам и дланям лепоты.

Там Радамант, судья вселенны,
При Хроне праотце сидит,
И всяк престол там вознесенный
Земли престолу подлежит.
Там Кадм с Пелеем воцарился,
И Ахиллес туда вселился
Фетиды теплою мольбой —
Сей муж, Гектора в персть вселивший,
Мемнона ж черного сразивший,
Рожденного на свет Зарей.

Мой тул исполнен стрел глашащих,
И разум гласу слух сему,
Но звон их разумом летящим
Не внемлет темный муж ему.
Хвала природному пииту —

Но слову, художом излиту,
От сердца ль полного хвала?
То слово — вранов крик бесчестных,
Теснящихся в зыбях небесных
Вкруг громовержцева орла.

Обаче время дух мой вещей
Напречь к стреляню тетиву,
Куда лететь стреле до всщи,
Усердием светить молву:
Да в Агригенту долетает,
Да град хвалою постигает;
Сто лет ты, граде, славно спел,
Но в сонме сильных и вельможных
Ты лучшего в стезях возможных
Ферона нашего не зрел.

Но видим злобы посягапье
И подвиг бешеных мужей,
На счастье его восстанье
И темных оных полк затей,
Воюющих его доброты.
Но изочти его щедроты,
Сей вольный дар его руки —
Бесчисленны бо неисчетны
И нескончанны и несметны,
Как в море велием пески.



Г. Р. Державин (1743—1816)

ОЛИМПИЧЕСКАЯ ПЕРВАЯ ПЕСНЬ

1. Всех элементов вода превосходней,
Злато богатств среди пышных, вельможных,
Как между всех преизящнее блеском,
Пышущу пламени ночью подобно.
Хочешь ли, Муза, победы возвысить,—
Звезд не ищи, светозарнее тихих
Солнца полдневна лучей теплотворных,
Кои, пустыню воздушну протекши,
Мир освещают вокруг,— и славнейших
Ты не ищи же торжеств олимпийских.

Душу поэтов они
Пламенем всю напоят,
Кронова сына когда,
Сидя Хирона в чертогах,
Счастьем, богатством цветущих,
Звучно возносят, поют.

Скиптр правосудья вращает
Он в многостадной Тринакре,
Доблестей цвет всех собирая,
Блещет, красой озаряясь
Песен, согласных с музыкой,
Кои мы дружески, часто
Сидя с ним вкруг за трапезой,
В славу ему восклицаем.

2. Снемли с стены сей дорийскую цитру,
Коль олимпийский конь Победоносный,
Ныне на рыцарских играх риставший,
Сладостным дух твой пленяет восторгом.
О! как он берегом быстро Алфея

Без подстрекания, гордо, красиво,
Мчал сиракузска царя конелюбна,
К цели летя по всему ипподрому,
Громкой победой меж всеми блистая,
Честь своему приобрел тем владыке.

Слава доньше о нем
Селы, града пролетает,
Рождшим толь много вождей
Лидским Пелопсом селенны;
Бог, препоясавый морем
Землю, его возлюбил.

Мощный Нептун, как изъяла
Вреюща светла коноба
Клота его, и ему тут
Кости слоновой вложила
Снега белейшее рамо.
Верь, что чудесность бывает:
Слошь, пестро сказок убранство
Нравится более правды.

3. Прелесть поэзии, волшебная сила,
Звуком своим всех пленит, услаждая;
Ризою басню почтенной облекши,
Ложному часто дает вероятность,
Лучший свидетель грядущее время;
Смертных всех есть лишь одна принадлежность,
Чтоб с умилением в сердце глубоким
Провозглашать всем богов благостыню.
Если не будет кто виновным в чем много,
Тот и ответу подвергнется мало.

Сыне Танталов! тебя
Ныне воспеть я намерен,
Прежде не пета никем,—
Твой как отец на трапезу

Звал всех богов в свой любимый
Град, Сипилию, к себе:
Скиптра трезубна державец,
Страстью к тебе воспаменяся,
Взявши тебя, как добычу,
Зевсу всечтиму далече
На огнеконном снаряде
В светлы взнес неба чертоги;
Но для услуги сей самой
Был Ганимед там уж прежде.

4. Бывшу ж тебе от всех смертных сокрыту,
Как отыскать и посланцам родившей
Было тебя уже больше не можно,—
Завистью мрачною, злой, воушенны
Тайны соседы всем слух распустили,
Будто бы тело твое все на части
Было прерублено острой секирой
И, во кипящей воде разваренно,
Ночью богам в кругу пира носимо;
Сладостно ими, как снадно, пожерто,
Но возвещать мне о том,
Будто бессмертные алчны,
Дерзко, безумно, грешно; —
Сильно того я страшуся.
Коль богохульников часто
Ярый сражает перун!
Чтили ль кого земнородных
Неба блюстители, боги,—
Был то Тантал. Но, увь! он,
Чашей блаженств упоенный,
Много собою кичася,
Гневной свел мщенье десницы:

Камень над ним преужасный
Зевс, яко гору, повесил.

5. Вечно с главы его отрывает,
Вечно бежит от него и спокойство:
Жалкий страдалец, меж трех он четвертый
Жизнь провождает свою всю в мученьи,
Сколь в бесполезном, столь горьком рыданьи,
Что у богов, даровавших бессмертье,
Тайно священный похитил он нектар,
Также унес и амброзию сладку
Для угощенья смертных клеветов.
О, суета сокрываться от вышних!
 В кару за тяжкий толь грех
 Боги обратно сослали
 Сына в род смертных его,
 Столь увядающий скоро.
 Юность же розоцветуща
 Черным лишь власом вокруг
Щеки его отенила,
Сердце прельстилось мгновенно
Браком ему обещанным
Со Ипподамией милой,
Дщерью владельца Олимпий.
К пенну он ночью шел морю,
Трезубодержца подхолмна
Вызвал, и бог лишь явился,—
6. «Сильный царь вод! — рек он, — ежели дары
Благоугодны тебе суть Венеры,
Медно кошь удержи Аэммона,
Скрой в Элизей и меня ты с собою
На колеснице твоей быстротечной.
Там с ним сразися, победу обрящу.

Тридцать уж им женихов перебито;
Дочь же его и поныне в невестах.
Так! лишь опасностей те не встречают,
Коиx вся в нежности жизнь протекает.

Мне же коль рок уж судил,
Чтоб умереть неизбежно,
Век свой бесславно почто
Мрачности в недре скрывая,
Дел уклоняться геройских,
Жизнь всю влачить со стыдом?

Нет! нет! — иду я сражаться!
Путь лишь открой мне счастливый.» —
Тако вещая, — и спешно
Душу он бога восхитил,
Кой, озаря в нем сердце,
Пролил сиянье на взоры,
Дав ему неутомимых
Коней златых с колесницей.

6. От Аэммонова гнева избегши,
Деву исторг он со славой ко браку,
Седьмь воевождей ему породившу;
Тщилися чтить все они добродетель.
Днесь ему жертвы курятся надгробны,
Кои на бреге он злачном Алфея
Во благолепии внемля, почитет.
Холм его вкруг как могильный обходят,
Тож и алтарь его в праздничных играх,
Где собирается сонм чужестранцев.

Блещет далеко Пелопс
Славой торжеств олимпийских
Со ипподромов своих;
Сила где, быстрость ног гибких,
Мышцы и жилы напрягшись,

Рьяно вдруг спорят с собой,
Луч от победы награда,
Витязей ввек услаждает,
Слаще золотого сота.
Да и кому чем сей вяцше
Радостью лъзя наслаждаться,
Как не тому, где вседневно
С блеском она вспять струится
И утешает нас снова?

7. Песнью зольской и мне дпесь надлежит
Витязя игр увенчать браннопосна,
Кои на ристанья по праву известну.
Кто меж гостей здесь есть из иностранных,
Иль из живых где суть люди на свете,
Царств что в правленьи, наук и художеств
Ео превосходстве с ним мог бы поспорить?
Нет! не дерзнет уж никто, как он только,
Быть возвеличен подвижников в лике
Благозвучащими песнями достойно.

Бог твой покров, о Хирон!
Нежно он бдит над тобою,
Коль он не снимет впредь длань,
Взыду на красный холм Кронов
И в сладкогласнейших кликах
Бег колесниц воспою.

Муза меня окрыляет,
Как быстролетную стрелу:
Взнесся тот сим, а сей оным,
Ты же над всеми вершина.
Шествуй же, в дол не взирая,
Сей и всегда высокою:
Благо с тобой жить мне, витязь!
Грецию песни осветят.

В. И. Водовозов (1825—1886)

ТРЕТЬЯ ОЛИМПИЙСКАЯ ОДА

- 1 с. Лиры властители, гимны!
Какого нам бога, какого героя,
Мужа какого воспеть?
Пизу ль, священную Зевсу?
Брани добычу назначил Иракл
Игр Олимпийских наградой.
Мы ж за четверку победных коней
Ныне Ферона прославим,
Честного гостя, столб Агригента,
Предков прославленных цвет,
Градоправителя мудрого.
- 1 а. Много душой пострадав,
Они на священной реке поселились
И стали Сицилии оком.
Следом и счастье пришло,
Доблестям явным в награду
Принесли богатство и честь.
Сын Реи, Кронион, властитель Олимпа,
Победных наград и потоков Алфея,
С улыбкою песнь нашу встретив, даруй
И поздним их внукам
Отцовским наследством счастливо владеть.
- 1 в. Тому, что свершилось,
Законно ли, нет ли,
И время, всеобщий отец,
Не может другого назначить исхода;
Но пусть со счастливой судьбою
Приходит забвение бед,
И злобное горе, смиряясь,
Умрет перед радостью светлой,

- 2 с. Если уж воля богов
Высшее благо пошлет.
Царственным Кадма пришлось дочерям
Много страдать, говорят;
Пала однако тяжелая скорбь,
Встретившись с лучшим добром.
Ныне живет на Олимпе
Гроном удара сраженная
Фивянка длинноволосая.
Вечно Палладе любезна она,
Зевсу отцу еще больше; ее
Любит и юноша, бог плющеносный.
- 2 а. Слышно, что там в глубоких водах,
Меж дочерьми морскими Нереей,
На вечное время блаженная жизнь
Назначена Ино.
Смертный конец не угадан никем из людей!
Не можем мы знать,
Окончим ли солнцем рожденный
Спокойно и радостно день
В довольстве, ничем не смущенном.
Со счастьем иль с горем,
Различные льются струи
К вам отовсюду.
- 2 а. Подобно и Мойра, хранившая жизнь
Феровых предков, была не всегда
Равно благосклонною к ним.
Со счастьем, даром богов,
Порой посылала беду:
Сын Лая, роком ведомый,
При встрече отца умертвил,
И тем исполняется старый оракул Пифона.

- 3 с. Быстрая видит Эринния
Зло, и взаимным убийством
Губит воинственный род.
Пал Полиник, и остался Ферсандр,
Цвет Адрастидов и дому опора,
В играх и в битвах равно
Чтимый средь юношей храбрых.
Отрасль из корня того же,
Энезидамова сына
Песней хвалебной и звуками лиры
Ныне прилично прославить.
- 3 а Принял награду в Олимпии он,
В Пифоне, на Истме ему
С братом равно знаменитым
Те же Хариты доставили славу
Двенадцать раз четвернею
Арену кругом обскакать.
Удача избавит того от печали,
Кто силу в борьбе испытует.
Избыток, украшенный доблестью,
Кстати повсюду поможет,
Питая заботу глубокую в сердце.
- 3 в. Он всем светило желанное,
Он мужа истинный блеск.
Его кто имеет, тот знает грядущее,
Что скорая мзда малодушных людей
Постигнет за все преступления,
Свершенные в здешней обители Зевса:
Есть некто, судящий в подземном жилищ
Решеньем, нещадным, как рок.
- 4 с. Светит и ночью равно,
Светит и днем неизменно

Вечное солнце для добрых,
Век их проходит легко.
В жизни другой уж не нужно
Им ни земли, ни пучины морской
Силою рук бороздить.
Жизнь беспечально ведут
В чтимом богами кругу
Правду любившие люди;
Злые ж несут
Взору ужасную муку.

4 а Кто трижды отвагу имел
От всякой неправды свою
Душу сберечь, тот нашел
Путь Зевсов к обители Крона.
Остров блаженных
Там ветерки океана
Кругом обвевают.
Там златом пылают цветы,
Обильно рождаясь
Из вод, из земли, из блестящих деревьев
Ветвями, венками
Сплетаясь вокруг.

4 в. Так праведен суд Радаманта.
Он верный советник у Крона отца,
Супруга Реи, всех выше
Имеющей трон свой на небе.
Пелей и Кадм в их числе;
К ним мать привела и Ахилла,
Склонивши Зевесово сердце мольбою.

5 с. Трои незыблемый столб он низверг,
Гектора, грозного в битве;

Смерти он предал и Кикна,
И сына Эос, Эфиопа.
Много в колчане моем
Есть быстрых стрел под рукою,
Людам разумным звучащих.
Толпе пояснения нужны:
Мудрый уж многое знает с рожденья;
Неуч же праздно болтливый,
Как ворон, каркать готов
На птицу священную Зевса.

5 а. Направь же лук свой на цель.
Смело, живее! Куда устремишь
Славные стрелы свои,
Пустив от души дружелюбной?
Направить ли их в Агригент?
Я подтверждаю от чистого сердца
Клятвенным словом:
В столетье еще ни один
Город на свет не родил
Для друзей благодетеля мужа
Щедрей, благородней Ферона.

5 э. Но злоба встает на хвалу.
Не ведая правды, безумцы
Хотят заглушить, иль позором
Славное дело покрыть.
Но счету песок недоступен —
Кто ж мог бы сказать, сколько сделал
Ферон добра для других?



В. И. Иванов (1866—1949)

ПЕРВАЯ ПИФИЙСКАЯ ОДА

- 1 с. О кифара золотая!
Ты, Аполлона и Муз
Фиалкоудрых равный удел!
Мере струнной
Пляска, начало веселий, внемлет,
Вторят лики сладкогласные,
Когда, сотрясенная звучно,
Ты взгремишь,
Хороводных гимнов подъемля запев.
Копья вечного перуна гасишь ты, 5
И огнемощный орел
Никнет сонный,
Никнет на Зевсовом скиптре,
Быстрых роняя чету
Крыльев долу,—
- 1 а. Князь пернатых: облак темный
Над изогнутой главой
Вещим пеньем ты пролила,
Облак темный —
Сладкий затвор зеницам зорким,
И под влажной дремой гнет хребет
Ударами струн побежденный...
Сам Арей,
Буйный в бранях, прочь отместнув копие,
Легковейным услаждает сердце сном.
Сильны бессмертных пленять
Стрелы, их же
Глубоколонные Музы

С чадом искусным Лето
Мещут звонко!

- 1 а. Те же, кого не взлюбил Зевс, —
Внемля гласу Пиерид,
И на земле обуяны страхом, и средь неукротимых
пучин;
И мятется, чья темница — Тартар тьмы, недруг
богов, ¹⁵
Стоглавый Тифон, возлелеян некогда
Славным вертепом той ли страны киликийской,
ныне же
Тяготеют Кумы приморской нагорья
И Сицилия на косматых оных персях, и
небесный
Столп его грудь бременит —
Среброверхой Этны устбй, ²⁰
Вечной зимы кормилец снежный.
- 2 с. Чистыми кипя ключами,
Там неприступный огонь
Бьет из недр. Днем черный клубит
Огневые
Реки пожар, а во мраке хляби
Пышут бурей яропламенной
И скалы, вращая, уносят
С грохотом —
Испровергнуть в Понта глубокий
простор.
А подземный Змий Ифестовы ручьи,
Грозные, жёрлом струит ²⁵
Вверх. И чудо —
Въяве предивное видеть!
Диво и повести внять
Тех, кто зрели:

- 2 а. Как под Этны чернолистной
Теменем и низинбой,
На колючем ложе простерт,
Опирает
Узник об бстины хребет язвимый...
Дай, Эвсв, дай нам быть угодными
Тебе, что блюдешь над горой сей, 30
Над челом
Плодовитых долов! — ее ж освятил
Именем однореченный смежный град
Хвальный строитель, — и днесь
Э т п у славит
Игрищ Пифийских глашатай,
Краснопобедный глася
Лавр Иерона —
- 2 в. На колесничном ристањи!
В путь готовым кораблям
Радость желанная — ветер попутный: он возврат
мореходцам сулит
И прибыток. Их по слову про свое станем
гадать: 35
Благое начало — благое знаменье:
Конскою славой городу слыть, и венцами
краситься,
И греметь молвой на пирах звонкогласных!
Ты же, Ликиец, царь Дилийский, ты, Парнасской
Касталии
Ключ возлюбивший! Блюди
Сне в сердце памятном, Феб! 40
Добрых людей блюди отчизну.
- 3 с. От богов вся доблесть в людях,
Все нам дары — от богов;

Разум мудрых, крепость борца,
 Речь витии.
 Я ж, победителя славя, целю
 Кобыля песен медножалые:
 Всех дальше я мечу их ринуть
 И за грань
 Мощным махом, звонкие, не прометнуть!..
 Пусть ему в теченьи долгом смертных дней ⁴⁶
 Те ж изобилья дары
 С тем же счастьем
 В лоно плывут неоскудно
 И претерпенных несут
 Зол забвенья!

3 а. Он вспомынет войн великих
 Битвы: как в них устоял,
 Крепкий духом; как добывал
 Мышцей божьей
 Почесть, ее ж ни единый Эллин
 Не спискал,— стяжанья многого
 Верховный венец велеленный! ⁵⁰
 Ныне вновь,
 Филоктита труд роковой разделив,
 Ополчился вождь за друга: друга звал
 Гордый на помощь, смирясь.
 Так на Лимнос
 (В былях постся) герои
 К мучиму язвой стрелку
 Плыли древле.

3 в. Сына Пианта приводят
 Полубоги в бранный стан:
 Он испровергнул Приамов город, он Данаев
 страды повершил,

Тело в немощи влачащий: суд то был
вечных судеб!.. 55

Да встанет же бог — исправитель в дни его
Пред Иероном в час вожделенный, в годину
чаянья!..

Муза! лепо нам пред лицом Диномена
Четвероконных мзду восславить: отчий дар
ему ль не радость?

Муза! покорствуй мне: гимн
Обречем мы Этны царю, 60
Этны царю хвалу по сердцу.

4 с. Сыну град, свободы граду
Дал богозданный устав
С правдой Илла царь Иерон!
Род Памфила
И Ираклидов, Тайгета горцы,
По дорийскому обычаю,
В Эгимия древнем законе
Век прожить
Правдой дедов гордые внуки хотят.
С Пинда стремного сошли сыны побед 65
И одержали Амиклы
У предела
Тиндара чад белоконных,
Чьих искони процвела
Копий слава.

4 а. Зевс-свершитель! прав да будет
Голос молвы, что судил
Чести отчей равный удел
У Амены
Струй Этнейских — царям и вбям!
Будь помощник, — да водитель — муж,

Наставник властителя—сына, 70
 Свой народ
 Возвеличив, дружный в нем строй
водворит!

О Кронион! я молюсь, да низойдет
 В грады пунийские мир,
 Да утишит
 Тусков воинские клики
 Кумской обиды морской
 Память злая!

4 а. Как там крушилась их сила
 Властелином Сиракуз!
 Он же и цвет их страны. в пучину с
 быстролетных поверг кораблей,
 И с Эллады угнетенной прочь сорвал рабский
 ярм! 75

Афинам пою Саламин — и взыскал я
 Граждан приязню; в Спарте мне петь Киферон:
побоища,
 Где легли костью крутолукие Персы.
 У берегов Имеры светлой Диномена чад
могучих

Доблести гимн я воздам:
 Они гимн стяжали в бою, 80
 Вражеских воев мощь осилив!

5 с. Кто хранит в витийстве меру,
 Кто разумсет вместить
 В кратком слове многую речь,—
 Нареканий
 Меньше тому от людей. Избыток
 Пресыщает; торопливые
 Надежды не ждут. Чуждый подвиг,

Граждан толк
Тайно сердца темную глубь бременит.
Лучше зависть все ж, чем жалость! Слава
буды ⁸⁹

Подвиги множь! Правь народ
Прав кормилом!
Пред наковальнею чести
Выкуй нелживый язык,
Ковщик правды!

б а. Легкой искрой слово реет;
Но из властительных уст
Тяжко ляжет! Многих ты благ
Управитель:
Много свидетелей зрят управу.
Щедрый нрав блюди; и, добрую
Молву возлюбив, неустанно
Расточай,
Корабленачальник искусный, ветрам
Смей вверять раздутый парус. Не ищи
Выгод обманчивых, друг!
Наше имя
Переживет нас, и слава
Об отошедших прейдет
В роды смертных.

б а. Жизнь их молва перескажет
Деписцам и певцам.
Крез человеколюбивый вечно будет памятен
сердцу людей;
В—медяном—быке—сжигатель, недруг всем —
царь Фаларид, ⁹⁰
И нежные струны под кровлей праздничной

Имя его сдружить не хотят с песнопеньем
отроков.
Друг! удача — первое благо; за нею ж
Клада нет краше доброй славы; но кто оба дара
вкуше

Взял от богов,— улучил
Вожделенный жребий земли:
Жизни приял венец превысший!

ФЕСЕЙ

Х о р: Провещай слово, святых Афин царь,
Роскошных иовян властодержец!
Продребезжала почто трубы медь,
Песнь бранную зычно протрубила?
Али нашей земли концы
Обступил и ведет грозу сеч
Враждебной рати вождь?
Иль, умыслив недоброе,
Грабят хищники настухов стад,
Овец угоняют в плен?
Что же сердце твое мятет, царь?
Вещай! Али вдосталь, круг твоих рамен,
Нет надежи — дружинников,
Юных, сильных витязей,
О Пандиона чадо и Креусы?

Э г е й: Приспешил скорой стопой гонец, пеш;
Он долгий измерил путь истмийский,
Провозвестить несказанных дел весть,
Что некий соделал муж великий.
Исполив от его руки,
Колебателя суши сын, пал —

Насильник Синис пал!
От губительной веприцы
Вызволил кромсионский лес он,
Скирон-беззаконник мертв.
Уж не мерит с гостями тугих мышц
В борьбе Керкион. И молот выронил
Полищемо́на сын, Прокопт.
Мощь мощнейший превозмог.
Что-то будет? Чему дано свершиться?

Х о р: И отколь сей богатырь, и кто он,
Поведал ли вестник? Ратной справой
Вооружен он, одержит полк мног
С нарядом воинским? Иль, скиталец
Бездоспешный, блуждает он,
Мнимый пришлым купцом, один, в край
Из края, чуждый гость?
А и сердцем бестрепетен,
И могутен плечьями о тех мощь
Изведавший крепость мышц!
С ним подвижный его стоит бог
Промыслить отмщенье для неправедных!
Но вседневных меж подвигов
Остеречься ль злой беды?
Время долго: всему свой час свершиться!

Э г е й: Со двумя держит гриднями путь муж,
Поведал голец. Висит булатный
Заповедной кладенец с белых плеч;
В руке два копыя о древках гладких;
Да чеканки лаконския
Сверх кудрей огневых шелом светл;
Хитов на персях рдян;
Плащ поверх, фессалийских рун

Очи полымя ярых жерл льют —
Лемносских горнил ключи.
Первым юности цветом юн он;
По сердцу ему потех да игрищ вихрь,
Те ли игры Аресовы,
Меднозвучных битв пиры —
И взыскал он Афин пышнолюбивых.



И. Ф. Анненский (1856—1909)

ФЕСЕЙ

М е д е я: О царь священных Афин
И мягких душой ионийцев владыка!
Здесь только что бранную песнь сыграла
Труба медноустая: что это значит?
Наверно, какой-нибудь враг оцепляет
дружиной
Нашей земли пределы?
Или, может быть, вору — на выдумку
злые —
Отбив от пасущих,
Овечьи насильем стада угоняют?
Иль что, наконец,
Тебе ужалило сердце? Поведай!
Подумать: кому же и ждать из людей
От сильных подмоги,
И даже от юных, пожалуй, поддержки, —
Когда не тебе, Креусы потомок, Павдионов
сын?

Э г о й: Сейчас, весь путь перебрав
Ногами, из дальнего Исфма явился
Гонец и дела несказанные мужа
Поведал могучего. Синий убит им,
Надменный и силою высший из смертных,
рожденье
Бога долины Литейских
И Кронида, земли колебателя, чадо.
В ущелье заросшем
Мужей убивавшего вепря сразил он...
И Скирон убит

Злодей, в борьбе и Керкион осилел.
И молот отцовский отбросил тяжелый
В досаде Прокопта,
Сильнейшего мужа познавши нежданно...
Мне страшно, увы! Какой же все это приемлет
конец?

М е д е я: А что же посол говорит?
Откуда и кто он, безвестный? Какую
Одежду он носит? В оружии ль бранном
И много ли войска ведет он с собою?
Иль видел гонец одного и без всяких
доспехов?
Может быть, путь совершает,
Как торговец бродячий, тот муж неизвест-
ный,
Когда на чужбину
И бодр, и крепок, и полон отвагой
Идет он, купцам
Гордясь присущею силой... Конечно,
Его на злодеев сам бог ополчил,
Да кару примут.
А вечно творившим обиды от кары
Уйти не легко: все рано иль поздно приемлют
конец.

Э г е й: Всего два мужа при нем,—
Коль верить гонцу: и за мощные плечи
Он меч перекинул...
В руках же два дротика держит блестящих
И голову сверх золотистых волос прикрывает
Шлемом чеканки лаконской...
Грудь пурпурный хитон окружил ему плотно,
И сверху хламида

Из шерсти овец фессалийских. И пламя
Гефеста в очах
Сверкает грозно. Почти еще мальчик,
Подросток, но, чары Арея вкусив,
Уж бредит войною,
Весь полон он бранным бряцанием меди
И жаждет узреть он славой любимые степы
Афин.



М. Е. Грабарь-Пассек (1893—1975)

ПЕРВАЯ ИСТМИЙСКАЯ ОДА

1 с. Мать моя, труд для тебя, для Фив златоцитных
Всем я трудам предпочту, и Делос крутой
Пусть на меня не гневится, хоть должен был песню
Раньше сложить я ему.
Что сердцам благородным дороже, чем мать и отец?
Ради них отступи, Аполлонова сень!
Песни окончу обе я по воле богов.

1 а. И длиннокудрого Феба прославлю я в пляске
Между приморских селян, где Кеос вода
Вкруг обтекает, и будет воспет перешеек
Истм, огражденный волной.
Шесть венков подарил он на играх Кадмейской
стране,
Дар прекрасно—победный, для родины честь.
Сын был Алкменой здесь рожден; был тверже,
чем сталь.

1 в. В страхе пред ним
У псов Герионовых лютых
Шерсть вздымалась.
Ныне хвалу Геродоту
С его колесницей
Четвероконной сложу.
Он не доверил узды своей
Чужой руке — и за то
Я вплету ему похвалу
С Иолаем и Кастором
В гимн хвалебный.
Этих двух героев нам
Лакедемон и Фивы родили,
Возниц сильнейших.

- 2 с. В играх овы достигали наград наивысших,
Блеском треножников дом украшен их был,
Многими чашами, кубками чистого злата.
Много победных венков
В дар стяжали. Повсюду сиял их доблести свет,
Где в ристаньях тела обнажали мужи,
Иль где гоплиты в бег, щитами бряцающий, шли,
- 2 а. Где заостренные конья руками метали,
Или где неся далеко каменный диск.
В играх не знали пятиднейя, за каждый
Бой был особый венец.
Часто после, густою листвою свои кудри обвив,
Возле Дирки потока являлись они
Иль отдыхали там, где воды струил Эврот.
- 2 э. О сын Ификла!
Ты по рождению
Родной стране Спартанской.
О Тивдарид! Обитаешь
Ты в Терапии святой
Меж мужами ахейской страны.
Вам мой привет! А теперь сложу
Искусно песнь я тебе,
Посейдон! Потом вспомяну
Я про Истм святой,
Про обрыв Онхеста,
Вспомню жребий я
Богатого честью
Отца Геродота, Асоподора.
- 3 с. Некогда он возвратился к равнине родимой,
Он из разнузданных волн и из бедствий кровавых
Принят был ею тогда.

Ныне же прежней счастливой судьбы благосклон-
ный поток
К нам его возвращает. Но, раз потерпев,
Будет хранить отныне он осторожность в душе.

- 3 а. Если весь пыл и стремленья направит на доблесть
Он, не щадя для нее затрат и трудов,
Тем, кто увидит его и в почете и в силе,
Следует зависть забыть.
Долг приятный и легкий для мудрых мужей —
за труд
Слово доброе молвить о нем, и себе
С ним заодно воздвигнуть памятник славы навек.

- 3 а. Людям различным
Разная плата за труд
Бывает сладкой.
Пастырь овец, землешапец,
Тот, кто птиц уловляет,
Тот, кого кормят моря,—
Думают все об одном:
Как голод им утолить. Но для тех,
Кто на играх или в бою
Добивается славы, тому наградой
Вышей будет, если имя его
На устах сограждан
Своих и чуждых.

- 4 с. Мне подобает земли колебателя ныне,
Кронова сына воспеть; сосед наш благой,
Он нам помощник в бегах колесничных и конских.
Амфитрион, сыновей
Я твоих восхваляю и ущелье в Микийских скалах,
Славной рощи Деметры приют — Элевсин,
Место Эвбейских игр, изогнутый путь беговой.

4 а. Протесилай, я создашь могучих ахейн —
Храм на Филаке — в мою хвалу заключу.
Все перечислить, что в играх Гермес—покровитель,
Дал Геродота коням,
Песня ныне не может моя; ее краток размер.
Часто, впрочем, бывает — о чем умолчим,
Именно это нам принесет людей похвалу.

4 в. Пусть Геродот теперь
Вознесен будет ввысь
На дивных крыльях
Муз Пиерид сладкогласных!
Пусть с пифийских он игр,
С Олимпийских Алфея брегов
Честь принесет семивратным Фивам!
Пусть отборной листвою
Руку он себе обовьет!
Кто ж, тайком богатея,
Смеется над щедрым,
Тот, в Анд сойдя,
Не будет у всех на устах,
Но останется ввек бесславен.





ПРИЛОЖЕНИЯ



М. Л. Гаспаров

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ ХОРОВАЯ ЛИРИКА

Филологи давно привыкли делить историю греческой классической литературы на четыре эпохи: VIII в. до н. э. — это эпос, VII—VI вв. — лирика, V в. — драма, IV в. — проза. Эпос — это Гомер; лирика — Пиндар и Анакреонт; драма — Эсхил, Софокл, Еврипид и Аристофан; проза — Платон и Демосфен. Имена остальных писателей теряются: они или второстепенны, или — и это чаще всего — произведения их не дошли до нас, и мы можем судить о них лишь по скудным отрывкам и по отзывам античных ценителей.

В этом ряду представителей великой литературы представительство, выпавшее Пиндару, было особенно трудным. Древнегреческая лирика имела две разновидности: монодическую лирику и хоровую лирику. Монодическую олицетворял Анакреонт, хоровую — Пиндар. И та и другая были пением под музыку; но в монодической лирике пел сам поэт, в одиночку и от собственного лица, а в хоровой лирике пел хор, то ли от лица поэта, то ли от лица самого хора, то ли от лица всех сограждан, выставивших этот хор. Темы монодической лирики были простые и понятные — вино, любовь, вражда, уходящая молодость; предметом хоровой лирики были славословия былым богам, отклики на забытые события, размышления о высоком и отвлеченном смысле жизни и судьбы. Формой монодической лирики были короткие складные строчки, легкие для восприятия и подражания; формой хоровой лирики — громоздкие периоды, в которых

уловить стихотворный ритм было настолько трудно, что в течение столетий их читали не как стихи, а как поэтическую прозу. И даже когда Пиндар и Анакреонт перестали быть единственными именами, представляющими для нас греческую лирику, когда филология научилась по отрывкам восстанавливать облики тех поэтов, чьи произведения не сохранились, то положение не изменилось. За спиной Анакреонта обрисовались фигуры Сапфо, Алкея, Архилоха, и в каждой из них европейский читатель видел что-то близкое и понятное ему. А за спиной Пиндара встали тени Симонида, Стесихора, Алкмана, еще более загадочные и непонятные, чем сам Пиндар.

Причина этого проста. Читатель нового времени твердо привык считать, что из всех родов литературы лирика — это самое непосредственное выражение личности, ее мыслей и чувств, и привык представлять себе эту личность по собственному образу и подобию: «человек — всегда человек». Монодическая лирика давала ему такую возможность подставлять под слова древнего поэта свой собственный жизненный опыт; хорическая лирика — нет. Она неприятно напоминала ему, что люди, которые могли петь, слушать и переживать душою стихи Пиндара, были не так уж похожи на него, как ему хотелось бы, и что для того, чтобы понять этих людей, мало одного доброго желания, нужно еще и умственное усилие. Человек — всегда человек, но общество, в котором он живет, — это меняющееся общество, и понять личность, минуя общество, нельзя. Монодическая лирика была голосом личности, и позволяла читателю нового времени обольщаться иллюзией, что он слышит и понимает самого Анакреонта или саму Сапфо. Хоровая лирика была голосом общества и требовала от читателя понимать и представ-

лять себе всю эпоху, все общество, всю культуру тех давних времен. А картина эта была далекой и непривычной.

К началу VII в. Греция была уже лет триста как заселена тем народом, который называл себя эллинами, с тремя его главными племенами — дорьянами на юге, эолиянами на севере, ионянами на востоке. Начало этого заселения помнилось уже смутно и отодвигалось в легендарную древность. Гористая, лесистая, каменная Греция была освоена вся: каждая долина и каждый островок, где можно было чем-то жить, были заняты маленькими общинами, цепко держащимися каждая за свою землю и готовыми к отпору на любое покушение. Заселение кончилось — начиналось тяжкое и мучительное перенаселение. Избыток его оттек в колонии — сперва на малоазиатский берег Эгейского моря, в Эолиду и Ионию, потом еще дальше — на запад, в Сицилию и южную Италию, на север, во Фракию и Причерноморье, на юг, в ливийскую Кирену. Но это не спасало от трудностей. Внутри общин стремительно обострялись отношения между властью имущей знатью и живущим трудами рук своих народом; между общинами быстро выделялись агрессоры и гегемоны, нужно было либо подчиняться им, либо обороняться перед ними. При малейшем кризисе в стране вскипали гражданские смуты и междоусобные войны. Все это требовало совсем особенных форм общественной организации.

Именно в это время и в этих условиях в Греции складывается такой тип государственного строя, который стал в ней господствующим на многие века, — город-государство, полис. Это небольшая община, в несколько тысяч полноправных граждан, у нее свой клочок земли в какой-нибудь долине и свой городок со стенами

и храмами, господствующий над этой долиной. Все граждане здесь на счету, все организованы в дружеские и соседские кружки, а из них складываются три-четыре-пять «фил» («колен»), из которых и состоит полис. Частная, семейная, личная жизнь отодвинута на второй план: каждый помнит, что такая жизнь возможна лишь в том случае, если общество гарантирует каждому гражданину защиту от внутреннего притеснителя, а каждый гражданин обществу — защиту от внешнего врага. Это как бы военный лагерь, где каждый знает свое место в строю; в таких государствах, как Спарта, это более заметно, в таких как Афины — менее, но ощущение это — повсюду. Понятно, что такой строй может держаться только постоянной заботой об общественном равновесии. Оно воплощено в законах полиса, а надежность этих законов засвидетельствована и разумом и верой. Разумом — потому что составление этих законов приписывается лучшим умам настоящего и прошлого, признанным «мудрецам» — историческим или легендарным. Верой — потому что законы эти санкционированы божеством, и у каждого полиса, филы, кружка есть свой бог-покровитель, которого граждане чтут, чествуют, радуют жертвоприношениями, шествиями и играми и который за это не оставляет город своим благоволением. Вся жизнь греческого полиса пронизана цепью регулярных и экстраординарных религиозных праздников, и все они — всенародные: в маленькой общине это достижение. Это — школа сплоченности: ведь только сплоченностью держится полис, и в военное время эта сплоченность проявляется перед лицом врага, а в мирное — перед лицом бога.

Здесь и начинается та потребность в песне, которая породила хоровую лирику. Каждое жертвоприноше-

ние, каждое шествие, каждый обряд для грека должен был сопровождаться пением и пляской — это красиво, а божеству угодна красота. Поводов для обрядовой песни было так много, что сами греки не умели последовательно их систематизировать. Песни в честь богов вообще назывались «гимнами», в честь Аполлона (но и не только в честь Аполлона) — «пеанами», в честь Диониса — «дифирамбами». Если гимн пелся во время шествия, он назывался «просодий», если он сопровождался пляской, он назывался «гипорхема». В зависимости от состава хора выделялись «отрочьи песни» и «девичьи песни», «парфении» — последние, конечно, только в дорийских и эолийских общинах, где девушки не жили затворницами, как у ионян. Наконец, не только общегосударственные празднества сопровождалась обрядовыми песнями: когда гражданин женился, на свадьбе пели «гимней», когда гражданин умирал, на похоронах пели «френ». Более того: когда гражданин собирался на обычную пирушку вскладчину с друзьями и соседями, то и такая пирушка находилась под покровительством полисной религии: дружба, объединяющая людей в застолье, была как бы залогом верности, связывающей их в бою, и недаром у спартанцев застолья допускались только общие и только повзводные. Поэтому когда на пирушке пелись хвалебные песни, «энкомии», в честь гостеприимного хозяина, или застольные песни, «сколни» над осушаемыми чашами, или любовные песни в честь красивых мальчиков (любовь старших воинов к младшим воинам тоже крепил единство и сплоченность защитников полиса), то и эти песни не были частным делом поющих и не обходились без поминания богов и героев.

Конечно, все это было не ново: обрядовые песни, как и трудовые, пелись у греков, как и у всех народов

мира, с незапамятных времен — свидетельства о них есть у Гомера, намеки у Гесиода. Можно не сомневаться, что уже на этой фольклорной стадии здесь сложилась трехчастная структура, определяющая жанр гимна: часть «призывательная», с именовани­ем божества и развернутым описанием его; часть «повествовательная», с изложением какого-либо мифа о нем; часть «просительная», с молитвою о помощи. Но в новых условиях этого безымянного наследия было уже недостаточно. Во-первых, изменилась общественная функция этих гимнов: в прежнюю, дополисную эпоху они обслуживали родовые и племенные культы, в новую, полисную эпоху они должны были обслуживать государственные культы, а это меняло самые поводы для призывания и просьб к богам. Во-вторых, изменился литературный контекст этих гимнов: в прежнюю эпоху они совмещали в себе еще не разделившиеся лирику и эпос, в новую эпоху рядом с ними существует вы­делившийся и оформившийся героический эпос, и он даже начинает наступление на традиционный гимнический материал — складываются первые «гомеровы гимны» в гексаметрах, не для хора, а для речитатива, и не для религиозного обряда, а для светского, чисто художественного удовольствия слушателей. В-третьих, наконец, изменились музыкальные средства этих гимнов: в греческой музыке VIII в. произошла целая революция — рядом с исконными струнными инструментами культа Аполлона утвердились духовые, пришедшие из Азии вместе с культом Диониса и привнесшие с собой новые выразительные возможности.

Музыка и поэзия в ранней Греции были связаны гораздо тесней, чем когда-либо в позднейшее время. Ведущей в этом содружестве заведомо была поэзия («мелодия и ритм — лишь приварок к слову», — писали

теоретики). Пение было только унисонным, исполнение и аккомпанемент не размывали, а усиливали внятность слова. Ритм музыки задавался ритмом стиха, естественными долготами и краткостями его слогов; мелодия вторила естественной интонации фразы, чутко передавая в пей и полутоны, и четверти тонов; первенствующим в их сочетании был ритм («ритм возбуждает слух, мелодия улаживает», — писали позднейшие теоретики). Строй музыки предпочитался простейший, диатонический; из трех употребительнейших ладов минорный считался (наперекор нашему нынешнему ощущению) высоким и строгим и потому исконно греческим, «дорийским», а два мажорных — мягко-жалостным и буйно-страстным и потому заемными, «лидийским» и «фригийским». Греческая лира («кифара», «форминга»), первоначально лишь четырехструнная, без резонатора, без смычка, с одним бряцалом-плектром, своими негромкими, небогатыми и отрывистыми звуками вполне соответствовала этим скромным музыкальным идеалам. Азиатская флейта (собственно, дудка, обычно двойная, в которую дули с конца) давала звук более сильный, гибкий и свободный и вводила в соблазн оторвать музыку от слова, предоставить ей опасную волю. Греки знали и лиру и флейту издавна, но ощущали первую как «свое», вторую как «чужое»: они охотно вспоминали миф о том, как фригийский сатир Марсий был казнен Аполлоном за то, что посмел на флейте соперничать с его кифарой, и еще Платон будет без колебаний изгонять флейту из своего идеального государства. Игра на флейте и на кифаре называлась «авлетика» и «кифаристика», пение под флейту и под кифару — «авлодия» и «кифародия», общего названия для духового и струнного искусства в языке так и не сложилось.

VIII в. до н.э. был веком стремительного распространения авлетики. Это была музыка без слов, опасная своей возбуждающей иррациональностью; в то же время она уже осознавала свои средства, развивала свои специфические лады, выработывала твердые формы построения музыкального произведения — «авлетического нома». Для греков эти преобразования воплотились в полулегендарной фигуре фригийского флейтиста Олимпа, сына Марсия (едва ли не того Марсия, который соперничал с Аполлоном): ему приписывалось сочинение номов уже не только для Дионисова, но и для Аполлонова культа — некоторые из них надолго остались в употреблении, один из них, «многоголовый ном», упоминается у Пиндара (Пиф. 12). Греческая обрядовая лирика встала перед необходимостью реформы: нужно было так переработать архаические примитивные формы гимнов, чтобы они могли приять на вооружение новую музыку, не подчинившись ей, а подчинив ее себе — восстановив приоритет разумного слова перед внеразумным звуком. Это сделала великая музыкально-поэтическая реформа первой трети VII в. до н.э., и с нее начинается счет семи литературных поколений, составляющих историю греческой хоровой лирики.

Местом реформы, породившей классическую хоровую лирику, была дорийская Спарта — самый сильный и самый организованный из греческих полисов. Совершителями реформы были музыканты и поэты, работавшие в Спарте, но происходившие из других, более развитых греческих общин, — в частности, из малоазиатской Эолиды, соседствующей с Фригией, родиной флейты. Спарта VII в. еще нимало не была тем казарменно-аскетическим государством, каким она стала впоследствии: празднества ее славились по всей Греции

и отовсюду привлекали людей искусства. Время реформы известно с предельной точностью, возможной для этих еще неясных времен: «первое установление» — 676/673 гг. до н. э., учреждение вседорийского праздника Аполлона Карнейского, и главный деятель этого события — Терпандр, поэт-кифаред с эолийского Лесбоса; «второе установление» — 665 г. до н. э., учреждение спартанского праздника Гимнонедий («пляска нагих юношей»), и главный деятель этого события — Фалет, поэт-кифаред с дорийского Крита. Эти два «установления» различала сама античная традиция (трактат «О музыке», сохранившийся под именем Плутарха): первому «установителю», Терпандру, приписывалось создание «кифародического нома», т. е. превращение нома из композиции чисто музыкальной в словесную, певшуюся соло под аккомпанемент кифары; второму, Фалету — создание первых псанов и гипорхем, т. е. превращение нома из сольного произведения в хоровое. Современником Терпандра и Фалета был третий музыкант, Клон, которому приписывалось создание «авлодического нома» — словесной композиции, певшейся под аккомпанемент флейты; это знаменовало окончательную победу слова над звуком. Таковы были самые общие очертания совершившихся событий; подробности же их, конечно, растворяются в легендах.

Легенды эти тоже показательны: все они подчеркивают в деятельности первых лириков заботу о порядке, уставе, норме. Само слово «ном» характерным образом означает «устав», «закон». Терпандр будто бы был призван оракулом спасти Спарту от общественного бедствия — гражданских раздоров: он стал играть на кифаре во время пиров и этим водворил в городе спокойствие и мир. Точно так же Фалет будто бы спас Спарту от стихийного бедствия — своей игрой

он будто бы отвратил от города чуму. Терпандру приписывалось «изобретение» не только богослужебных номов, но и застольных сколиев — грекам хотелось, чтобы и в общественном и в частном быту «устроителем» музыки был один и тот же человек. С именем Терпандра связывалось и усовершенствование кифары, происшедшее в начале VII в.: число струн было увеличено с 4 до 7 (и это количество надолго стало каноническим), вошел в употребление резонатор (обычно из щита черепахи: «черепаха» стала метонимическим названием кифары), явилась укрупненная и утяжеленная разновидность кифары — барбитон: все это давало кифаре возможность успешно соперничать с флейтой при аккомпансменте хоровому пению. Из стихов Терпандра и Фалета потомкам запомнились лишь немногие строки — например, знаменитый зачин гимна к Зевсу, ради величавости написанный одними лишь долгими слогами (и переведенный В. И. Ивановым одними лишь ударными слогами):

Зевс, ты — всех дел верх!
Зевс, ты — всех дел вождь!
Ты будь сих слов царь:
Ты правь наш гимн, Зевс!

Можно подозревать, что творчество первых лириков в основном и сводилось к таким зачинам и концовкам, разрабатывающим обрамляющую, «призывательную» часть гимна; в центральной же части пелся еще старый, иногда гексаметрический текст, положенный на новую музыку («исполнив в желательной форме обращение к богам, переходили тотчас к стихам Гомера или прочих поэтов, что явствует из прелюдий Терпандра», — говорит псевдо-Плутарх). Полное освоение гимнического материала было еще впереди.

Как *первое* поколение греческой хоровой лирики определяется именем Терпандра, так *второе* — именем Алкмана. Время его — около 630 г. до н.э. В эту пору рядом с хоровой лирикой уже выделились и оформились основные жанры монодической лирики, в которых певец или декламатор говорил не от лица общества, а от своего лица, обращаясь к обществу: перед согражданами — о делах общественных (в элегии), перед товарищами по дружескому кружку — о делах содружества (в лесбосской песне), перед друзьями, врагами и свидетелями — о делах личных (в ямбе). Элегик Тиртей, воспевавший воинские уставы Спарты, и начинатель ямба Архилох, которого потомки считали вторым после Гомера создателем греческой поэзии, были современниками Алкмана. Их опыт сказался и на творчестве Алкмана: он легко говорит в стихах о себе, шутит и над своей склонностью хорошо поеть, и над старческой любовью к красивым спартанским девушкам, для которых он пишет свои хоры. Если Терпандр сделал хоровую лирику голосом города, то Алкман внес в нее голос человека, и этим создал то равновесие, которое нужно было для свободного развития жанра.

Алкман был грек из лидийских Сард, но работал он в Спарте: спрос в Спарте на услуги поэтов и музыкантов из восточной Греции по-прежнему был велик. Он считался основоположником и лучшим мастером жанра парфениев — «девичьих песен», исполнявшихся соревнующимися хорами в шествиях на женских праздниках. Один из таких парфениев сохранился в папирусном отрывке почти целиком. Он начинается двумя скомканно рассказанными мифологическими эпизодами — расправой Геракла с нечестивыми Гиппокоонтидами и расправой Зевса с нечестивыми Гипап-

тами — и вразумляющим выводом: «хорошо, кого минует божий гнев». Затем почти с полуслова Алкман переходит к описанию пронесодящего праздника, к похвале девушкам-запевалам своего хора и хора соперниц: здесь он в своей стихии — имена, комплименты, намеки, шутки сыплются без конца ¹:

Не хватит нам пурпура
Состязаться с соперницами;
Нет у нас змеек,
Чекащепных из золота;
Нет лидийских повязок
Для девушек с томными очами;
Нет таких кос, как есть у Нанно,
Нет Ареты, которая — как богиня,
Нет Силакиды, нет Клеэсисеры;
Не пойти нам к Энесимброте, не сказать ей:
«Дай нам Астафиду,
Дай нам приглянуться
Филилле, Дамарете, милой Янфемиде!»
А нам и не надо —
Ведь у нас зато есть Агесихора!
Вот она с нами —
Прекрасная в лодыжках;
Стоя рядом с Агидо,
Славит она праздник наш;
Боги, боги,
Слушайте молитвы их!..

Перед нами — «поэзия на случай» в самом чистом своем виде: гимн, который мог быть спет только один раз. Именно такая живая, обновляющаяся, отзывчивая хоровая лирика нужна была полису на смену прежним, традиционным, из века в век певшимся песням. Но в этой гибкости была опасность недолговечности: такие стихи сохраняли интерес лишь местный

¹ Неподписанные переводы принадлежат автору статьи.

и преходящий, а потом становились непонятны и забывались. Такова была и судьба Алкмана: слава его была велика, в Спарте он был погребен рядом с могилами Елены и древних героев, но вне Спарты о нем мало кто помнил, жанр парфений умолк вместе с ним на сто с лишним лет, и только много спустя александрийский интерес к спартанским древностям извлек его из забвения и отвел ему место в каноне лирических поэтов. Терпандр разработал богослужебную часть гимна, Алкман — личную часть гимна; чтобы гимн сохранил долговременный интерес, нужно было разработать его повествовательную, мифологическую часть, оторванную у него когда-то эпосом и не дававшуюся Алкману. Это было достигнуто в следующем, третьем литературном поколении.

Третье поколение — это поколение Стесихора и Арнона. Время их — около 600 г. до н.э. Это пора полного расцвета архаической греческой культуры — «век семи мудрецов»-законодателей, среди которых были, как известно, и поэт-публицист Солон, и «первый философ» Фалес Милетский. Правда, Спарта, только что пережившая опасное восстание илотов, перешла на постоянное военное положение и навсегда закрыла двери для поэзии и музыки; но центр дорийской культуры перемещается в Коринф, ко двору тирана Периаандра (тоже одного из семи мудрецов), и как семьдесят лет назад с Лесбоса в Спарту ехал Терпандр, так теперь с Лесбоса в Коринф таким же реформатором приезжает Арнон. Возвышается и прочно укрепляется в роли духовного руководителя Греции дельфийский храм Аполлона: здесь удастся, наконец, нормализовать сложные отношения между культом Аполлона и культом Диониса, и теперь они распространяются по Греции, поддерживая друг друга. Одним из проявлений

этого было включение дионисической флейты в программу дельфийских музыкальных состязаний (с 586 г.) — музыкальный кризис, с которого началась история хоровой лирики, можно считать исчерпанным, пеаны и дифирамбы поются теперь в одних и тех же храмах, кифара и флейта мирно сосуществуют друг с другом, первая аккомпанирует хору, когда он поет стоя, вторая — когда он движется в шествии или в пляске. На восточной окраине греческого мира достигает расцвета монодическая лирика в лице знаменитых лесбосцев Алкея и Сапфо, на западной — хоровая в лице сицилийца Стесихора — поэта, само прозвище которого означает «устроитель хора».

Из всех потерь, которые так болезненно чувствуются при восстановлении истории греческой лирики, потеря сочинений Стесихора — самая тяжелая. От него сохранилось лишь несколько десятков фрагментов, самое большое — по нескольку строк; а он написал 26 книг стихов, больше, чем все остальные ранние лирики вместе взятые. Известны заглавия его произведений: «Разрушение Илиона», «Возвращения изпод Трои», «Елена», «Орестея», «Эрифилла», «Герионида», «Кербер», «Скилла», «Дафнис», «Калика», «Радица» и др. Это были большие вещи — одна «Орестея» занимала две книги. По заглавиям видно, что главным в них была повествовательная часть — пространный пересказ мифа (иногда малоизвестного, как в любовных историях «Дафниса» и «Калики»). Роль Стесихора в истории греческой мифологии огромна — это с трудом восстанавливаемое промежуточное звено в эволюции мифов между Гомером и аттическими трагиками, именно здесь происходило переосмысление древних сюжетов в свете новой морали. Один из эпизодов такого переосмысления сохранился в легенде: Стесихор сочинил песнь

о бегстве Елены с Парисом и за это был наказан слепотой, а потом сочинил «палинодию» («повторную песнь») о том, что Парис похитил не Елену, а лишь призрак ее, настоящая же Елена была унесена в Египет и там пережидала троянскую войну, — и после этого прозрел. (У Пиндара можно вспомнить подобную «палинодию» о Неоптолеме в пеане 6 и Нем. 7, и неоднократные переосмысления таких мифов, как о Пелопе в Ол. 1 или др.). Уже Симонид называл Стесихора и Гомера рядом, и слава «гомеричнейшего из лириков» закрепилась за Симонидом навсегда. Можно лишь удивляться, как удавалось Стесихору вместить эпический материал в лирический жанр и стиль; сохранившиеся фрагменты ничего об этом не говорят, трудно даже решить, к какому из лирических жанров относились его огромные песнопения, — вероятнее всего, к пеанам. Стесихор был родом из южной Италии, жил и работал в сицилийской Гимере; в этих западных греческих поселениях гомеровский эпос был менее популярен, чем в материковой и, тем более, малоазиатской Греции, так что мифологические поэмы Стесихора, исполняемые хорами на Аполлоновых праздниках, могли играть здесь ту же роль, что и эпические рецитации рапсодов, и драматические представления позднейших Афин. А для разработки повествовательной части хоровой лирики опыт Стесихора имел значение, которое трудно переоценить.

Что сделал Стесихор для пеана, то Арион сделал для дифирамба; но если от Стесихора остались хотя бы отдельные строки, то от Ариона не сохранилось ни слова. Невразумительная справка позднего биографа говорит: «считается, что он первый открыл трагический образ речи, выставил хор петь дифирамбы, дал песням хора названия и ввел сатиров, говорящих стихами»

По-видимому, это значит, что Арнон первый сделал из экстатического Дионисова дифирамба упорядоченную хоровую песню высокого («трагического») стиля на различные мифологические сюжеты (с «пазваниями», как у Стесихора), а в память о дионисическом происхождении жанра каким-то образом ввел в него сатиров; из такого дифирамба выросла потом аттическая трагедия. Певец Аполлона, упорядочивающий песню Диониса, — таким сохранило образ Ариона предание, таким предстает он в знаменитой легенде о том, как его спас среди моря священный Аполлонов дельфин.

Итак, три поколения поэтов в три приема разработали все три элемента гимнической хоровой лирики. Естественно было бы ожидать, что следующее, *четвертое* поколение пожнет плоды — наступит полный и всесторонний расцвет этого жанра. Но этого не случилось. Четвертое поколение наступило и дало своего поэта — Ивика; но наступило оно с опозданием, около 540 г., поэт дал явно менее значительного, чем предшествующие и последующие, а жанр, в котором писал этот поэт, был непохож на все, что мы видели до сих пор:

Вот снова Эрот
Томными исподлобья очами глядит на меня,
Пестрыми чарами снова гонит меня
В бескрайние сети Киприды.
Он близок, и я дрожу,
Как скакун, состарившийся меж побед,
Когда быстрю колесницу нехотя он тянет
к ристалищу...

Представить себе такую песню исполняемой хором на всенародном празднестве вряд ли возможно. Это не гимн, это энкомий — песня в честь хозяина пира: до сих пор этот жанр почти не разрабатывался лириками, теперь он выступает на первый план. На смену песням для государства приходят песни для отдель-

ных лиц — друзей и покровителей поэта. У Ивика таким покровителем и героем его любви был Поликрат, сын Поликрата, знаменитого самосского тирана, героя легенды о перстне счастья. Ивику и самому в молодости народ предлагал стать тиранном в его родном италийском Регии, но он отказался и предпочел быть не тиранном, а поэтом тираннов. Он стал страждущим певцом, и о неизвестной смерти его было сложено поэтическое предание, по которому Шиллер написал балладу «Ивиковы журавли».

Таким переменам были свои причины. Около середины VI в. обрывается распространение греческой колонизации: наступление Персии запирает Грецию с востока (546 г. — это падение Креза в Сардах, поэтически описанное потом Вакхилидом), наступление Карфагена — с запада. В стране разом обостряются все внутренние противоречия, в дорийских городах узду власти затягивает аристократическая олигархия, в ионийских городах — демагогическая тирания; современниками Ивика были элегик Феогнид, самый откровенный певец сословной борьбы во всей греческой поэзии, и философ Пифагор, отчаянно пытавшийся сплотить аристократию вокруг математических истин и мистических заповедей. Праздничная поэзия гимнов, пеанов, просодиев и гипорхем была уже бессильна служить единению полиса. Растет ощущение, что пора хоровой лирики миновала, что настало время подведения итогов: младший современник Ивика Лас Гермноцкий, работавший при афинском тиране Писистрате, пишет первое известное по упоминаниям теоретическое сочинение о музыке. «Ему же приписывалось сочинение «асигматической песни» — оды без единого звука «с»: эксперименты такого рода обычны лишь тогда, когда живой расцвет поэтической формы уже по-

зади. Намек на эту оду мелькает в одном месте у Пиндара (фр. 70 b), и на этом основании в потомстве сложилось предание, что Пиндар был учеником Ласа.

Обновить хоровую лирику, вернуть ей ее место в полисной культуре могла лишь полная переориентация — от песен, обращенных к богам, к песням, обращенным к людям. Греческой поэзии посчастливилось: поэт, который сделал такую перестройку, пашелся. Это был главный деятель следующего, *пятого* поколения греческих лириков — Симонид Кеосский (556—468); расцвет его приходится около 510—500 гг., сверстниками его были такие мыслители, как Гераклит и Парменид, первые поэты аттической трагедии Феспид и Фриних, первый крупный ионийский прозаик Гекатей — люди уже нового цикла греческой культуры.

Симонид сумел с замечательной чуткостью нащупать то место, где поэзия во славу человека и поэзия во славу государства смыкались, где событие личной жизни восплаемого приобретало государственное значение. Он стал творцом двух новых жанров хоровой лирики: «эпиникия» — песни в честь победы на состязаниях, и «френа» — плача о смерти именитого гражданина. До него френы обходились старыми фольклорными формами, а эпиникии вообще не существовали. Это был отклик на новую форму общественной и религиозной жизни Греции — всеэллинские состязания, справляемые периодически, в праздничной обстановке «божьего перемирия», питающие не только чувство местного полисного патриотизма, но и межполисного всенародного единства. Такие празднества по инициативе дельфийского оракула распространились по Греции именно в VI в.: в 586 г. были учреждены Пифийские игры, в 582 Истмийские, в 573 Немейские, вместе

с ними оживились и старые Олимпийские. Победа гражданина на таких играх считалась общегражданским торжеством, и песня ему была песней его городу; точно так же и смерть знатного гражданина была общей потерей, и плач о нем собирал не только родню и друзей, но и всех сограждан. Оба повода — и самый славный, и самый скорбный час человеческой жизни — были как нельзя более удобны для размышлений на моральные темы: о том, что в жизни все непрочно и переменчиво, что человек не должен полагаться на себя и превозноситься душой, и что чувство меры — превыше всего; а такая мораль лучше всего служила интересам полисного гражданского равновесия. Этот моралистический элемент стал четвертым в составе хорической оды и отлично скрепил в ней ископные три — религиозный, повествовательный, личный. Конечно, это не было новостью, греческая поэзия любила морализм еще с гесиодовских времен; но из всех ранних лириков греческие антологисты собирали нравственные сентенции единицами, а из одного Симонида — десятками. Конечно, это не было откровениями глубокой мудрости, такая философия умеренности и здравого смысла всегда колебалась на грани банальности; но недаром именно к Симониду обратился в своей нравственной диалектике Платон, сохранивший в «Протагоре» характернейший фрагмент Симонидовой морали:

Трудно стать человеком, который хорош —
Безупречен, как квадрат,
И рукою, и ногою, и мыслью...
Даже слово Питтака, хоть и мудр его язык, —
«Знатным мужем быть нелегко» —
Слышится мне неладным...
Только богу ведь это дано;
А смертному люду нельзя не быть дурным,

Если сжало его необорное несчастье.
Всякий в доброй доле добр, в злой доле зол:
Кого любят боги, тот и лучше всех...
Оттого и не брошу я сужденных мне лет
Вслед пустой надежде на несбыточное —
Между нами, рвущими плоды широкой земли,
Непорочного взыскупа человека;
А найдись мне такой — я повестил бы вам о нем...
И того я рад любить и хвалить,
Кто не делал в жизни нарочного зла;
С неизбежным же и боги не борются...
Пусть не будет он недобр, пусть не будет
вакоснел,
Пусть он знает Правду, нужную городу, —
И такой он здоров, и такого мне довольно, и такого
я не попрекну:
Ведь и так несчетно племя пустых людей;
Что без примеси дурного — то и благо!

Эта спокойная всеприемлющая ясность, мягкость и доброжелательность Симонида навсегда осталась в благодарной памяти греческих читателей. Величавая страстность Пивдара не заслонила ее: Симонид был человечнее («в сострадании он превосходит даже Пиндара: тот поражает великолепием, этот обращается к чувствам», — писал через пятьсот лет Дионисий Галикарнасский). Счастливо сохранившимся образцом этого свойства Симонидовой поэзии дошла до нас его «жалоба Данаи», брошенной в море с младенцем Персеем, — один из самых по-современному звучащих отрывков во всей греческой поэзии:

...Когда в чеканном челне
Зашумел дующий ветер,
Когда взволновавшаяся зыбь
Закачала его течением,
То, обнявши нежной рукой
Персея с заплаканными щеками,
Сказала она:
«Как тяжко мне, сынок!

Млечною своею душой
Ты дремлешь в перадожном тереме,
Сбитом медными гвоздями,
Под лунным светом сквозь синий мрак.
Над кудрями твоими ты не чуешь
Соленые глубы встающих волн,
Не слышишь воющего ветра,
Лежишь, пригожий,
Закутанный в красную шерсть,
Не повернешь и ушко к словам моим,
Словно тебе и страх не в страх.
Спи, маленький, спи,—
Пусть уснет и море,
Пусть уснет и горо,
Пусть к нам переменится воля твоя,
Родитель Зевс,—
Прости мне эту дерзость ради сына».

Большинство сохранившихся фрагментов Симонида, по-видимому, осталось от френов (в том числе и эта жалоба) и эпиникиев (эпиникии его были собраны александрийскими учеными в несколько книг по видам побед: борцам, бегунам, колесничникам и т. д.), значительно меньше — от традиционных гимнов, пеэпов, дифирамбов, энкомиев; большой известностью пользовались его элегии гражданского содержания и стихотворные надписи («эпиграммы»), приписывались ему даже трагедии. Первую славу он завоевал, работая в Афинах при меценатствующих тиранах Писистратиде; после падения тираннии уехал в Фессалию под покровительство краэнонских Скопадов; некоторое время страствовал по Греции, оставляя по себе память острыми изречениями и высокими гонорарами, которые он брал за эпиникии; потом вновь вернулся в Афины, примирившись с демократическим режимом и даже сочинив надпись для памятника тиранноборцам. Вершиной его успеха были годы греко-персидских войн: друг Фемистокла и Павсания, он сумел

найти поэтические слова для выражения всеэллинского патриотизма, так трудно дававшегося полисной Греции и так картинно запомнившегося потомству. Это ему принадлежит знаменитая эпитафия спартамцам, павшим при Фермопилах, — «Путник, весть передай согражданам в Лакедемон: их приказаньям верны, здесь мы в могиле лежим», — и не менее знаменитый френ о них же, отрывок которого сохранился:

Павшие в Фермопилах, —
Славна их участь, красен их жребий:
Курган их — алтарь, возлиянье — память, скорбь
о них — хвала,

И таких похорон
Не затмит всеукрощающее время.
Здесь свято место, где прах храбрецов,
А печется о нем
Добрая молва по всей Элладе,
И свидетель тому — спартавский Леонид,
Чей след на земле —
Вечная краса доблести и славы...

Симонид умер в глубокой старости, окруженный почетом, при дворе тирана Гиерона Сиракузского. Преобразованную им хоровую лирику он оставил в наследство поэтам следующего, *шестого* поколения, расцвет которого приходится на 470—460 гг. Это и были Пиндар и Вакхилид — лирики, чье творчество известно нам лучше всего. Двух более несхожих поэтов-сверстников трудно вообразить: уже в античности они сопоставлялись по привычной схеме — как аккуратный талант и беспорядочный гений. «Кем бы ты предпочел быть из лириков — Вакхилидом или Пиндаром? а из трагиков — Ионом Хиосским или великим Софоклом? — спрашивает анонимный автор трактата I в. н.э. «О возвышенном». — Конечно, Вакхилид и Ион не допускают ни единой ошибки в гладком своем

чистописании, а Пиндар и Софокл, катясь, как пожар, все сожигающий на пути, то и дело непонятно меркнут и неудачно спотыкаются, — но кто, будучи в здравом уме, не отдаст всего Иона за одного Софоклова «Эдипа»? Так считали все, — только не современники. Для них законным наследником и продолжателем Симонида был именно Вакхилид.

Вакхилид Кеосский был родным племянником Симонида, учился у него, ездил с ним в Сицилию, а потом, по-видимому, мирно работал на родном Кеосе; есть неясное свидетельство, что ему пришлось побывать в изгнании в Пелопоннесе, но никаких следов в творчестве это не оставило. Самые ранние его фрагменты относятся к 480-м годам, самая поздняя датированная ода — к 452 г. От Симонида он воспринял все лучшее в его манере: ясность мысли, плавность фразы, легкость слога; рассказ его мифов связан, мораль его обильных сентенций спокойна и мягка. Но и только. Симонид-человек, умный собеседник великих мира сего; Симонид-гражданин, глашатай победы над персидским нашествием; Симонид-искатель, радующийся повизне и разнообразию своих поэтических форм, — все это не нашло отклика в Вакхилиде. Анекдотов о нем не рассказывали, великие события в его стихах не отражались, из всех лирических жанров он по-настоящему разрабатывает только эпипикий и дифирамб. Вакхилид — не открыватель нового, не преобразователь старого: он только продолжатель, довершитель, гармонизатор. Он безличен: если в стихах Симонида мастер творил мастерство, то здесь мастерство растворяет в себе мастера. Своей системой художественных средств он может выразить все, но что именно выражать, ему безразлично. Это не порок, а достоинство: греки высоко ценили именно такое ис-

кусство, опирающееся на хорошую школу, уверенное и надежное. Когда Гиерон Сиракузский одержал свою последнюю олимпийскую победу, оду о ней он заказал не Пиндару, а Вакхилиду, потому что он знал, чего можно ждать от Вакхилида, а чего можно ждать от Пиндара — не знал никто.

Пиндар появляется в этом ясном мире поздней хоровой лирики как чужак, как человек вне традиций. Он пришел из Беотии — области богатой, но отсталой, в культурном движении VII—VI вв. не участвовавшей. Здесь была своя лирическая школа, но очень замкнутая и архаичная, ее поэты пользовались местным диалектом и разрабатывали местные мифы; характерно, что среди них были женщины — самая талантливая из них, Коринна из Танагры, едва не попала в александрийский канон великих лириков. Но Пиндар не стал продолжателем местной школы: легенда изображает его антагонистом Коринны в состязаниях перед беотийскими слушателями, терпящими от нее поражения. Музыкальное образование он получил в Афинах, новом центре самых передовых художественных тенденций, где свежи были следы деятельности Ласа и Симопада; но он не пошел и за ними — легенда изображает его соперником Симопада и Вакхилида при сиракузском дворе и видит намеки на это соперничество даже в самых невинных Пиндаровых словах. В арсенал хоровой лирики он пришел на готовое и чувствовал себя здесь не законным наследником, а экспроприатором, все перестраивающим и перекраивающим по собственному усмотрению. Отсюда постоянное напряженное усилие, постоянное ощущение дерзания и риска, присутствующее в его песнях: если Вакхилид каждую новую песню начинает спокойно и легко, как продолжение предыдущей, то для Пиндара каждая

песня — это отдельная задача, требующая отдельного решения, и каждую он берет с бою, как впервые в жизни. Конечно, набор своих приемов и привычек у него есть, но общее чувство непредсказуемости его лирических путей не покидает читателя — как современного, так и античного. Античного читателя, привыкшего к порядку и норме, это смущало больше, чем современного; и он оправдывал Пиндара двумя соображениями: во-первых, это «поэт дарования», а не «поэт науки», и такому законы не писаны, а во-вторых, это поэт «высокого стиля», в котором главное достоинство — «мощь», и все остальные качества отступают перед ней —

Как с горы поток, напоенный ливнем
Сверх своих берегов, устремляет воды,—
Гвется так, кишит глубиной безмерной
Пиндара слово

(Гораций, IV, 2, пер. Н. Гинцбурга).

В древнегреческой системе ценностей было понятие, очень точно выражающее художественный — и не только художественный — идеал Пиндара: *καρὸς*, «верный момент» («...А знать свой час — превыше всего» — Пиф. 9,78). Это та точка, в которой индивидуальные целенаправленные усилия счастливо совпадают с непознаваемой волей судьбы: только такое совпадение и приносит успех как поэту в песне, так и борцу на состязании, оно всегда неповторимо и всегда рискованно. Люди более спокойные и вдумчивые предпочитали этому понятию другое, смежное, *μέτρον*, «верная мера», в котором человеческая воля встречается не с таинственной судьбой, а с разумным законом событий; но Пиндару и его публике первое понятие было ближе. Оно отвечало их недавнему душевному опыту: только что Греции пришлось сразиться с могучей Персией,

и, вопреки всякому ожиданию, она вышла победительницей; ум мог искать этому причину в любых «законах» божеских или человеческих, но сердце чувствовало, что прежде всего это было счастье, мгновение, *καίρως*. Греко-персидские войны всколыхнули в стране и нарождающуюся (пока еще весьма умеренную) демократию, и военно-аристократическую олигархию, для которой всякая война тоже была «своим часом»; первая нашла свой голос в поэзии новьян Симонида и Вакхилида, вторая — в поэзии Пиндара для его дорийских заказчиков из Сицилии и Эгипы.

Но еще не успел наступить этот раскол — и стилистический, и идеологический — между двумя направлениями, пиндаровским и вакхилидовским, как в греческой хоровой лирике почувствовались признаки перемен, еще более важных, — перемен, означавших конец всего классического периода ее истории. Обстановка, в которой лирика жила и служила городу-государству, была в век Перикла уже не та, что в век Солона. В развитом полисе V в. до н. э. находятся иные, более действенные формы организации общественного сознания, чем обряд и сопровождающие его песнопения: прежде всего, это политическое красноречие. Лирика перестает быть осмысленным полисным единством и остается лишь его украшением. Граждане все меньше чувствуют себя участниками лирического обряда, все больше — сторонними зрителями. Песни Симонида были таковы, что им мог подпевать каждый присутствующий — хотя бы в душе; песни нового времени становятся таковы, что присутствовать при них можно только в немом любовании. И поэты делают все, чтобы поразить души слушателей именно таким чувством; а вместе с поэтами и еще больше, чем поэты, — музыканты. Как когда-то начало, так и теперь конец

классической лирики начинается с перемен в смежном искусстве — музыке.

Толчок, который дала духовая музыка развитию струнной музыки, не пропал даром. На протяжении VI—V вв. техника лирной игры непрерывно совершенствуется, из простого инструмента извлекаются все более сложные звуковые эффекты. Даже сам инструмент стремится усовершенствоваться: музыкант за музыкантом пытается прибавить к семиструнной лире одну, две, три, четыре новых струны, вызывая смещение и отпор традиционалистов. Искусство пения уже не попевает за искусством музыки: не музыка теперь помогает восприятию слов, а слова мешают восприятию музыки. За практикой следует теория: в середине V в. знаменитый музыкант Дамон, учитель и советник Перикла, разрабатывает учение о непосредственном, без помощи слов, воздействии музыкальных мелодий на душу человека; и, конечно, кифареды и кифаристы тотчас спешат проверить эту теорию на практике. Музыка в лирике становится главным, поэзия — второстепенным: она или стушевуется до скромной подтекстовки, или, наоборот, напрягается до такой изысканности и вычурности, которая давала возможность проявиться всему богатству средств новой музыки. Опыт Пиндара при этом, конечно, был неоценим («если сравнить дифирамбический стиль Пиндара и Филоксена, то характеры в них будут разные, а стиль один и тот же», — пишет позднейший теоретик Филодем). Главным поприщем экспериментов в новом направлении становится жанр дифирамба: гимны писались по заказу и поневоле были более традиционны, дифирамбы сочинялись добровольно для ежегодных состязаний хоров в Афинах и могли живее откликаться на запросы публики. Но подобрать хоры, способные

освоить нарастающую сложность песенной манеры, становилось все труднее,— и вот рядом с поздним лирическим жанром, хоровым дифирамбом, вновь оживает самый ранний лирический жанр, сольный ном. История лирики, начавшаяся сольными номами Терпандра, заканчивается сольными номами Тимофея.

Все подробности этой эволюции скрыты от нас: по истории греческой музыки наши материалы ничтожно скудны. Деятельность *седьмого* и *восьмого* поколений хоровой лирики (расцвет их — около 430 и около 390 гг. до н.э.) для нас сливается. Главными именами седьмого поколения были Меланиппид с Мелоса и Фриний с Лесбоса, оба работавшие в Афинах; когда в «Воспоминаниях» Ксенофонта (I,4,3) Сократ просит собеседника перечислить лучших мастеров во всех искусствах, тот перечисляет: «в эпосе Гомер, в трагедии Софокл, в скульптуре Поликлет, в живописи Зевксид, а в дифирамбе Меланиппид». Главными именами восьмого поколения были ученик Меланиппида Филоксен Киферский (ок. 435—380) и ученик Фриния Тимофей Милетский (ок. 450—360). Филоксен работал преимущественно в жанре дифирамба, Тимофей — в жанре пома; впрочем, эти жанры уже сближались, Филоксен смущал современников тем, что вводил в дифирамб сольные партии, и не менее вероятно, что Тимофей вводил в ном хоровые. Филоксен запомнился потомкам как один из самых веселых и остроумных людей своего времени: он жил при дворе сурового тиранпа Дионисия Сиракузского (который сам был поэтом-любителем, только неудачливым), и его дифирамб «Киклоп» о любви чудовищного великана к нежной нимфе, а нимфы к пастуху пользовался особенным успехом не только из-за изящной гротескности этих образов, но и из-за того, что в них видели изображение соперничества

Филоксена с Дионисием в любви к придворной флейтистке. Тимофей же запомнился только как борец за новое искусство, вызывающий и травимый: это у него будто бы спартанские судьи ножом отрезали две лишние струны на кифаре, и он покончил бы самоубийством, если бы его не отговорил его старший товарищ, великий трагик-новатор Еврипид. Это ему принадлежали дерзкие стихи:

Старого я не пою: новое мое — лучше!
Царь наш — юный Зевс, а Кроново царство миновало;
Прочь, старая Муза!

От Тимофея сохранился большой папирусный отрывок нома «Персы» (ок. 400 г.), с которого, по преданию, началось его признание и слава; он тоже кончается самоутверждением: что Терпандр сделал для старой музыки, то он, Тимофей, сделал для новой, — говорит поэт. Отрывок был найден в 1902 г. и напряженной вычурностью своего стиля поразил даже ко всему готовых филологов: редко кто из них, комментируя находку, избегал сакраментального слова «декадентство»; особенно раздражали такие неприличности, как натуралистически ломаная речь в устах перса перед греком, такие метафоры, как «основные ладейные ноги» — весла, «мраморные дети ртов» — зубы, такие сравнения, как «было море в трупах, как небо в звездах...» В то же время в выразительности и темпераменте отказать этим стихам было невозможно. Нетрудно было представить, что тексты этой реформированной лирики могли через двести лет стать предметом школьного обучения (как о том свидетельствует Полибий: IV, 20), а музыка ее — лезвие в основу всей музыкальной «массовой культуры» наступающего эллинизма.

Александрийские филологи III в. не случайно в своей систематизации литературного наследия прошлого провели четкую черту именно после поколения Пиндара и Вакхилида: по эту сторону ее продолжался живой литературный процесс, по ту сторону оставалась отодвинувшаяся в былое классика. Из великих поэтов хоровой лирики, чьи стихи удалось собрать, были отобраны шесть самых громких имен — приблизительно по одному на поколение, — к ним добавили три крупнейших имени поэтов монодической лирики; так составил «канон» девяти лирических поэтов, в чьих образах закрепились для потомства целая эпоха греческой литературы. Всех их благодарно перечисляет безымянная эпиграмма «Палатинской антологии» (IX, 184, пер. Л. Блуменау):

Муз провозвестник священный, Пиндár; Вакхилд,
как сирена,
Пеньем пленявший; Сапфо, цвет эолийских харит;
Анакреонтовы песни; и ты, из Гомерова русла
Для вдохновений своих бравший струи Стесихор;
Прелесть стихов Симонида; пожатая Ивиком жатва
Юности первых цветов, сладостных песен любви;
Меч беспощадный Алкея, что кровью тираннов нередко
Был обагрям, права края родного храни;
Женственно-песньные песни Алкмана, — хвала вам!

Собою

Лирику начали вы и положили ей грань.

М. Л. Гаспаров

ПОЭЗИЯ ПИНДАРА

Пиндар — самый греческий из греческих поэтов. Именно поэтому европейский читатель всегда чувствовал его столь далеким. Никогда он не был таким живым собеседником новоевропейской культуры, каковы бывали Гомер или Софокл. У него пытались учиться создатели патетической лирики барокко и предромантизма, по уроки эти ограничились заимствованием внешних приемов. В XIX в. Пиндар всецело отошел в ведомие узких специалистов из классических филологов и по существу остается в этом положении до наших дней. Начиная с конца XIX в., когда Европа вновь открыла для себя красоту греческой архаики, Пиндара стали понимать лучше. Но широко читаемым автором он так и не стал. Даже профессиональные филологи обращаются к нему неохотно.

Может быть, одна из неосознаваемых причин такого отношения — естественное недоумение современного человека при первой встрече с основным жанром поэзии Пиндара, с эпиникиями: почему такой громоздкий фейерверк высоких образов и мыслей пускается в ход по такой случайной причине, как победа такого-то жокея или боксера на спортивных состязаниях? Вольтер писал (ода 17): «Восстань из гроба, божественный Пиндар, ты, прославивший в былые дни лошадей достойнейших мещан из Коринфа или из Мегары, ты, обладавший несравненным даром без конца говорить, ничего не сказав, ты, умевший отмерять стихи,

не понятные никому, но подлежащие неукоснительному восторгу...». Авторы современных учебников греческой литературы из уважения к предмету стараются не цитировать этих строк, однако часто кажется, что недоумение такого рода знакомо им так же, как и Вольтеру.

Причина этого недоумения в том, что греческие состязательные игры обычно представляются человеком наших дней не совсем правильно. В обширной литературе о них (особенно в популярной) часто упускается из виду самая главная их функция и сущность. В них подчеркивают сходство с теперешними спортивными соревнованиями; а гораздо важнее было бы подчеркнуть их сходство с такими явлениями, как выборы по жребию должностных лиц в греческих демократических государствах, как суд божий в средневековых обычаях, как судебный поединок или дуэль. Греческие состязания должны были выявить не того, кто лучше всех в данном спортивном искусстве, а того, кто лучше всех вообще — того, кто осенен божественной милостью. Спортивная победа — лишь одно из возможных проявлений этой божественной милости; спортивные состязания — лишь испытание, проверка (ἐλεγχος) обладания этой божественной милостью. Именно поэтому Пиндар всегда прославляет не победу, а победителя; для описания доблести своего героя, его рода и города он не жалеет слов, а описанию спортивной борьбы, доставившей ему победу, обычно не уделяет ни малейшего внимания. Гомер в XIII книге «Илиады» подробно описывал состязания над могилой Патрокла, Софокл в «Электре» — дельфийские колесничные бега, даже Вакхилид в своих изящных эпиникиях находит место для выразительных слов о коне Гиерона; но Пиндар к этим под-

робостям тактики и техники был так же равнодушен, как афинский гражданин к тому, какими камешками или бобами производилась жеребьевка в члены Совета пятисот.

Фантастический почет, который воздавался в Греции олимпийским, пифийским и прочим победителям, стремление городов и партий в любой борьбе иметь их на своей стороне, — все это объяснялось именно тем, что в них чтили не искусных спортсменов, а любимцев богов. Спортивное мастерство оставалось личным достоянием атлета, но милость богов распространялась по смежности на его родичей и сограждан. Идя на войну, граждане рады были иметь в своих рядах олимпийского победителя не потому, что он мог в бою убить на несколько вражеских бойцов больше, чем другие, а потому, что его присутствие сулило всему войску благоволение Зевса Олимпийского. Исход состязаний позволял судить, чье дело боги считают правым, чье нет. Греки времен Пиндара шли на состязания с таким же чувством и интересом, с каким шли к оракулу. Не случайно цветущая пора греческой агонистики и пора высшего авторитета дельфийского оракула так совпадают. Кроме четырех общегреческих состязаний — Олимпийских, Пифийских, Немейских, Истмийских, — у Пиндара упоминается около 30 состязаний областных и местных; в Фивах, Эгине, Афинах, Мегаре, Аргосе, Тегее, Онхесте, Кирене и др. Сетью этих игр была покрыта вся Греция, результаты этих игр складывались в сложную и пеструю картину внимания богов к людским делам. И современники Пиндара напряженно вглядывались в эту картину, потому что это было для них средством разобрататься и ориентироваться во всей обстановке настоящего момента.

Эта напряженная заинтересованность в переживаемом мгновении — самая характерная черта той историко-культурной эпохи, закат которой застал Пиндар.

Предшествующая эпоха, время эпического творчества, этой заинтересованности не имела. Мир эпоса — это мир прошлого, изображаемый с ностальгическим восхищением во всех своих мельчайших подробностях. В этом мире все начала и концы уже определены, все причинно-следственные цепи событий уже выявлены и реализованы в целой системе сбывшихся предсказаний. Этот мир пронизан заданностью: Ахилл знает ожидающее его будущее с самого начала «Илиады», и никакой его поступок ничего не сможет изменить в этом будущем. Это относится к героям, к тем, чьи судьбы для поэта и слушателя выделяются из общего потока сменяющихся событий. Для остальных людей существует только этот общий поток, однообразный, раз навсегда заданный круговорот событий: «Листьям в древесных дубравах подобны сыны́ человек...» («Илиада», XXI, 464). Простому человеку представляется лишь вписывать свои поступки в этот круговорот; как это делается, ему может объяснить поэт новой эпохи, поэт эпоса, уже опустившегося до его социального уровня, — Гесиод.

Но эпоха социального переворота VII—VI вв., породившая Гесиода и его пессимистически настроенных слушателей, выделила и противоположный общественный слой — ту аристократию, члены которой ощущали себя хозяевами жизни, готовыми к решительным действиям, борьбе и победе или поражению. Их искусством и стала новая поэзия — лирика. Эпос воспевал прошедшее время — лирика была поэзией настоящего времени, поэзией бегущего мгновения. Ощущение решимости к действию, исход которого

лежит в неизвестном будущем, создавало здесь атмосферу тревожной ответственности, неведомую предшествующей эпохе. Энос смотрел на свой мир как бы издали, разом воспринимая его как целое, и ему легко было видеть, как все совершающиеся в этом мире поступки ложатся в систему этого целого, ничего в ней не меняя. Лирика смотрела на мир как бы «изблизми», взгляд ее охватывал лишь отдельные аспекты этого мира, целое ускользало из виду, и казалось, что каждый новый совершающийся поступок преобразует всю структуру этого целого. Энический мир в его заданности был утвержден раз навсегда — новый мир в его изменчивости подлежал утверждению ежеминутно вновь и вновь. Это утверждение и взяла на себя лирика — в первую очередь хоровая лирика.

Жанры хоровой лирики делились на две группы: в честь богов (гимны, пеаны, дифирамбы, просодии, парфении) и в честь людей (гипорхемы, энкомии, френы, эпиникии). Именно в такой последовательности они располагались в александрийском издании сочинений Пиндара; но сохранились из них только эпиникии. Можно думать, что это не случайно. Лирика в честь богов говорила прежде всего о том, что в мире вечно, лирика в честь людей — о том, что в мире изменчиво; последнее было практически важнее для Пиндара с его современниками и нравственно содержательнее для читателей александрийской и позднейших эпох. Каждый эпиникий был ответом на одну задачу, поставленную действительностью: вот совершилось новое событие — победа такого-то атлета в беге или в кулачном бою; как включить это новое событие в систему прежних событий, как показать, что оно хоть и меняет, но не отменяет то, что было в мире до него? Чтобы решить эту задачу, лирический поэт должен

был сместиться с точки зрения «изблизии» на точку «издали», охватить взглядом мировое целое в более широкой перспективе и найти в этой перспективе место для нового события. В этом и заключалось то утверждение меняющегося мира, глашатаем которого была лирика.

Очень важно подчеркнуть, что речь здесь идет именно об утверждении и никогда — о протесте. Для Пиндара все, что есть, — право уже потому, что оно есть. «Неприятие мира», столь обычное в новоевропейской цивилизации со времен средневекового христианства и до наших дней, у Пиндара немыслимо. Все, что есть, то заслуженно и истинно. Мерило всякого достоинства — успех. Центральное понятие пиндаровской системы ценностей — ἀρετή — это не только нравственное качество, «доблесть», это и поступок, его раскрывающий, «подвиг», это и исход такого поступка, «успех». Каждого героя-победителя Пиндар прославляет во всю силу своей поэзии; но если бы в решающем бою победил его соперник, Пиндар с такой же страстью прославил бы соперника. Для Пиндара существует только доблесть торжествующая; доблесть, выражающаяся, например, в стойком перенесении невзгод, для него — не доблесть. Это потому, что только успех есть знак воли богов, и только воля богов есть сила, которой держится мир. Слагаемые успехи Пиндар перечисляет несколько раз: во-первых, это «порода» (γένος) предков победителя, во-вторых, это его собственные усилия — траты (δαπάνα) и труд (πόνος), и только в-третьих — это воля богов, даровавшая ему победу (δαίμων). Но фактически первые из этих элементов также сводятся к последнему: «порода» есть не что иное как ряд актов божественной милости по отношению к предкам победителя, «траты»

есть результат богатства, тоже ниспосланного богами (о неправедной наживе у Пиндара не возникает и мысли), а «труд» без милости богов никому не в прок (Ол.9, 100—104).

Утвердить новое событие, включив его в систему мирового уклада, — это значило: выявить в прошлом такой ряд событий, продолжением которого оказывается новое событие. При этом «прошлое» для Пиндара — конечно, прошлое мифологическое: вечность откристиллизовывалась в сознании его эпохи именно в мифологических образах. А «ряд событий» для Пиндара — конечно, не причинно-следственный ряд: его дорационалистическая эпоха мыслит не причинами и следствиями, а прецедентами и аналогиями. Такие прецеденты и аналогии могут быть двух родов — или метафорические, по сходству, или метонимические, по смежности. «Зевс когда-то подарил победу старику Эргину на Лемноских состязаниях аргонавтов — что же удивительного, что теперь в Олимпии он подарил победу седому Псавмию Камаринскому (герою Ол.4)?» — вот образец метафорического ряда. «Зевс когда-то благословлял подвиги прежних отпрысков Египта — Эака, Теламона, Пелея, Аянта, Ахилла, Неоптолема, — что же удивительного, что теперь он подарил победу такому египетскому атлету, как Алкимедонт (Ол.8) или Аристоклид (Нем.3), или Тимасарх (Нем.4), или Пифей (Нем.5), или Соген (Нем. 6) и т. д.?» — вот образец метонимического ряда.

Метонимические ассоциации, по смежности, были более легкими для поэта и более доступными для слушателей: они могли исходить от места состязаний (так введены олимпийские мифы о Пелопе и Геракле в Ол. 1, 3, 10), от рода победителя (миф о Диоскурах в Нем. 10), но чаще всего — от родины победителя и ее

мифологического прошлого: здесь всегда возможно было начать с эффектно-беглого обзора многих местных мифов, чтобы потом остановиться на каком-нибудь одном (так Пиндар говорит об Аргосе в Нем.10, о Фивах в Истм.7; одним из первых произведений Пиндара был гимн Фивам, начинавшийся: «Воспеть ли нам Исмена... или Мелию..., или Кадма..., или спартов..., или Фиву..., или Геракла..., или Диониса..., или Гармонию...?» — на что, по преданию, Коринна сказала поэту: «Сей, Пиндар, не мешком, а горстью!»). Метафорические ассоциации вызвали больше трудностей. Так, эффе́ктная ода Гиерону, Пиф. 1, построена на двух метафорах, одна из них — явная: большой, но могучий Гиерон уподобляется большому, но роковому для врага Филоктету; другая — скрытая: победы Гиерона над варварами-карфагенянами уподобляются победе Зевса над гигантом Тифоном. Можно полагать, что такая же скрытая ассоциация лежит и в основе оды Нем.1 в честь Хромия, полководца Гиерона: миф о Геракле, укротителе чудовищ, также должен напомнить об укрощении варварства эллинством, однако уже античным комментаторам эта ассоциация была неясна, и они упрекали Пиндара в том, что миф притянут им насильно. Несмотря на такие сложности, Пиндар явно старался всюду, где можно, подкреплять метонимическую связь события с мифом метафорической связью и наоборот. Так, Ол. 2 начинается метафорической ассоциацией — тревоги Ферона Акрагантского уподобляются бедствиям фиванских царевен Семелы и Ино, за которые они впоследствии были сторицей вознаграждены; но затем эта метафорическая ассоциация оборачивается метонимической — из того же фиванского царского дома выходит внук Эдипа Ферсандр, потомком которого оказывается Ферон. Так, Ол. 6 начинается мифом об Амфиарае,

введенным по сходству: герой оды, как и Амфиарай, является и прорицателем и воином одновременно — а продолжается мифом об Иаме, введенным по смежности: Иам — предок героя. Мы мало знаем о героях Пиндара и об обстоятельствах их побед, поэтому метафорические уиодобления часто для нас не совсем понятны: почему, например, в Пиф. 9 оба мифа о прошлом Кирены — это мифы о сватовстве? (аитичные комментаторы простодушно заключали из этого, что адресат оды, Теле-сикрат, сам в то время собирался жениться); или почему, например, в Ол. 7 все три мифа о прошлом Годо-са — это мифы о неприятностях, которые, однако же, все имеют благополучный исход?

Подбор мифов, к которым обращается таким образом Пиндар от воспеваемого им события, сравнительно неширок: и о Геракле, и об Ахилле, и об эгинских Эакидах он говорит по многу раз, а к иным мифам не обращается ни разу. Отчасти это объясняется внешними причинами: если четверть всех эпиникиев посвящена эгинским атлетам, то трудно было не повторяться, вспоминая эгинских героев от Эака до Неоптолема; по отчасти этому были и более общие основания. Почти все мифы, используемые Пиндаром,— это мифы о героях и их подвигах, причем такие, в которых герой непосредственно соприкасается с миром богов: рождается от бога (Геракл, Асклепий, Ахилл), борется и трудится вместе с богами (Геракл, Эак), любим богом (Пелоп, Кирена), следует вещаниям бога (Иам, Беллерофонт); пирует с богами (Пелей, Кады), восходит на небо (Геракл) или попадает на острова Блаженных (Ахилл). Мир героев важен Пиндару как промежуточное звено между миром людей и миром богов: здесь совершаются такие же события, как в мире людей, но божественное руководство этими событиями, боже-

ственное провозвестие в начале и воздаяние в конце здесь видимы воочию и могут служить уроком и примером людям. Таким образом, миф Пиндара — это славословие, ободрение, а то и предостережение (Таптал, Иксион, Беллерофонт) адресату песни. Применительно к этой цели Пиндар достаточно свободно варьирует свой материал: мифы, чернящие богов, он упоминает лишь затем, чтобы отвергнуть (следание Пелопа в Ол. 1, богоборство Геракла в Ол.9), а мифы, чернящие героев, — лишь затем, чтобы тактично замолчать (убийство Фока в Нем. 5, дерзость Беллерофонта в Ол. 13; смерть Неоптолема он описывает с осуждением в пеане 6 и с похвалой в Нем.7). Связь между героями и богами образует, так сказать, «перспективу вверх» в одах Пиндара; ее дополняет «перспектива вдаль» — преемственность во времени мифологических поколений, и иногда «перспективавширь» — развернутость их действий в пространстве: так, упоминание об Эакидах в Ол. 8 намечает историческую перспективу героического мира от Эака до Неоптолема, а в Нем. 4 — его географическую перспективу от Фтии до Кипра. Так словно в трех измерениях раскрывается та мифологическая система мира, в которую вписывает Пиндар каждое воспеваемое им событие. Читателю нового времени обилие упоминаемых Пиндаром мифов кажется ненужной пестротой, но сам Пиндар и его слушатели чувствовали противоположное: чем больше разнообразных мифов сгруппировано вокруг очередной победы такого-то атлета, тем крепче встроена эта победа в мир закономерного и вечного.

Изложение мифов у Пиндара определяется новой функцией мифа в оде. В эпосе рассказывался миф ради мифа, последовательно и связно, со всей подробностью ностальгической. *Erzählungslust* попутные мифы

вставлялись в рассказ в более сжатом, но столь же связном виде. В лирике миф рассказывался ради конкретного современного события, в нем интересны не все подробности, а только те, которые ассоциируются с событием, и попутные мифы не подчинены главному, а равноправны с ним. Поэтому Пиндар отбрасывает фабульную связность и равномерность повествования, он показывает мифы как бы мгновенными вспышками, выхватывая из них нужные моменты и эпизоды, а остальное предоставляя додумывать и дочувствовать слушателю. Активное соучастие слушателя — важнейший элемент лирической структуры: эпический поэт как бы предполагал, что слушатель знает только то, что ему сейчас сообщается, лирический поэт предполагает, что слушатель уже знает и многое другое, и что достаточно мимолетного намека, чтобы в сознании слушателя встали все мифологические ассоциации, необходимые поэту. Этот расчет на соучастие слушателя необычайно расширяет поле действия лирического рассказа — правда, за счет того, что окраины этого поля оставляются более или менее смутными, так как ассоциации, возникающие в сознании разных слушателей, могут быть разными. Это тоже одна из причин, затрудняющих восприятие стихов Пиндара современным читателем. Зато поэт, оставив проходные эпизоды на домысливание слушателю, может целиком сосредоточиться на моментах самых выразительных и ярких. Не процесс событий, а мгновенные сцены запоминаются в рассказе Пиндара: Аполлон, входящий в огонь над телом Корионы (Пиф. 3), почные молитвы Пелопы и Иамы (Ол.1, Ол.6), младенец Иам в цветах (Ол.6), Эак с двумя богами перед змеем на троянской стене (Ол. 8), Геракл на Теламоновом пиру (Истм.6); а все, что лежит между такими сценами, сообщается в придаточных

предложениях, беглым перечнем, похожим на конспект. Самый подробный мифический рассказ у Пиндара — это история аргонавтов в огромной оде Пиф.4 (вероятно, по ее образцу мы должны представлять себе несохранившиеся композиции чиновачальника мифологической лирики — Стесихора); но и здесь Пиндар словно нарочно разрушает связность повествования: рассказ начинается пророчеством Медеи на Лемносе, последнем (по Пиндару) этапе странствия аргонавтов — пророчество это гласит об основании Кирины, родины восплаваемого победителя, и в него вставлен эпизод одного из предыдущих этапов странствия, встреча с Тритоном — Еврипиллом; затем неожиданным эпическим зачином «А каким началом началось их плавание?» — поэт переходит к описанию истории аргонавтов с самой завязки мифа — но и в этом описании фактически выделены лишь четыре сцены, «Ясон на площади», «Ясон перед Пелием», «отплытие», и «пахота»; а затем, на самом напряженном месте (руно и дракон), Пиндар демонстративно обрывает повествование и в нескольких скомканных строчках лишь бегло осведомляет о дальнейшем пути аргонавтов вплоть до Лемноса; конец рассказа смыкается, таким образом, с его началом. Такие кругообразные замыкания у Пиндара неоднократны: возвращая слушателя к исходному пункту, они тем самым напоминают, что миф в оде — не самоцель, а лишь звено в цепи образов, служащих осмыслению восплаваемой победы.

Миф — главное средство утверждения события в оде; поэтому чаще всего он занимает главную, серединную часть оды. В таком случае ода приобретает трехчастное симметричное строение: экспозиция с констатацией события, миф с его осмыслением и воззвание к богам с молитвой, чтобы такое осмысление оказалось

верным и прочным. Экспозиция включала похвалу играм, атлету, его родичам, его городу; здесь обычно перечислялись прежние победы героя и его родичей, а если победитель был мальчиком, сюда же добавлялась похвала его тренеру. Мифологическая часть образно объясняла, что одержанная победа не случайна, а представляет собой закономерное выражение давно известной милости богов к носителям подобной доблести или к обитателям данного города. Заключительная часть призывала богов не отказывать в этой милости и впредь. Впрочем, начальная и конечная часть легко могли меняться отдельными мотивами: в конц переходили те или иные славословия из начальной части, а начало украшалось воззванием к божеству по образцу конечной части. Кроме того, каждая часть свободно допускала отступления любого рода (у Пиндара чаще всего — о себе и о поэзии). Сочленения между разнородными мотивами обычно заполнялись сентенциями общего содержания и наставительного характера; Пиндар был непревзойденным мастером чеканки таких сентенций. У него они варьируют по большей части две основные темы: «добрая порода все преодолевает» и «судьба изменчива, и завтрашний день не верен»; эти прищевы лейтмотивом проходит по всем его одам. А иногда поэт отказывался от таких связок и нарочно бравировал резкостью композиционных переходов, обращаясь к самому себе: «Повороты кормило!»... (Пиф. 10). «Далеко унесло мою ладью...» (Пиф. 11) и т. п. Отдельные разделы оды могли сильно разбухать или сильно сжиматься в зависимости от наличия материала (и от прямых требований заказчика, платившего за оды), но общая симметрия построения сохранялась почти всегда. Она была осознанной и почти канонизированной: прообраз всей хоровой лирики, «терпандров-

ский ном», по домыслам греческих грамматиков, состоял из семи, по-видимому, concentрических частей: «зачин», «послезачишь», «поворот», «сердцевина», «противоповорот», «печать», «заключение». Представим себе в «сердцевине» — миф, в «зачине» и «заключении» — хвалы и мольбы, в «печати» — слова поэта о себе самом, в «повороте» и «противоповороте» — связующие моралистические размышления, — и перед нами будет почти точная схема строения пиндаровской оды. Следить за пропорциями помогала метрика: почти все оды Пиндара написаны повторяющимися друг друга строфическими триадами (числом от 1 до 13), а каждая триада состоит из строфы, антистрофы и эпода; это двухступенное членение хорошо улавливается слухом. Изредка Пиндар строил оды так, чтобы тематическое и строфическое членение в них совпадали и подчеркивали друг друга (Ол. 13), но гораздо чаще, наоборот, обыгрывал несовпадение этих членений, резко выделявшее большие тирады, перехлестывавшие из строфы в строфу.

Вслед за средствами композиции для утверждения события в оде использовались средства стиля. Каждое событие — это мгновение, перелившееся из области будущего, где все неведомо и зыбко, в область прошлого, где все закончено и неизменно; и поэзия первая призвана остановить это мгновение, придав ему требуемую завершенность и определенность. Для этого она должна обратить событие из неуловимого в осязуемое. И Пиндар делает все, чтобы представить изображаемое осязуемым, вещественным: зримым, слышимым, осязаемым. Зрение требует яркости: и мы видим, что любимые эпитеты Пиндара — «золотой», «сияющий», «сверкающий», «блещущий», «пышущий», «светлый», «лучезарный», «осиянный», «палящий» и

т. д. Слух требует звучности: и мы видим, что у Пиндара все окружает «слава», «молва», «хвала», «песня», «напев», «весть», все здесь «знаменитое», «ведомое», «прославленное». Вкус требует сладости — и вот каждая радость становится у него «сладкой», «медовой», «медвяной». Осязание требует чувственной дани и для себя — и вот для обозначения всего, что достигло высшего расцвета, Пиндар употребляет слово «ἀσπός» «руно», «шерстистый пух» — слово, редко поддающееся точному переводу. Часто чувства меняются своим достоянием — и тогда мы читаем про «блеск ног бегуна (Ол. 13, 36), «чашу, взыбленную золотом» (Истм. 10), «вспыхивающий крик» (Ол. 10, 72), «белый гнев» (Пиф. 4, 109), а листва, венчающая победителя, оказывается то «золотой», то «багряной» (Нем. 1, 17; 11, 28). Переносные выражения, которыми пользуется Пиндар, только усиливают эту конкретность, вещественность, осязаемость его мира. И слова и дела у него «ткуются», как ткань, или «выплетаются», как венок. Этва у него — «лоб многоплодной земли» (Пиф. 1, 30), род Эмменидов — «зеница Сицилии» (Ол. 2, 10), дожди — «дети туч» (Ол. 11, 3), извинение — «дочь Позднего ума» (Пиф. 5, 27), Асклепий «плотник безболыа» (Пиф. 3, 6), соты — «долбленный пчелиный труд» (Пиф. 6, 54), робкий человек «при матери варит бестревожную жизнь» (Пиф. 4, 186), у смелого «подошва под божественной пятой» (Ол. 6, 8), а вместо того, чтобы выразительно сказать «передо мною благодарный предмет, о который можно хорошо отточить мою песню», поэт говорит еще выразительнее: «певучий оселок на языке у меня» (Ол. 6, 82). Среди этих образов даже такие общеупотребительные метафоры, любимые Пиндаром, как «буря невзгод» или «путь мысли» (по суху — в колеснице или по морю —

в ладье с якорем и кормилом) кажутся ощутимыми и наглядными.

Для Пиндара «быть» значит «быть заметным»: чем ярче, громче, осязаемей тот герой, предмет или подвиг, о котором гласит поэт, тем с большим правом можно сказать, что он — «цветущий», «прекрасный», «добрый», «обильный», «могучий», «мощный». Охарактеризованные таким образом люди, герои и боги почти теряют способность к действию, к движению: они существуют, излучая вокруг себя свою славу и силу, и этого достаточно. Фразы Пиндара — это бурное пагромажденное определение, толстые слои прилагательных и причастий вокруг каждого существительного, и между ними почти теряются скудные глаголы действия. Этим рисуется статический мир вечных ценностей, а бесконечное плетение неожиданных придаточных предложений есть лишь средство прихотливого движения взгляда поэта по такому миру.

Так завершается в оде Пиндара увековечение мгновения, причисление нового события к лику прежних. Совершитель этой канонизации — поэт. Если событие не нашло своего поэта, оно забывается, т. е. перестает существовать: «счастье былого — сон: люди беспамятны ... ко всему, что не влажено в струн славословий» (Истм. 7, 16—19; ср. Нем. 7,13). Если событие нашло себе поэта, оценившего и прославившего его неправильно, — искажается вся система мировых ценностей: так, Гомер, перехвалив Одиссея, стал косвенным виновником торжества злословия в мире (Нем. 7,20; 8,25—35; ср., впрочем, Истм. 4,35—52). Отсюда — безмерная важность миссии поэта: он один является утвердителем, осмыслителем мирового порядка и по праву носит эпитет σοφός, «мудрец» (с оттенком: «умелец»). Обычно истина выявляется только

во времени, в долгом ряде событий («бегущие дни — надежнейшие свидетели», Ол. 1,28—34; «бог — Время единый выводит пытанную истину», Ол. 10,53—55) — но поэт как бы утарапливает ее раскрытие. Поэт подобен пророку, «предсказывающему назад»: как пророк раскрывает в событии перспективу будущего, так поэт — перспективу прошлого, как пророк гадает об истине по огню или по птичьему полету, так поэт — по исходу атлетических состязаний. И если пророка вдохновляет к вещанию божество, то и поэта осеняют его божества — Музы, дарящие ему прозрение, и Хариты, украшающие это прозрение радостью. Таким образом, поэт — любимец богов не в меньшей степени, чем атлет, которого он восневает; поэтому так часто Пиндар уподобляет себя самого атлету или борцу, готовому к дальнему прыжку, к метанию дрота, к стрельбе из лука (Нем. 5, Ол. 1, 9, 13 и др.); поэтому вообще он так часто говорит в одах о себе и слагаемой им песне — он сознает, что имеет на это право. Высший апофеоз поэзии у Пиндара — это 1 Пифийская ода с ее восхвалением лиры, символа вселенского порядка, звуки которой несут умиротворение и блаженство всем, кто причастен мировой гармонии, и повергают в безумие всех, кто ей враждебен.

Такова система художественных средств, из которых слагается поэзия Пиндара. Легко видеть, что все сказанное относится не только к Пиндару — это характерные черты всего греческого мироощущения или, во всяком случае, архаического греческого мироощущения. Но сама напряженность этого мироощущения, постоянная патетическая взвинченность, настойчивое стремление объять необъятное — это уже особенность поэзии Пиндара. Его старшим современником в хоровой лирике был Симонид, младшим —

Вакхилд — оба они пользуются тем же арсеналом лирических средств, но пиндаровской могучей громоздкости и напряженности здесь нет, а есть изящество и точность. Они не утверждают мировой порядок — они украшают мировой порядок, уже утвержденный. Сама страстность притязаний Пиндара на высшее право поэта осмыслять и утверждать действительность означает, что речь идет не о чем-то само собой подразумеваемомся, что это право уже оспаривается.

Так оно и было. Пиндар работал в ту эпоху, когда аристократическая идеология, глашатаем которой он был, начинала колебаться и отступать под напором новой идеологии, уже рождавшей своих поэтов. Пиндар верил в мир непротиворечивый и неизменный, а его сверстники Гераклит и Эсхил уже видели противоречия, царящие в мире, и развитие — следствие этих противоречий. Для Пиндара смена событий в мире определялась мгновенной волей богов — для новых людей она определялась вечным мировым законом. У Пиндара толкователем и провидцем сущего выступает поэт, в своем вдохновении охватывающий ряды конкретных аналогичных событий, — в V в. таким толкователем становится философ, умом постигающий отвлеченный закон, лежащий за событиями. Лирика перестает быть орудием утверждения действительности и становится лишь средством ее украшения, высоким развлечением, важной забавой. Для Пиндара это было неприемлемо, и он боролся за традиционный взгляд на мир и традиционное место поэта-лирика в этом мире.

Эта борьба была безуспешна. Противоречивость мира не была для Пиндара и его современников философской абстракцией — она раскрывалась на каждом шагу в стремительной смене событий конца VI —

первой половины V в. Перед лицом этих противоречий пиндаровское восприятие мира оказывалось несостоятельным. Лирический поэт видел в представшем ему событии торжество такого-то начала и всем пафосом своего искусства доказывал закономерность этого торжества, а следующее событие оборачивалось торжеством противоположного начала, и поэт с той же убежденностью и тем же пафосом доказывал и его закономерность. Для Пиндара, представлявшего себе мир прерывной цепью мгновенных откровений, в этом не было никакой непоследовательности. Для каждого города, делавшего ему заказ на оду, он писал с такой отдачей, словно сам был гражданином этого города: «я» поэта и «я» хора в его песнях часто неотличимы. Такая позиция для Пиндара программна: «Будь подобен умом коже наскального морского зверя (т. е. осьминога): со всяким городом умей жить, хвали от души представшее тебе, думай нынче одно, нынче другое» (фр. 43, слова Амфиараея). Со своей «точки зрения вечности» Пиндар не видел противоречий между городами в Греции и между партиями в городах — победа афинского атлета или победа эгинского атлета говорили ему одно и то же: «побэждает лучший». Победа одного уравнивается победой другого, и общая гармония остается непоколебленной; напротив, всякая попытка нарушить равновесие, придать преувеличенное значение отдельной победе обречена на крушение в смене взлетов и падений превратной судьбы. Достаточно предостеречь победителя, чтобы он не слишком превозносился в счастье, и помолиться богам, чтобы они, жалуя новых героев, не оставляли милостью и прежних, — и все мировые противоречия будут разрешены. Таково убеждение Пиндара; паивность и несостоятельность этого взгляда в обществен-

ных условиях V в. все больше и больше раскрывалась ему на собственном жизненном опыте.

Пиндар родился в Фивах в 518 г. (менее вероятная дата — 522 г.) и умер в 438 г. Его поэтическое творчество охватывает более 50 лет. И начало и конец этой творческой полосы отмечены для Пиндара тяжелыми потрясениями: в начале это греко-персидские войны, в конце — военная экспансия Афин.

В год похода Ксеркса Пиндар уже пользовался известностью как лирический поэт, ему заказывали оды и фессалийские Алевады (Пиф. 10), и афинский изгнанник Мегакл (Пиф. 7), и состязатели из Великой Греции (Пиф. 6 и 12); но, как кажется, в эти годы Пиндар больше писал не эпипикии, а гимны богам, сохранившиеся лишь в малых отрывках. Когда Дельфы и Фивы встали на сторону Ксеркса, для Пиндара это был саморазумеющийся акт: сила и успех Ксеркса казались несомненными, стало быть, милость богов была на его стороне. Но все обернулось иначе: Ксеркс был разбит, Фивы оказались тяжело скомпрометрованы своей «изменой» и чудом избежали угрозы разорения. Тревожная и напряженная ода Истм. 8 («Некий бог отвел Танталову глыбу от наших глав...», «Подножного держись, ибо коварно нависло над людьми и кружит им жизненную тропу Время...») осталась памятником переживаний Пиндара: это самый непосредственный его отклик на большие события современности. Отголоски этого кризиса слышны в стихах Пиндара и позже: оды Истм. 1 и 3—4 посвящены фиванцам, пострадавшим в войне, где они бились на стороне персов.

Разрядкой этого кризиса было для Пиндара приглашение в Сицилию в 476 г. на празднование олимпийских и пифийских побед Гиерона Сиракузского

и Ферона Акрагантского. Здесь, в самом блестящем политическом центре Греции, где все культурные тенденции, близкие Пиндару, выступали обнаженней и ярче, поэт окончательно выработал свою манеру, отточил до совершенства свой стиль: оды сицилийского цикла считались высшим достижением Пиндара и были помещены на первом месте в собрании его эпиникиев (Ол. 1—6, Пиф. 1—3, Нем. 1). Пиндара не смущало, что славословить ему приходилось тиранна: успехи Гиерона были для него достаточным ручательством права Гиерона на песпю. Оды для сицилийцев Пиндар продолжал писать и по возвращении в Грецию; но кончилась эта связь болезненно — в 468 г. Гиерон, одержав долгожданную колесничную победу в Олимпии, заказал оду не Пиндару, а Вакхилиду (эта ода сохранилась), и Пиндар ответил ему страстным стихотворением Пиф. 2, где миф об Иксионе намекает на неблагодарность Гиерона, а соперник — Вакхилид назван обезьяною. Это означало, что полного взаимопонимания между поэтом и его публикой уже не было.

По возвращении из Сицилии для Пиндара настала полоса самых устойчивых успехов — 475—460 гг. Военно-аристократическая реакция, господствовавшая в большинстве греческих государств после персидских войн, была хорошей почвой для лирики Пиндара; старший соперник его Симонид умер около 468 г., а младший, Вакхилид, слишком явно уступал Пиндару. Около половины сохранившихся произведений Пиндара приходится на этот период: он пишет и для Коринфа, и для Родоса, и для Аргоса (Ол. 13, Ол. 7, Нем. 10), и для киренского царя Аркесилая (Пиф. 4—5, ср. Пиф. 9), но самая прочная связь у него устанавливается с олигархией Эгины: из 45 эпиникиев Пиндара 11 посвящены эгинским атлетам. Но и в эту пору между Пинда-

ром и его публикой возникают редкие, но характерные недоразумения. Около 474 г. Афины заказывают Пиндару дифирамб, и он сочиняет его так блестяще, что соотечественники-фиванцы обвинили поэта в измене и наказали штрафом; афиняне выплатили этот штраф. В другой раз, сочиняя для Дельф пеан 6, Пиндар, чтобы прославить величие Аполлона, нелестно отозвался о мифологическом враге Аполлона — Эакиде Неоптолеме; Эгина, где Эакиды были местными героями, оскорбилась, и Пиндару пришлось в очередной оде для эгинян (Нем. 7) оправдываться перед ними и пересказывать миф о Неоптолеме по-новому. Пиндаровское всепрятие и всеутверждение действительности явно оказывалось слишком широким и высоким для его заказчиков.

В поздних одах Пиндара чем дальше, тем настойчивее чувствуется увещание к сближению и миру. Эпизод с дифирамбом Афинам, исконным врагам Фив, — лишь самый яркий пример этому. В одах для эгинских атлетов он подчеркнуто хвалит их афинского тренера Мелесия (Нем. 6, Ол. 8, впервые еще в Нем. 5); в Истм. 7 мифом о дорийском переселении, а в Истм. 1 сближением мифов о Касторе и об Иолае он прославляет традиционную близость Спарты и Фив; в Нем. 10 миф о Диоскурах вплетен так, чтобы подчеркнуть древнюю дружбу Спарты и Аргоса в противоположность их нынешней вражде; в Нем. 11 узы родства протягиваются между Фивами, Спартой и далеким Тепедосом; в Нем. 8 с восторгом описывается, как эгинский Эак соединял дружбою даже Афины и Спарту. Это — последняя попытка воззвать к традициям панэллинского аристократического единения. Конечно, такая попытка была безнадежна. В те самые годы, когда писались эти произведения, Афины изгоняют Кимона и пере-

ходят к наступательной политике: в 458 г. разоряют дорогу Пиндару Эгину, в 457 г. при Энофитах нанесят удар власти Фив над Беотией. Для Пиндара это должно было быть таким же потрясением, как когда-то поражение Ксеркса. Творчество его иссякает.

Пиндар еще дождался до коронейского реванша 447 г. Последняя из его сохранившихся од, Пиф. 8 с ее хвалой Тишине, звучит как вздох облегчения после Короней, и упоминания о судьбе запоздывших Порфириона и Тифона кажутся предостережением Афинам. Но в этой же оде читаются знаменитые слова о роде человеческого: «Однодневки, что — мы? что не мы? Сон тени — человек»; а другая ода того же времени, Нем. 11, откликается на это: кто и прекрасен и силен, «пусть помнит: он в смертное тело одет, и концом концов будет земля, которая его покроет». Таких мрачных нот в прежнем творчестве Пиндара еще не бывало. Он пережил свой век: через немпогие годы после своей смерти он уже был чем-то безнадежно устарелым для афинской театральной публики (Афинос, I, 3а, и XIV, 638 а) и в то же время — героем легенд самого архаического склада — о том, как в лесу встретили Пана, певшего пеан Пиндара, или как Персефона заказала ему посмертный гимн (Павсаний, IX, 23). С такой двойственной славой дошли стихи Пиндара до александрийских ученых, чтобы окончательно стать из предмета живого восприятия — предметом филологического исследования.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- 518 г. до н.э. Родился Пиндар в Киноскефалах. Около того же времени родился Вакхилид на Кеосе. Тирания Писистратидов в Афинах; Симонид и Лас работают при их дворе.
- 510 Падение Писистратидов в Афинах.
- 506 Война и примирение между Афинами и Фивами. Пиндар приезжает учиться в Афины.
- 499 Ионийское восстание — начало греко-персидских войн. Первая трагедия Эсхила. Около того же времени Гераклит в Эфесе пишет книгу «О природе».
- 498 Пиф.10 — первая датируемая ода Пиндара.
- 496 Родился Софокл
- 494 Подавление персами ионийского восстания. Гиппократ — тиран в Геле, Анаксилай — тиран в Регии.
- 490 Первый поход персов на Грецию, битва при Марафоне. Гелон — тиран в Геле. Пиф.6 и 12 — первые оды Пиндара в честь сицилийцев.
- 488 Ол.14. Фероп — тиран в Акраганте, союзник Гелона.
- 486 Остракизм Мегакла Афинского. Пиф. 7, ему посвященная; около этого же времени — Нем. 2, тоже для афинянина.
- 485 Гелон овладевает Сиракузами.
- 480-е гг. Нем.5 и Вакх.13 в честь Пифея Эгинского. Вскоре после этого времени — Истм.5 и 6 в честь той же эгинской семьи Псалихидов; начало прочной связи Пиндара с Эгиной. Эгина — в войне с Афинами.
- 481 Персидские послы в Греции. Коринфский конгресс примиряет Афины и Эгину.

- 480 Поход Ксеркса против Греции (Фивы — на его стороне); битва при Саламине. Поход карфагенян против Сицилии; битва при Гимере, победа Гиерона, Гелона и Ферона. Родился Еврипид.
- 479 Битва при Платее; изгнание персидских войск из Греции.
- 478 Наступательная война против персов. Основание афинского морского союза. Стихи Симонида в честь героев греко-персидских войн. Гиерон сменяет Гелона у власти в Сиракузах. *Истм.8.*
- 477 Конфликт Гиерона с Анаксилаем из-за Локров Эпизефирских.
- 476 Олимпийские победы Гиерона в конном беге, Ферона — в колесничном беге. *Ол.1,2,3,11, Нем.1, Вакх.5* в честь сиракузских побед. Пиндар, Симонид, Вакхилид в Сиракузах. Конфликт между Гиероном и Фероном из-за Полизола; Симонид устраивает их примирение. Основание Этны Гиероном.
- 475 Возвращение Пиндара в Фивы.
- 474 *Пиф.10, Ол.10, Ол.3 (?)*. Около этого же времени — дифирамб Пиндара афинянам (*фр.75*). Победа Гиерона над этрусками при Кумах.
- 472 *Ол.6(?)*. Смерть Ферона; Гиерон подчиняет себе Акрагант. Осуждению и смерть Павсания в Спарте.
- 471 Осуждение и изгнание Фемистокла из Афин.
- 470 Пифийская победа Гиерона в колесничном беге; оды *Пиф.1, Вакх.4*. Для других сицилийских победителей — *Ол.12* и *Истм.2 (?)*.
- 469 Родился Сократ.
- 468 Олимпийская победа Гиерона в колесничном беге; ода *Вакх.3, Пиф.2 (?)*. Первая победа Софокла в драматических состязаниях. В Сицилии умер Симонид.
- 460-е гг. Полигнот в Афинах расписывает Пестрый Портик; в Олимпии строится храм Зевса.

- 466 Смерть Гиерона; падение тирании в сицилийских городах. Ол.9.
- Ок.465 Неудачи афинян во Фракии, натиск фракийцев, пеан 2 для абдеритов.
- 464 Ол.7 и 13. Землетрясение в Спарте и восстание илотов.
- 463, 9 апреля Солнечное затмение; пеан 9 для Фив.
- 462 Демократическая реформа ареопага в Афинах.
- 461 Изгнание Кимона из Афин, разрыв Афин со Спартой.
- 462— Пиф.4—5 в честь Аркесилая Киренского.
- 461
- 460 Ол.8.
- 458 Война Афин против Эгины, осада Эгины. «Орестея» Эсхила.
- 457 Битва при Танагре, перемирие Афин со Спартой. Битва при Энофитах, Беотия и Фокида под властью Афин, капитуляция Эгины.
- 456 Смерть Эсхила в Сицилии.
- 454 Истм.7 (?)
- 452 Ол.4; Вакх. 6—7 — последняя датированная ода Вакхилида.
- 451— Мир Спарты с Аргосом, перемирие Спарты с Афинами, мир Афин с Персией.
- 449
- 447 Восстание в Беотии против афинской власти, победа над афинянами при Коронее. Начало строительства Парфенона в Афинах.
- 446 Восстание в Евбее и Мегарах против Афин; 30-летний мир и отказ Афин от сухопутных завоеваний. Пиф.8, Нем.11 (?) — последние датированные оды Пиндара.
- 441 Первая победа Еврипида в драматических состязаниях. Около этого времени — деятельность музыканта Дамона в Афинах.
- 438 Завершение Парфенона. Фидий едет в Олимпию работать над статуей Зевса. Смерть Пиндара в Аргосе,

ПРИМЕЧАНИЯ

Это издание — первый на русском языке полный стихотворный перевод Пиндара и первый полный перевод Вакхилида. Стихотворная форма, принятая переводчиком, нетрадиционна для русской поэзии и для практики русского стихотворного перевода в частности. Поэтому она требует нескольких предварительных слов в свое оправдание.

Русские поэты и филологи неоднократно обращались к переводу Пиндара, но ни один из существующих опытов не получил безоговорочного признания даже среди специалистов. Тем труднее оказалось приискать убедительную форму для нового перевода. Здесь для переводчика представлялись три возможности.

Во-первых — перевод традиционными русскими силлабо-тоническими стихами, может быть, даже с рифмой. Так перевел две оды Пиндара Державин (одна — «Вестник Европы», 1803, другая напечатана посмертно), одну — Мерзляков («Подражания и переводы», 1826, ч. 2), три — Водовозов («Переводы в стихах и оригинальные стихотворения», 1888, впервые — 1858 и 1865), так перевел все олимпийские и пифийские оды П. Голенищев-Кутузов («Творения Пиндара», 1804). Такой перевод дает наибольшее ощущение «художественности» и наименьшую возможность точности. Он легко читается; однако стилистические и образные ассоциации русских стихотворных размеров настолько прочны и устойчивы, что в подобных переводах они полностью подавляют своеобразие ори-

гинала. Поэтому практика таких переводов — по крайней мере, с античных языков — в русской поэзии давно и разумно оставлена.

Во-вторых — перевод прозой. Так в свое время сделал единственный русский перевод всех четырех книг Пиндара И. Мартынов («Пиндар», ч. 1—2, 1827); так перевел девять од В. Майков («Журнал министерства нар. просвещения», 1892, № 8—10; 1893, № 1, 4, 11, 12; 1896, № 6; 1898, № 5). Такой перевод дает наибольшую точность и наименьшую художественность; он сообщает, о чем писал поэт, но не может дать читателю почувствовать, почему эти стихи считаются прекрасными, а поэт — великим. В русской практике такие переводы обычно имели лишь вспомогательное значение как пособие для чтения греческого подлинника.

В-третьих — так называемый перевод размером подлинника (т. е. силлабо-тоническая имитация метрического стиха). Так В. Иванов перевел 1-ю Пифийскую оду («Журнал министерства нар. просвещения», 1899, № 8, перепечатано в хрестоматии Ф. Зелинского «Древнегреческая литература эпохи независимости», 1921, ч. 2); так (с некоторым упрощением метра) М. Е. Грабарь-Пассек перевела 1-ю Пифийскую и 1-ю Истмийскую оды («Хрестоматия по античной литературе» под ред. Н. Ф. Дератани, т. 1, 1939 и позднейшие переиздания). Такой перевод господствует в советской переводческой практике, и достоинства его общепризнаны: он в наибольшей степени может донести до читателя поэтическое своеобразие подлинника. Однако, по видимому, «размер подлинника» Пиндара оказался слишком сложен для такого перевода. Даже перевод В. Иванова, при всей его замечательной стилистической выразительности, ощущается громоздким и малопонят-

пым. Можно надеяться, что будущие переводчики, соединив поэтический и филологический талант, достигнут наибольших удач именно на этом пути; но покамест этого не произошло.

Поэтому вместо трех «законных» способов перевода Пиндара здесь был избран четвертый — перевод свободным стихом. Такая практика перевода давно знакома европейской традиции; именно на переводах Пиндара и подражаниях Пиндару в значительной мере вырабатывался стих в европейской (прежде всего немецкой) поэзии XVIII в.; именно так в сравнительно недавнее время перевел Пиндара Ф. Дорнзейф на немецкий язык, а Р. Лэттимор на английский. О том, что опыты такого рода сейчас представляют особенный интерес и для русской переводческой практики, составителю уже приходилось писать (см. «Иностранная литература», 1972, № 2, с. 209—210). Свободный стих — это стих без метра и рифмы, отличающийся от прозы только членением на строки; он представляет собой наиболее гибкий способ уловить и оформить естественный ритм насыщенной содержанием речи. Такой перевод, как кажется, способен соединить лучшие качества трех видов перевода, перечисленных выше, — хотя, конечно, равным образом способен соединить и худшие их качества.

Каждый перевод жертвует одними приметамы подлинника ради сохранения других. Предлагаемый перевод намеренно отказывается от передачи строфического строения од Пиндара и Вакхилида, их сложного метра, изощренного языка, вычурного стиля, стараясь зато передать как можно точнее их образный строй, чувственную окраску понятий, сентенциозную выразительность идей. Конечно, точность не означает буквальности. Свободный стих такого перевода местами может пока-

заться подстрочником, но это не подстрочник: расположение слов и частей фразы следует здесь не греческому песенному, а русскому декламационному строю речи. Думается, что такого рода самоограничение сохраняет и выделяет в тексте именно то, что важнее всего для первого знакомства современного русского читателя с Пиндаром. Послужить этому знакомству и тем проложить дорогу для дальнейших, более совершенных переводов величайшего греческого лирика — главная задача этой работы.

Перевод сделан по последним научным изданиям, указываемым ниже. Заглавия од построены так, чтобы облегчить их чтение; переводчик позволил себе (по образцу некоторых старинных изданий) добавить к заглавиям од подзаголовки с указанием на их мифологические сюжеты (в угловых скобках). На левом поле отмечено членение текста на строфы, антистрофы и эподы, на правом — нумерация стихов подлинника. Примечания к такому сложному тексту, как греческая хоровая лирика, всегда грозят непомерно разрастись; мы старались ограничиваться лишь наиболее необходимым для непосредственного понимания текста. Широко известные имена и сюжеты греческой мифологии, как правило, не поясняются; для облегчения понимания их связи к примечаниям приложены родословные таблицы упоминаемых Пиндаром героев. Почти все географические названия, упоминаемые в одах, вынесены на приложенные карты.

Перевод всех од и крупнейших фрагментов Пиндара, помещаемый здесь, впервые был напечатан в журнале «Вестник древней истории», 1972, № 2 — 1974, № 3, и для настоящего издания исправлен и доработан. Перевод большинства фрагментов Пиндара и всего Вакхилида и Тимофея печатается впервые. Покойной М. Е. Гра-

барь-Пассек и Н. С. Гринбауму, внимательно проверившим перевод, помогая своими ценнейшими советами и указаниями, переводчик обязан самой глубокой благодарностью. Т. В. Васильевой, без которой этот перевод не был бы предпринят, посвящает он свою работу.

ПИНДАР

Перевод выполнен по изданию: *Pindari carmina cum fragmentis*, p.I — II, post *B. Snell* ed. *H. Maehler*, Lipsiae, 1971 — 1975.

Для проверки перевода использовались издания: *Pindare, /Oeuvres. Expliqué littéralement... par E. Sommer*. I—IV, P., 1847; *Pindare. [Oeuvres.] Texte établi et traduit par A. Puech*, I—IV, P., 1922—1923 (Collection G. Budé); *Pindars Dichtungen, übertr. und erläutert von F. Dornseiff*, 2. Aufl., Leipzig, 1965. Для комментария — *Farnell L. R. The works of Pindar*, v. 2, L., 1932; *Bury J. B. The Nemean odes of Pindar*. L., 1890, и *The Isthmian odes of Pindar*. L., 1892; *Gildersleeve B. L., Pindar: the Olympian and Pythian odes*, N. Y., 1885; *Pindari carmina, prolegomenis et commentariis instructa*, ed. *W. Christ*, Lipsiae, 1896; *Pindars Siegesgedichte erkl. von F. Metzger*, Leipzig, 1880; незаменимым «путеводителем по Пиндару» служила, конечно, отличная книга *Bowra C. M. Pindar*, Oxford, 1964, а из более старых — *Fränkel H. Dichtung und Philosophie des frühen Griechentums*, 2. Aufl., München, 1962 и *Wilamowitz—Moellendorff U. v., Pindaros*, B., 1922.

Творчество Пиндара относится к эпохе, когда греческая словесность не была еще книжной: его оды долгое время сохранялись лишь в памяти слушателей, рукописные же тексты существовали только в единичных экземплярах — в храмах, в городских архивах, в семействах заказчиков. Только в IV в. до н. э. начинается, по-видимому, работа по собиранию пиндаровских

текстов и сведений о поэте; Хамелеонт, ученик Аристотеля, писавший ок. 300 г. до н. э., уже мог посвятить Пиндару целый раздел в своих (несохранившихся) сочинениях о древних поэтах. На основе этого материала в III в. до н. э. в Александрии было составлено полное собрание сочинений Пиндара в 17 книгах (по жанрам), из которых до нас дошли только 4 последних (с эпипикиями), читавшиеся более других. К этому изданию восходят в конечном счете обе ветви рукописной традиции Пиндара, «парижская» («амброзианская») и «ватиканская»; на их основе в течение XIX—XX вв. (начиная с классического издания А. Бёка, 1811—1819) текст Пиндара удалось восстановить достаточно удовлетворительным образом. Александрийским филологам во главе с Аристофаном Византийским и знаменитым Аристархом принадлежали и многочисленные комментарии к Пиндару; до нас они не сохранились, но в I в. до н. э. грамматик Дидим составил по ним обширную компиляцию, а по этой компиляции позднейшие комментаторы («схолиасты») составляли свои построчные примечания к тексту Пиндара («схолии»), в нескольких вариантах сохранившиеся на полях дошедших до нас рукописей Пиндара. Преувеличивать ценность этих комментариев не приходится (по большей части комментаторы не располагали для своих домыслов ничем, кроме самих пиндаровских текстов), однако пониманию текста они все же помогают, и ссылаться на них приходится не раз.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПИНДАРА

Это «Жизнеописание» с приложенными к нему «Изречениями» сохранилось в начале лучшей комментированной рукописи Олимпийских од («амброзианской»). Она дает хорошее представление о среднем уровне работы античных филологов-комментаторов. Несколько других, более пространных вариантов биографии (одни из них — стихотворный) повторяют в основном все те же факты.

- (1) *Киноскефалы* (частое в Греции местное название) — деревня к северо-западу от Фив. Из двух вариантов имени отца «*Даифант*» есть несомненный домысел

- комментаторов: так звали сына Пиндара (§ 8), а внука в Греции обычно называли по деду.
- (2) *Хамелеонт* Гераклеяский (ок. 300 до н. э.) и *Истр* Киренский (ок. 200 до н. э.) — авторы исторических и историко-культурных сочинений, до нас не дошедших. — *К устам его прилетели пчелы...* — популярная легенда, основанная на материализации метафоры «медовая речь» (действительно частой у Пиндара); такая же легенда рассказывалась о Платоне, а в середине века и о Вергилии.
- (3) *Аполлодор* — лицо неизвестное; *Агафокл* известен также как учитель Дамона, крупнейшего музыкального теоретика V в., наставника и советника Перикла. В других вариантах биографии учителем Пиндара называется также Лас Гермионский; но он, как кажется, покинул Афины еще до приезда Пиндара. — «*Оплотом Эллады*» — см. фр. 76.
- (4) *Сложил... песню* — песня Пану, фр. 95, и Деметре, фр. 37. У Павсания (IX, 23, 3—4) последняя легенда передана еще более живописно: «во сне пред ним предстала Персефона и заявила, что она одна из всех богов еще не воспета Пиндаром, но скоро он и для нее составит песню, когда явится к ней. В самом деле, не прошло и десяти дней, как он умер; но была в Фивах у него старая родственница, очень сведущая в песнопениях, и вот Пиндар явился ей во сне и пропел гимн Персефоне, а она, проснувшись, тотчас записала все, что слышала во сне из той песни».
- (5) *Павсаний* осаждал Фивы в 479 г. после победы при Платее, но не брал и не жег города; это — удвоение гораздо более популярной легенды о том, что Александр Македонский в 335 г., взяв и разорив Фивы, распорядился сохранить дом потомков Пиндара (может быть, в память об энкомии поэта его прапрапрадеду Александру I, фр. 120—121). Мифологический прообраз этого сюжета — рассказ о том, как при взятии Трои греки пощадили дом сочувствовавшего им Антенора. — *В Дельфах...* — т. е. Пиндар считался «почетным членом» дельфийской жреческой коллегии; ср. у Павсания (IX, 23, 3): «когда Пиндар уже прославился

- по всей Элладе, шифрия еще более возвысила его имя, повелев дельфийцам от всех начатков, приносимых Аполлону, уделять равную часть Пиндару».
- (6) «Пятилетний праздник...» — фр. 193. ...ж Аммо-ну — ср фр. 36. — что лучше всего... — популярный сюжет, перенесенный на Пиндара, по-видимому, из истории воспетых им Аполлоповых зодчих Агамеда и Трофония (фр. 2—3, ср. пена 8).
- (7) ...о саламинской битве — т. е. перекликался с пиндаровской Истм. 5; царствование [Ксеркса] — текст испорчен (в рукописи — «Кадма»), восстановления все гадательны.
- (8) ...песнь на дафнефории — фр. 94 с; из этого парфения, по-видимому, и извлекли комментаторы все сведения об именах Пиндаровых родственников.
- (9) ...отдельными парфениями — т. е., по-видимому, предназначенными не для ежегодных праздников, а для внеурочных случаев. «Отдельными эвникиями» иногда называются последние, «пе-немейские» эвнипии Немейской книги.
- (10) ...из аргивской земли — «по-видимому, он ушел туда на пелопоннесские состязания», толкует это свидетельство другой биограф. Третья биография (в словаре «Суда») предлагает иную версию: «испросив у бога для себя того, что самое лучшее, он умер в театре, склотившись на колени своего любимца Феоксена, 55 лет отроду», — такая же смерть приписывалась и Фалесу Милетскому,

ОЛИМПИЙСКИЕ ПЕСНИ

Олимпийские состязания были древнейшими и славнейшими из четырех общеэллинских игр. Считалось, что впервые их установил Пелоп после победы над Эпомаем (отсюда сюжет Ол. 1), а повторно — Геракл после победы над Авгием и Молиопидами (отсюда сюжет Ол. 10). В историческое время олимпийские игры регулярно справлялись с VII в., а списки победителей были известны даже с 776 г. Игры устраивались каждый четвертый год, в первое или второе полнолуние

после летнего солнцестояния (июль—август); на время праздника по Греции объявлялось всеобщее священное перемирие. Местом праздника была Олимпия в Элиде, в области древнего города Писы (разрушенного в 572 г.). Это был священный участок («альтис») Зевса Олимпийского, расположенный между холмом Кронием и рекой Алфеем (чтобы сказать «в Олимпии», Пиндар обычно говорит «в Писе», «под Кронием» или «над Алфеем»). В альтисе находились большой храм Зевса (при Пиндаре он был запово отстроен, а вскоре после его смерти украшен знаменитой скульптурой Фидия), священная гробница Пелопы, алтарь Зевса (где прорицали жрецы из рода Иамидов, Ол. 6), шесть двойных алтарей двенадцати богов (по преданию, поставленные Гераклом) и другие священные постройки. За оградой, вдоль Алфея, находились стадион и ипподром для состязаний. Хозяевами и судьями были жители Элиды. Праздник продолжался семь дней: первый и последний день были посвящены торжественным обрядам, остальные — состязаниям. При Пиндаре состязания были следующие: простой бег (на стадий, ок. 185 м), двойной бег, дальний бег, бег в оружии, борьба, кулачный бой, разноробье («панкратий» — сочетание борьбы и кулачного боя), пятиборье («пентатл» — бег, прыжок, метание диска, метание дрота и борьба), конские скачки и колесничные скачки; кроме того — бег, борьба и кулачный бой для мальчиков. Древнейшим и важнейшим состязанием считался простой бег, почетнейшим — колесничные скачки. Кроме этих 10 состязаний, при Пиндаре одно время устраивались колесничные скачки на мулах (с 496 до 436 до н. э., см. Ол. 5 и 6) и конские скачки с бегом наездников (с 492 до 448). Наградой победителю был оливковый венок; олива срезалась в священной роще, разросшейся, по преданию, от ветки, принесенной Гераклом от Аполлона Гиперборейского (Ол. 3).

1. <Пелоп> Гиерону Сиракузскому, 476 г.

Ода писана во время поездки в Сицилию. Самая ранняя из од в честь Гиерона: ст. 8 еще не обнаруживает вражды к соперникам-поэтам. В александрийской

традиции поставлена первой среди Олимпийских од, так как прославляет величие Олимпийских игр и первого их основателя — Пелопа. Пелоп чтился в Олимпии как местный герой: на восточном фронтоне большого Олимпийского храма находилась знаменитая скульптурная группа, изображающая Пелопа и Эномая перед их состязанием, поставленная лет через 15 после оды Пивдара. В оде — отчетливый симметричный план с мифом посередине (причем миф двупланный: положительный образ Пелопа оттенен отрицательным образом Тантала): игры и победитель — Пелоп-любимец — Тантал — Пелоп влюбленный — игры и победитель. «Прекраснейшая из всех песен на свете», — называет ее Лукиан («Сон», 7), вторя общему суждению.

¹ ...вода — знаменитое начало этой оды интриговало еще античных читателей. Проще и вернее всего толковал его Аристотель («Риторика», I, 7): «обылие лучше скудости, потому что от него больше пользы; оттого и сказано — «Лучше всего на свете вода». Однако схолиасты напоминают и о философии Фалеса Милетского, учившего, что все вещества происходят из воды, и о мифологии Гомера, в которой началом всего был Океан («Илиада», XIV, 246).

¹⁹ *Ференик* («Победоносец») — имя коня, уже приносившего Гиерону в 482 и 478 гг. победу на Пифийских скачках.

²⁸ *Но нет...* — самый развернутый образец критики традиционных мифов у Пиндара. Обычная версия этого архаического мифа гласила, что Тантал, желая испытать всеведение богов, изрубил на куски своего сына Пелопа, сварил в котле и подал к пиру, и Деметра, отвлеченная мыслями о потерянной Персефоне, даже съела кусок плеча; но остальные боги (по Вакхилиду, фр. 42 — Рея), возмутившись, вновь оживили Пелопа в котле, съеденное плечо заменили ему слоновой костью, а Тантала предали наказанию. Пиндар предлагает морализированный вариант мифа, заменяя котел — купелью, в которой мойра Клото омывает новорожденного Пелопа; слоновую кость — природной белизной его плеча, прельстившей Посидона; а казнь Тантала объясняет

только его попыткой украсть бессмертие для смертных.

- ⁴⁵ *Ганимеда...* — по Илиаде (V, 265; II, 232) Ганимед жил до Пелопа, но по «Малой Илиаде» кикликов — после Пелопа (схолии).
- ⁶¹ *Четвертым к трем...* — неясное место: схолиасты считают, что имеются в виду или четыре великих преступника в аиде — Сизиф, Титий, Иксион и Тантал, — или четыре казни — голод, жажда, страх нависшего камня и бессмертие (возможны и другие комбинации). У Гомера («Одиссея», XI, 582—592) не упоминается нависший камень, у Пиндара — голод и жажда.
- ⁶³ *Для сверстных себе...* — т. е. не для Пелопа, который, таким образом, невинен в грехе отца.
- ⁸¹ *...тринадцать женихов...* — могилы их показывались как достопримечательность близ Олимпии, их перечисляет Павсаний (VI, 21, 10—11), следуя Гесиоду, как и Пиндар. Ср. фр. 135.
- ⁹⁰ *...с неутомимыми крыльями...* — так были изображены кони Пелопа на знаменитом «ларце Кицсела», хранившемся в Олимпии (Павсаний, V, 17,7). Для пиндаровского облагораживания мифов характерно умалчание о том, как Пиндар подкупил Миртила, возницу Эномая, погубить хозяина, а потом погубил самого Миртила.
- ⁹² *Он почит...* — курган Пелопион в олимпийском альтисе, описываемый Павсанием (V, 13); там ежегодно приносили в жертву черного барана.
- ¹¹³ *...колесницу...* — мечта Гиерона о колесничной победе в Олимпии (которая считалась самой почетной) исполнилась в 468 г.

2. «Острова Блаженных»
Ферону Акрагантскому, 476 г.

Ферон Акрагантский, союзник Гиерона, правил Акрагантом в 487—472 гг.; дочь его была замужем за Гелоном Сиракуаским, а после смерти Гелона (478) вышла по завещанию за его брата Полизала; третий брат, Гиерон, изгнал Полизала, тот искал помощи у Ферона (намек на это — в ст. 6?), грозила война,

очень опасная для Акраганта и для всего греческого господства в Сицилии; но в 476 г. при посредничестве только что прибывшего в Сицилию Симонида Кеосского был заключен мир (Диодор, XIII, 86). Это совпало с олимпийскими победами Гиерона и Ферона на скачках 476 г., что было сочтено завершением бед и добрым знаком будущего; символом этого и выступают в оде Пиндара Острова Блаженных (уже античные комментаторы видели в рассуждениях Пиндара о превратностях судьбы и конечной удаче намек на политические события). Эта тема Островов Блаженных и метампсихоза — явный отголосок популярного в греческой Италии пифагорейства, в целом скорее чуждого Пиндару. План оды симметричен: город и победитель — превратности судьбы — доблесть Ферона — конечная награда — город и победитель.

- ¹ ...*владычицы лиры*... — «ибо сперва песни сочиняются, а потом уже лира к ним подлаживается» (схолиаст). Эффектное начало этой оды воспроизведено Горацием в его знаменитой оде I, 12.
Эт первиn победы... — см. Ол. 10.
- ¹⁹ ...*Времени, которое всему отец*. — Частая в позднейшей греческой словесности игра созвучием «Кронос» (отец богов) и «хронос» (время).
- ²⁴ ...*дочерях Кадма*... — страдалицами были все четверо: Семела, погибшая в огне, Ино, погибшая в море, Автоноя, потерявшая своего сына Актеона, и Агава, сама убившая своего сына Пепфея, — но упомянуты лишь две первые как получившие за это посмертное воздаяние.
- ²⁹ ...*любит ее Паллада*... — как местная богиня Акраганта?
- ³⁸ ...*сын Лаия* — Эдип; характерно, что благочестивый Пиндар упоминает о пророчестве Аполлона и умалчивает о кровосмесительном браке Эдипа.
- ⁴³ *Ферсандр* — сын Полиника и Аргеи, дочери Адрас-та, участник похода эгигонов и Троянской войны, считался предком основателей Гелы и Акраганта, к которым возводил свой род Ферон. Таким образом, фиванец Пиндар прослеживает фиванское происхождение Ферона до самых мифологических истоков (родоначальник — Кадм; его праправнук — Эдип;

его внук — Ферсандр; его внук Автесион, переселившийся в Спарту; его сын Фер, переселившийся на Феру; его внук Телемах, переселившийся на Родос и оттуда в новооснованную Гелу; его внук, тоже Телемах, участник основания Акраганта в 581 г. и свержения Фаларида в 554 г.; его внук Эммен, правнук Энесидам и праправнук Ферон).

⁴⁹ ...с братом — Ксенократ, брат Ферона, герой од Пиф. 6 и Ист. 2 на те самые победы, о которых идет речь.

⁵⁸ сл. — Здесь и в перекликающихся с этим местом фр. 129—133 — самое раннее в греческой литературе выражение учения о переселении душ. Пиндар представляет себе загробный мир трехчастным: это как бы ад («муки, на которые не подымется взор», ст. 67), рай (Острова Блаженных) и между ними чистилище, где души ведут «беструдную жизнь» (ст. 62), но для искупления грехов (как земных, так и совершенных уже в чистилище) периодически возвращаются на землю; если три таких искупления выдержаны беспорочно, то в последнем земном пребывании они становятся «святыми героями» (фр. 133), а после него обретают вечное счастье на Островах Блаженных.

^{70, 75} Крон (супруг Реи) как царь Островов Блаженных упоминается уже у Гесиода, «Труды и дни», 167—173; Радаманф — в «Одиссее», IV, 563.

⁷⁹ Пелей...Кадм — они приняты на Острова Блаженных как зятья богов; Ахилл, потомок Пелеев — за свои подвиги; и Ферона, потомка Кадма (намекает Пиндар), ожидает такая же судьба.

⁸¹⁻⁸² Гектор, Кикн (сын Посидона, убитый при высадке греков на Троянском берегу), эфиоп (Мемнон, союзник Приама) — герои догомеровского, гомеровского и послегомеровского периода Троянской войны.

⁸⁵ Понимающим... — т. е. посвященным в мистерии.

⁸⁷ Как вороны... — схолиасты видят здесь намек на Симонида (находившегося в 476 г. в Сицилии) и Вакхилида (приславшего свою оду 5 с Ксоса), у которых Пиндар перехватил заказ на оду Ферону; Верролл предположил здесь намек на сицилийских риторов Корака (чье имя значит «ворон») и Тисия,

авторов первого греческого (несохранившегося) учебника риторики, чье новое искусство прозаического паегирика грозило соперничать с традиционным искусством поэтов. Впрочем, доблесть поэта и зависть как ее тень — общее место в лирике (ср. Нем. 3, 80 и 5, 21 об орле и галках), и реальные прототипы здесь необязательны.

⁹³ *Сто лет...* — от основания Акраганта в 581 г.

3. <Геракл Гиперборейский>
Ферону Акрагантскому, 476 г.

Феоксении — архаический праздник угощения богов: статуи богов снимались с подножий, укладывались на подушки, украшались венками (ст. 6), и перед ними ставилось угощение. В Акраганте главными божествами, почитаемыми на этом празднике, были Диоскуры-Гостеприимцы (ст. 1), культ которых пришел сюда с первыми дорийскими поселенцами. Почему праздник победы Ферона был приурочен именно к этому дню, неизвестно. План симметричный, с мифом в центре (миф — местный, олимпийский, сохраняющий память о приходе греков на Балканский полуостров с задунайского Севера; ср. Пиф. 10). Концовка переключается с знаменитым началом Ол. 1, связывая, таким образом, Ферона и Гиерона.

⁶ *...дорийскою поступью...* — дорийским был музыкальный напев этой песни. По-видимому, она пелась в шествии к храму Диоскуров, и поэтому к лире, аккомпанементу гимна, прибавлялись флейты, аккомпанемент марша.

¹² *Этолиец* — элидяне, из которых выбирались олимпийские судьи («элландики»), считались колонистами этолийцев.

¹³ *Истр* — Дунай («тенистый» как текущий на дальнем севере).

¹⁷ *Умолив их словами разума...* — т. е. «а не отняв силой», как, по-видимому, было в дошиндаровской версии мифа.

²¹ *Пятилетних...игр...* — греки считали промежутки времени, засчитывая оба крайних года, поэтому

олимпийский цикл назывался у них не «четырёхлетием», а «пятилетием». Об учреждении Олимпийских игр см. Ол. 10; «полный блеск луны» — полнолуние.

- ³⁰ *Таигета* — плеяда, дочь Атланта; Артемида (*Ортосия*) обратила ее в лань, чтобы спасти от домогательств Зевса, и в благодарность она посвятила Артемиде такую же лань с «писанным обетом» — надписью на ошейнике: «Таигета посвящает Артемиде» (схолиаст). Самки оленя южных пород — безрогие, но северных («гиперборейских») — рогатые.
- ³⁷ ...*Им он вверил...* — Диоскуры как покровители олимпийских состязаний не упоминаются более нигде.
- ³⁸ *Эммениды* — род Ферона, по имени его деда,

4. <«Эргин»> Павсанию Камаринскому, 452 г.

Дата указана схолиями; но некоторые ученые полагают, что комментаторы спутали победы, упоминаемые в этой и следующей песне, и допускают даты 460 или 456 г. Камарина в южной Сицилии, основанная в 599 и дважды разрушенная сиракузянами в 553 и 484 гг., была снова отстроена жителями соседней Гелы в 461—460 гг.; песня Пипдара — ободрение первому успеху новоотстроенного города. Адресат ближе неизвестен. Композиция линейная, без симметрии.

- ¹ *Не твои ли Оры...* — т. е. со сменой времен года (Оры) вновь наступает срок Олимпийских игр. Три Оры были изображены Фидием на троне его статуи Зевса Олимпийского (Павсаний, V, 11, 7).
- ¹³ ...*ж его мольбам* — о дальнейших победах.
- ¹⁹ *Сын Климена* — аргонавт Эргин, впуск Посидона; на лемносских играх, устроенных аргонавтами в память Фоанта, где вручала награды Гипсипила (ср. о них также Пиф. 4, 253—254), он вышел победителем, одолев в беге при оружии самих Бореадов. По свидетельству схолиаста, имя его вошло в поэтическую, поэтому оно и не названо Пиндаром.

5. «Камарина» Псавмию Камаринскому

Принадлежность этой песни Пиндару сомнительна; схолии свидетельствуют, что в основном тексте ее не было, но в комментарии Дидима она была включена. Большинство ученых отрицает авторство Пиндара, но признает, что во всяком случае автор — близкий к нему по времени и по стилю подражатель. Адресат — тот же, что и в предыдущей песне; состязания в колесничном беге на мулах устраивались на Олимпийских играх в 496—436 гг., по списки победителей не сохранились, и точная дата оды неизвестна. Композиция симметричная по трем триадам (герой — город — герой) с поочередными обращениями к нимфе Камарипе, Афине Палладе и Зевсу.

- ¹ ...дочь *Океана* — нимфа Камарипа, покровительница города.
- ⁵ *Шесть двойных алтарей* двенадцати богам (Зевс и Посидон, Гера и Афина, Гермес и Аполлон, Хариты и Дионис, Артемида и Алфей, Кронос и Рея) были поставлены в Олимпии, по преданию, Гераклом, но лишь немногие из участников состязания приносили жертвы на всех шести, и лишь редкие, подобно Псавмию, участвовали в трех видах состязаний сразу, чтобы в одном из них выйти победителем.
- ⁶ *Пятидневными ристаниями* — двусмысленность в подлиннике: по-видимому, имеется в виду пятый (последний) день состязаний, посвященный скачкам.
- ¹⁰ *Паллада* — Афина изображалась на монетах Камарины, культ ее был перенесен сюда из Гелы и, далее, из Родоса.
- ¹³ ...*орошает народ*... — т. е. река Гинпарис доставляла в город лес для построек или глину для приготовления черепиц (толкования схолиастов).
- ¹⁹ *Ида* — традиционное название горы, посвященной Зевсу; такая пещера была в Олимпии, как и на Крите и в Фригии,

6. <Иам> Агесию Сиракузскому,
472—468 гг.

Точная дата неизвестна, так как списки победителей на мулах не сохранились. Видный жреческий род Иамидов, происхождение которого описывается в оде, занимался гаданием по огню при алтаре Зевса в Олимпии; к этому роду принадлежал и Агесий, по матери аркадянин из Стимфала, по отцу сиракузянин (судя по ст. 6, предки его переселились в Сицилию при самом основании города); отсюда — заключительная метафора, в которой две родины уподоблены двум якорям (на носу и на корме) греческого корабля. Запасная родина не помогла Агесию: он погиб около 466 г. в смутах при падении Фрасибула, сына Гиерона. По соемещению атлетических и прорицательских дарований Пиндар сближает своего героя с Амфиараем, по происхождению — с Иамом, по гражданству — с Гиероном; это соответствует симметричной трехчастной композиции с мифом посредине (миф, в свою очередь, явственно членится на три части: предки Иама — рождение Иама — судьба Иама). Начало и конец отбиты обращениями — к Музам и Финтию, к Метоне и Эпею. Источники мифа неизвестны; по-видимому, это были местные родовые предания.

⁶ *победоносец ... блюститель ... сооснователь ...* — первое определение относится к самому Агесию, второе и третье к его предкам. Агесий как сиракузянин не мог быть постоянным гадателем в Олимпии, но как Иамид мог советоваться с оракулом без помощи жрецов.

¹⁵ *над семью кострами...* — для семи войск, а не для семи вождей (аккуратно уточняет комментатор; ср. Нем., 9, 24): Адраст остался жив, Амфиарай исчез под землей, Полипику в погребении было отказано. «Семь костров» называлось урочище под Фивами, хотя, по афинской традиции, вожди были погребены в Элевсине. Источником Пиндара здесь была киклическая поэма «Фиваида».

²⁸ *Питана* — нимфа притока Еврота, по имени которой называлась одна из четырех общин Спарты. Пиндар делает ее матерью Евады ради того, чтобы

- связать Иамидов со Спартой: как раз в это время жрец и воин Тисамен из рода Иамидов был (вопреки всем традициям) принят в число спартапских граждан, потому что оракул обещал пять побед тем, за кого он будет сражаться (Геродот, IX, 35).
- ³⁴ *Элатид* — Эпит, сын Элата и брат Стимфала (эпонима родины Агесия), правил на севере Аркадии, близ Киллены (отсюда покровительство Эрмия — Гермеса Килленского, ст. 79); по Павсанию, VIII, 16, 2, там показывали и могилу Эпита). Точное местоположение Фесаны на Алфее неизвестно.
- ³⁰ ...с синими кудрями («ниплокамон», т. е. черными «с фиалковым отливом») — первый намек на этимологию имени Иама (см. ниже, примеч. к ст. 47).
- ⁴⁰ ...кувшин — т. е. притворившись, что идет за водой.
- ⁴⁷ Змеи, исчадья Земли, были спутниками многих пророков, от Мелампа до Аполлония Тианского; мед — обычный в мифах знак посвящения в пророки и поэты; яд («иос»), как ниже фиалки или ноготки («ион») — этимологизация имени Иама. От этого образа фиалок — исключительное в греческой поэзии нагнетание цветочных эпитетов.
- ⁶⁵ *Сугубое сокровище*... — во-первых, безотлагательно: дар пророчества по вдохновению; во-вторых, после утверждения алтаря Зевса — дар пророчества по огню.
- ⁸² *Певучий оселок*... — т. е. родство Фив и Стимфала — повод отточить язык для песни.
- ⁸⁴ ...*моей матери* — нимфы Фивы; отец ее — река Асоп, мать — Метопя, нимфа источника (или озера) близ Стимфала.
- ⁸⁷ *Геру* — по-видимому, торжество победы Агесия совпало с праздником Геры в его доме (ср. Ол. 3 — с праздником Диоскуров и Пиф. 5 — с праздником Аполлона Карнейского). О стимфальском культе Геры-девственницы, царицы и вдовы упоминает Павсаний (VIII, 22, 2). Эчей, который должен был учить хор Агесия в отсутствие Пиндара (как Никасипп в Истм. 2), сам мог быть стимфальцем — это имя было преимущественно аркадским.
- ⁹⁰ ...«*беотийская свинья*»... — популярная пословица: беотийцы считались тупицами (ср. фр. 83). Впрочем,

эта брань звучала мягче, чем в вынешнем языке: Фокилид в своей шутливой классификации жен говорит: «...Ту, что от буйной свиньи, не назвать ни плохой, ни хорошей...»

⁹⁵ *Чтущий Деметру...* — Гиерон был жрецом культа Деметры и Персефоны в Сиракузах и Зевса в новооснованной Этне.

¹⁰⁰ *Хороши два якоря...* — «кораблю на одном якорю, а жизни на одной надежде не выстоять»: пословица, упоминаемая Стобеем.

7. <«Родос»> Диагору Родосскому, 464 г.

Одна из самых знаменитых од Пиндара; в родосском храме Афины Линдской текст ее был записан золотыми буквами (схολιαст). Диагор из рода Эратидов в родосском Иалисе — один из славнейших греческих атлетов, победитель на всех четырех больших играх; это о нем рассказывали, что когда два его сына, тоже олимпийские победители, пронесли отца на руках через ликующую толпу, один спартаец крикнул: «Умри, Диагор, живым на небо тебе все равно не взойти» (Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 46, 111; Павсаний, VI, 7, 1—7). Симметричный план с очень развитой мифологической частью: три мифа — о Тлеполеме-убийце, о рождении Афины и золотом дожде, о возникновении Родоса — уводят мифологическую перспективу все дальше вглубь времени. Вступительная и заключительная триады отчленены, средние, мифологические — сочленены между собой.

¹⁴ *Рода*, т. е. «Роза» — нимфа-эпоним Родоса, дочь Посидона и Афродиты. Отсюда красивый образ, исчезающий в переводе: остров, поднимающийся из моря к Гелиосу, подобен цветку, раскрывающемуся навстречу солнцу.

¹⁷ *...угодному Правде...* — т. е. должностному лицу.

¹⁸ *...о трех городах...* — см. ст. 75; о них и их цаге Тлеполеме упоминает уже Гомер, «Илиада», II, 653—670.

¹⁸ *...под бизнем...Азии* — перед Книдским полуостровом.

- ²³ ...отчая...материнская... — Тлеподем был сыном Геракла и Астидамни (по «Илиаде» — Астиохи), дочери долопского царя Аминтора, убитого Гераклом. По историкам VI—V вв., заселение Родоса Гераклидами было позже.
- ²⁷ *Ликимния*... — Алкмена была дочерью Электриона от жены его Лисидики, Ликимний — сыном от наложницы Мидеи; по Аполлодору (II, 8,2), тлеполемово убийство было невольным, но Пиндар подчеркивает грех, чтобы подчеркнуть прощение.
- ³³ *От лернейского берега*... — от Аргоса к Родосу.
- ³⁸ *Афина* — описание ее рождения сделано Пиндаром по Гесиоду («Феогония», 924 сл.) и Стесихору; вскоре после этой оды Фидий изобразил эту сцену на восточном фронтоме Парфенона.
- ⁴¹ ...первыми воздвигнуть... — Афина должна была покровительствовать тем, кто первыми принесет ей жертвы; из-за оплошности Гелиадов первым оказался Кекроп из Аттики.
- ⁴⁸ *Для беспамятных жертв*... — безогненные жертвы Афине Лиандской на Родосе приносились еще в классическую эпоху (схолиаст).
- ⁵² *Подобные живым*... — по представлениям мифографов, на Родосе до прихода эллинов жили два племени полубогов, темные тельхины и светлые Гелиады; создание чудесных автоматов (ср. автоматы Гефеста — «Илиада», XVIII, 418 — и Дедала) приписывалось обычно первым, но Пиндар из благочестия предпочитает приписывать их вторым (чтобы оно было «безобманно», ст. 53).
- ⁶⁴ *Доле* — Лахесе, одной из мойр (Долей), богине жребия.
- ⁸³ *Аргосская медь* — щит, награда на состязаниях в честь Геры; *выделки* (треножки) были наградою в аркадском Ликее, чаши — в Фивах на играх в честь Иолая. Далее перечисляются другие местные состязания.
- ⁸⁶ ...каменная *скрижаль*... — на ней вырезались имена победителей.
- ⁸⁷ *Атабирый* — гора на Родосе.
- ⁹² *Каллианактовы севы* — этот предок Диагора ближе неизвестен.

⁹⁵ Традиционный мотив здесь звучит как отклик на начинавшися междоусобные раздоры: Родос был членом Афинского союза, Афины поддерживали в нем демократию против Эратидов; вскоре после этой оды сын Диагора Дорией (тоже победитель четырех игр) должен был бежать с Родоса — впоследствии он погиб, воюя против Афин. Дальнейшая судьба Диагора неизвестна.

8. <«Эак»> Алкимедонту Эгинскому, 460 г.

Ода писана, когда Эгина стояла на пороге роковой войны с Афинами, поэтому прославление Мелесия, тренера из знатного афинского рода (ср. Нем. 4 и 6), обставлено оговорками. Композиция симметричная, центральный миф об Эаке и змеях (по схолиасту, до Пиндара он в литературе не встречался) развернут слабо; он введен потому, что род Бленсиадов возводил себя к Эаку и через него к Зевсу (ст. 16).

¹ Ты, Олимпия — олицетворенная Олимпия (дочь Аркада, жена Писа) изображалась на монетах, но у писателей более нигде не упоминается.

³ Вещатели — Иамиды (ср. примеч. к Ол. 6); разумеется, их предсказания бывали определены, только когда шансы атлета казались бесспорными.

¹⁶ Зевсу — Родителю — каждый человек при рождении получал от судьбы божество-покровителя, и счастлив тот (говорит Пиндар), у кого этот покровитель — Зевс.

²¹ ...спасительная Правда... — имеется в виду организация суда, важная в таком торговом городе, как Эгина, отсюда и содержание следующих строк. Не случайно, что Эак, герой дальнейшего мифа, стал символом праведного судьи.

Пасть Пергаму...первых и четвертых. — Пали змеи, выплывшие против участков стен, воздвигнутых богами, устоял змей против стены, воздвигнутой Эаком; это и было знамением. «Первые» потомки Эака — Пелей и Теламон, взявшие Троя при Лаомедонте, «четвертый» (считая Эака) — Неоптолем, убивший Приама. По другому схолиасту, павшие

змеи — это закиды Ахилл и Аянт, а победоносный — Неоптолем.

⁴⁷ *К Истру...* — Истр (Дунай в стране гипербореев, см. Пиф. 10) и *Ксанф* (в Ликии) — места, посвященные Аполлону, земля *амазонок* — на востоке Малой Азии.

⁵¹ *В Эаков край...* — на Эгину.

⁶⁵ *Тридцатую победу* — т. е. ученики Мелесия одержали уже 30 побед, отсюда — «юбилейное» внимание заслугам тренера (Медгер).

⁶⁸ *Четверо...* — Алкимедонт боролся «эфедром», нечетным бойцом, по жребию вступавший в состязание не с первого круга схваток, а с одного из следующих и поэтому имевший возможность экономить силы; возможны разные комбинации, при которых эфедр борется с четырьмя.

⁸¹ *Ифион* — отец Алкимедонта, *Каллимах* — по-видимому, его дядя; оба они уже умерли, но дед его (ст. 70) еще был жив.

9. «Потоп» Эфармосту Опунтскому, 466 г.

Эфармост из глухой Локриды Опунтской, как и Диагор, был победителем всех четырех игр; его олимпийская победа относится к 468 г., но Пиндар опоздал со своей песней и сложил ее уже после того, как в 466 г. Эфармост одержал еще одну победу на Пифийских играх (ст. 10 «к Пифону», ст. 17 «при Касталии»). Заказчиком песни был, по-видимому, родственник Эфармоста Лампромах, опунтский проксен («гостеприимец») фиванцев, тоже атлет. Композиция симметричная, с тремя мифами в центре: о Геракле, о потопе и о Патрокле (первый связан с хвалой герою — или поэту?, — второй — городу и предкам, третий — другу — Лампромаху).

¹ *Архилохова песнь...* — если для атлета-победителя ко времени заключительного шествия не была еще сочинена особая победная песня, то ему цели сочиненный когда-то Архилохом короткий гимн Гераклу со звукоподражательным припевом: «тенелла, тенелла, слава победителю!»

- ¹⁵ *Матери Правды и дочери Благозаконности...* — генеалогия по Гесиоду, «Феогония», 901. «Благозаконность» была лозунгом аристократии, «равнозаконность» — демократии.
- ²⁰ *Мог ли Геракл...* — контаминация мифов о походе Геракла против пилосского Нелея, сына Посидона («Илиада», XI, 690; Аполлодор, II, 7, 3; ср. ниже, фр. 171), о споре Геракла с Аполлоном за дельфийский треножник (Аполлодор, II, 6,2; до Пиндара — только в изображениях на вазах, но не у поэтов) и о спуске Геракла в аид. Перевод по толкованию Фарнелла; другие понимают это место: «да, Геракл бился с тремя богами, но за него был четвертый бог — Зевс».
- ⁴¹ *Город Протогении*, дочери Девкалиона и Пирры — Опунт, близ которого показывали гробницу Пирры (Страбон, IX, 4, 2). Это — первое в греческой литературе изложение всемирно распространенного мифа о потопе; по греческому его варианту, Девкалион и Пирра, спасшиеся на Парнасе, после потопа создали новое людское племя из камней (этимологизация: λαοί «люди», λίθες «камни», ст. 46). Последовательность поколений, по Пиндару, такова: Девкалион — Протогения — Опунт (I) — Локр и безымянная возлюбленная Зевса (Плутарх, «Греческие вопросы», 15, называет ее Кафией, схолиаст к Пиндару — Протогенней II) — Опунт (II), воспитанник Локра.
- ⁴⁸ *...старое вино и новые песни* — гомеровская мысль («Одиссея», I, 351 «...а людям меж песен приятней Та, которая новой слывет между теми, кто слышит»; причем у Гомера имеется в виду песня о падении Трои как о недавнем событии). Схолиаст уверяет, что у Пиндара это отклик на колкость в песне Симонида (фр. 75 Бергк):

Как по новому вину
Видно, что оно не из давних лоз,
Так и новое сказанье — пустомысленно.

Опунтские мифы, действительно, пересказывались в поэзии редко.

- ⁵⁵ *Япетов сын* — Девкалион, лучший из Кроновых сынов — Зевс, отец Опунта II.
- ⁶⁴ *...по отцу его матери* — греческий обычай называть внука по деду, здесь — Опунта II по Опунту I.
- ⁷⁰ *...на Тевфрантских полях* — в битве с Телефом Мисийским, при первом плавании к Трое. *Менетий*, отец Патрокла, тоже был местным опунтским героем.
- ⁸⁴ *...двое одолели...* — на Истмийских играх Лампромах и Эфармоств одержали когда-то в один день победы в разных состязаниях. Далее перечисляются Немейские игры и семь местных игр.
- ⁸⁰ *...о серебре...* — на Марафонских играх в честь Геракла наградой была серебряная чаша.
- ⁸⁷ *Целенье от ... ветра...* — на зимних Пелленских играх в честь Гермеса наградой был шерстяной плащ.
- ⁸⁸ *Иолаев курган...* — игры в честь Иолая — в Фивах (Истм. 1, 16), в честь Деметры — в Элевсине (Ол. 13, 110).

10. <«Первая Олимпиада» Агесидаму из Локров
Эпизефирских, около 474 г.

Пиндар долго заставил себя ждать с обещанной песней, поэтому начальная и конечная ее часть заняты, главным образом, самооправданием (поздняя песня дорога человеку, как поздний сын отцу, и т. д.). К центральному мифу о повторном, после Пелопа, учреждении Олимпийских игр Гераклом — ср. Павсаний, V, 7—8. Сухой перечень малознаменитых победителей указывает на использование какого-то исторического или документального источника.

- ¹⁰ *...каменя...* — ассоциация с камешками, которыми пользовались для расчета и для суда.
- ¹⁵ *Кикн* — сын Ареса, покровителя Локров, помогавшего ему в бою (не путать с Кикном, сыном Посидона, упоминаемым в Ол. 2,90 и Истм. 5,39); Геракл с ним бился на своем пути за золотыми яблоками, но Зевс разнял их брошенной молнией (Аполлодор, II, 5, 11, вариант II, 7, 7), — эту лестную для Кик-

- па версию обработал в свое время Стесихор, писавший для локрийцев.
- ²⁰ ...своего *Ила...* — по предположению схолиастов, Агесидам почти уже проиграл бой, но его криком ободрил Ил, его тренер. Роль тренера при атлете сравнивается с ролью Ахилла, дающего советы выходящему на бой Патроклу в «Илиаде», XVI, 39 сл.
- ²² *Зевсовы заветы* — уставы Олимпийских игр.
- ²⁶ *Ктеат и Еврит* — сыновья Посидона и Молиопы, жены Актора, союзники эпейского (элидского) царя Авгия («Илиада», XI, 709), напавшие на Геракла, когда тот шел воевать с Авгием, отказавшим ему в награде за очистку стойл. Миф рационализирован — Геракл выступает не как единоборец, а как предводитель войска (ср. упреки античных ученых поэтам у Афиня, XII, 512e); ср. далее ручательство в исторической истинности предлагаемого отчета о состязаниях (ст. 55—59).
- ⁴⁶⁻⁴⁸ *Альтис* — название священного участка в Олимпии; *Алфею*, как сказано, был посвящен один из 12 алтарей высших богов, что для местного речного бога было редкой честью.
- ⁵⁰ ...при *Эномае* — т. е. при первом учреждении игр Пелопом.
- ⁵⁹ *Пятилетиям торжеств* — см. прим. к Ол. 3, 21,
- ⁶² *Силой рук...* — в древней научной традиции считалось, что первая Олимпиада с бегом на стадий была устроена в 776 г., борьба вошла в программу с 708, кулачный бой с 688, колесничный бег с 680 г. (Павсаний, V, 8, 6—7), но Пиндар возводит все это к мифическим временам.
- ⁶⁴ *Ликимний* — брат Алкмены, упоминаемый в Ол. 7 (*Мидея* здесь — городок в Арголиде); *Эхем* — будущий убийца Гилла в схватке при переселении Гераклидов в Пелопоннес (Павсаний, VIII, 5, 1); остальные ближе неизвестны.
- ⁷¹ ...*камнем...* — вместо позднейшего бронзового диска.
- ⁷⁸ *Древнему следуя почину...* — ср. Нем. 2,1 и прим.; *Зевс (Дий)* назван здесь как бог победы.

⁸⁵ ...над славной Диркеей — т. е. в Пиндаровых Фивах.

⁸⁶ ...в изнанке его детства — в старости.

11. *Агесидаму из Локроз Элизифурских, 476 г.*

Короткая, паспех сочиненная песня: Пиндар в 476 г. был отвлечен сицилийскими заказами. Запоздалым выполнением данного обещания является предыдущая песня.

12. *«Удача» Эрготелу Гимерскому, 470 г.*

Эрготел — один из дорийских эмигрантов, в поисках счастья стекавших в Сицилию в конце VI — начале V в. Изгнанный из критского Кносса, он поселился в Гимере, заново организованной в это время Фероном и пережившей за немного лет две тираннии и несколько мятежей (отсюда тема изменчивой Удачи). Пиндар утешает его, что, оставшись в Кноссе, он не стяжал бы своих атлетических побед. Олимпийская победа Эрготела — 472 г., вторая пифийская (ст. 18) — 470 г., отсюда датировка; потом он одержал еще одну олимпийскую (468 г.) и две немейских победы — статую его с этим перечнем видел в Олимпии еще Павсаний, VI, 4, 7.

¹⁴ *Боевой петух* изображался на монетах Гимеры. Это первое в греческой литературе упоминание о петушиных боях, входивших в моду именно в это время (в Афинах — при Фемистокле: Элиан, «Пестрые рассказы», II, 29).

¹⁸ ...горячие заводи нимф... — теплые источники в Гимере, пробитые, по мифу, для Геракла после его Гериопова подвига, существуют до сих пор.

13. *«Беллерофонт»
Ксенофонту Коринфскому, 464 г.*

Двойная победа на олимпийских состязаниях была событием исключительным; Афиней (XIII, 32) сообщает, что за эту победу Ксенофонт по обету посвятил Аф-

родите целую партию гетер-иеродул, и Пиндар воспел это в энкомии (фр. 122). Симметричная композиция с четким триадическим членением; миф о Беллерофонте в 3—4 триадах — самое раннее свидетельство о сногадании в Греции. — Сквозная тема оды — изобретательность коринфян.

- ¹ *Трижды победный...* — две победы Ксенофонта и одна — его отца Фессала (ст. 35).
- ⁶ *Благозаконность* ... (см. прим. к Ол. 9, 15) — перечисляются три Оры (Евномия, Эйрена и Дика; последняя, в свою очередь — мать Гесихии — Тилины, см. Пиф. 8,1), дочери Фемиды-Справедливости; общая их статуя стояла в Олимпии (Павсаний, V, 17, 1). Может быть, стих «Опека людского добра...» подал идею известной статуи Кефисодота (IV в.), изображающей Эйрену-Мир с Плутосом-Богатством на руках.
- ¹⁰ *...Спесь...родительницу Пресыщения* — такая же генеалогия в оракуле, цитируемом Геродотом, VIII, 77, обычно же — наоборот (Солон, фр. 6, Феогнид, 153).
- ¹⁴ *Алет* — потомок Геракла, завоевавший Коринф при дорийском переселении, изгнав оттуда потомков Сизифа.
- ¹⁹ *Дифирамб* — имеется в виду деятельность Ариона при дворе Периандра Коринфского (впрочем, во фр. 71 открытие дифирамба приписано Фивам, а во фр. 115 Наксосу, т. е. местам рождения и свадьбы Диониса); *бычья гоньба* — неясна (процессия к жертвеннику?)
- ²⁰ *Конской узде...* — имеется в виду Беллерофонт. Храм Афины Уздательницы находился в Коринфе (Павсаний, II, 4, 5).
- ²¹ *Пернатого царя* — акротерий над обоими фронтонами, по-гречески *ἀετός* «орел»; что коринфяне первые начали украшать фронтоны скульптурами, упоминает Плиний (XXV, 43).
- ³⁷ *Под той же луной...* — т. е. в один месяц Фессал одержал двойную победу на Пифийских и тройную на Панафинейских играх; *быстроногий день* — день состязаний в беге.

- ⁴⁰ У Геллотии — праздник Афины-Геллотии («Приобретательницы», характерное имя для торгового города) в Коринфе.
- ⁴¹ ...*меж двух морей* — на Истмийских играх; *Птеодор* — дед Ксенофонта, отец Фессала; *Эритим* и *Терпсий* — по-видимому, братья Фессала (или, по схолиям — Терпсий брат, а Эритим племянник).
- ⁴³ ...*на львином лугу*... — в Немее.
- ⁴⁹ *В общем море на необщем челне* — т. е. «прославляя Коринф через прославление Ксенофонта» (Гильдерслив).
- ⁵²⁻⁵⁹ *Сизифом...Медеей...с двух сторон*... — любопытно, что все три примера подобраны такие, которые могли бы быть истолкованы и не к чести Коринфа. Впрочем, миф о Медее-детоубийце оформился позже; в Коринфе она чтилась как отвратительница болезней. У *дарданских стен* на стороне греков сражался коринфянин Евхенор («Илиада», XIII, 663 сл.), на стороне троянцев — внук коринфянина Беллерофонта (у Пиндара он неточно назван сыном) Главк.
- ⁶¹ *Величаясь*... — описывается встреча Главка с Диомедом в «Илиаде», VI, 119—236, при которой Главк и рассказывает Диомеду нижеследующую историю Беллерофонта. *Пирена* — источник в Коринфе.
- ³⁹ *Отец-Укротитель* — Посидон, как «небесный отец» Беллерофонта (и Фесея, ср. Вакхилид, 17) и покровитель конного спорта; но быки («*крепконогие жертвы*», ст. 80) обычно приносились ему в жертву черны.
- ⁷⁴ *Пророк Керанид* — Полиид, сын Керана, потомок Мелампа.
- ⁸³ *Афина-Всадница* — культ в Олимпии, аналогичный культу Афины-Уздательницы в Коринфе.
- ⁸⁸ *Сыпал он стрелы*... — победа над ратницами-амазонками, ликийскими дикарями Солимами и чудовищем Химерой — три подвига Беллерофонта, перечисляемые в «Илиаде», VI, 179—186.
- ⁹¹ *Смолкаю*... — ради коринфского самолюбия; см. подробнее Истм. 7, 44—46.
- ⁹⁹ ...*с двух сторон* — от Истма и от Немей.
- ¹⁰⁶ *Шесть побед*... — этот перечень 12 состязаний в раз-

ных местах Греции близко напоминает аналогичный в Ол. 7, 83 сл. (ода, написанная в том же году).
 109 *Затворенная роща Эакидов* — на Эгипе.

14. «Хариты» Асопиху Орхоменскому, 488 г.

Маленькая ода нетриадического строения, одно из ранних произведений Пиндара. Орхомен был древнейшим в Греции центром почитания Харит, богинь жизненной силы, а потом — радости и славы (Павсаний, IX, 35; имена их, означающие «Благомыслящая», «Цветущая» и «Сияющая» — известны были и другие, установились у Гесиода, «Феогония», 907 сл.). Пиндар предпочитает призывать в одах не Муз, а Харит, потому что они покровительствуют не только песне, но и музыке и пляске, объединяемым лирикой.

11 *Близ...Аполлона Пифийского* — ср. известие Павсания (IX, 35, 3) и псевдо-Плутарха («О музыке») о древней делосской статуе Аполлона, держащего на ладони трех Харит с лирой, флейтой и свирелью в руках.

ПИФИЙСКИЕ ПЕСНИ

Пифийские состязания справлялись в Дельфах при храме Аполлона, который был важнейшим религиозным центром Греции. В древнейшие времена это было место, посвященное подземным, «хтоическим» богествам; считалось, что Аполлон здесь убил змея Пифона, рожденного Землей, а потом, примирившись с Землей, учредил здесь прорицалище (также называемое «Пифон») и памятные игры (ср. фр. 55). За власть над этим местом шла долгая борьба между окрестными общинами; наконец, в начале VI в. Дельфы были взяты под совместный контроль «амфиктионией» — религиозным объединением 12 греческих племен, и с 582 г. до н. э. празднование Пифийских игр становится регулярным. Игры справлялись каждый четвертый год (через два года после каждых очередных олимпийских игр),

приблизительно в августе месяце, в обстановке священного перемирия. Дельфы находились на крутом южном склоне горы Парнас, посвященной Аполлону, где бил священный источник Касталия; здесь стоял храм Аполлона, окруженный «сокровищницами» с приношениями богу от различных городов; храм, стоявший при Пиндаре, был построен после пожара 548 г. за счет афинских Алкмеонидов (Пиф. 7), а о более древних храмах на этом месте рассказывались фантастические предания (пеан 8). Состязания устраивались ниже, у подножья Парнаса, в долине, где стоял городок Хриса (говоря о Пифийских состязаниях, Пиндар обычно выражается «у Пифона», «у Касталии» или «в долине Хрисы»). Игры продолжались несколько дней, приблизительно по той же программе, что и в Олимпии; но, кроме обычных спортивных состязаний, в круг их входили и музыкальные состязания, посвященные Аполлону, — на кифаре и флейте. Наградой победителю был венок из листьев лавра — священного дерева Аполлона.

1. <«Этна»> Гиерону Этнейскому, 470 г.

Около 474 г. Гиерон, чтобы упрочить однородность созданной им державы, выселил обитателей прибрежных ионийских городов Накса и Катаны у подножья Этны в глубь Сицилии, а опустевшую Катану, стратегически важный порт к северу от Сиракуз, заново заселил дорийскими поселенцами и организовал как новый город под названием «Этна». Правителем города был назначен молодой Диномен, сын Гиерона, под опекой его полководца Хромия (адресата од Нем. 1 и 9). Чтобы придать вес новому городу, Гиерон приказал в 470 г. на Пифийских играх после своей победы объявить о себе не как о «Гиероне Сиракузском», а как о «Гиероне Этнейском». Этой победе и посвящена ода Пиндара; ей же посвятил маленькую оду 4 Вакхилид. Гиерон прославляется как усмиритель варварства и утвердитель порядка и гармонии; отсюда вступительные образы оды — лира как символ гармонии и Тифон под Этной как символ хаоса. Этна в начале 470-х гг. после долгого перерыва вновь начала проявлять вул-

канническую деятельность и была предметом живого внимания в Греции. В остальной части оды обычных мифологических мотивов нет, чередуются лишь похвалы новому городу, Гиерону и Диномуену.

- ⁶ *Орел*, посвященный Зевсу, — традиционный образ греческой мифологии; но на скипетре Зевса он впервые появляется только здесь и, несколько позднее, на статуе Фидия.
- ¹⁵ *Тифон* — рассказ о нем восходит к Гесиоду, «Феогония», 820—869; ср. фр. 91—93, где Пиндар возвращается к этой теме.
- ¹⁶ *Киликийской...пропастью* — у Гомера «ложем Тифона» названа загадочная земля «Аримов»; в историческое время ее по созвучию с названием «арамей» отождествляли с Киликией или Сирией.
- ¹⁷ *...Сицилия и холмы над Кумами* — т. е. Тифон простерт под землей от Этны до Везувия.
- ^{20, 27} *Снежная Этна...в черной листве* — не «вечпо снежная», а «где в любое время года может идти снег»; гора Этна поросла сосновыми и лиственничными лесами.
- ³³ *Плавателю...* — т. е. пифийская победа подобна попутному ветру для новооснованного города.
- ⁴⁶ *...от муки...* — по объяснению схолиастов, Гиерон страдал камнями в почках; отсюда сравнение его с большим Филоктетом («сыном Пеанты», ст. 53), последником Геракла лука, без которого греки не могли взять Трою. В Сиракузах стояла статуя хромого Филоктета работы знаменитого Пифагора Регийского.
- ⁵⁰ *Шел он на битву...* — о какой войне идет речь, ясно (против этрусков в 474 г.? против Фрасидея Акрагантского, наследника Ферона, в 472 г.), но несомненно и воспоминание о посольстве афинян и спартанцев к Гиерону в 480 г, с просьбой о помощи против Ксеркса.
- ⁶¹⁻⁻⁶⁴ *Гераклидами...Эгимия* — образцом при новоосновании Этны была Спарта с ее филами Памфилов, Гиллеев и Димафов и с ее культом Диоскуров; от Пинда к Амиклам — путь переселения дорян (Амиклы упомянуты едва ли не ради Эгидов, возможных предков Пиндара); Эгимий — царь Дориды, союз-

- ник Гераклидов, отец Памфила и Димапа, усыновивший Гераклида Гилла.
- ⁶⁸ *Амен* — река близ Эты.
- ⁷¹ *И финикиец, и тирренский клич...* — победы над карфагенянами при Гимере в 480 и над этрусками при Кумах в 474 гг. Олицетворение боевого клича у Пиндара — также в фр. 78.
- ⁷⁷ *Битва перед Кифероном* — победа при Платее над персами в 479 г, под начальством Павсания Спартанского.
- ⁷⁹ *Сыны Диномена* (Старшего) — Гелон (победитель при Гимере), Гиерон (адресат оды) и Полизал.
- ⁸⁵ *Хорошего держись...* — неясно, обращены ли заключительные поучения оды к Гиерону или (скорее) к молодому Диномену.
- ^{94—96} *Крез*, царь эллинизированной Лидии (560—546) и *Фаларид*, (570—554) тиранн Акраганта, низвергнутый прапрадедом Ферона, — недавние, но уже ставшие нарицательными образцы хорошего и дурного владыки: Крез был популярен в Греции как читатель Аполлона (ср. Вакхилид, 3), Фаларид — одиозен из-за своей попытки ввести по финикийскому образцу человеческие жертвоприношения (через сожжение в медной статуе быка).

2. <«Иксион»> Гиерону Сиракузскому

Одна из самых загадочных Пиндаровых од. Собственно, это не эпипник, а сопроводительное послание при эпипнике на какую-то конную победу Гиерона («Касторова песня эолийских струн», обещаемая в ст. 69) — может быть, при Пиф. 1 (однако она — не на эолийский, а на дорийский, дактило-эпитритический панев; может быть, поэт переменил замысел?). Уже в античности высказывались предположения, что в число «Пифийских» эта ода попала по недоразумению (Каллимах); в таком случае, победа Гиерона могла быть одержана и на меньших, местных играх (в Сиракузах? в Фивах?). Баура полагает, что ода написана после того, как Гиерон одержал олимпийскую победу 468 г., но эпипник заказал не Пиндару, а Вакхилиду. Главную часть оды (триады 1—3) составляет панегирик обычного трехчаст-

ного строения, а заключительную (триада 4) — энергичная самозащита против неизвестных завистников и обманщиков, клеветующих на него перед Гиероном — «Радаманфом». Имеются ли здесь в виду соперники-поэты (Вакхилид как подражатель — «обезьяна») или придворные интриганы (Гиерон славился организованным штатом тайных соглядатаев — Аристотель, «Политика», V, 11), — сказать невозможно. С этой же темой перекликается и центральный миф о вероломстве и наказании Иксиона.

¹ *Многоградные Сиракузы* — имеются в виду пять частей Сиракуз: остров Ортигия, город Ахрадина и предместья Тиха, Неаполь и Эпиполы.

⁶ *...речной Артемиды...* — Алфейской, почитавшейся у двух Алфеев по обеим сторонам Ионийского моря (см. прим. к Нем. 1, 2). На Ортигии, где стоял ее храм, находился конный двор Гиерона.

¹² *Бога с трезубцем* — Посидона, покровителя конного спорта.

¹⁵ *Кинир* — богоугодный царь-жрец кипрских мифов, названный в противоположность печестивому Иксиону (ср. упоминание Креза и Фаларида в Пиф. 1, 94—96).

¹⁵ *Локры* — город на южной оконечности Италии, северный аванпост владений Гиерона; Гиерон утвердился здесь около 477 г., отбив город у своего соперника, тирана Анаксилая Регийского.

²¹ *Иксион* убил своего тестя Демонея, был очищен Зевсом, но ответил ему неблагодарностью. Это одно из первых упоминаний о нем в литературе: среди загробных страдальцев в XI книге «Одиссеи» его нет. Трагедия Эсхила о нем не сохранилась.

²⁵ *...при благосклонных Кронидах...* — при Зевсе и Гере.

³⁴ *Но всякая мера — по мерцику!* — вариант популярного изречения Питтака, одного из «семи мудрецов»: «берись за то, что по плечу!» (схоли к Эсхилу, «Прометей», 879; ср. эпиграмму Каллимаха в «Палатинской антологии», VII, 89).

⁴⁰ *...четыре спицы...* — казнь Иксиона символична: он распят на колесе, как приворотная птица-верти-

- пейка при любовном чародействе (см. прим. к Пиф. 4, 214).
- ⁴⁴ *Кентавром* — Пиндар различает гиппокентавров (тех, кого обычно называют кентаврами) и их отца, чудовище Кентавра.
- ⁴⁹ *Бог...* — судьба Иксиона показывает, что нет на свете прочного счастья, и поэтому люди не должны друг другу завидовать.
- ⁵⁴ *Издали знаю...* — Архилох жил почти за два века до Пиндара; «злослычие» и описание своих бедствий представлялось древним главным содержанием его стихов.
- ⁷² *Обезьяна*, а затем *лиса* (ст. 77), *виляющая собака* (ст. 82), *волк* (ст. 85), *упирающийся осел* (ст. 95) — неожиданный для Пиндара набор иносказаний басенного происхождения, которыми он изображает своих врагов и себя.
- ⁸⁷ *Пред царем...* — это одна из первых в греческой литературе формулировок трех видов правления — монархического, аристократического и демократического.

3. <«Асклепий»> Гиерону Сиракузскому,
474 г. (?)

Дата — после основания Этны (ст. 69), но, по-видимому, до Пифийской победы 470 г. В сборник Пифийских од стихотворение включено только из-за упоминания Гиеронова коня Ференика, победителя на Пифийских скачках. В действительности это вообще не эпиникий, а послание к Гиерону с утешением в болезни. Вступительный миф о Корониде и Асклепии задает такую же предостерегающую ноту, как миф об Иксионе в предыдущей оде. Поэт противопоставляет мнимое бессмертие от врача и подлинное бессмертие от поэта.

- ¹ *Хирон* — этот кентавр (в отличие от других — символ не стихийного буйства, а стихийной мудрости) упоминается как врачеватель уже в «Илиаде», IV, 219 и XI, 832, окончательно же его образ сложился в поэме (несохранившейся) «Заветы Хирона», приписывавшейся Гесподу, земляку Пиндара.

- ...дочь ...Флегия — фессалийская царевна Коронида, погибшая за то, что она вышла замуж за смертного аркадца Исхия, не успев родить Аполлону зачатого от него сына (ср. иное отношение к этой теме в мифах о двух близнецах от бога и от смертного — например, Геракле и Ификле, Поллуксе и Касторе, см. Нем. 10, 80—81).
- ²⁸ *Локсий* («вещающий иносказательно») — прозвище Аполлона. *Внял вернейшему из общников...* — сюжет Пиндара взят из поэмы «Эои» (каталог героинь, приписывавшийся Гесиоду), но у Гесиода (фр. 123) Аполлону сообщает об этом ворон, Пиндар же благоговейно подчеркивает собственное всеведение бога.
- ³³ ...*единокровную сестру свою...* — Артемида считалась виновницей внезапной смерти женщин, Аполлон — мужчин. *Лакерия* — город, *Бебиада* — озеро в фессалийской Магнесии.
- ⁵⁷ ...*меж этим и тем...* — между Асклепием и исцеленным им героем (по разным версиям, это был Ипполит, Капаней и т. п. — мифографы перечисляют до 10 вариантов).
...*по Фебу или по Фебову отцу...* — т. е. или Асклепия, сына Аполлона, или самого Аполлона-Пеана, сына Зевса.
- ⁶⁹ *Аретуса* — священный источник близ Сиракуз, о котором см. прим. к Нем. 1,1.
- ⁷⁴ *Кирра* — дельфийский порт, обычно упоминаемый Пиндаром метонимически вместо Дельф. *Ференик* — см. прим. к Ол. I, 69.
- ⁷⁹ *К Матери... у моего порога* — античные биографы и схоластики подтверждают, что Пиндар поставил близ своего дома святилище Великой Матери (ср. фр. 95): «Однажды в горах Пиндар давал урок флейтисту Олимпику, который сочинял песню, как вдруг они увидели, что с неба падает большой огненный камень; и Пиндар, увидев, догадался, что это к ногам их упал каменный образ Матери Богов. После этого он воздвиг перед своим домом изваяние Матери Богов и Пана. А когда горожане послали вопросить бога об этом знамении, тот повелел им воздвигнуть кумир Матери Богов, и тогда-то они, изу-

- мившись, что Пиндар словно заранее знал об этом вещании, стали сами приносить перед нею жертвы».
- ⁸¹ ...древнее слово... — схолиасты ссылаются на «Илиаду», XXIV, 527—532: «Две глубокие урны лежат перед прахом Зевса, Полны даров — счастливых одна и несчастных другая...» и т. д. (пер. Н. И. Гнедича).
- ⁹⁰ ...на кручах — на горе Пеллоне Пелей брал в жены Фетиду, родившую ему Ахилла, а в Фивах — Кадм Гармонию (дочь Афродиты и Ареса, т. е. тоже богиню), родившую ему четырех дочерей, см. Ол. 2, 25.
- ⁹⁹ Фиона — другое имя Семелы, дочери Кадма.

4. <«Аргонавты»> Аркесилаю Киренскому, 462 г.

Аркесилай IV, последний наследственный царь Кирены, пришел к власти незадолго до написания этой оды; при воцарении его возникли смуты, подробности которых не вполне ясны, и вождь оппозиции Дамофил должен был бежать в Грецию, где Пиндар принял его в Фивах. В 462 г. колесница Аркесилая одержала победу в Пифийских состязаниях, и шуриин царя Каррот (представлявший его в Греции) заказал победную песню Пиндару; поэт воспользовался этим, чтобы выступить в роли примирителя. В реальном плане мотив заключения дружбы выступает лишь в конце оды; в мифологическом плане он выдвинут в начало оды, где дружбу заключают ливийский бог Тритон-Еврипил и греческий предок царя Аркесилая Евфам, и в середине оды, где этому отвечает величавое доброжелательство традиционных врагов — Ясона и Пелия. Соответственно этому вся эпическая часть оды строится на теме возврата — Ясона в Иолк, Фрикса на родину, аргонавтов в Грецию, Евфамидов в Ливию.

³ ...пифийской скале... — «нуп земли», камень, чтимый в Дельфах; Зевс послал двух орлов с двух краев земли, и они встретились над этим местом, показав, что здесь центр земного круга (ср. фр. 54).

⁶ Батт — первооснователь греческих колоний в Киренаике ок. 630 г. до н. э., первый царь династии Баттиадов, к которой принадлежал Аркесилай;

- подробнее о нем см. Пиф. 5. Он считался «в семнадцатом колене» (ст. 9) потомком аргонавта Евфама: 17 поколений (из обычного расчета 3 поколения на столетие) как раз заполняют промежуток между 630 г. и 1200 г. (легендарная датировка плавания аргонавтов — «за одно поколение до троянской войны»). *Священный остров* Батта (ст. 7) — Фера; см. прим. к ст. 22.
- ¹¹ *Дочь Эпафа*, сына Зевса и Ио, основателя Мемфиса — Ливия, олицетворение Африки.
- ¹⁵ *Корень городов* — Кирена. Была метрополией четырех других городов ливийского Пятиградья: Аполлонии, Геспериды, Тевхиры и Барки.
- ²² *Бог в смертном образе* — Тритон, бог этих мест, явившийся в образе Еврипила, сына Посидона (и, стало быть, брата Евфама). По Пиндару, на обратном пути из Колхиды греки плыли на юг по круговому Океану, а потом 12 дней несли на себе корабль через пустыню, чтобы попасть в Средиземное море близ озера Тритониды в Ливии. Здесь Евфам получил в дар ком ливийской земли; но, проплывая далее на север мимо Феры, аргонавты потеряли эту землю, уронив ее в море (по Аполлонию Родосскому, IV, 1747—1756, они бросили ее в море нарочно, и она-то и стала островом Ферой); поэтому Фера стала промежуточным мостом при выселении потомков Евфама в Ливию.
- ⁴⁴ *Тенар* — южный мыс Пеллопоннеса, посвященный Посидону; считалось, что здесь находится спуск в аид, откуда Геракл вывел Кербера. Смысл фразы: тогда бы ахейцы, потомки Евфама, вытесненные дорянами из Пеллопоннеса, сразу переселились бы в Ливию.
- ⁵⁰ *От... чужеземных жен...* — лемносских женщин. По всем другим вариантам мифа, аргонавты оставались на Лемносе по пути в Колхиду, но Пиндар перемещает этот эпизод в рассказ об их обратном пути от Ливии мимо Феры к Иолку (ниже ст. 252).
- ⁵² *...подоблачных равнин* — т. е. плодородной (орошаемой дождями) Ливии.
- ⁵⁶ *„нильский Кронон* — Зевс Аммон, ср. фр. 36.

- 69-80 ...сын *Полимнеста* — Батт; он пришел к пифии («дельфийской пчеле», ср. фр. 158), чтобы спросить, как ему исцелиться от заикания, а получил предсказание об основании Кирены. В Кирене, встретясь с африканскими львами, Батт от потрясения вновь обрел дар слова. См. ниже, Пиф. 5.
- 65 ...*восьмая поросль* — т. е. Пиндар считает переселенцев на Феру четвертым, Батта семнадцатым и Аркесилая двадцать пятым поколением после Евфама. Обзор истории Баттиадов в Кирене дает Геродот в IV книге «Истории».
- 71 *Эолидов* — сыновьями Эола были: Крефей, отец Эсона и дед Ясона; Салмоней, отец Тиро и дед Пеллия; и Афамент, отец Фрикса и Геллы.
- 74 *Пуп матери-Земли* — Дельфы.
- 77 *Будь он свой, будь он чужой.* — Ясон одновременно и «свой» и «чужой» согражданам, он принадлежит и миру дикой природы, и миру людской культуры: на нем две одежды, он обут на одну только ногу, а наставник его — кентавр Хирон.
- 89-92 Богоборцы *От* и *Эфиальт* (см. фр. 162—163), чтившиеся как герои на Наксосе, и посягнувший на Латону *Титий* упоминаются рядом уже в «Одиссее», XI, 580.
- 103 *Харикло* — жена Хирона, *Филира* — мать его, дочерей его звали Окирроя и Эпидеида (последняя — жена Эака).
- 125 ...*оба Эсоновы брата* — *Ферет* (эпоним Фер, где текла речка Гиперей) — отец Адмета, *Амифаон* Пилосский — отец Мелампа.
- 138 *Каменный* — фессалийское прозвище *Посидона*, расклевшего перед рекой Пенсеем горы для выхода к морю.
Телица — Эпарей, жена Эола (архаическая метафора).
- 160 ...*Фрикс повелел...* — грех того, что Фрикс умер на чужбине, лежал на всем его роде и должен был быть искушен подвигом: по-видимому, представлялось, что Арго должен привезти останки Фрикса, а с ними — и его душу. Схолласт указывает, что мотив веления Фрикса Пиндар вводит в сюжет впер-

вые — несомненно для того, чтобы подчеркнуть религиозный смысл подвига.

- 171 ...*встали с ним...* — из аргонавтов перечисляются только сыновья богов: Диоскуры, Геракл, два потомка Посидона (Евфам с Тенара, Периклимен из Пилоса), два сына Гермеса, Орфей (ср. фр. 139, где отцом его назван не Аполлон) и фракийские Бореады. Орфей среди аргонавтов назван у Пиндара впервые; может быть, его источником была несохранившаяся поэма «Ясоновы плавание», приписывавшаяся критскому пророку Эпимениду. Впоследствии, как известно, в орфической традиции Орфей стал едва ли не центральной фигурой мифа об аргонавтах.
- 206 ...*жертвенника* — поставленного Фриком; находка этого места и появление быков на жертвеннике были добрым знаком для дальнейшего плавания.
- 215 *Вертишейка* — птица, посвященная Афродите и служившая для любовного приворота: ее распинали на колесе с четырьмя спицами и вращали с заклинаниями (Феокрит, II).
- 219 *Зов* (Пейфо, «Убеждение») — женское божество, спутник Афродиты.
- 240 *Зеленою листвою одели его...* — «филлоболия», осыпание листьями: так чествовали победителей-атлетов.
- 253 ...*спор тел... за ткань* — состязания аргонавтов на лемносских играх, о которых см. Ол. 4, 19 сл.; наградою служил плащ.
- 258 *Каллиста* («Прекраснейшая») — древнее название Феры.
- 262 *Познай же Эдипову мудрость...* — т. е. «пойми мое ипосказание».
- 263 *Если мощному дубу...* — т. е. Дамофил и в изгнании останется крепок и благороден, как дуб крепок и в очаге и в столбе.
- 277 *Гомерово слово* — «Илиада», XV, 207: «Благо, когда возвеститель исполнен советов разумных». Песня Пиндара — «дельный вестник» правого дела Дамофила.
- 287 Двусмысленность (кто кому раб?), как в подлиннике.

- ²⁸⁸ «Горше нет...» — по-видимому, пословица; ср. Геродот, IX, 16.
- ²⁹⁰ *Зевс милует и титанов* — мотив, до Пиндара не встречающийся, но в V в., по-видимому, уже распространенный: ср. освобожденных титанов в «Прометее» Эсхила.
- ²⁹⁴ *...над истоком Аполлона* — источник Кира в Кирене упоминается киренянином Каллимахом в гимне Аполлону, 88.

5. <«Батт»> Аркесиллю Киренскому, 462 г.

Ода на ту же победу, что и предыдущая, но написанная более традиционно-просто, с трехчастным строением. Вместо мифа в центральной части рассказывается историческая легенда о колонизации Ливии Баттом (см. Пиф. 4, примеч. 6, 59, 65). Повод к исполнению оды — возврат Каррота из Греции (по-видимому, совпавший с Карнейским праздником в честь Аполлона в конце августа), откуда — столь пространная похвала Карроту, сопровождаемая даже подробностями о ходе скачек (крушение 40 колесниц было редким событием на состязаниях). Необычно подробное описание города Кирены давало повод предполагать, что Пиндар бывал там лично, но это маловероятно.

¹⁹ *После бурь...* — имеются в виду смуты при воцарении Аркесилая. — Схолиаст подтверждает, что в Кирене был храм Кастора, бога-копчика и покровителя моряков в бурю.

²⁸ *Повинная* — олицетворенное понятие *Πρόφασις*; отец ее, олицетворенный Поздний Ум, — знакомый мифологии Эпиметей, брат Прометей («Переднего Ума»). Виломовиц видит здесь отголосок стиха Ивика, ставшего пословицей (Зенобий, 2, 45):

Ни в дружбе, ни в борьбе
Не поможет Повинная винащемуся.

³⁸ *Крисейский холм* находился при въезде в долину, где происходили Пифийские состязания.

³⁹⁻⁴² *И ныне та сласть...* — Аркесилай посвятил богу свою победившую колесницу (как Гиерон это сде-

лал в Олимпии — Павсаний, VI, 9, 4); она могла быть поставлена в сокровищнице критян потому, что Батт, по некоторым версиям, был сын критской царевны (Геродот, IV, 154—155), но возле какого архаического «кумира» — неизвестно.

- ⁵⁸ ...львов... — поэтизация легенды, о которой см. прим. к Пиф. 4, 59; подробнее см. Павсаний, X, 15,6. Пиндар представляет, что Аполлон, отправляя Батта в Кирену, дал ему магическое слово против львов.
- ⁶⁹ ...отпрыски Геракла и Эгимия — доряне-Гераклиды, выступившие на завоевание Пелопоннеса с благословения пифии.
- ⁷³ Эгиды — фиванский род (Истм. 7, 13—15), участвовавший в переселении дорян, а потом (уже после Батта) в колонизации Феры и Кирены. На основании этого места считается, что Пиндар возводил к нему свою генеалогию; однако не исключено, что слова эти произносятся от лица киренского хора (ср. 78 «мы величаем...») и к поэту отношения не имеют.
- ⁸² Аитенориды — потомки троянца Антенора, друга греков, после падения Трои явившиеся в Ливию вместе с Менелаем и Еленой, и, по преданию, владевшие этими местами до прихода Батта; их именование назывался холм близ Кирены.
- ⁸⁶ Лучший из совершителей — этимологический смысл настоящего имени Батта — «Аристотель»; прозвище же «Батт» по-гречески означало «заика», а по-ливийски (будто бы) «царь». Ср. ст. 44.
- ¹²⁴ ...в Олимпии — Аркесилай, действительно, победил в Олимпии в 460 г., два года спустя, но ода была заказана им не Пиндару,

б. <«Антилох»> Ксенократу Акрагантскому,
490 г.

Одна из ранних песен Пиндара (может быть, писанная даже без заказа: заказную песню, как кажется, написал Симонид). Пиндару здесь 28 лет, и так же молод настоящий адресат песни — Фрасибул, друг Пиндара (ср. Истм. 2). По предположению комментаторов (необязательному) Фрасибул сам был возницею на состязании.

запнях, и за этот риск поэт уподобляет его Антилоху, сыну Нестора, отдавшему жизнь за своего отца (эпизод киклической «Эфиопиды», построенный по мотивам «Илиады», VIII, 80 сл.). Ферон, который в это время еще не был тиранном, упоминается лишь мимоходом в ст. 46.

¹ *Вспыхивая пашню Харит...* — этот характерный пиндаровский образ вызывает дальше образ обретаемого «клада песен» (ст. 5), а затем — дельфийских сокровищниц («многого золота Аполлоновых дубрав», ст. 9); подобные храмовые постройки могли и в самом деле служить хранилищами текста эпикников в пиндаровские «добиблиотечные» времена.

¹⁰ *Ни бурсвые ливни...* — первое появление в европейской поэзии мотива будущего Горациева «Памятника» (III, 30) и подражаний ему.

²² *...сирому без отца* — речь идет об Ахилле, отданном отцом на воспитание кентавру Хирону. Пиндар опять ссылается на «Заветы Хирона» (фр. 170 сл.: чтить, во-первых, богов, во-вторых, родителей, в-третьих, чужестранцев и странников).

7. «Афины» Мегаклу Афинскому, 486 г.

Мегакл Младший, сын Гиппократа, племянник законодателя Клисфена, был изгнан из Афин остракизмом в 487 г. во время кампании против Алкмеонидов, обвиненных после Марафона в персофильстве. Пиндар славит род Алкмеонидов (особо упоминая о том, как они во время своего прежнего изгнания отстроили дельфийский храм после пожара 548 г. — обещав поставить фасад из известняка, они поставили его из мрамора, что произвело неизгладимое впечатление на современников, ср. Геродот, V, 62), и сочувствует ему в постигших его гонениях.

¹⁴ *...та, олимпийская...* — по-видимому, победа Алкмеона, родоначальника Алкмеонидов, в 592 г.

8. <«Алкмеон»> Аристоменту Эгинскому, 446 г.

Последняя по времени из сохранившихся од; написана в обстановке только что вспыхнувшей новой войны между Афинами и Спартой, когда мятежи против Афин в Мегарах и на Евбее оживили надежды на освобождение и на Эгине. К Афинам обращены предостережения гордцам в пачале (судьба Порфириона и Тифона) и в конце оды. План симметричный, трехчастный; это единственная из эгинских од Пиндара, в которой миф посвящен не Эакидам.

¹³ *Порфирион* — один из гигантов, посягнувший на Геру и пораженный Зевсом и Аполлоном.

¹⁶ *...киликский Тифон* — см. прим. к Пиф. 1, 15—16.

³⁶ *...за братьями матери* — из этих двух дядей героя Феогнет, победитель 476 г., известен статуей, упоминаемой у Павсания (VI, 9, 1), и эпиграммой Сиμοида («Палатинская антология», XVI, 2).

³⁰ *Оикловым сыном* — Амфиарай, сын Оикла, поглощенный землей в бою Семерых против Фив, представлен зрителем подвигов своего сына Алкмеона (на щите которого было изображение вешего змея) в походе Эпигонов. Источник Пиндара — по-видимому, киклические поэмы «Эпигоны» и «Алкмеонида».

⁵⁶ *Абантовым поприщам* — Абант, сын Линкея и Гипермнестры, царь Аргоса, откуда вышел в поход Семерых Адраст и потерял под Фивами своего сына Эгиалея.

⁵⁸ *Сосед и... страж* — точный смысл неясен (может быть, Пиндар хранил свое богатство в ближайшем храме Алкмеона?). Пророчество, возвещенное Алкмеоном Пиндару (по словам поэта) на пути в Дельфы, не названо: может быть, оно относилось к победе Аристомена. Не исключено даже, что слова эти сказаны не от лица поэта, а от лица эгинского хора (так схолиаст: «при доме Аристомена было святилище Алкмеона, в нем Аристомен гадал перед выходом на состязание и одержал победу»).

⁶⁵ *...на празднествах твоих* — Дельфинии, эгинский праздник в честь Аполлона и Артемиды.

- ⁶⁸ *Опусти добротный взор...* — текст двусмыслен; возможен также перевод: «Дай мне всегда в согласии с тобой останавливать взгляд на каждом подвиге...»
- ⁸⁰ *Геры твоей земли...* — т. е. на эгипетском празднике Геры.
- ⁸¹ *На четверо тел...* — по-видимому, Аристомен бо-ролся как эфедр (ср. прим. к Ол. 8, 68).
- ⁸⁶ *Сон тени...* — и спом и тенью называется человек и у других греческих поэтов, но такое сочетание уникально.

9. «*Кирена*» *Телесикрату Киренскому, 474 г.*

Самая ранняя из трех од Пиндара, написанных для Кирены, особенно насыщенная местной ливийской тематикой: в начале — миф о браке Аполлона и нимфы Кирены, в конце — миф о браке Алексидама (предка Телесикрата) и дочери Антея, царя ливийской Ирасы, известного противника Геракла (Истм. 4, 51—55) — в Кирене он, по-видимому, почитался как древний местный герой. Первый миф опирается на гесиодические «Эои», второй на местные ливийские сказания. Композиционную середину занимает похвала Фивам: может быть, ода пелась в Фивах (о возвращении Каррота в Кирену говорится лишь в будущем времени, ст. 73—75).

- ⁷ *...третий корень* — т. е. один из трех материков.
- ¹⁴ *Третьего в роду...* — отец Кирены, царь лапифов — Гиисей, дед — Пеней, прадед — Океан.
- ⁴³ *...к притворному слову...* — рудиментарный мотив: в гесиодовском источнике, по-видимому, действительно, Аполлон не был всеведущ и спрашивал совета у Хирона. (Ср. такое же персосмысление мифа о Корониде в Пиф. 3.)
- ⁵³ *Зевсов сад* — к Зевсу Аммону в Ливию.
- ⁶⁵ *...люди с островов* — колонисты, которые придут с Батгом с острова Феры (см. Пиф. 4 и 5).
- ⁶¹ *Земля* — мать Креусы, жены Пеней и матери Гипсея; *Времена* (Оры) следят за ростом младенца (?).
- ⁶⁴⁻⁶⁵ *Агрей и Номий* — эпитеты Аполлона, *Аристей* — эпитет Зевса; под последним именем этот ливийский

- герой остался в мифологической традиции и был воспет в IV книге «Георгик» Вергилия. В Кирене он почитался особенно: считалось, что он открыл лекарственное употребление местного растения *сильфия*, ставшего главным предметом киренской торговли.
- ⁸⁰ *Иолай* — имеется в виду миф о битве афинян и омолодившегося (или воскресшего из мертвых) Иолая в защиту Гераклидов против Еврисфея; могила Иолая и Амфитриона чтилась в Фивах, и при ней справлялись игры, не раз упоминаемые Пиндаром; но почему здесь Пиндар напоминает именно этот миф, неясно: все попытки объяснить натянутый переход через ст. 78 («должное время», «должная мера» — центральное понятие греческого мировоззрения) к Фивам и Иолаю — неудовлетворительны. Схоластики полагали, что Телесикрат когда-то одержал на Иолаях свою первую (?) победу.
- ⁸³ *Гость кадмейских спартов* (т. е. потомков первых обитателей Фив, выросших из зубов дракона, посеянных Кадмом) — Амфитрион был из аргосского царского рода, но в изгнании нашел приют в Фивах.
- ⁹² *...этот город* — или Фивы (тогда Пиндар имеет в виду какие-то свои несохранившиеся эпипикии фивацким атлетам, отличившимся на местных состязаниях в Эгине и «на Нисейском склоне» в Мегарах), или Кирена (и тогда имеются в виду прежние победы Телесикрата). «Враг»-завистник — в обоих случаях фигура неясная.
- ⁹⁵ *Морской старец* — Нерей; источник сентенции неизвестен.
- ⁹⁹ *...одоления твои* — на местных киренских играх.
- ¹¹² *...для согока восьми дочерей* — из 50 Дапанд не участвовали в состязании Гипермнестра, оставшаяся за Линкеем, и Амимона, взятая Посидоном.
- ¹²³ *Сыпали листья* — обряд «филлоболии», см. прим. к Пиф. 4, 240.

10. «Персей Гиперборейский»
Гиппоклу Пелиннейскому, 498 г.

Самая ранняя из сохранившихся од Пиндара. Герой ее, Гиппокл из Пелинны (в центральной Фессалии), сын двукратного олимпийского победителя и сам впоследствии двукратный олимпийский победитель, одержал на играх 498 г. целых две победы — в беге и в двойном беге, но Пиндар упоминает только одну: вторая, вероятно, была отмечена чьей-нибудь другой одой. Заказчик оды Форак — впоследствии деятель персофильской партии в Фессалии, упоминаемый Геродотом (IX, 1 и 58). Композиция симметрична: похвала Гиппократу и отцу его — миф — похвала Гиппоклу и Фораку. Миф разработан Пиндаром впервые в известных нам памятниках: Персей воспет как общий предок фессалийских и спартанских Гераклидов, гиперборейцы — по связи их с культом Аполлона. В стране гиперборейцев, по дельфийским представлениям, Аполлон проводил зимние месяцы, и через Фессалию проходил путь, по которому периодически доставлялись на Делос приношения «от гиперборейцев» (Геродот, IV, 33). Впрочем, уже схолиастам связь мифа с композицией оды казалась натянутой.

¹³ *Дважды победный...* — т. е. в оружном беге на Олимпийских играх и в простом беге на Пифийских.

⁴⁷ *Островитянам* — на Сериф к Полидекту, посвятившему на мать Персея.

⁵⁵ *Эфирейцы* — здесь: фессалийцы (чаще — коринфяне).

⁶⁹ *Достойных братьев* — Алевадов из Ларисы: Форака, Еврипила и Фрасидея.

11. «Орест» Фрасидею Фиванскому, 474 г.

В списках пифийских победителей упоминались две победы некоего Фрасидея Фиванского; в 474 и в 454 гг., но вряд ли это было одно и то же лицо. Большинство исследователей относят эту оду к победе 474 г., но полной уверенности в этом нет. Успехи победителя и его предков на состязаниях были немногочисленны

(ст. 14), поэтому основная мысль оды — «средняя доля лучше высшей» (ст. 50—54), «лучше быть не первым в государстве (как Агамемнон), а первым в состязаниях и в дружбе (как Иолай и Диоскуры)». Мысли такого рода появляются в греческой лирике еще у Архилоха, а поколение спустя после Пиндара звучат в «Ипполите» Еврипида (ст. 1013—1020). В этой оде, однако, они казались натянутыми еще античным комментатором.

- ¹ *Дочери Кадма* — как и в Ол. 2, 24—31, из четверых здесь перечисляются только две обожествленных («белая богиня» — Левкофоя, божественное имя Ино) и к ним присоединяется Алкмена как мать обожествленного сына.
- ⁴ ...*храм* — святилище Аполлона Исмения близ Фив на месте любви Аполлона и нимфы Мелли, родившей ему Исмения и Тенера (ср. псан 9). Золотые треножники, упоминаемые Пиндаром, видел здесь еще Павсаний (IX, 10, 2—6).
- ¹⁵ ...*на тех тучных пажитях* — в долине Крисы, древнем владении фокидского царя Строфия, отца Пилада.
- ¹⁸ *Арсиноя* — имя кормилицы Ореста нетрадиционно (у Стесихора она звалась Лаодамией, у Эсхила — безымянна).
- ³² *Амиклы* — дорийский религиозный центр близ Спарты; могилу Агамемнона («сына Атрея») показывали здесь еще при Павсании. Стесихор также изобразил убийство Агамемнона случившимся в Спарте; но и предшествующий эпос (несколько упоминаний в «Одиссее») и позднейшая трагедия переносили его в Аргос.
- ³³ ...*вещую деву* — Кассандру.
- ⁴⁷ *Настигли они* — в действительности не «они», а только отец.
- ⁴⁹ *В голом беге* — в простом беге, в противоположность оружному.
- ⁵³ *Жребий самовластья противен мне...* — Виламовиц видел здесь ответ Пиндара на упреки сограждан в дружбе с тираннами Сицилии, откуда он вернулся за год до сочинения этой оды (ср. рассуждения о злоречии выше, в ст. 28—30).

⁶⁰⁻⁶⁴ *Иолай, и Касторова мощь...* — устойчивая ассоциация имен Иолая и Кастора перекликается с ассоциацией имен Ореста и Пилада в начале оды, скрепляя связь Фив и Дельф со Спартой (в Ферапнах близ Спарты было знаменитое святилище Диоскуров — Павсаний, III, 20, 1). О «переменной» посмертной доле Кастора и Полидевка см. Нем. 10.

12. «Горгона» Мидасу Акрагантскому, 490 г.

Мидас одерживал победы на музыкальных состязаниях в Дельфах в 490 и 486 гг.; так как в оде говорится только об одной, то это — первая. Музыкальный термин «многоглавый напев» (что это значит, в точности неизвестно) упоминается и псевдо-Плутархом («О музыке», 7) приписывающим его изобретение Олимпу, ученику Марсия; Пиндар предпочитает приписывать его самой Афине, изобретательнице флейты.

¹ *Богиня блеска* — олицетворение города Акраганта с его культом Афины.

¹¹⁻¹³ *...третью из сестер... породу Форка* — дочерями чудовища Форка были три Греи и три Горгоны; первых Персей ослепил, из вторых казнил Медузу.

¹⁴ *...Полидекту пир его* — знаменитый «каменный пир», на котором Персей обратил в камень Полидекта, царя Серифа, с его свитой за то, что тот домогался брака с Данаей.

²¹ *Евриала* — сестра Медузы, одна из трех Горгон.

²⁷ *...города Харит* — беотийского Орхомена (см. Ол. 14), близ которого на Кефисе рос лучший в Греции тростник для флейт; здесь, по Пиндару, и создала Афина свою флейту.

НЕМЕЙСКИЕ ПЕСНИ

Немейские состязания праздновались на лугу в узкой долине речки Немей, где проходила дорога с юга на север, ведущая из Аргоса в Сикион и Коринф. Долина была посвящена Зевсу; сохранились остатки храма

Зевса и стадиона, но они относятся к послепиндаровскому времени. Здесь, по преданию Геракл в своем первом подвиге одолел немейского льва, и некоторые сказания возводили начало игр к этому событию. Но более общепринято мнение, что основание игр относится к походу Семерых против Фив: когда войско проходило через Немейскую долину, вожди встретили здесь лемносскую царицу — пленницу Гипсинилу, кормилицу Офельта, сына местного царя; она рассказала им долгую историю своих бедствий и пошла к источнику за водою для воинов, а тем временем младенец укусила змея, и он погиб; в память о нем и устроили вожди первые Немейские игры. Этот миф упоминает Вакхилид (песнь 9), но Пиндар, кажется, к нему равнодушен. В историческое время Немейская долина принадлежала городку Клеонам, за власть над которым спорили Сикион и Аргос; в 573 г. до н. э. Клеоны освободились от господства Сикиона и по этому случаю «возобновили» древний праздник, основанный аргивянами. Благодаря аргосскому влиянию, праздник стал общегреческим, отмеченным священным перемирием; судьями были сначала клеоняне, а с 460 г. аргивяне. Справлялся он каждые два года (во второй и четвертый год олимпийского четырехлетнего цикла), приблизительно в июле; программа состязаний была та же, что на Олимпийских и Пифийских играх, но с выделением не двух, а трех возрастов (взрослые, юноши, мальчики). Наградой служил в древнейшие времена масличный венок, а при Пиндаре венок из сельдерея, который считался траурным растением. Из четырех общегреческих состязаний Немейские были в наименьшем почете, поэтому в собрании Пиндара Немейские оды первоначально занимали не третье, а четвертое место, и к концу их были приложены три «отдельные» оды (9—11) в честь победителей местных состязаний. Списки Немейских победителей не сохранились (как сохранились списки олимпийских и пифийских), поэтому точные даты большинства Немейских од неустановимы.

1. «Геракл-младенец»
Хромию Этнейскому, 476 г. (?)

Адресат оды Хромий — старый полководец Гелона и Гиерона, муж сестры последнего, впоследствии — опекун его сына Диномена в роли правителя новооснованной Этны. Ода датируется 476 г. только на основании буквального смысла строфы 2 — о личном присутствии Пиндара в Сицилии. От традиционного зачина — сперва о городе, потом о герое — Пиндар прямо переходит к мифу, за что его укоряли в несвязности еще древние комментаторы; но смысл мифа ясен — Хромий уподобляется Гераклу как смиритель враждебных сил (с не вполне ясным для нас намеком «и в малом подвиге видна великая судьба»). Композиция асимметрична: заключительной части нет (ср. Нем. 10).

¹ *Вдох державный Алфея...* — имеется в виду миф (упоминаемый еще Ивиком) о том, что элидский поток Алфей, гонясь за Аретусой, нимфой Артемиды, пересек Ионийское море и, выплыв из-под земли, достиг ее в Сицилии близ сиракузского острова Ортигии, места почитания Артемиды. «И, говорят, в Ортигии находились конюшни Гиероновы и Хромиевы», — простодушно добавляет схолиаст.

¹⁷ *С олив Олимпии* — прежде всего имеется в виду, конечно, олимпийская победа Гиерона 476 г.

⁸⁴ *...древний сказ* — до Пиндара миф о Геракле-младенце в литературе не встречается (даже, кажется, в киклической поэме Писандра о Геракле, которой часто пользовался Пиндар), но одновременно с Пиндаром встречается на аттических вазах, а после Пиндара — на славившейся картине Зевксида.

⁸⁶ *...в шафрановой пелене* — шафран, подобно пурпуру, считался цветом царей и знати (ср. о Ясоне, Пиф. 4, 232).

⁴⁰ *...царица богов* — та же версия у Феокрита, 24, следовавшего здесь Пиндару; но по Ферекиду (Аполлдор, II, 4, 8), это сам Амфитрион хотел проверить, который сын — его, который — Зевса.

⁶⁰ *...ближнего своего* — в буквальном смысле слова: дома Амфитриона и Тиресия показывали в Фивах по соседству (Павсаний, IX, 11 и 16).

- ⁶⁵ ...из людей на кривой дороге гордыни — имеются в виду Бусирис и Антей (схолиаст).
⁷⁰ ...воздаяния — любопытно, что на муки и самосожжение Геракла у Пиндара нигде намеков нет.

2. Тимодему Ахарнскому

Тимодем Ахарнский, по словам схолиаста, впоследствии одержал победу и в Олимпии, но так как в списках победителей 480—464 гг. его нет, то, по-видимому, победа была одержана раньше (484?), а немейская ода Пиндара написана еще раньше. Короткое стихотворение (не триадами, а цепью однородных строф), в котором центральная мифологическая часть сжата до двух неразвернутых образов.

- ¹ *Гомериды*... — рапсоды (буквально «спиватели», «сочленители песен»), исполнявшие поэмы Гомера, начинали свои выступления «запевом» в честь бога (необязательно Зевса); такие запевы легли в основу дошедших до нас «гомеровых гимнов».
- ¹² *Орион* — образ небесного охотника — Ориона, движущегося по небу вслед за *Плехдами* (они — «горные» как дочери Атланта, титана-горы) одновременно означает: «за немейской победой последуют другие» и «за подвигами предков последуют подвиги Тимодема». Беотийскому герою Ориону Пиндар посвятил дифирамб — см. фр. 74.
- ¹⁴ ...*возвестил Аянт* — «Илиада», VII, 189—199. Почему Тимодем выступает и как ахарнянин и как саламинянин, удивляли еще древние схолиасты; по-видимому, он был из ахарнской семьи, имевшей надел на Саламине. Пиндар пользуется этим, чтобы через Аянта связать героя со своей любимой Эгивой.
- ¹⁹⁻²³ ...*Парнаса*... — перечисляются игры: Пифийские, Истмийские, местные аттические, Немейские.

3. «Ахилл» Аристоклиду Элинскому, 475 г. (?)

Адресат оды ближе неизвестен. Песня написана не тотчас после победы Аристоклида, а позже, к ее годовщине (ст. 2 и 80). Дата определяется лишь приблизи-

тельно — по сходству отдельных выражений с сицилийскими одами 476 г. План симметричный (песня — герой — миф: предки Ахилла, юность Ахилла, зрелость Ахилла — герой — песня). Культ Аполлона Фсарийского (ст. 70) на Эгине неизвестен, но засвидетельствован Павсаннем (II, 31, 6) для противоположащего Трезена. Из 11 од, посвященных Пиндаром эгинским атлетам, шесть относятся к Немейским и три к Истмийским: видно, что эгиняне чаще преуспевали на «малых», чем на «больших» общегреческих играх, и чаще в борьбе и кулачном бою, чем в конных состязаниях, непривычных для маленького острова.

⁴ *Асон* — бог беотийской реки, считавшийся отцом нимфы острова Эгины; на Эгине реки Асон (название, нередкое в Греции) не было. Поэтому Фарнелл предлагает понимать: «здесь, пад водой Асопа» — тогда это значит, что юноши, присланные Аристоклидом за песней Пиндара, нетерпеливо ждут ее в Фивах.

¹² *Любезный труд* — т. е. труд песни ожидает юношей.

²² *Герakловы столбы* — у Пиндара (здесь, в Ол. 3, 44 и Истм. 4, 12) это понятие упоминается впервые в греческой литературе; ср. «Гадир» в Нем. 4, 69.

³³ *Копье* — знаменитое копьё, сделанное Пелею кентавром Хироном и перешедшее потом к Ахиллу, упоминается в «Илиаде», XVI, 140—144.

³⁴ *...взял он Иолк* — Пелей отбил Иолк у Акаста, сына Пелия и мужа Астидамии-Ипполиты, упоминаемой в Нем. 4 и 5; «без войск», т. е. мирно — облагораживание кровавого мифа (Аполлодор, III, 13, 7).

³⁶ *...с Иолаем* — Иолай (упомянутый ради связи эгинских мифов с фиванскими, родными Пиндару) назван метонимически вместо Геракла, чтобы не затенять Теламона великим соратником.

⁴³ *Филира* — мать Хирона. У Гомера о воспитании Ахилла у кентавра еще ничего не говорится.

⁵⁰ *Артемиды и ...Афина* — как богини охоты и войны.

⁵⁷ *Нереева дочь* — Фетида.

⁶³ *...родич Гелена* — Приам, отец Гелена, и Тифоп, отец Мемнона, были братья; но почему из Приамидов назван именно прорицатель Гелен, неясно.

⁷⁰ *Феарийскую святыню* — в Эгине при святилище Аполлона Феарийского находился гимнасий, где тренировался Аристоклид (схолиаст).

⁷⁴ *А четвертая догродетель* — намек на сентенцию Геснода (фр. 220): «Юным — дело, зрелым — совет, а старцам — молитва»; ср. позднее сложившийся канон четырех эллинских добродетелей — мужество, разумение, справедливость и (четвертая!) «здравомыслие», т. е. чувство меры.

Меда и белого молока — сладкое питье, распространенное у греков; с ним сравнивается песня, начатая запевом в честь Муз, которым возлияния вином не делались.

⁸² *...крикливые галки* — ср. Ол. 2, 88 и примеч.

⁸⁴ *...от Мегар и от Эпидавра* — места прежних побед Аристоклида.

4. «Элиды» Тимасарту Эгинскому

Адресат ближе неизвестен; по-видимому, после детских состязаний он уже не одерживал побед. Любопытно, что и отец его Тимокрит, и дальний предок Евфан, и весь род Феандридов (ст. 77) упоминаются как певцы и музыканты. Дата неизвестна и лишь условно принимается по «времени процветания Эгины»; впрочем, упоминание тренера Мелесия (ср. Ол. 8 и Нем. 6) указывает скорее на 460-е годы, чем на 470-е. Композиция трехчастная: хвала победителю (с мифологическим отступлением) — хвала его родине (через мифических ее героев) — хвала его роду.

¹² *...справедливости* — ср. Ол. 8, 26 и примеч.

¹⁷ *... в Клеонах* — т. е. на Немейских играх (см. выше, с. 435).

²⁰ *...у Амфитрионова святого кургана* — общая гробница Амфитриона и Иолая у Претовых ворот в Фивах, место празднеств (см. Пиф. 9, 80 и примеч.)

²² *Как друг к друзьям* — о союзе Фив с Эгиною (родственных по нимфам-эпонимам, дочерям Асопа) см. Истм. 7, 17; ср. Геродот, V, 80)

²⁴ *К добру Геракла* — храм Геракла в Фивах у Электричных ворот, рядом с домом Амфитриона (Пиф. 9, Павсаний, IX, 11, 1—7).

- ²⁷ ...*меропы* — жители Коса, которых Геракл сокрушил «как ударом молнии» (ср. фр. 33а); *Алкионей* — гигант, пытавшийся похитить у Геракла быков Герриона.
- ³² ...*кто действует, тот и претерпевает*.— Схолиаст заключает из этих слов, что победа далась Тимасарху не без урса.
- ³⁵ ...*праздник новолуния* — в какой эгинский праздник пелась песня Пиндара, неизвестно.
- ³⁷ ...*укрепись пред искушениями* — по-видимому, обращение к самому себе: «в своем отступлении о Геракле мы зашли слишком далеко, но выплывем, назло врагу». Враг этот, по домыслу схолиаста, — Симонид, «который любил пользоваться дальними отступлениями».
- ⁴⁶⁻⁵⁰ *Кипр, Саламин, Евксинский остров* (Черного моря), *Фтия* — Баура отмечает, что это не только мифологические, но и политические реалии: в 480—477 гг. во всех этих местах сражался эгинский флот.
- ⁴⁹ *На Евксинском блистательном острове* — схолиаст: «На Евксинском Понте есть так называемый Белый остров, на который, говорят, унесла Фетида тело Ахилла; там показывают и беговую дорожку этого героя». Остров этот отождествлялся с нын. Змеиным островом против устья Дуная; Ахилл представлялся там живущим в браке с Еленой и в соседстве с другими блаженными героями. «Владыкою Скифии» назван Ахилл уже у Алкмана.
- ⁵⁶ ...*гемонянам* — Пиндар представляет древних жителей Иолка и Фтии «пеласгами», а новых, пришедших с Пелеем, — «ахойцами» (одним из племен которых были фессалийцы-«гемоняне»).
- ⁶⁰ *Пелиев сын* — Акаст (см. Нем. 5): поверив наговорам Инполиты, но не желая нарушить неприкосновенность гостя, он похитил у него меч («Дедалос», т. е. искусной работы: кователем меча был сам Гефест) и оставил Пелеса на охоте на растерзание кентаврам.
- ⁶¹ *Огню... львам...* — превращения Фетиды, уклоняющейся от брака с Пелеем (первый намек на них — «Илиада», XVIII, 429—434).

- ⁶⁹ *Гадир* (н. Кадис за Гибралтаром) — Геркулесовы столпы.
- ⁸⁷ *Состязаясь для бога... колеблющего ...три зубца* — т. е. на Истме.
...всему свои сверстники — т. е. Евфан не воспел ни Калликла, ни Мелесия только потому, что не дожил до них.
- ⁹⁶ *Берегущий мощь* — для похвалы тренеру Пиндар использует образ борца-эфедра, со свежими силами ожидающего противника.

б. «Пелей» Пифею Эгинскому, 480-е гг.

Первая из трех песен 480-х годов, посвященных эгинскому роду атлетов Псалихидов (ср. Истм. 5—6, где упоминается и Пифей). На эту же победу Пифея написал свою 13 оду Вакхилид. Отец Пифея Лампон, может быть, тождествен с упоминаемым у Геродота, IX, 78 Лампоном, сыном Пифея, сражавшимся при Платее. Композиция — традиционная, симметричная, трехчастная.

- ¹ *Я не ваятель...* — по легенде, сообщаемой схолиастом, Пиндар потребовал за эту оду 3 тысячи драхм — цену бронзовой статуи; Пифей сперва отказался, но потом согласился, поняв, что песня принесет ему больше славы.

Потомок Зевса — Эак, *Крона* (?) — Эндейда, мать Пелея и Теламона; *Нереиды* — Псамафея, мать Фока, и потом Фетида, мать Ахилла.

- ¹⁰ *...эллинского бога* — культ Зевса Эллинского в Эгине, учрежденный после молитвы Эакидов, о которой см. прим. к пеану 6, 126.

- ¹⁴ *...сказать о страшном* — Пелей и Теламон из зависти убили своего брата Фока, после этого Пелей бежал с Эгины во Фтию, а Теламон на Саламин. Могилы Фока чтились на Эгине возле храма Эака.

- ²² *Музы на Пелионе...* — при свадьбе Пелея и Фетиды.

- ²⁵ *Начав свой запев от Зевса* — ср. Нем. 2, 1.

- ²⁷ *Мужа своего...* — Акаста, сына Пелия.

- ³³ *...родитель* — гостеприимец — Зевс-Ксений, покровитель чужеземцев и гостеприимцев; характерно,

что Пелсем руководят не нравственные, а религиозные соображения.

- ³⁷ *Посидон* был женат на другой Неренде, Амфитрите. *Эги* в Ахайе — одна из обителей Посидона («Илиада», VIII, 103), *Истм* — место состязаний в его честь; может быть, Пифей готовился к выступлению на Истме.
- ⁴¹ *Евфимен* — брат жены Лампопа, дядя Пифея, победитель на местных эгипских играх.
- ⁴⁴ ...*месяц, любимый Аполлоном*... — дельфиний, весенний месяц эгипского календаря, время состязаний в честь Аполлона и Артемиды (Пиф. 8, 65).
- ⁴⁶ *Под сенью Писейского гребня* — в Мегарах.
- ⁵⁰ *Фемистий* — двукратный победитель на эпидаврских играх в честь Аскления, упоминается также в Истм. 6, 65.

6. <«Бассиды»> Алкимиду Эгипскому,
460-е гг. (?)

Точная дата неустановима; только имя тренера Мелесия указывает, по-видимому, на 460-е гг. Ода без мифологической части, почти вся занятая перечнем побед рода Бассидов. Так как в ряду представителей этого рода (Агесимах — Соклид — Праксидамант — Феон, упоминаемый схолиастами, — Алкимид; в каком родстве с ними стоят борцы старших поколений Каллий и Креонтид и младшего — Политимид, остается неясным) слава побед доставалась не каждому поколению, а через одно (отсюда образ поля под паром в ст. 10, ср. Нем. 11), то, вероятно, такое содержание оды было навязано Пиндару заказчиками. Из 25 побед (ст. 65) Пиндар перечисляет 13: одну Алкимиды, девять Праксидаманта, одну Каллия, две — Креонтиды.

² ...от единой матери — от Геи-Земли (Гесиод, «Феогония», 106).

³ ...медное небо — гомеровский эпитет (напр., «Илиада», XVII, 425 и «Одиссея», XI, 42).

⁵ *Мощный дух... сила естества* — у поэтов и у атлетов.

- ¹⁷ Праксидамант — он был первым эгинянином («Эакидом»), победившим в Олимпии в 544 г., и одним из первых, поставивших там себе статую — еще не бронзовую, а деревянную (Павсаний, VI, 18, 7).
- ²³ *Трое их было...* — имеются в виду или Агесимах, Праксидам и Алкимид (промежуточные поколения не в счет), или три сына Соклида, одним из которых был Праксидам (схолиаст).
- ³¹⁻⁴¹ *Каллий* одержал победу на Пифийских, *Креонтид* — на Истмийских состязаниях.
- ⁴² *Львиная листва* — из Немси; соседний Флиунт назван «огигийским», т. е. древним, от имени легендарного догреческого царя.
- ⁵⁰ *Мемнону...* — здесь, как и в Нем. 3, Истм. 5 и 8, из подвигов Ахилла выбрана победа над Мемноном потому, что Мемнон был сыном смертного и богини.
- ⁵⁷ *Двойное время* — двойную хвалу прошлому и настоящему (Алкимиду и его предкам? Бассидам и Эакидам?): от более дальней хвалы поэт возвращается к более близкой.
- ⁶² *...жребий их лишил...* — жребий дал им слишком сильных противников в Олимпии.

7. <«Неоптолем»> Согену Эгинскому

Одна из самых сложных од Пиндара. Дата ее неустановима: схолиаст дает невозможную дату — 547 или 527, которую исследователи исправляют на 487 или 467; немецкая традиция (Виламовиц) предпочитает более раннюю дату, английская (Баура) — более позднюю. Оде предшествовал 6-й пеан, написанный для Дельфы; он попутно касался мифа о гибели Неоптолема, посягнувшего на дельфийского Аполлона и за это позорно убитого в споре за жертвенное мисо: согласно пеану, это было ему карой за убийство старого Приама. Эгиняно, для которых Неоптолем был одним из местных героев-Эакидов, были недовольны такой трактовкой. Пиндару пришлось написать палинодию, согласно которой гибель Неоптолема была лишь исполнением древнего пророчества, что одному из Эакидов суждено покониться в святых Дельфах, и вставить эту палинодию в очередную свою оду для эгинского атлета — в Нем. 7. Отсюда — очень сложное персплетенье тем в оде. Ге-

рою ее, Согену, посвящен зачин и копец, да еще в центре оды посвящена хвала его отцу Феариону, а во второй половине оды — обещание прославить Согена еще пышнее. Вся же первая половина оды развивает тему: «шосмертная слава — превыше всего; иногда она не заслуженна — как у Одиссея, иногда же заслуженна — как у Неоптолема, погребенного в Дельфах; Гомер напрасно превознес Одиссея, я же по заслугам превознес Неоптолема, и меня не в чем винить»; и в финале Пиндар отмахивается от этих упреков уже с совершенным презрением.

- ¹ *Илифия* — обращение к Илифии, богине рождения (удивлявшее уже схолиастов) едва ли не подсказано мальчишеским возрастом и именем Согена (что значит «рожденный здоровым»). Схолиаст сообщает, что это была первая победа эгинян в Немее среди мальчиков, поэтому ода о ней была важным заказом.
- ¹⁷ *Умный пловец...* — логика: «истинная награда доблести — слава в потомстве; богатство же не стоит риска, ибо не преодолевает смерть. Правда, слава тоже иногда бывает незаслуженной, как у Одиссея...» и т. д.
- ²¹ *А виною тому сладкое слово...* — ср. Ол. 1, 30—33 о Харите.
- ²⁵ *Гневаясь за доспех...* — Аянт и Одиссей спорили за Гефестов доспех, оставшийся после убитого Ахилла, и суд войска счел достойнейшим Одиссея; Аянт не перенес обиды и покончил самоубийством. Пиндар вставляет в оду хвалу Аянту в угоду эгинскому мифологическому патриотизму.
- ^{31, 33} *...честь — тому...* — т. е. Неоптолему.
- ³¹ *...и на бесславного и на славного.* — Вариант перевода: «и на ждущего и на не ждущего».
- ³⁶ *Эфира* (здесь) — город в Эпире («молосской земле»), цари которого считали себя потомками Неоптолема.
- ⁴¹ *С первинами троянских добыч...* — т. е. приход Неоптолема в Дельфы мотивирован благочестивыми причинами, а не кощунственным желанием потребовать Аполлона к ответу за гибель Ахилла (как утверждала враждебная версия, восходящая к ки-

- клической поэме «Возвращения») или ограбить его храм (рационализированный вариант той же версии у историка-мифograфа VI в. Ферекида, на которого ссылается Страбон).
- ⁴⁸ ...многожертвенных шествий — на Пифийских играх. Гробница Неоптолема находилась налево при выходе из дельфийского храма (Павсаний, X, 24, б); блюстителем правды он назван как потомок справедливица Эака. Впрочем, настоящим почетом в Дельфах он стал пользоваться только в III в. до н. э., когда возникла легенда, что он помог греческому войску отворотить наступавших на Дельфы галлов.
- ⁶³ Пресыщают... — реминисценция из «Илиады», XIII, 636.
- ⁶⁴ Ахейцу от Ионийской соли... — т. е. «даже молосский эпирот, земляк Неоптолема, не упрекнет меня за то, что я нарушил долг гостя, дурно отозвавшись о предке хозяина» (намек, что Неоптолем, собственно, не эгиптянин, и обиды эгиптян неуместны).
- ⁷¹ Не ступал я за черту... — черта, дальше которой нельзя разбежаться при размахе.
- ⁷³ Дрот... отстраняющий от борьбы... — если бросок дрота (4-е состязание пятиборья) был так удачен, что почти обеспечивал атлету победу, то его противник мог сразу признать себя побежденным и отказаться от 5-го состязания — борьбы.
- ⁷⁹ Лилейный цветок — коралл: считалось, что под водой он бел, и лишь на воздухе красен.
- ⁸⁶ ...братьев — Эак и Геракл были братьями по Зевсу.
- ⁹³ Стиснутых божьими святилищами... — дом Феарiona находился между двумя святилищами Геракла-гигантоборца.
- ⁹⁵ Владящего Герой... — т. е. Зевса и Афины.
- ¹⁰⁶ «Коринф, сын Зевса...» — пословица, имеющая смысл «сказка про белого бычка» (ср. Платон. «Евфидем», 292e). Коринфяне уговаривали мегарян не восставать против них, «нето восстает Коринф, сын Зевса»; мегаряне выгнали коринфских послов камнями, но те и убегая, твердили: «Коринф, сын Зевса...» (схолласт).

8. «Аянт» Динию Эгинскому, 459 г. (?)

Дата оды предположительна: по тону ее можно думать, что Эгина уже находится под угрозой (со стороны «завидующих ей» Афин), но еще не воюет. Отсюда — напоминание об Аянте Саламинском, общем герое Афин и Эгины, и о древнем Эаке, будто бы радевшем об общих интересах Афин и Спарты (ст. 11—12). Герой оды ближе неизвестен; вместе с ним восхваляется его уже умерший отец. План трехчастный: хвала Юности и Эгине — осуждение зависти и миф об Аянте — хвала правдивому песенному слову.

⁶⁻⁷ *Витая вокруг ложа... царем Энопы...* — ср. конец пеана 6 и Истм. 8. Энопа — древнее название Эгины.

¹² *...в Афинах... в Спарте...* — по-видимому, имеется в виду тот же миф о том, как Эак по просьбе всех эллинов отмолил от Эллады великую засуху, о котором см. примеч. к пеану 6,126 (ср. Нем. 5, 10). Посольства к Эаку были изображены на ограде главного храма Эака на Эгине (Павсаний, II, 29, 7) — едва ли не под влиянием оды Пиндара (Виламовиц).

¹⁵ *Лидийская митра* — песнь в «лидийском ладе», считавшемся повышенно эмоциональным.

¹⁶ *Диния и Мегаса...* — отец и сын одержали по две победы (ст. 47—48) — в простом или двойном беге, из метафор Пиндара неясно.

¹⁸ *Кинир*, отец Адониса — не более, чем традиционный образ счастливица (ср. Пиф. 2), упомянутый здесь для контраста с несчастным Аянтом. О Кинире рассказывали и то, что он находился в кровосмесительной связи со своей дочерью Миррой (Овидий. «Метаморфозы», X); может быть, Пиндар намекает на эту «клевету», чтобы оборвать речь о Кинире и перейти к Аянту.

²³ *Брошенный на клинок...* — см. примеч. к Нем. 7, 24. Известная трагедия Софокла «Аянт» была представлена в Афинах как раз в эти годы.

²⁶ *...тайными голосами...* — анахронизм: тайное голосование — черта новых, демократических порядков, враждебных Пиндару.

- ³⁰ В схватке ли над Ахиллом... — эта схватка упомянута в «Одиссее», V, 309—310 как труднейшая из Одиссеевых битв.
- ⁵⁰ И еще до вражды Адраста... — т. е. «успокаивающие душу эпиникии пелись и до того, как Адраст в походе Семерых против Фив учредил Немейские игры, ставшие поводом для пышнейшего эпиникия».

9. «Адраст» Хромию Этнейскому, 474 г. (?)

9, 10 и 11 песни не имеют отношения к Немейским состязаниям и присоединены к сборнику эпиникиев как приложение. Эта ода в честь Хромия (героя Нем. 1) воспевает его победу на Сикионских играх в честь Аполлона, учрежденных в действительности тираном Клизфеном, а по мифу — Адрастом, когда он спасался в Сикионе от Амфиарая. Отсюда — центральный миф оды; метонимически бегство Адраста связано с учреждением Сикионских игр, метафорически поход Адраста на Фивы связан с угрозой от карфагенян («финикийских копий», ст. 28) сицилийским грекам. Композиция трехчастная, симметричная (первая часть в честь Хромия укорочена, последняя удлинена). Монографическое (не триадическое) построение указывает, что ода должна была петься при шествии. Датировка приблизительно: во всяком случае, ода относится к первым годам по возвращении Пиндара из Сицилии.

- ⁴ ...матери близнецов... — Латоны и Аполлона с Артемидой.
- ⁹ Асоп — река близ Флунта и Сикиона, одноименная с беотийским Асопом (ср. Нем. 3, 3).
- ¹² Свежестью торжеств... — Три части состязаний, учрежденных Адрастом: жертвоприношения, гимнастические игры и скачки.
- ¹³ Амфиараяевых умыслов — Амфиарай сверг в Аргосе Талая, отца Адраста, и изгнал его сыновей; но Адраст с помощью коринфского царя Полиба заключил мир и скрепил его, выдав свою сестру Эрифилу за Амфиарая (Ониклида). Древние комментаторы видели здесь намек на распри Гиерона и Ферона

Акрагантского, паходившихся в таком же свойстве, как Адраст и Амфиарай.

- ¹⁶ ...укротительницу мужей... — Эрифйла по просьбе Адрасту уговорила мужа пойти в роковой поход против Фив.
- ¹⁹ Не казали им птицы... — мотив, подробно разработанный потом Стацием в «Фиваиде», III, 459 сл.
- ²⁴ Семь костров... — см. Ол. 6, 15 и примеч.
- ²⁶ Периклимен — фиванский герой, сын Посидона и Хлориды, дочери Тиресия.
- ⁴⁰ При Гелоре отец Гиерона Гиппократ, тиран Гелы (откуда родом был Хромий) одержал когда-то решающую победу над сиракузянами. Реин брод — Ионийское море (ср. Эсхил. «Прометей», 837); вариант чтения — «Ареев», т. е. битвенный брод.
- ⁴³ ...на ближнем море... — намек на сражение при Кумах в 474 г.?

10. <«Диоскуры»> Фезю Аргосскому, 460-е гг. (?)

Ода на победу в местном аргосском состязании в честь Геры; интересна тем, что композиция ее не трехчастная, а двухчастная: миф о Диоскурах, покровителях игр (связанный с адресатом оды через его мифического предка Памфая) составляет вторую ее половину, а первая строится по привычной симметрической схеме «город — герой — город». Дата неизвестна; скорее всего, относится к 460-м годам, когда в Аргосе держалась олигархия, сумевшая подчинить соседние Микены и Тиринф (поэтому среди аргосских героев перечисляются и Амфитрион, родившийся в Микенах, и Прет, правивший в Тиринфе и известный по мифу о Беллерофонте (ст. 12 и 41).

¹ Зачин оды напоминает знаменитый гимн молодого Пиндара (фр. 29—30) и Истм. 7.

⁶ Гипермнестра, единственная из 50 данаид, отказавшаяся убить своего мужа Линкея, была героиней труппы Эсхила, поставленной в Афинах как раз около этого времени.

⁷ Диомед, с помощью Афины сражавшийся под Троей даже против Афродиты и Ареса, чтился как бог во

- многих греческих колониях в Италии; схолиаст свидетельствует, что об этом писал еще Ивик.
- ⁹ *Оиклид* — Амфиарай, ср. Нем. 9, 24—26; «грозная туча войны» — гомеровское выражение о Гекторе («Илиада», XVII, 243).
- ¹² ...в Линкее и в Адрастовом отце... — могилы Линкея (мужа Гипермнестры) и Талая на аргосской площади упоминаются Павсанием, II, 21, 2.
- ²² ...медный спор... — наградой на аргосских играх Геры были медные щиты.
- ²⁵ ...воинство — вместо «толпа» — обычная у Пиндара метафора.
- ²⁸ ...морские ворота — Истмийские, Адрастов чин — Немейские игры.
- ²⁹ Сердце его жаждет... — герой мечтает одержать победу и в Олимпии.
- ³⁰ ...оливковый дар... — кувшины с оливковым маслом, награда на панафинейских состязаниях; Пиндар видит в этом предвестие венка из оливковых листьев, награды на олимпийских состязаниях.
- ³⁹ Фрасика и Антий — эти «предки матери» Фея ближе неизвестны.
- ⁴²⁻⁴⁸ Перечисляются победы на играх Истмийских, Немейских (о «Клеонских мужах» ср. Нем. 4, 17), сикионских (о серебряных наградах ср. Нем. 9, 52), ахейских (о плащах, которыми награждали в Пеллене, ср. Ол. 9, 97), аркадских (в честь Зевса в Ликее, Афины в Тегее, Персефоны в Клиторе).
- ⁵² Широкой в плясках — Кастор и Полидевк считались изобретателями военной пляски «пиррихи», распространенной в Спарте.
- ⁶⁰ ...гневаюсь за быков... — Диоскуры вместе со своими двоюродными братьями Идасом и Линкеем, сыновьями мессенского царя Афарея, похитили стадо быков; Афариды при дележе попытались забрать всю добычу себе; за это Диоскуры захватили их собственное стадо, те погнались за победителями и убили Кастора, хотя и погибли сами. Пиндар намеренно скрадывает мотивы, чернящие поведение Диоскуров, особенно — Полидевка, сына Зевса. Источник Пиндара — киклические «Киприи» (в ге-

сиодовской традиции сыновьями Зевса являются оба Диоскура, и отбивают они у Афаридов не быков, а невест, дочерей Левкиппа).

⁶⁵ ...сын Леды — собственно, «сын Зевса», ибо сыновьями Леды были и зачатый от Зевса Полидевк, и зачатый от Тиндара Кастор.

⁸⁰ *Разомкнул очи и уста...* — тонко подмеченная последовательность: пробудившийся человек сперва осматривается, потом начинает говорить (В. Крист).

11. Аристагору Тенедосскому, 446 г. (?)

Песня вообще не является эпикким, а скорее — сколием (так ее и обозначал Дидим); победы героя перечисляются, но все они — на местных состязаниях. Герой — брат того Феоксена, на чьих руках, по преданию, умер Пиндар (фр. 123, отсюда — предположительно поздняя датировка); Пиндару он близок по двойному родству — по отцу со Спартой (родной Эгидов), по матери с Фивами. Коллегия пританов в Тенедосе обладала верховной властью в государстве в течение года.

¹ *Реина дочь* — обращение к пританейской Гестици как хранительнице государственного очага. Поэтому ей «первой из всех богов» (ст. 6) приносили жертвы новонабранные должностные лица.

⁹ *На пирах...* — должностные лица текущего года обедали в притане на государственный счет.

²⁸ ...*пятилетнее торжество, заповеданное Гераклом...* — Олимпийские игры (см. Ол. 10).

³⁵ ...*привел к Тенедосу...* — эпизод колонизации эгейских островов после выселения ахейцев от натиска дорян в Эолиду; впрочем, Страбон (XIII, 1, 3) приписывает это не Оресту, а его сыну Пенфилу.

³⁶ *Меланипп* — один из защитников Фив от похода Семерых, бившийся с Тидеем.

³⁷ *Древние доблести...* — тема, сходная с Нем. 6, 8—10; ею логически объединяется вся ода: «жизнь переменива, и ни отец героя не должен упорствовать в своем величии, ни сам герой в своей вынужденной скромности».

ИСТМИЙСКИЕ ПЕСНИ

Истмийские состязания праздновались на Истмийском перешейке, западнее Коринфа, к югу от самого узкого места перешейка, где в пору греко-персидских войн строилась оборонительная стена, а сейчас прорыт Коринфский канал. Перешеек был под покровительством Посидона, почитавшегося в Коринфе; на его священном участке близ стадиона находились большой храм Посидона и маленький — Палемона. По преданию, здесь бросилась в море царица Ино, дочь Кадма, с младенцем Меликертом на руках, преследуемая своим безумным мужем Афантом, и в море она стала богиней Левкофеей, а Меликерт богом Палемоном; в память об этом будто бы и были впервые учреждены Истмийские игры. (По другой легенде, их учредили Посидон и Гелиос, примирившись после спора за власть над перешейком; по третьей — Фесей, очистив окрестные места от разбойников на своем пути из Трезена в Афины.) В историческое время игры были «возобновлены» в начале VI в. коринфским тираном Периандром, одним из «семи мудрецов»; списки победителей велись с 582 г. (до нас они не дошли, поэтому точные даты Истмийских од обычно неизвестны). Игры устраивались каждый второй год (совпадая и с олимпийскими, и с пифийскими датами), но приходились не на лето, а на весну (апрель — май). Хозяевами и судьями были коринфяне, привилегированным положением на играх пользовались афиняне. Круг состязаний был обычный; как и в Немее, различались три возраста — взрослые, юноши, мальчики; как и в Немее, наградою в эпоху Пиндара был венок из сельдерея. В собрании эпипикиев Пиндара Истмийские оды занимали сперва (по важности игр) третье место, но потом переместились на четвертое, последнее, и потому сохранились неполностью: известны только восемь од, начало девятой и несколько мелких отрывков, вошедших в следующий раздел настоящего издания.

1. <Иолай и Кастор> Геродоту Фиванскому,
458 г. (?)

Асоподор, командовавший при Платее фиванской конницей в персидском войске, упоминается Геродотом, IX, 69. По-видимому, это и был отец пиндаровского героя, вынужденный после войны бежать в Орхомен; таким образом, победа его сына на состязаниях была до некоторой степени реабилитацией запятнанного рода. Поэтому речь об Асоподоре выдвинута в центр пиндаровской оды, и пятичастное построение ее несколько необычно: славословие родине — миф (Иолай и Кастор введены как покровители колесничников) — Асоподор — славословие поэзии — и, наконец, славословие герою с его прошлыми и будущими победами. Для сочинения этой оды своему земляку Пиндар оторвался от пана 4 для кеосцев в честь Делоса, гад которым в это время работал. Дата — предположительная, по времени союза Фив со Спартой перед битвой при Танагре (символ этого союза — сочетание имен Кастора и Иолая).

¹ *Фива...* — ср. фр. 195. Предполагалось, что имеется в виду действительная статуя нимфы Фивы, но это маловероятно.

¹⁰ *...Кадмову полку шесть венков...* — т. е. шесть побед на этих истмийских играх досталось фиванцам.

¹⁵ *Не чужими руками...* — обычно владелец колесницы не сам правил, а занимал профессионального возницу; исключения (здесь, по-видимому, просто по бедности Геродота) были так редки, что оговариваются особо.

²⁴ *Щитоносный грохот* — т. е. бег в оружии; здесь это такой же анахронизм, как и в Ол. 10 (хотя далее Пиндар и обращает внимание на церемонии в истории пятиборья).

²⁹ *Над берегом Диркеи...* — в Фивах (городе спартов, см. примеч. к Пиф. 9, 83), *над берегом Еврота* — в Спарте (о *Фераппе* см. примеч. к Пиф. 11, 60—64).

³³ *Онгест* — над Копайдским озером в Бэотии, центр местного культа Посидона; как и миф о Касторе и Иолае, он упомянут здесь для подкрепления мысли о единстве фиванского и дорийского племени, ср. Истм. 4, 20.

³⁷ *Крушение* — по-видимому, аллегория судьбы Асоподора; впрочем, Фарнелл допускает и прямое значение — морское крушение, в котором Асоподор потерял все имущество.

Близкому богу... — Посидону Онхестскому; в Фивах был храм Посидона-Конопаса (схолиаст).

⁵⁵⁻⁵⁹ Перечень игр, где побеждал Геродот: онхестские Посидонии, фиванские игры в честь Иолая и Геракла («сынов Амфитриона», ст. 55), орхоменские Минии, элевсинские в честь Деметры, евбейские в честь Посидона и в честь Артемиды, фтийские в память героя троянской войны Протесилая.

...избранной листвою... — пожелание пифийских п олимпийских побед.

2. Ксенократу Акразитскому, 470 г. (?)

Ксенократ, брат Ферона, адресат Пиф. 6, незадолго до смерти хотел устроить родовой праздник с песнями в честь прежних своих побед, и Пиндару была заказана такая песня в честь первой победы Ксенократа, Истмийской, воспетой в свое время Симонидом (известным своими высокими гонорами). Ксенократ умер, не дожив до праздника, но Пиндар оду написал и отправил ее своему другу Фрасибулу, Ксенократову сыну, которому в Пиф. 6 были посвящены такие горячие слова. Отсюда — слова «не безвестное я пою», отсюда и эффектная аналогия и древнего и своего собственного бескорыстия (а может быть, наоборот, намек на ожидаемый от Фрасибула гонорар) в начале оды. Таким образом, по существу это не столько эпиникий, сколько дружеское послание, — поэтому обычной композиции с мифом в центре здесь нет, а вместо нее — последовательные похвалы Ксенократу, Никомаху и Фрасибулу.

¹⁰ *Слову аргосца* — поговорка, приписывавшаяся некоему Аристодему, современнику «семи мудрецов»; в стихах она впервые появляется у Алкея (фр. 101):

Так молвил Аристодам
 Разумное в Спарте слово:
 «В богатстве — весь человек;
 Кто добр, но убог, — ничтожен».

- ¹⁹ ...в пышных Афинах... — на Панафинейских играх, которые из местных игр ближе всего подходили по значительности к всеэллинским. *Сыны Эрекса* — афиняне.
- ²⁴ *Зевсов мир* — перемирие на время Олимпийских игр; какое отношение к нему имел Никомах, неизвестно.
- ²⁹ ...бессмертную честь... — победа Ферона в Олимпии в 476 г. (Ол. 2—3).
- ⁴² ...до Фасиса... до нильских берегов — т. е. до крайнего севера и до крайнего юга, — выражение, близкое к пословице. Ср. Пиф. 1, 91.
- ⁴⁵ *Ни об этой песне моей* — в подлиннике буквально «песнях моих»; может быть, одновременно с этой одой был послан энкомий Фрасибулу, от которого сохранился фр. 124?
- ⁴⁷ *Никасипп* — учитель пения, с голоса переяввший песнь Пиндара и везущий ее сицилийскому хору; ср. роль Энея в Ол. 6.

3—4. <«Геракл»> Мелиссу Фиванскому,
474—473 гг. (?)

Мелисс Фиванский одержал победу на Истмийских играх и заказал Пиндару оду о ней (Истм. 4); а пока ода писалась, он успел одержать еще одну победу, на Немейских играх, и Пиндару пришлось сделать к своей оде добавку (Истм. 3), написанную тем же размером строфы и композиционно сливающуюся с ней; одна из двух древнейших рукописей и за нею некоторые издатели представляют эти две оды как одну целую. Основная мысль оды — та же, что и в Истм. 1: победа Мелисса возвращает славу его роду, потерявшему четверых своих членов в войне на стороне Ксеркса. Отсюда и приблизительная датировка. Композиция — симметричная, пятичленная; похвала роду — миф об Аянте — похвала герою — миф о Геракле — похвала празднику; каждая мифологическая вставка связана с предыдущим куском. Любопытно, что миф о гибели Аянта здесь приводится в похвалу Гомеру и силе поэзии, тогда как в Нем. 7 — наоборот, в приращение.

- ^{3,11} ...в логоге... льва — т. е. в Немее.
- ⁷ ...сверстный Лабдакидам — жена Клеонима-родоначальника была из фиванского царского рода Лабдакидов (Лабдак — дед Эдипа).
- ¹⁸ ...превратно время... — т. е. нужно обновлять славу рода песнями о новых победах.
- ^{4,20} Потрясатель суши — Посидон Онхестский и Истмийский.
- ²⁷ ...песенную листву — ср. Пиф. 9, 124 об обряде «филлоболлии».
- ³⁸ Но Гомер его почтил... — самоубийство Аянта описывалось в «Эфиопиде» Арктина, по подвиги — в «Илиаде» Гомера.
- ⁴⁸ Навзничь отражающую... — «лпснй» прием, дозволенный в разборе, но не в простой борьбе.
- ⁴⁹ Статью он не выдался... — редкая у Пиндара внешняя характеристика героя с помощью образов могучего охотника Ориона и коренастого Геракла (Пиндар один так прямо говорит о его невысоком росте).
- ⁵² Посидонов храм — черепами убитых им пришельцев Антей покрывал храм своего отца Посидона; миф введен с расчетом, чтобы показать «гуманизацию» культа Посидона, бога Истмийских игр.
- ⁵⁶ ... и седое море... корабельщикам — намек на «Герakловы столпы».
- ⁶⁰ ...у Электриных ворот в Фивах справлялся не раз упоминаемый Пиндаром праздник в честь Геракла и Иолая.
- ⁶⁴ Павшим... сынам от Мегары... — этим Пиндар отстраняет неприятный ему вариант мифа о Геракле — безумце и детоубийце (излагавшийся уже у кикликов, Стесихора и Ферекида, а после Пиндара — в трагедии Еврипида).
- ⁶⁹ Миртами — мирты были наградой на Иолаевых играх (схолиаст).
- ⁷⁰⁻⁷⁴ ...победу явил... — т. е., поучившись у Орсея, Мелисс стал побеждать и взрослых.

5. <«Эгина»> Филакиду Эгинскому,
479—478 гг. (?)

Герой оды — из того же эгинского рода Псалихидов, которому посвящены Нем. 5 и Истм. 6; родословные отношения упоминаемых лиц см. в примеч. к Нем. 5. Ода примечательна упоминанием о недавнем событии — о битве при Саламине, в которой эгиняне играли столь важную роль. План трехчастный, симметричный: хвала играм — хвала Эгине (в ее прошлом — Эакиды — и в настоящем — Саламины) — хвала победителям.

¹ *Фия* — одна из Титанид (Феогония), 60—64), мать Солнца, Луны и Зари.

...сынам *Инея* — Тидею и Мелеагру; культ Тидея засвидетельствован в греческой Италии, Мелеагра — более не упоминается.

Кто убил Кикла?.. — четыре подвига, совершенные Ахиллом, приписываются «Эакидам» в совокупности, отсюда заключение — «родина им — Эгина» и т. д. Греки перед Саламинской битвой поставили свой стан под покровительство Эакидов: «совершив молебствие всем богам, они призвали из Саламина на помощь Аянта и Теламона, а за Эаком и прочими Эакидами отправили корабль на Эгину» (Геродот, VIII, 64).

...*молчание!* — неожиданный обрыв мысли объясняется тем, что в персидской войне эгиняне сражались за греков, а соотечественники Пиндара — за персов.

...*в милом меду* — мед был средством консервирования съестных припасов; так песня должна сохранить память о победе.

¹⁴ ⁵⁵ *Кто выйдет на бой, изведая породу Клеоника?*.. — вариант перевода: «пусть всяк идет на бой по примеру потомков Клеоника!..»

6. <«Теламон»> Филакиду Эгинскому,
484—480 гг. (?)

Это вторая из песен, посвященных Пиндаром эгинскому семейству Лампона из рода Псалихидов (ср. более раннюю Нем. 5 для Филакидова брата и более позд-

нюю Истм. 5 для того же Филакида); отсюда слова «повторную чашу..» в начале оды. Отец Лампон уподобляется здесь Теламону, прославивший его сын — Аянту, а сам поэт — Гераклу. Симметричная трехчленная композиция: адресат — миф — адресат.

¹ Ср. зачив позднейшей Ол. 7. Пир обычно начинался тремя возлияниями — Зевсу Олимпийскому, Земле и героям, и Зевсу-Спасителю. Отсюда мысль: «о если бы за немейской и истмийской победами последовала бы олимпийская!»

²³ *Нильский исток* (родина Мемнона, убитого Ахиллом) и *гиперборейский край* — символы крайнего юга и севера, ср. Истм. 2, 41—42.

³¹ *...полонил Пергам* — поход Геракла и Теламона против Лаомедонтовой Трои был изображен на восточном фронте знаменитого эгинского храма (построенного при жизни Пиндара, но уже после Саламинской битвы и этой оды).

³³ *О меропах и Алкионее*, «похитителе быков» см. Нем. 4, 28—30 и примеч.

⁴⁷ *...шкура вокруг меня* — каменная шкура немейского льва.

⁵⁰ *Орел* — популярная этимология имени «Аянт» от слова «айетос», «орел».

⁵⁹ *...по-аргосски* — Аргос славился дорийским немногословием так же, как и Лакония.

⁶⁰ *...три победы* — истмийская Филакида (Истм. 6), немейская Пифея (Нем. 5) и истмийская или немейская — Евфимена (между упоминанием о нем в Нем. 5, 41 и нашей одой).

⁶⁷ *Гесиодова слова* — «Труды и дни», 412; «богатство дается старанием». Ср., впрочем, Нем. 3, 74 и примеч.

⁷⁰ *Меры искатель...* — тоже реминисценция из Гесиода, «Труды и дни», 694: «Меру во всем соблюдай, и дела свои вовремя делай». Этот культ «меры» — сквозная черта всей греческой культуры от дельфийских изречений до этики Аристотеля.

⁷³ *наксосский камень* — наксосские оселки упоминаются и Плинием.

7. <«Фивы»> Стрепсиаду Фиванскому, 454 г. (?)

Стрепсиад Старший, по-видимому, погиб в бою при Энофитах в 457 г.; отсюда предположительная датировка оды. Композиция — без обычного центрального мифа, вместо него — начало с беглым перечнем местных фиванских мифов (ср. ранний гимн Фивам, фр. 29—30: старый Пиндар возвращается к приемам своей молодости), затем — похвала герою, похвала его предку и заключительная молитва. Упоминание о судьбе Беллерофонта в конце оды — может быть, предостереженно заносчивым в своей победе Афинам.

- ¹ ... *Деметры, гремящей в медь* — Деметра Скорбящая, беотийский культ, в котором засвидетельствовано употребление кимвалов (заимствованное из смежных культов Матери Богов или Диониса).
- ⁶⁻⁷ ...*В ...золотом дожде к Амфитрионову дому* — редкая контаминация мифов об Алкмене и Данае.
- ¹²⁻¹³ *Выселки Дориды... от твоих Эгидов* — опять упоминание о предках Пиндара (?), фиванском племени Эгидов, примкнувших к дорянам в их завоевании Пелопоннеса — ср. Пиф. 5, 72—76.
- ³¹ *Сын Диодота* — Стрепсиад Старший.
- ³² *Ты недаром хвалил...* — перечисляются герои, павшие в бою, где их противникам помогали сами боги; о Мелеагре впоследствии рассказывали иначе (ср. Вакх. 5, 142), но в древнейших эпических версиях («Илиада», IX, 550 сл.) он погибал в битве.
- ³⁷ ...*земледержец* — Посидон Истмийский, давший победу Стрепсиаду Младшему.

8. <«Свадьба Фетиды»> Клеандру Эгинскому, 478 г.

Ода написана вскоре после «великих бед» персидского нашествия и, как и Истм. 5, стремится вновь скрепить дружбу между проперсидскими Фивами и антиперсидской Эгиной; отсюда поучения во 2-й строфе и напоминание о мифическом родстве Фив и Эгины. Симметричное трехчастное построение с очень развернутой центральной мифологической частью (предки Пелея — брак Пелея — потомок Пелея). Род победителя, по-ви-

димому, не отличался в атлетике, поэтому среди прежних победителей упоминается только Никокл.

- ² ...юные — обращение к хору мальчиков, сопровождающих победителя до дверей его дома.
- ¹⁶ *Две сестры-близнецы* — Фива и Эгина, дочери Асопа; статую Зевса с Эгиной, Фивой и другими дочерьми Асопа у подножия видел еще Павсаний, V, 22,6. Как политический мотив для сближения Фив с Эгиной (против общего соседа — Афин) это родство подчеркивалось еще в 480-х гг. (Геродот, V, 80).
- ²¹ *Энопия*, как и Энона — прежнее название Эгины.
- ²⁴ *Решителя распри меж бессмертными* — такая честь приписывается Эаку только здесь (по ср. мифы о том, как распри Ареса с Посидоном и Аполлоном с Эринниями решались перед афинским ареопагом).
- ²⁷ *Спорили о ложе...* — иная версия, чем в Нем. 5,37, где Посидон выступает лишь как родич-покровитель Фетиды.
- ³² *«Суждено...»* — этого пророчества Фемиды о Фетиде Гомер еще не знает; может быть, Пиндар ввел этот мотив первым, и от него он перешел в эсхиловскую трилогию о Прометее.
- ⁴³ *Листья ссор* — образ не случайный — голосование листьями было в ходу в народных собраниях, и в Сиракузах играло такую же роль, как голосование черепками (остракизм) в Афинах.
- ⁴⁶ *кивком* — знаменитый по «Илиаде», I, 528—530 клятвенный знак.
- ⁵⁷ *Геликонские девы* — Музы, оплакивающие Ахилла: мотив из «Одиссеи», XXIV, 60—62.
- ⁶⁷ *Алкафоев спор* — местные игры в Мегаре, где когда-то правил царь этого имени.

ОТРЫВКИ

Кроме 45 эпипикиев, сохранившихся полностью, многие произведения Пиндара известны по отрывкам. Преимущественно это цитаты (не всегда точные и не всегда с точными указаниями на источник) и ссылки у позднейших античных писателей; в XX в. к ним прибавился ряд ценных папирусных находок, среди них —

большие отрывки из пиндаровских пеанов. Собирать эти фрагменты начали еще филологи XVI—XVII вв.; общепринятая нумерация их установилась в издании Т. Бергка (1878), и ее стараются держать и современные издатели, хотя позднейшие пересмотры пиндаровского текста и заставили многие номера исключить, а многие вставить дополнительно. Нами переведены все отрывки, дающие сколько-нибудь законченный смысл; опущены без оговорки лишь наиболее разрушенные папирусные фрагменты и цитаты из одного-двух изолированных слов (нередкие у грамматиков). Источники фрагментов указываются в примечаниях.

1. Эпипикии

1. Девятая Истмийская песнь. Начало ее текста сохранилось в едипственной (Лавренцианской, самой полной) рукописи Пиндара. Адресат ее явно опять эгивнянин; но более о ее содержании ничего не известно. В сохранившемся начале речь идет о заселении Эгипта дорянами; о Гилле и Эгимии см. Пиф. 1, 62—65 и прим.

2. Схолия к Лукиану, «Разговоры мертвых», 3; 3. Плутарх. «Утешение к Аполлонию», 14. Ср. «Жизнеописание Пиндара», 6. Наиболее распространенная версия этого бродячего сюжета связывалась в греческой словесности с именами аргосских Клеобиса и Битона (Геродот, I, 31, в рассказе Солона Крезу).

4. Схолия к Истм. 5: Мидий был родственником Пифея, героя Нем. 5.

5. Аполлоний Дискол. «Синтаксис», II, 114. Речь идет об учреждении Истмийских игр в память Меликerta.

II Гимны

29. Пс.-Лукиан, «Похвала Демосфену», 19; 30. Климент Александрийский, «Строматы», I, 21, 107; 31. Элий Аристид, 45, 106; 32. Плутарх, «О пифийском аракуле», 6; 33. Плутарх, «Платоновские вопросы», 8, 4, 3; 33а. Папирус, восстанавливаемый по указанию Квинтилиана, VIII, 6, 71 («Пиндар говорит, что Геракл в своем натиске на меропов, которые будто бы жили на острове Косе, был подобен не огню, не ветру,

не морю, но молнии грозовой); 33b. Климент, «Строматы», I, 21, 107; 33c. Пс.-Филон, «О нерушимости мира», 23; 33d. Страбон, X, 5, 2; 34—35. Гефестион, р. 51; 35a. Элий Аристид, II, р. 346 («... вот слово Пиндара, которое прекраснее, чем что-либо и кем-либо сказанное о Зельсе!»); 35b. Плутарх, «Утешение к Аполловику», 28; 35c. Гелиодор у Присциана, III, р. 428. Гимн Зевсу — одно из равных произведений Пиндара (критическое замечание Коринны о зачине его — см. с. 368); он пользовался широкой популярностью и открывал в собрании сочинений Пиндара книгу гимнов. Тема его — «Зевсов брак» (так называет его Элий Аристид, 45, 106); отсюда — фр. 30, содержащий скрытую полемику с Гесиодом, «Феогония», 886 сл., где первую супругой Зевса названа Метида, мать Афины (ср. фр. 34), и лишь второю — Фемиды-Справедливости (а затем — Евринома, Деметра, Мнемосина, Латона и Гера); упоминаемые в нем «Времена» (Оры) — те, чьи имена перечисляются в начале оды 13. Фр. 33b—d — о Делосе (мифологическое название «Астерия», «Звезда», ср. пеаны 5 и 7b) и родах Латоны («дочери Кея») отнесены Б. Снеллем к гимну предположительно и в других изданиях печатаются среди просодиев. «Ничего сверх меры!» (фр. 35b) — одно из изречений «семи мудрецов».

36. Схолии к Пиф. 9,90. Под именем Аммопа греки отождествляли своего Зевса с верховным богом египетских Фив. Может быть, гимн был написан для Кирены с ее сильными египетскими связями.

37. Жизнеописание Пиндара, 4; Пausаний, IX, 16, 1; 38. Элий Аристид, II, р. 334; 39. Павсаний, IV, 30, 6; 40. Плутарх, «О мужестве римлян», 4; 41. Павсаний, VII, 26, 8 (скорее пересказ, чем цитата); 42. Стобей, IV, 45, 1.

43. Афиной, XII, 7: цитируется как наставление Амфиарая сыну своему Амфилоху. Осьминог — традиционный символ изменчивости применительно к обстоятельствам (ср. Феогнид, 215).

51. Страбон, IX, 2, 33. Птой — гора в Беотии, Тенер — равнина у ее подножия, названная по имени Тенера, сына Аполлона и нимфы Мелии (ср. пеан 9), основавшего тут свое прорицалище. Первый отрывок приводится Страбоном в пример того, что «священными рощами» могут называться и безлесные участки

III. Пеаны

Фрагменты их сохранились в основном в оксиринхском папирусном свитке (Pap. Ox. V, 841), опубликованном в 1908 г.; это было событием в изучении Пиндара.

Пеан 1. О празднике Исмения см. прим. к Пиф. 11. *Времена* — Оры, дочери Фемиды, о которых см. прим. к Ол. 13.

Пеан 2. Написан для ободрения жителей Абдеры в их борьбе против фракийцев (пеонийцев), подробности которой — например битва при Меланфилле (гора, упоминаемая Плинием), нам неизвестны. Начинается пеан воззванием к герою-эпониму, затем говорит Абдера (колония Теоса, который в свою очередь считался колонией Афин, — отсюда образ «*мать моей матери*» со свежей памятью о персидском погроме Аттики), затем следует хвала мужеству обдеритов, победа которых предсказывается (стр. 3) Гекатой, богиней луны; конец обращен к Аполлону и Абдеру. Фракийский натиск на Абдеру усилился после греко-персидских войн и был остановлен только после закрепления афинян на Фасосе ок. 465 г.; незадолго до этого, по-видимому, и написан пеан. Наяда *Фрония*, упоминаемая в ст. 1, — нимфа из Локриды, откуда был родом *Абдер*, спутник Геракла, растерзанный конями Диомеда Фракийского и ставший эпонимом города, построенного потом на этом месте. *Дерен* (ст. 5) — предместье Абдеры с храмом Аполлона.

Пеан 4. От этого пеана отвлекся Пиндар около 458 г. для оды Истм. 1 (см. прим.). Великий кеосский поэт Симонид умер лет на десять раньше, и Пиндар чтит его память в ст. 24. *Меламп* (ст. 28), знаменитый философский прорицатель, был приглашен в Аргос, чтобы исцелить от безумия дочерей Прета (Вакх. 11); по общераспространенной версии (Павс., II, 18,4), он принял за это удел в аргосском царстве, но Пиндар заставляет его отказаться. *Евксантий* (ст. 35) — древний кеосский царь, сын Миноса от местной царевны Дексионны (Дексифей); см. примеч. к Вакхилиду, 1.

Пеан 5. В начале отрывка речь идет об ионянах, из Аттики через Евбею расселяющихся по Кикла-

дам вплоть до Делоса (*Астерии* — см. прим. к пеллану 7b).

Пеллан 6. См. о нем прим. к Нем. 7. О празднике *Феоксений* («пир богов», на котором среди прочих возлежит и Эгина, ст. 60, 126) ср. примеч. к Ол. 3. В Дельфах этот праздник был учрежден в память о голоде, который когда-то отвратили от Греции своими молитвами дельфийцы (ст. 65); Пиндар связывает это с аналогичной легендой о культе Зевса Эллинского в Эгине (ст. 126), учрежденном после того, как по общей просьбе всех эллинов такую же засуху отмолили от Эллады Эак и его сыновья. Судя по концовке, пеан Пиндара был написан для эгинского хора, посланного на праздник Феоксений; но почему в начале говорится, что дельфийский праздник («медноустая *Касталия*», ст. 7: сходя уверяет, что *Кастальский* источник был украшен пастью медного льва) оскудел песнями, — непонятно. Аполлон воспет прежде всего как достойный противник эгинских героев-Эакидов и покровительствовавшей им Афины-Полиады (ст. 88); это он «в смертном лике *Париса*» (ст. 79) направил смертную стрелу в Ахилла, но не спас Трои от Неоптолема. Неоптолем погиб «в раздоре за должный дар» (ст. 117) — т. е. за долю мяса на пиру после жертвоприношения в Дельфах на такой же «*божьей трапезе*», какой был и праздник Феоксений.

Пеллан 7b. Плохо сохранившиеся отрывки; речь идет о старшей сестре Латоны, Астерии, за отказ от любви Зевса превращенной в остров Ортигию-Делос (не путать с сиракузской Ортигией!). Ср. выше фр. 33cd и пеан 5. Интересна нота сомнения в мифе: «верить или нет?...»

Пеллан 8. Плохо сохранившийся и спорно восстанавливаемый текст. Первый из отрывков — описание медного дельфийского храма (по Павсанию, X, 5, 12 первый дельфийский храм был из лаврового дерева, второй — из воска, и Аполлон перенес его к себе в страну гипербореев, третий — из меди, и погиб от землетрясения и молнии; и, наконец, четвертый, построенный Трофонием и Агамедом, героями отр. 2—3, стоял до самого пожара 548 г., о котором см. прим. к Пиф. 7). Второй отрывок — вещание Кассандры перед Троян-

ской войной, мотив, восходящий к киклическим «Киприям». *Чаровательницы*» в ст. 9 — Сирены.

Пеон 9. Написан по случаю солнечного затмения 30 апреля 463 г. Правильное понимание и предсказание затмений было знакомо греческим ученым со времен Фалеса Милетского, но Пиндар не знал или не желал знать этих объяснений. Первая часть пеана молит об отвращении бед, вторая посвящена Исмению (см. Пиф. 11) и его древнему прорицателю Тенеру (см. фр. 51), покровителям Фив («*Кадмова люда и Зетова града*»).

Пеан 12. Отдельный папирусный отрывок (Рар. Ох. XV, 1972); принадлежность фрагмента Пиндару не вполне доказана.

54. Страбон, IX, 3, 6; 55. Схолии к Эсхилу, «Евмениды», 2.

57. Дион Хрисостом, 12, 81. Странно, что пеан обращается не к Аполлону, а к Зевсу, во Дион ссылается именно на пеан.

61. Стобей, II, 1, 8; 70. Схолия Аммония к «Илиаде», XXI, 195. Ср. упоминание Страбона, IX, 2, 18 о Черной реке в Беотии, поглощенной землею «и образовавшей там болото, где растет тростник, употребляемый для флейт».

IV. Дифирамбы

70b. Папирус (Рар. Ох. XIII, 1604); начальные строки, интриговавшие древних своей неясностью, цитируются также Дионисием Галикарнасским, Страбонем и Афинием (который напоминает — X, 82 — что обновитель дифирамба Лас Гермионский, считавшийся учителем Пиндара, написал одно или два стихотворения без буквы «с»). Может быть, Пиндер имеет в виду двук «п» малоазийских языков (обозначавшийся буквой «самни», впоследствии вынавшей из греческого алфавита) и тем самым предюлагает малоазийское происхождение дифирамба (Дж. Хаксли)? Заглавие сохранилось в рукописи; переход от темы Матери богов, культ которой ассоциировался с культом Диониса — Бромия, к теме Геракла, по-видимому, совершался через тему Фив.

71. Схолии к Ол. 13,25.

72. Большой Этимологик, 460, 35; 73. Страбон, IX, 2, 12; 74. Схолии к Нем. 7, 17. «Чужая жена» — Метропа, жена (или дочь) Энопиона, сына Диониса. Беотийский охотник Орион преследовал со своим псом нимф Плеяд (у Пиндара вместо них названа их мать Плейона), пока Зевс не превратил их в три созвездия, движущиеся по небу друг за другом, — Плеяд, Ориона и Большого Пса.

75. Дионисий Галикарнасский, «О соединении слов», 22. Цитируется как образец «строгого стиля» в лирике. Написано для весеннего праздника (ст. 14—17) — Больших Дионисий; дата — по-видимому, вскоре после победы над персами. В ст. 3 имеется в виду алтарь двенадцати богов посреди афинской агоры; в ст. 10 оба имени Диониса означают «шумный», по имя «Бромий» употребляется часто, а имя «Эрибой» — редкое.

76. Схолии к Аристофану, «Ахарняне», 637; 77. Плутарх, «О славе афинян», 7 (вслед за предыдущим фрагментом). Именно за этот дифирамб (по «Жизнеописанию»), 3) Пиндар был оштрафован фиванцами.

78. Плутарх, «О славе афинян», 7 и др. По смежности цитирования не исключена возможность, что этот (очень популярный) отрывок относится к тому же дифирамбу, что и два предыдущих. Междометие «алала!» соответствовало современному «ура!»

80. Филодем, «О благочестии», 47a17; 81. Элий Аристид, II, р. 70 (ср. фр. 169 — к вопросу о справедливости похищения Гераклом быков Гермопа).

82. Схолии к Пиф. 2. Берега Нила, конечно, положи: любопытный недостаток географических сведений у Пиндара.

83. Схолии к Ол. 6, 152,90 (см. прим. к этому месту). Снелль относит этот фрагмент к дифирамбу афинянам (фр. 75).

V. Просодии

89. Схолии к Аристофану, «Всадники», 1264.

91. Порфирий, «О воздержании», III, 16 (с намеком на мифы об Европе, Ганимеде, Леде); 92—93. Страбон, XIII, 4, 6. Об «Аримах» см. прим. к Пиф. 1, 16.

VI. Парфении

94а. Папирусный отрывок. Основная мысль: «человек смертен, бессмертие он получает лишь в ряду его потомков» (наиболее вероятный смысл антитезы ст. 14—15).

94b. Папирусный отрывок из того же свитка. Дафнефории — фиванский праздник, справлявшийся каждые 8 лет (описание — у Прокла в «Хрестоматии», 26, под словом «Парфений»). Во главе шествия выступал мальчик, у которого оба родителя были в живых (здесь — Агасикл, ст. 50; его отец — Пагонд, будущий победитель при Делии в 424 г., а дед — Эолад, ст. 29, герой предыдущего парфения); за ним один из его родственников нес «копо», жезл с медными шариками на верхушке, увитый лавром, цветами и лентами (здесь — «сын Дамены», ст. 70); может быть, это тот же отец Агасикла Пагонд, в таком случае запевала хора — сестра Агасикла, затем следовал женский хор. Строфа 5 имеет в виду междоусобную борьбу в Фивах в пору афинской гегемонии 450-х гг. В ст. 59 упоминаются общебеотийские состязания в честь Посидона *Оихестского* и в честь *Мифны Итони* (чтившейся в Коронее).

94с. Гефестион, 14,2. Папирусная биография Пиндара (очень плохо сохранившаяся) указывает, что далее в этом парфении Пиндар называл по именам своего сына, жену и двух дочерей.

95. Схолии к Пиф. 3, 139; 96. Аристид, «Риторика», II, 24; 97. Схолии к Феокриту, I, 2 (текст испорчен из-за пиндаровской игры слов; может быть, следует читать «...педишь свой мед»); 99. Элий Аристид, II, р. 331. См. «Жизнеописание», 4. Стихотворение входило в книгу «отдельных парфениев»; чем они отличались от обычных, в точности не известно.

104. Схолии к Феокриту, II, 10.

104b. Плутарх, «О пифийском оракуле», 29; автор не назван, но принадлежность фрагмента Пиндару признана большинством ученых. Галаксий — место в Беотии, где «присутствие бога обнаруживалось в облики надаиваемого молока» (Плутарх).

VII. Гипорхемы

105. Схолии к Пиф. 2,27; схолии к Аристофану, «Птицы», 942. 106. Афиней, I, 50. Гипорхема Гиерону — популярное произведение, пародируемое Аристофаном в «Птицах», 926 сл. Схолиаст поясняет, будто Пиндар получил от Гиерона в подарок мулов и за это стихами попросил к ним еще и повозку. Реальное ядро этого анекдота восстановить невозможно. Связь двух отрывков (из которых второй явно ошибочно назван у Афиней эпиникием) не вполне достоверна. О скифах ср. фр. 203.

107. Плутарх, «Застольные вопросы», IX, 15, в рассуждении: «Что общего в поэзии и пляске?»: «поэт, прославившийся как первый искусник в гипорхемах и потому надежнейший свидетель, прямо говорит, что одна без другой не может...» и т. д. Так как имя поэта не названо, а незадолго перед этим упоминался Симонид, то эта цитата долго приписывалась ему; в XX в. ее стали включать в состав фрагментов Пиндара, но полной уверенности в авторстве нет. Текст испорчен (в частности, потеряно подлежащее второго предложения). *Дотий* — равнина в «пеласгийской» Фессалии, где разводились лучшие кони, как в «амиклейской» Лаконии лучшие псы.

108. Пс.-Сократ, письмо 1,7 + Климент, «Строматы», V, 14, 101. «Странное содержание для пливовой песни», — замечает Фарнелл.

109—110. Стобей, IV, 9, 3 и 16, 6; начальный стих стал пословицей (Диогениан, IV, 84). На фр. 110 ссылается Полибий (IV, 31), говоря, что Пиндар разделял проперсидскую позицию фиванцев.

111. Эротиап, глоссы к Гиппократу, р. 49 (часть продолжения сохранилась в папирусе, но не поддается связному восстановлению). 112. Афиней, XIV, 29.

VIII. Эпюкми

118—119. Схолии к Ол. 2. Речь идет о заселении Акраганта родосскими дорянами.

120. Схолии к Нем. 7,1; 121. Дионисий Галикарнасский, «О Демосфене», 26. Ода известному македонскому,

царю-филэллину (ок. 495—450/440 до н. э.), тезке троянского Париса («Дарданида»). Ср. Вакхилид, фр. 20b.

122. Афиней, XIII, 32 (из Хамелеонта). Ксенофонт, герой Ол. 13, дал обет за победу подарить в храм Афродиты сто гетер-иеродул (или пятьдесят, если эпитет в ст. 19 понимать как «сторуккий, стоногий»); к жертвоприношению, освящающему этот дар, и написан энкомий, в котором Пиндар как бы извиняется за легкомысленность своей темы: храмовая проституция греческим общественным мнением скорее порицалась, чем поддерживалась.

123. Афиней, XIII, 76 (из Хамелеонта). Адресат — предмет старческой любви Пиндара, юный брат Аристагора Тенедосского, которому посвящена Нем. 11; по преданию, Пиндар скончался во время представлений в аргосском театре, опустив голову на колени этого Феоксена (словарь «Суда»).

124. Афиней, XI, 60. Адресат — друг юности Пиндара, сын Кснократа, которому посвящены Пиф. 6 и Истм. 2. Этому энкомию подражал Вакхилид в фр. 20b. «Афипские чаши» (ст. 4) — знаменитая чернофигурная керампка, считавшаяся в Греции лучшей.

124 с. Афиней, XIV, 47 (со ссылкой на Аристотеля).

125—126. Афиней, XIV, 36 и XII, 5. Пектида — струнный инструмент с более высокими звуками, барбитон — с более низкими.

127. Афиней, XIII, 76; 128. Афиней, X, 30. «Плестать вило» — в известной игре в коттаб.

IX. Френны

129—130. Плутарх, «Утешение к Аполлонию», 35 + «О завете «Живи незаметно», 7). Перечисляются три возможные судьбы после смерти: первая, редчайшая — стать богом, как Геракл; вторая, для праведников — попасть на Острова Блаженных (фр. 129, ср. Ол. 2); третья, для грешников — в бездну Эреба (фр. 130).

131. Плутарх, «Утешение к Аполлонию», 35.

133. Платон, «Менон», 81b в рассуждении о бессмертии души и повторных ее земных воплощениях. Мысль близка к высказываниям Эмпедокла (в от-

рывках поэмы «Очищения») о том, что очистившиеся души при втором воплощении становятся царями и мудрецами, а при третьем богами (у Пиндара — героями).

134. Стобей, IV, 39, 6; 135. Схолии к Ол. I, 127; 136. Элий Аристид, 31, II, p. 215.

137. Климент, «Строматы», III, 17: на смерть Гипократа Алкмеонида, посвященного в мистерии. Это единственный текст Пиндара, отделяющий в загробной участи посвященных от непосвященных; обычно отделяются просто благочестивые от нечестивых.

139. Схолии к псевдо-Еврипиду, «Рес». 895. Противопоставление пеанов и дифирамбов трем видам погребальных френов. Сын Эагра — Орфей; Иалем, по некоторым генеалогиям, был его братом.

Х. Из разных книг

140 а. Сильно разрушенный папирус. По Аполлodore, II, 5, 9, Геракл в своем походе против амазонок остановился на Паросе, и правившие там сыновья Миноса убили двух его спутников; Геракл наказал их смертью. На обратном пути от амазонок Геракл освободил от морского чудовища дочь троянского царя Лаомедонта, который за это обещал ему коней, полученных от самого Зевса в виде выкупа за Ганимеда. Лаомедонт не исполнил обещания и за это Геракл потом разорил Трою (см. Истм. 6). Пиндар имеет в виду, по-видимому, несколько иную последовательность событий.

140 б. Другой фрагмент того же папируса, подкрепляемый двумя цитатами Плутарха (=фр. 200, 235). По-видимому, это зачин стихотворения (дифирамба?); речь идет о Ксенократе из Эпизефирских Локров (земляке Агссидама, воспетого в Ол. 10—11), старшем современнике Пиндара, который вдобавок к ионийскому, лидийскому и прочим музыкальным ладам изобрел «локрийский лад», по свидетельству Афиней (624e), некоторое время пользовавшийся успехом.

140 с. Плутарх, «Об упадке оракулов», 30; 140 d. Климент, «Строматы», V, 14, 129; 141. Дидим, «О Троице», III, 1; 143. Плутарх, «О суеверии», 6; 144. Схолии

к Аристофану, «Всадники», 624; 146. Схолии к «Илиаде», XXIV, 100; 148. Афиней, I, 40.

149. Плутарх, «О надписи «Е» в Дельфах», 21; речь идет об Аполлоне, это — отрывок из пеана 16, найденного в папирусах, но слишком плохо сохранившегося для перевода.

150—151. Евстафий, комментарий к «Илиаде», II, 40; 152. Оксфордские рукописи (Anecdota Oxoniensia, ed. Cramer), I, p. 285; 153. Плутарх, «Об Исиде и Осирисе», 35.

155. Афиней, V, 18. *Благодушие* (эвтимия) — характерное пиндаровское олицетворение одного из центральных понятий эллисской гармонической этики.

156. Павсаний, III, 25, 2. Речь идет о культе Силена в лакопской Пиррихе, близ мыса Малеи.

157. Схолии к Аристофану, «Облака», 223: комментируется слово «однопиевка», которым у Аристофана ругается Сократ. Олимп, с которым бранится Силен, — легендарный музыкант, «изобретатель» монодической игры на флейте.

159. Дионисий Галикарпасский, «О старших ораторах», 2; 160. Стобей, IV, 58, 2.

161. Схолии к Аристофану, «Мир», 153. По предположению Бёка, речь идет о казни титанов, по предположению Бергга — о керкопах, связанных Гераклом. Проказливые карлики керкопы напали на спящего Геракла; он связал их, взвалил на плечи, и они, свисая вниз головами, стали переговариваться: «было нам пророчество, что придет беда от Чернозадого («Меламшига»); теперь мне видно: это он и есть!» Геракл рассмеялся и отпустил их.

162—163. Оксфордские рукописи, I, p. 201 + Аполлоний Дискол, II, 148. Великаны От и Эфиальт — братья — богоборцы, рвавшиеся взойти на небо, взгромоздив «Оссу на Олимп, и Пелион на Оссу». По одному из мифов, Аполлон поразил их своими стрелами («Одиссея», XI, 305), по другому — Артемида в образе лани пробежала между ними, они метнули в нее конья и оба поразили друг друга (Аполлодор, I, 7, 4).

164. Афиней, IV, 41.

165. Схолии к Аполлонию Родосскому, II, 476. Здесь (а еще прямее — в псевдо-плутарховских «Естествен-

ноисторических вопросах») Пиндару приписывается следующий контекст этого фрагмента: «Харон Лампсакский в «Истории» пересказывает, что некий Ройк увидел однажды дуб, готовый свалиться наземь, и велел рабам подпереть его; и тогда ему явилась нимфа, которой предстояло умереть с этим деревом, возблагодарила его за свое спасение и сказала, чтобы он просил, чего желает. Он попросил ее разделить с ним ложе, и она обещала; а когда придет этому время, — сказала она, — известит его пчела. И вот однажды, когда он занят был игрою в шашки, подлетела к нему пчела, а он так громко вскрикнул, что нимфа разгневалась и ослепила его».

166—167. Афицей, XI,51 + схолии к Аполлонию Родосскому, I,57a. Описание кентавромахи; *Кеней* — царь лашифов, которому предсказано было погибнуть не от железа.

168. Афицей, X,1. О прожорливости Геракла.

169. Схолии к Пем. 9,35; Элий Аристид, II, р. 68. Широко популярный в древности текст, на который ссылается Платон в «Горгии», 484b (речь Калликла в защиту «права сильного»): «как-то так говорится в этом стихотворении, ... что Герион коров и не продавал и не дарил, а Геракл все-таки их угнал, считая это природным своим правом, потому что и коровы и прочее добро слабейшего и худшего должно принадлежать лучшему и сильнейшему».

170. Страбон, III,3,7 (о гекатомбах).

171. Порфирий, в схолиях к «Илиаде», X,255. Ср. Аполлодор, II,7,3: Геракл убил Нелея и всех его сыновей, кроме Нестора, за то, что они отказали ему в очищении от греха прежнего убийства.

172. Схолии к Еврипиду, «Андромаха», 796.

173. Страбон, XII,3,9 — по поводу того, что жители тех малоазиатских мест, где когда-то жили амазонки, называют себя сирийцами. К этому же стихотворению относятся, вероятно, «отрывки» 174—176: «Пиндар рассказывает, будто храм (Аполлона в Дидимах) был воздвигнут амазонками во время войны с Фесеем» (Павсаний, VII,2,6); «...будто Фесей и Пифрифой похитили амазонку Антиону» (Павсаний, I,2,1);

«...и от Антиопы у Фесея был сын Демофонт» (Плутарх, «Фесей», 28).

179. Схолии к Нем. 7,116. *Амифаониды* — Биант и Мелами (см. Пиф. 4 и пеан 4).

180. Климент, «Строматы», I,10,49; 181. Схолии к Нем. 7,89; 182. Элий Аристид, II, р. 283 («из речей об Эрифиле»).

183. Страбон, IX,5,5: о том, что у Пиндара Феникс назван вождем эпирских долопов в греческом войске под Троей, чего у Гомера не было.

184. Геродиан, II, 659, 26; 185 Этимологик Гуде, р. 321, 55 (текст сомнителен); 187. Плутрах, «Застольные вопросы», II, 10.

188. Страбон, XIV, 1, 28 Пиндар упоминает о каком-то Полимнасте как о знаменитом музыканте...» Ср. о нем пс.-Плутарх, «О музыке», 5.

189. Схолии к Аристофану, «Осы», 308. «*Море Геллы*» — Геллеспонт. Из дифирамба афинянам?

190. Схолии к Пиф. 8, 53. Из эпиникиев? Об эгинском роде Мидилидов ср. Пиф. 8.

191. Схолии к Пиф. 2, 128. Ср. Ол. 1,17 и 105 о «дорийской лире» и «золотом ладе».

192. Схолии к Пиф. 4, 4; 193. Жизнеописание Пиндара», 6. Пифийский праздник с обильными жертвоприношениями справлялся каждые четыре года, но греки причисляли и год предыдущего праздника. Речь идет о празднике 522 или 518 г.

194. Элий Аристид, II, р. 159. Из цитаты неясно, относятся ли начало и конец фрагмента к одному стихотворению или к двум.

195. Схолии к Пиф. 4, 25. Речь идет о статуе нимфы, эпонима города; ср. начало Истм. 1.

196. Схолии к Пиф. 2. Имеется в виду Кадмея, фиванский акрополь. Ср. фр. 204.

198а. Хрисипп, фр. 180 а. Цитата без имени автора, но приписываемая Пиндару всеми издателями.

198b. Афиней, II, 15. *Тильфосса* — источник в южной Беотии, посвященный Аполлону; здесь умер и был похоронен вещий Тиресий.

199. Плутрах, «Ликург», 21. *Аглая* («Блистательная») — одна из Харит (ср. Ол. 14); Пиндар вспоми-

вает «доликурговскую» пышность Спарты времен Алкмана.

201. Страбон, XVII, 1, 19. *Мендес* — город невдалеке от восточного (но не «крайнего») устья Нила, где священным животным почитался козел (по греческому представлению — Пан). Ср. фр. 82.

202. Схолии к Пиф. 4, 207. Об Амфиарае?

203. Зенобий, III, 23 и др. паремиографы. Объяснение пословицы «*как скифу конь*»: «так говорится о тех, кто тайно рад ухватить, а открыто лишь отпирается да отрекается».

204. Схолии к Пиф. 2 — вместе с фр. 196 приводится как пример эпитета «сверкающий» применительно к городу.

205. Стобей, «Эклоги», II, 1, 21; 206. Плутарх, «Никий», 1 (стих, ставший поговоркой со значением «посягать на непосильное»).

207. Плутарх, «Утешение Аполлонию», 6. Текст сомнителен; перевод по варианту, принятому Пюшем.

209. Стобей, «Эклоги», II, 1, 21. Ср. «Жизнеописание» и приложенные к нему «изречения» Пипдара.

210. Плутарх, «О подавлении гнева», 8; 211. Плутарх, «О поздней каре от богов», 19; 212. Плутарх, «О пользе от врагов», 10; 213. Максим Тирский, 12, 1 (ср. Платон, «Государство», II, 365b); 214. Платон, «Государство», I, 331a; 215. Папирус; 217. Климент, «Педагогик», III, 295; 219. Большой Этимологик, 178, 10.

220. Плутарх, «Застольные вопросы», VII, 5, 3. По контексту, речь идет о местной и привозной снеди для застолья.

221. Секст Эмпирик, «Пирроновы положения», I, 86. Этому отрывку подражал Гораций в знаменитом вступлении к своим одам (завершая перечень: «а мне отрадней всего лирная песня!»).

222. Схолии к Пиф. 4, 410; 224. Схолии к «Илиаде», XVII, 98; 225. Схолии к Ол. 2, 42; 226. Элий Аристид, II, р. 238; 227. Климент, «Стромать», IV, 7, 49; 228. Плутарх, «Заниматься ли старикам политикой», 1; 229. Схолии к Ол. 8, 92; 230. Либаний, письмо 1218; 231. Схолии к Нем. 7, 87; 232. Плутарх, «Марцелл», 29; 233. Климент, «Педагогик», III, 12, 92.

234. Плутарх, «О спокойствии души», 13; 236. Схолии к «Одиссее», X, 240.

237. Элий Аристид, II, р. 159 («к одному из слушателей, который отвлекся и забыл, кто перед ним»).

238. Схолии к Пиф. 2,31. Об острове Кирки?

239. Геродиан, «О фигурах», р. 100; 240. Схолии к Ол. 10,62; 241. Афиней, VI, 53; 242. Схолии к Аристофану, «Мир», 250 (об Эгине).

243. Геродиан, «О фигурах», р. 100. О Фесее и Пирифое. По-видимому, из оды о том, как Фесей похитил в Спарте Елену, чтобы сделаться зием Зевса (фр. 258 = Павсаний, I, 41,5).

244. Большой Этимологик, 513,20 (о нимфе); 245. Оксфордские рукописи, I, 95,5; 246. Лесбонакт, «О фигурах», р. 44; 248. Плутарх, «О льстеце и друге», 27.

Дальнейшие фрагменты Пиндара, включаемые в издания, это лишь отдельные слова и приблизительные пересказы содержания. Пюш выделяет из них только одно место, фр. 292, из Платона, «Феэтет», 173e:

«...разум же, пренебрегши всем этим как пустым и ничтожным, царит надо всем, как у Пиндара, мера просторы земли, спускаясь под землю и воспаряя выше небесных светил, всюду испытывая природу любой вещи в целом и не опускаясь до того, что находится близко» (пер. Т. В. Васильевой).

ВАКХИЛИД

Перевод выполнен по изданию: *Bacchylidis Carminum fragmentis, post F. Blass et G. Suess ...ed. V. Snell. Lipsiae, 1958.* Для проверки перевода и комментария использовались издания: *Bacchylides. Lieder und Fragmente, griechisch und deutsch von H. Maehler. B., 1968;* *Bacchylides. The poems and fragments, ed. with introd., notes and prose translation by R. C. Jebb. Cambridge, 1905.* На русском языке превосходный научно-популярный очерк о Вакхилиде с прозаическими переводами больших отрывков принад-

лежит Ф. Ф. Зелинскому (в его кн. «Из жизни идей», СПб., 1905, изд. 3—1916).

Вакхилид был менее популярен у античных читателей, чем Пиндар. Александрийские филологи (может быть, тот же Аристофан Византийский) собрали и его сочинения — по-видимому, в девяти книгах: гимны, пеаны, дифирамбы, просодии, парфении, гипорхемы, энкомии (или сколии, точное название неизвестно), эпиникии и любовные песни. Но переписывались они мало, и на исходе античности последние рукописи их теряются; сохраняются лишь сравнительно немногочисленные отрывки в цитатах у других авторов. Вернула Вакхилида к жизни неожиданная папирусная находка: в 1896 г. в Египте были найдены два довольно большие свитка I—II в. н. э., один с эпиникиями, другой с дифирамбами Вакхилида; они-то, вместе с некоторым количеством меньших папирусных фрагментов, и составили ныне известный корпус стихов Вакхилида. Первое издание «обновленного» Вакхилида вышло в 1897 г.; в 1898 г. появилось стандартное издание Ф. Бласса, переиздававшееся семь раз с исправлениями и дополнениями В. Зюсса и затем Б. Спелля. Нумерация стихотворений и фрагментов перевода следует этому изданию.

ЭПИНИКИИ

Песнь 1, истмийская. <«Тельхины»> Аргею Кеосскому

Аргей, адресат оды, упоминается в кеосской надписи со списком местных атлетов-победителей — после победы на Истме среди мальчиков он одержал еще победу в Немее среди юношей, но упоминаемые в оде его победы (ст. 158) — более ранние, местные. Начало папируса почти не сохранилось; ст. 1—2 дополнены из цитаты в комментариях к Каллимаху, ст. 13—14 — в схолиях к Пиндару. Поэтому мифологическая часть оды почти вышала, осталось только имя Доксифей («богопримицы»). Здесь пересказывался местный ке-

осский миф. На Кеосе правил Дамон, князь тельхинов, демонического племени колдунов («которые, по словам Вакхилида, произошли от Тартара и Немесиды, а по словам других, от Земли и Моря», — Цец, «Феогония», 81); Зевс решил поразить их за нечестие, но пощадить дочерей Дамона — Макело (ее имя частично сохранилось в фрагментах разрушенной части), Дексифею и др. В «медовом сне» (слова фрагмента ст. 50) девушкам повелено покинуть «прежний город» (ст. 52) в горной части Кеоса и искать нового места в береговой низине, «на соленой грани» (ст. 54) под «лучами солнца» (ст. 55). Здесь они встречают Зевса и Аполлона в людском образе, обращаются к ним, «нежным ласковым голосом» (ст. 76—77) и жалуясь на «двуострое лезвие» и «бедность» (ст. 79—80), а в ответ, по-видимому, получают предсказание, что род их не пресечется, так как Дексифея родит от Миноса сына Евксантия, который будет предком знатного рода на Кеосе (а также, по местным легендам, и в Милете). К этому роду принадлежала и семья Аргея (судя по ст. 161—162, сильно обедневшая). Сохранившаяся часть оды содержит конец мифа, хвалу победителю с его отцом и рассуждение о доблести. «Это исключительный пример эпивикия, кончающегося 25 стихами сплошь гномического содержания: Пиндар бы непременно ввел перед концовкой еще намек на победу» (Джебб).

⁸ *Перей* — тесть Посидона как мужа Амфитриты.

¹³⁻¹⁴ *Врата... острова Пелона* (Пелопоннеса) — Коринф на Истме.

¹³⁹ *Город* — по-видимому, Корес на берегу Кеоса, основанный (?) дочерьми («корами», девицами) царя Дамона.

¹⁶⁵⁻¹⁶⁶ *Здоровье* — «лучший дар человеку — дар здоровья...» упоминается в сколиях (8 по Бергку), а «самодовлеющее житье» — в рассуждениях Солона у Геродота, I, 31.

Песнь 2, истмийская. Аргею Кеосскому

Короткая песня для исполнения в Коринфе тотчас после одержанной Аргеем победы. Предыдущая, более

длинная, сочинена была уже потом, для празднования победы на родине победителя. (По другому восстановлению первых строк — «пришла на священный Кеос» — это песня для встречи Аргея на кеосской пристани, что менее вероятно.)

⁸ *О милом имени* — двусмысленность: имеется в виду то ли имя победы, то ли имя победителя.

⁹ *Остров Евксинтия* — Кеос (см. прим. к оде 1).

¹⁰ *Семьюдесятью венками* — 70 побед, одержанных кеосцами на Истме в прежние времена (судя по оде 6, ст. 7, кеосцы особенно охотно выступали на ближнем Истме).

Песнь 3, олимпийская.

«Крез».) *Гиерону Сиракузскому, 468 г.*

Гиерону посвящены три оды Вакхилида (3—5) — 476, 470 и 468 гг.; в сборнике они расположены в обратной хронологической последовательности. Через год, в 467 г. Гиерон умер; заключительная часть оды Вакхилида звучит как утешение перед близящейся кончиной. Простой трехчастный план: похвала Гиерону — миф о Крезе — увещание Гиерону. Миф о событии не легендарном, а историческом (падение Сард в 546 г. было на памяти отцов Вакхилида и Пиндара) необычен в оде и введен как пример того, что боги не оставляют щедрых своих читателей — таких, как Крез и Гиерон. В другом варианте, очищенном от сказочных мотивов, легенда о Крезе приводится у Геродота (I, 86 сл.) и позднейших историков. Здесь Крез не сам сожигает себя, а попадает в плен к Киру, и тот велит его сжечь; и не Аполлон уносит его к гиперборейцам, а Кир милует и делает своим советником. Сохранилась краснофигурная амфора (ок. 500 г., Лувр) с изображением Креза на костре, в царском одеянии, со скипетром и чашей для жертвенного возлияния, т. е. по вакхилидовской версии. Можно предположить, что геродотова версия опирается на дельфийскую традицию (Аполлон помогает Крезу прорицаниями, но Крез неправильно их толкует), а вакхилидова — на делосскую.

- Деметра и Кора* — Гиерон был наследственным жрецом их сицилийского культа.
- ⁶ *Блещущая Харити* — этимологическое значение имени «Аглая».
- ⁶ *Над ширью* — редкий эпитет для Алфея (ср. Пиндар, Ол. 5,13 и Вакхилид, 5,98): зимой он широк, но летом, в пору состязаний, сильно пересыхает.
- ¹³ *Треножники* — Гиерон их жертвовал в Дельфы сначала совместно с Гелоном за победу при Гимере, а потом сам, за свои победы на состязаниях. Надписанные постаменты этих треножников раскопаны в Дельфах.
- ²⁵ *Зевсов суд* назначал четвертому потомку лидийского царя Гига, убившего законного царя и захватившего власть, расплату за этот грех; этим потомком и оказался Крез.
- ⁴⁰ *Алиатт* — отец Креза, сильнейший из лидийских царей (ок. 617—560).
- ⁴⁴ *Пахтол* — золотоносная река близ Сард.
- ⁴⁹ *Мягко ступающий* — признак азиатской изнеженности, которой особенно попрекали лидяи.
- ⁷⁷ *Сын Ферета* — Адмет, царь фессалийских Фер, у которого служил пастухом Аполлон, искупая грех убийства, и, прощаясь, оставил ему свои мудрые советы.
- ⁸¹ *Пятьдесят лет* — условно, в значении «очень долго».
- ⁹⁶ *...в правдивой той похвале...* — неясное место; возможен перевод «и с истинною [т.е.их] прекрасных [дел]», т. е. прежде всего — побед в состязаниях.
- ⁹⁸ *Кеосского солодья* — Вакхилид связывает в славе себя и адресата оды, как Пиндар в концовке Ол. 1; перечисление стихий в ст. 85—87 также напоминает знаменитый зачин Ол. 1.

*Песнь 4, пифийская. Гиерону Сиракузскому,
470 г.*

Маленькая, срочно написанная ода такого же рода, как оды Аргею (2) и Лахону (6). На ту же победу написал знаменитую оду Пиф. 1 Пиндар.

- ¹ *...третий раз...* — собственно, после прежних дельфийских побед Гиерона 482 и 478 гг.; по-видимому,

он состязался и в 474 г., но не добился победы — из-за несправедливого судейства, как полагает Вакхилид в ст. 11—13.

⁷⁻¹⁰ Плохо сохранившееся и по-разному восстанавливаемое место; перевод следует толкованию К. Галлавогги — Г. Мелера: *Урания* («небесная») — Муза, «петух» ее — поэт (или — петух ее и Аполлона спутник, вдохновляющий поэта).

¹⁵ *Приалфейские победы* — в Олимпии, в 476 и 472 гг.

²⁰ *Всех благ...* — т. е. вдобавок к мощи, богатству и воинской славе — еще и славу пифийской победы.

Песнь 5, олимпийская. («Мелеагр».)
Гиерону Сиракузскому, 476 г.

Ода на первую победу Гиерона в Олимпии — ту самую, которой Пиндар посвятил знаменитую Ол. 1. Вакхилид посылает ее с Кеоса в Сиракузы. Гиерон уже страдал каменной болезнью; поэтому Вакхилид напоминает ему, что нет счастья без несчастья, и приводит в пример судьбу Мелеагра, погубленного матерью в цвете лет, и Геракла, которому тень Мелеагра предлагает брак с Деянирой, не зная, что брак этот будет роковым. Композиция обычная, трехчастная: похвала Гиерону (и его коню, и самому себе, славящему обоих) — миф о Геракле и Мелеагре (главный рассказ, хорошо связанный с предыдущей частью и резко обрывающийся перед последующей) — и опять похвала Гиерону.

⁶ *Верно его поймешь* — ср. Ол. 1, 103 (на ту же победу): оба поэта хвалят Гиерона как ценителя искусства.

¹⁹ *Рыжим... крылом орел* — имеется в виду «золотой или горный» орел с коричневыми перьями и золотым отливом вокруг шеи; ср. тот же образ у Пиндара в Ол. 2, 95—97, в Нем. 5, 20 и 3, 80.

²³⁻³⁴ *От... Победы и Ареса* — от первой удачи в состязаниях, от второго — в недавней битве при Гимере.

³⁵ Сыны Диномена названы вместе в честь только что состоявшегося примирения Гиерона с Поллизалом.

⁴⁰ *Заря* — олимпийские скачки начинались рано утром.

⁵³ *Рушитель...* — имеются в виду взятие Гераклом

- Трои (при Лаомедонте), Пилоса («Илиада», XI, 689) и Эхалии (перед смертью).
- ⁶¹ Пса — Кербер считался сыном дракона Пифона и полужеппины-полузмеи Эхидны («Феогония», 310), реже — Тартара и Земли.
- ⁶⁵ ... как листья в ветре... — знаменитый гомеровский образ («Илиада», II, 468), перешедший и к Аполлонию (IV, 216), и к Вергилию («Энеида», VI, 309), и к Сенеке («Эдип», 600).
- Порфаон* — отец Иней, отца Мелеагра. Этолия делилась на восточную, калидонскую, принадлежавшую Инею, и западную, плевронскую, населенную куретами (ст. 125) с их царем Фестием; его дочь была Алфея, мать Мелеагра, а сыновьями — Ификл и Афарей (ст. 127), убитые Мелеагром.
- ¹⁴² *Головия* — этот сказочный мотив отсутствует у Гомера и кикликов (Мелеагр гибнет в бою или от стрелы Аполлона), а входит в литературу только у Вакхилида и (почти одновременно) у афинского трагика Фриниха.
- ¹⁷⁶ *Каллиопа* названа здесь как муза эпоса; впрочем, ее имя (как и имена Урании в одах 4, 6, 13 и Клио в 3, 11, 12) скорее всего, названо просто в значении «Муза».
- ¹⁹⁴ *Гесиод* — в сохранившихся его произведениях такого высказывания нет; дальнейшее сходство можно усмотреть в «Феогонии», 81 сл., и более близкое у Феогнида, 169: «Кто богами почтен, того и хулителю хвалят».

*Песнь 6, олимпийская.
Лахону Кеосскому, 452 г.*

Короткая, спешно сочиненная песня, чтобы приветствовать победителя, не дожидаясь общего праздника его победы. Пелась «перед домом» (ст. 13) — то ли на Кеосе, то ли в Олимпии, где Лахон жил со спутниками. Начало оды обыгрывает этимологический смысл имени Лахона.

¹⁴ *Урания* — см. прим. к 5, 176.

*Песнь 7, олимпийская,
Лахону Кеосскому, 452 г.*

Обращение к олицетворенному дню олимпийских состязаний (50 лунных месяцев от игр до игр): вероятно, эта песня пелась в Олимпии, а предыдущая на Кеосе. Игры справлялись попеременно через 50 и 49 лунных месяцев, в третье или второе полнолуние после солнцестояния; начинались они в 11-й день месяца, а кончались в 16-й раздачей награды.

Песнь 8. [Липариону Кеосскому?]

Папирусный столбец между этой и предыдущей одами разрушен; поэтому неясно, представляют ли они начало и конец одного большого произведения в честь мальчика Лахона (так считал Джебб) или же в пробеле начиналась новая ода, взрослому атлету, уже одержавшему много побед; последнее вероятнее. Если этот атлет тоже был с Кеоса, то его можно отождествить с Липарионом, сыном Липара, за которым в кеосском списке победителей значится больше всего побед (истмийских и немейских).

³⁰ *Этолийскою ... оливою* — см. прим. к Ол. 3,12.

*Песнь 9, немейская. <«Асопиды».>
Автомеду Флиунтскому*

Трехчастная ода обычного типа: похвала городу и победителю — миф — поучение. Флиунт — небольшой город недалеко от Немей на реке Асопе (в Греции были и другие реки этого имени); дочерьми Асопа считались нимфы Эгина, прародительница Эакидов, Фива и Клеона, покровительницы одноименных городов, Пирена, нимфа источника близ Коринфа, и другие; им и посвящена мифологическая часть оды. Адресат ближе неизвестен.

² Смысл: знаменитому человеку люди верят больше, чем безвестному.

¹⁰ ... *полубоги о красных щитах* — Семеро против Фив (красные щиты упоминаются в греческой по-

эзии только здесь). Об *Археборе* и учреждении Немейских игр; см. выше, стр. 435.

²⁴ *Трехлетье* — по греческому счету, промежуток между немейскими играми, справлявшимися каждые два года.

Автомед победил в трех видах пятиборья, но этого оказалось достаточно, чтобы стать первым.

⁴¹ С Нила приходил с помощью к Трое Мемнон, с Фермодонта — Пенфесилея с амазонками; и тот и другая погибли от Эакида (Асопида) — Ахилла.

⁶⁷ *...явил справедливость...* — имеется в виду Эак.

⁸⁴ *...возлегает пред богами* — т. е. бессмертна.

⁹⁸ *Деметра и Дионис* особенно почитались в плодородном Флиунте.

Песнь 10, истмийская. Аглаю Афинскому

Имя адресата испорчено в тексте, но легко восстанавливается. Судя по тому, что оду заказывал его родственник (ст. 9), отца его, по-видимому, уже не было в живых; а судя по отступлению в ст. 49—50, семья была небогатой. Датировка неустановима. Из-за краткости в оде нет мифа: после зачина следуют лишь части хвалебная и поучительная. Начало и конец сильно испорчены и восстанавливаются предположительно.

⁹ *Пчела* — обычное сравнение с поэтом: ср. Пиндар, Пиф. 10, 53, а потом Гораций, IV, 2, 28, где он сравнивает себя с Пиндаром.

¹² *...нерукотворный...* — чтенно Джебба; Бласс и Снелль читают «подручный».

¹⁸ *Инеидов* — от имени афинского героя Инея, сына легендарного царя Пандиона, так называлась одна из 10 афинских фил.

²² По-видимому, Аглай участвовал подряд в трех видах бега: простом, двойном и дальнем (четверпом?).

³² Перечисляются те же состязания, что и у Пиндара, Ол. 13, 107—112.

⁶¹ *По зачем...* — отрывистый переход (как у Пиндара, Пем. 7, 11 и др.) к несохранившейся заключительной части оды.

Песнь 11, пифийская. «Претиды».
Алексидаму Метапонтскому

Адресат и год сочинения неизвестны. Ода двухчастная: похвала победителю — миф о Претиде; зачин обращен к богине Артемиде, конец сильно скомкан. Связь между хвалебной и мифологической частью образует тема Артемиды (как в оде 3 — тема Аполлона). Изложение мифа отклоняется от более обычной версии (Геродот, IX, 34; Аполлодор, I, 9, 12; Диодор, IV, 68 и др.): по ней Прет не сам нашел и спас дочерей, а лишь с помощью гадалея Мелампа, который за это потребовал и получил часть Претова царства (Вакхилид мог отбросить этот мотив, чтобы усилить роль Артемиды).

⁸ *Золотой Олимп* — эпитет редкий, обычно прилагается лишь к земным дворцам.

⁹ *Стикс* (по-гречески — женского рода) — загробная река, дочь Океана, родившая Победу от титана Палланта; «*правосуден*» он потому, что клятва Стиксом считалась нерушимой.

²⁶ *...правосудие...* — Вакхилид полагает, что олимпийские судьи оказались пристрастны.

³¹ *...пажить тельчих стад* — Италия (этимологизация ее названия).

⁴⁰ *Абантиад* — Прет, сын Абанта, внук Гипермнестры и Липкея.

⁷⁷ *Киклоны* — степы Тиринфа из исполинских каменных блоков упоминаются еще в «Илиаде», II, 559, но с киклопами эти постройки связываются лишь позднее (у Гелланика и Ферекида).

⁹⁷ *Лус* — река в северной Аркадии с храмом Артемиды на том месте, где она исцелила Претид: считалось, что вода его излечивала от пьянства.

¹⁰⁰ *Волоокая* (т. е. с большими глазами) — обычный эпитет для Геры и необычный для Артемиды.

¹⁰⁹ *...цветами увенчанных* — так как они шли в храм, когда их застигло безумие.

¹¹³ *...ахейским мужам...* — Метапонт в Италии был основан (ок. 700 до н. э.) выходцами из пелопоннесской Ахайя, считавшими себя потомками гомеровских ахейцев.

¹¹⁸ *Кас* — река близ Метапонта, нын. Базиенто,

Песнь 12, немейская. Тисию Эгинскому

Ни дата, ни адресат не известны; два сохранившиеся отрывка не дают даже угадать композиции оды.

³⁵ *Окрестные состязания* — то ли местные на Эгине и близ ее, то ли Пифийские, устраиваемые амфиктионами 12 окрестных государств.

³⁶ *Тридцать побед* — общая сумма побед эгинян на разных соревнованиях.

³⁹ *«Горловина»* Пелопоннеса — Истм.

Песнь 13, немейская. <«Эакиды».>

Пифею Эгинскому, 480-е гг.

Эта самая длинная ода Вакхилида посвящена тому же борцу и той же победе, что и ода Пиндара Нем. 5; см. об этой династии борцов примечания к этой оде. План симметричный, из 5 частей: похвала победителю — Эгине — Эакидам — опять Эгине — опять победителю; добавками служат зачин о начале Немейских игр (на месте подвига Геракла) и концовка о себе и Музах. Характерна для Вакхилида эпическая плавность в разработке мифа, столь непохожая на отрывистую картинность Пиндара.

¹ Начало оды не сохранилось; в уцелевших стихах речь идет о борьбе Геракла с Немейским львом (зрителем этого, судя по вазописи, могла быть Афина или нимфа Немей).

⁸¹ *Во всякой борьбе* — т. е. и в спортивной и в военной.
¹⁰⁶ *...став на корабельной корме...* — описывается «битва при кораблях» («Илиада», XIII), героем которой был Аянт.

¹⁴⁶ *Арес... и Аполлон* — любопытное отклонение от Гомера: у него боги, в силу запрета Зевса, не принимают участия в битве при кораблях.

¹⁶¹ *Синеглазые* — традиционная роспись корабельного носа.

¹⁸⁶ Культ «*Евклеи и Евномии*» (последнее имя — одна из Ор, символизирующая «благозаконие») упоминается в одной афинской надписи.

¹⁹⁵ *Чтила не раз...* — Афина «чтила» Менандра, даря победы его ученикам.

*Песнь 14, петрейская.
Клеоптолему Фессалийскому*

Адресат ближе не известен. Праздник в честь Посидона Петрейского («каменного») справлялся в Фессалии, близ Темпейской долины.

Песнь 14в. Аристотелю Фессалийскому

Адресат ближе не известен. Упоминание Кирры позволяет предположить, что воспевается пифийская победа; но это может быть и началом перечня прежних побед. Точно так же нет уверенности, что Агафокл (ст. 3) — отец победителя, а Лариса (ст. 10) — его родина.

⁴ «*Посреди дорог*» часто ставились статуи богов, но обычно — Гермеса, а не Гестиня,

ДИФИРАМБЫ

*Песнь 15.
Антепорида, или Посольство о выдаче Елены*

Когда греки высадились перед Троей, они отправили в Трою послами Одиссея и Менелая с предложением выдать Елену и ее богатства без войны; но троянцы отказались. Этот эпизод «Киприй» и послужил содержанием дифирамба, дошедшего до нас с сильно поврежденным началом и резко обрубленным (может быть, неполным?) концом. В начальной части, по-видимому, излагалось отправление посольства и гостеприимство, оказанное ему Антепором, его женой Феано и их 50 сыновьями (в «Илиаде» упоминаются только 10 сыновей, но схолиаст к «Илиаде», XXIV, 496 уверяет, что Вакхилид насчитывал их 50 — может быть, потому, что хор в дифирамбе состоял именно из 50 человек). Рассказ ведется в эпическом стиле, с характерным «Молви, Муза...» (ст. 47).

- ⁴⁶ *Конец бедствий* — ибо уже при высадке ахеев произошло два сражения, одно в пользу троянцев (в нем пал Протесилай), другое в пользу ахейцев.
- ⁴⁷ *Отпрыск Плисфена* — у Гомера Агамемнон и Менелай сыновья Атрея (ср. ст. 6), у лириков в сыном Атрея иногда называется Плисфен, а сыновьями Плисфена братья-цари.
- ⁴⁹ *Хариты* названы как подательницы красноречия.
- ⁵⁶ *Правда* (Дика) и *Благозаконие* (Евпомия) — сестры — Оры, *Справедливость* (Фемида) — их мать,

Песнь 16. Геракл

Дифирамб пересказывает миф о смерти Геракла (ранее разработанный в киклической поэме «Взятие Эхалии», а позднее в «Трахинянках» Софокла). Дельфийский заказ объясняется тем, что в зимние месяцы Аполлон считался отлучившимся из храма на север (напр., к фракийскому Гебру, упоминаемому в ст. 5) и его место занимал Дионис, так что вместо пеонов пелись дифирамбы. В зачине поэт призывает Аполлона вернуться в Дельфы, затем резко переходит к мифу, а затем так же резко обрывает изложение.

- ⁵ *Лебедь* почитался священной птицей Аполлона.
- ¹⁷ *Мыс* — Кенейский на северо-западе Евбеи, место почитания Зевса Кенейского.
- ²⁴ *Ликорм* — другое название Евена, реки, через которую перевозил Деяпиру Несс.

Песнь 17. Ююши, или Фесей

Это по существу не столько дифирамб Дионису, сколько пеан Аполлону, писанный для кеосского хора на делосском празднике. Делос был связан с излагаемым мифом: на этом острове останавливался Фесей по пути с Крита и учредил там праздничный обряд, сохранившийся и в исторические времена. Почти одновременно с дифирамбом Вакхилида этот миф был изображен на фреске в афинском Фесейоне и на двух сохранившихся чапах, луврской (работы Евфрония) и болонской.

- ...юных ионян — так названы афинские юноши и девушки, отправляемые в жертву Мипотавру.
- ¹⁴ Эрибея — будущая жена Теламона и мать Аянта.
- ¹⁵ Пандионов внук — Фесей как сын Эгея.
- ⁸⁰ Ида — из нескольких гор этого имени имеется в виду критская.
- ⁸¹ Финикова дочь — Европа; Финик (по более распространенной версии — не отец, а брат Европы) — мифический прародитель финикиян.
- ⁸⁶ Земным отцом Фесея считался Эгей, а божественным — Посидон (как для Геракла — Амфитрион и Зевс): дело в том, что первоначально «Эгей» было одним из прозвищ Посидона и лишь потом выделилось в самостоятельное лицо.
- ⁶¹ Зять Солнца (Гелиоса) — Минос как муж Пасифаа.
- ⁷¹ Молния с ясного неба («светлый эфир», ст. 73) как знак услышанной богом молитвы является еще в «Одиссее», XX, 114.
- ¹¹¹ Амфитрита («степающая вокруг земли») — образ, появляющийся только у лириков — в «Илиаде» ее нет, в «Одиссее» она — лишь расплывчатое олицетворение морской стихии, Гесиод упоминает ее как Нерсиду, но еще не как жену Посидона.
- ¹²⁰ О, в каких помыслах... — Минос надеялся, что Фесей уже утонул. Характерно, что о вынесенном из пучины Миносовом кольце Вакхилид не упоминает, чтобы не снижать божественности Фесея ролью исполнителя Миносовых приказаний.
- ¹²⁶ ...девы на светлых престолах — Неренды.

Песнь 18. Фесей

Дифирамб, судя по теме и концовке, предназначался для афинян — может быть, для праздника Фаргелий (в конце мая), учрежденного самим Фесеем. Интересен как образец диалогического дифирамба, написанного уже в пору расцвета выросшей из него трагедии. Сюжет: Фесей, сын Эфры, выросший в Трезене, идет к своему земному отцу Эгею в Афины, очищая дорогу от разбоя и чудовищ.

- ² «Привольно живущими» считались ионяне (в том числе и афиняне) в противоположность сурово живущим дорьянам.
- ¹⁵ *Креуса* — имя матери Иона, прародителя ионян, сына Аполлона; Эгеева же мать обычно называется Пилией.
- ²⁰ Перечисляются первые победы Фесея: над Синидом, разрывавшим пленников на куски, над Кроммионским кабапом между Коринфом и Мегарами, над Скироном, сбрасывавшим путников со скал (афиняне рассказывали о нем как о злодее, мегаряне — как о герое), над Керкионом, вызывавшим прохожих на кулачный бой, и над Прокоштом (или Прокрустом: первое имя означает «усекатель», второе «растягиватель»), сыном Полипемона, убивавшим людей на «прокрустовом ложе».
- ²² *Посидон Литейский* («разрешитель») — фессалийское прозвище этого бога.
- ⁵⁰ *Лаконская шапка* — дорожная шляпа с широкими полями.
- ⁵⁴ *Фессалийский плащ* (хламида) — короткий, удобный для верховой езды.
- ⁵⁵ *Лемносский огонь* — вулканический: на Лемносе находилась, по мифам, одна из кузниц Гефеста.

Песнь 19. Ио

Эта ода представляет собой дифирамб в точном смысле слова: начинается он с Ио, а кончается дальним ее потомком — самим Дионисом. Миф об Ио не упоминается в греческой поэзии до Эсхила («Просительницы», «Прометей») и Вакхилида; да и Вакхилид откровенно колеблется в выборе версии рассказа о спасении от многоглазого Аргуса.

- ¹¹ *Славная забота Кеоса* — обращение поэта к самому себе и своему вдохновению.
- ²⁵ *Майин сын* — Гермес.
- ⁴³ *Народ в льняных одеждах* — египтяне.

Песнь 20. Идас

Сюжет мифа об Идасе, сыне Афарея, повторяет сюжет мифа о Пелопе. Евен, царь этолийского Плеврона, заставлял всех, сватавшихся к его дочери Марпессе, состязаться с ним в колесничном беге, и обгоняемых убивал. Наконец, Идас, получивший колесницу и коней от самого Посидона, обогнал его и увез с собою Марпессу в Спарту, где девушки встретили их свадебной песнею — «гименеем» (об этом речь в первых стихах отрывка); а Евен преследовал беглецов до реки Ликорм (ср. Вакх., 16, 34) и там, отчаявшись, убил своих коней и бросил в реку, которая с тех пор носит его имя. Другой миф об Идасе см. у Пиндара, Нем. 10, 60—72.

Песнь 21. <Кассандра?>

Отрывок сохранился на клочке папируса и в схолиях к Пиндару (Ол. 10, 83); Ф. Бласс предположил, что он относится к дифирамбу, перечисляющему греческие войска под Троей — например, в форме того пророчества Кассандры, которому подражал Гораций в оде I, 15 (по свидетельству Порфириона).

Песнь 26. <Пасифая?>

Пасифая, дочь Солнца, была женой Миноса. Минос в молитве попросил Посидона послать ему исполнителя быка, чтобы принести его в жертву; бык явился, но Минос вместо жертвоприношения пустил его в свое стадо. За это боги наказали его, внушив Пасифае страсть к этому быку; она приказала Дедалу («сыну Евпалама») сделать полую статую телки и, скрывшись в ней, соединилась с быком; от этой связи родился Минотавр.

Песнь 27. <Хирон?>

По-видимому, пророчество Хирона о его воспитанике Ахилле; можно предположить, что вспоминает его Фетида или Пелей. От остальных стихов дифирамба сохранились лишь отрывки разрозненных слов.

ОТРЫВКИ

1. Стобей, III, 10, 14; 2. Папирус и схолии к Аполлонию Родосскому, III, 467; 3. Стобей, IV, 54, 1.

4. Ст. 21—25 — Афиней, V, 5; ст. 39—70 — папирус; ст. 61—80 — Стобей, IV, 13, 3; ст. 69—77 — Плутарх, «Нума», 20. Геракл победил парнасское племя дрипов и отвел его в Дельфы как свое приношение; Аполлон приказал ему поселить их в Арголиде, и Геракл основал для них город Асину (впоследствии разрушенную аргивянами), а пророк Меламп учредил в нем прорицалище. Слова Геракла, без зова являющегося на пир в дом трахинского своего друга Кеика (ст. 23—25), стали пословицей. *Галики* (ст. 49) — город невдалеке от Асины.

5. Климент, «Строматы», V, 68, 5. Ср. противоположное утверждение, что природный самобытный дар выше науки, у Пиндара, Ол. 2, 86.

6. Пословица, встречающаяся в различных сборниках.

7. Схолии к Пиндару, Пиф. 1, 100; 8. Сервий, комментарий к «Энеиде», XI, 93; 9. Там же, к II, 201; 10. Схолии к «Илиаде», XII, 292.

11+12. Стобей, IV, 44, 16 и 46; 13. Там же, IV, 34, 24.

14. Стобей, III, 11, 19. *Пробный камень* — сланец, на котором растиралось золото. *Уменье* — прежде всего имеется в виду мастерство поэта.

15. Дионисий Галикарнасский, «О соединении слов», 25. Об Афинне Итонию см. прим. к Пиндару, фр. 94b.

16. Гефестион, 14, 7.

17. Афиней, XV, 5. Описание сцены при застольной игре в коттаб: играющий плескал вино из своей маленькой чаши в большую металлическую, та от толчка задевала маленькую металлическую фигурку, раздавался звон, и по этому звону застольники гадали, кто кого любит или нет.

18, 19. Гефестион, 7, 3. Примеры для объяснения разницы между двумя видами припева: эпифтегмой (когда текст припева связан со строфой, как здесь) и эфимнием (когда припев представляет собой бессвязную вставку, как «из, пеан» и т. п.),

20а. Папирус. Обращение к отцу, медлящему выдать замуж дочь; для примера напоминает миф о Евене, Марпессе и женихе ее Идасе (ср. выше, диффрамб 20).

20b. Папирус; ст. 6—16 сохранились также у Афиня, II, 10. Об Александре см. примеч. к Пиндару, фр. 120—121; ода Вакхилида, изображающая юношу среди юношей, относится, вероятно, к ранним годам его правления (до персидских войн). Образы и интонации стихотворения любопытным образом предвещают поэзию Горация. «Перо... Музы» (ст. 4) — т. е. песню, летящую к Александру, как птица. «Египетское богатство» (ст. 15) — хлеб, ввозимый в неплодородную Грецию (и Македонию).

20с. Папирус. Дата — после основания Этно; упоминаемые победы Ференика на Пифийских и Олимпийских играх — 478 и 476 гг.

20d. Папирус. По-видимому, из утешительного стихотворения (к Гиерону?), где перебирались мифологические примеры страданий — в том числе нимфа Энона, жена Париса, покинутая им ради Елены, и Ниоба, наказанная за то, что тщеславилась многодетностью перед Латоною.

21. Афиней, XI, 101: «Беотийские чаши упоминает и Вакхилид там, где он обращается к Диоскурам, призывая их в гости...» — т. е. на государственное празднество с угощением в честь богов или на домашнюю пирушку (как у Горация, I, 20). Беотийские чаши, емкие кубки с двумя ручками, считались простонародной посудой.

23. Климент, «Строматы», V, 110, 1.

24. Стобей, «Из физиков», I, 5, 3; 25. Климент, «Строматы», VI, 14, 3; 26. Климент, «Педагогик», III, 100, 2 (сильно испорченный текст); 27. Плутарх, «Нума», 4; 29. Большой Этимологик, 296, 1; 30. Афиней, I, 36.

33. Присциан, III, р. 428. Может быть, связано с фр. 14, где речь идет о пробирном камне?

34. Зиновий, III, 25 и др.; 35. Большой Этимологик, 296, 1.

ЭПИГРАММЫ

«Палатинская антология», VI, 313 и VI, 53. Эпиграммы Вакхилида в александрийское собрание не входили и сохранились случайно. Вторая из них — явно неподлинная («Зефиру святилиц никто не строил, а тем более — крестьянин, да еще по такой причине», — Вилламовиц). Карфея — городок на Кеосе.

СПОРНОЕ

Из 13 отрывков, принадлежность которых Вакхилиду возможна, но не доказана, мы вслед за Мэлером помещаем здесь лишь один крупный папирусный фрагмент: Баура приписывает его Пиндару, Снелль — Вакхилиду. Это тот же сюжет, что и в дифирамбе «Геракл», но в другой (более ранней?) версии, не упоминающей отравленной крови Несса.

ТИМОФЕЙ

После стихотворений Пиндара и Вакхилида, это единственный сохранившийся достаточно большой памятник классической греческой лирики. Папирус начала I в. до н. э. («древнейшая сохранившаяся греческая книга») был найден в 1902 г. в довольно хорошем состоянии. Первое издание его выпустил в 1903 г. сам Вилламовиц-Мёллендорф, и это было необычное издание: при тексте в нем вместо обычного комментария или перевода Вилламовиц приложил им самим сочиненные схолии на греческом языке, отлично стилизованные в обычной манере схолиастов: «здесь поэт перифразой говорит то-то и то-то». Действительно, фантастическая вычурность стиля Тимофея делает его непонятным гораздо в большей степени, чем неполная сохранность текста; поэтому восполнения и толкования отдельных мест Тимофея чрезвычайно разноречивы. Перевод сделан по изданию Lyra Graeca, ed. and transl. by J. M. Edmonds, v, III, London — Cambridge (Mass.), 1940;

отступления от текста Эдмондса в сторону рукописных чтений особо не оговариваются. Подробный анализ текста и предложенных первыми его комментаторами толкований и дополнений дал в свое время Д. П. Шестаков в содержательной статье «Персы Тимофея: вновь открытый памятник древнегреческой поэзии» («Ученые записки Казанского университета», 1904, № 12, с. 1—90), приложив свой перевод, сделанный ямбами; в Казани в это время учился студент-естествовед В. В. Хлебников, будущий поэт-футурист, и в его позднейшем стиле, быть может, сохранились и отголоски этого (песомненно, читанного им) перевода: почти по-хлебниковски звучат, например, такие строки (26—31);

Там смерть несли и слитки из свинца,
И льва пучки, плававшие огнем,
На трости, укротительнице стада.
И много жизней пало в жертву
Медноголовым, тонкокрылым
Летевшим с тетивы пяташутой змеям...

Начало нома не сохранилось. Сохранившаяся часть сама собой делится на семь частей: битва; плач тонущего перса, еще борющегося; плач выплывшего перса, уже отчаявшегося; плач гибнущего перса, ломаным языком; плач царя; победа; и заключение — апология своих, Тимофеевых преобразований в музыке.

⁴ *Форкиада* — море (по вычурной генеалогической ассоциации: олицетворением моря был Понт, сыном Понта считался Форк, Форкиады же, сестры Горгон, в обычных мифологических представлениях с морем никак не связывались).

²¹ *Опетленный Арес*... — перечисляются метательные копья, свинцовые ядра, зажигательные и обычные стрелы.

²⁹ ...*Амфитриты*... *меж мраморных крыл* — т. е. море между каменных берегов.

⁴⁰ *Гермский долиник* — близ Герма, реки в Малой Азии.

⁹⁰⁻¹⁰⁴ *Ладейные ноги* — весла, *дети ртов* — зубы.

- ⁸⁵ ...канатное ярмо — знаменитый мост Ксеркса через Геллеспонт.
- ¹²⁶ *Тмол* — горы в Лидии, близ ископных мест почитания *Матери Богов* — Кибелы—Рей.
- ¹⁵¹ *Келены* — город на юге Малой Азии.
- ¹⁷² *Сарды, Сузы, Агбаты* — столицы Лидии, Персии, Мидии.
- ²²⁶ *Пестрозвучная черепаха* — кифара (с ее резонатором из черепашьего щита), издающая разнообразные звуки.
- ²⁴² ...о двенадцати стенах — вавилонский союз двенадцати городов.

ДОПОЛНЕНИЯ

В этот раздел включены несколько переводов, цель которых — показать историю освоения форм греческой хоровой лирики русской поэзией:

1) Аноним (Пиндар, Ол. 2). Печ. по педавейей публикации: И. М. Бадалич. Пять Пиндаровых песен в неизвестных русских переложениях XVIII в. «Известия АН СССР», серия литературы и языка, т. 32, № 1, 1973, с. 58—70. Рукопись второй половины XVIII в.; публикатор допускает, что автор этих переводов — Павел Фонвизин, младший брат автора «Недоросля». Перевод сделан обычной для русского XVIII в. одической 10-стишной строфой; необычно для этого времени обилие архаизмов и славянизмов в языке.

2) Г. Р. Державин (Пиндар, Ол. 1). Печ. по изд.: «Сочинения Державина, с объяснит. примеч. Я. Грота», т. 2. СПб., 1865, стр. 559. Перевод 1805 г., сделанный с немецкого перевода Ф. Гедике. Размер — вольно сочиненная триада из правильно повторяющихся дактилических строф.

3) В. И. Водовозов (Пиндар, Ол. 3). Печ. по изд.: «Переводы в стихах и оригинальные стихотворения В. И. Водовозова». СПб., 1888; впервые напечатано в 1858 г. Размер — вольные трехсложники в нетождественных строфах.

4) В. И. Иванов (Пииндар, Пиф. 1). Печ. по публикации в «Журнале министерства народного просвещения», 1899, № 7—8, отд. классической филологии, с. 48—56. Перевод размером подлинника. В предисловии переводчик так обосновывает свои приемы: «Перевод с греческого «размером подлинника» в строгом смысле, разумеется, невозможен. Арсис древнего стиха и русский ударяемый слог — не одно и то же. Еще важнее, быть может, что неударяемые слоги почти совершенно утрачивают колорит долготы и краткости. Русский спондей — только хорей: правда, и хорей русский, с неударяемым, но не непременно кратким вторым слогом... Но как наш язык не может отказаться от своего великолепного гексаметра, существенно обуславливающего для нас редкую между народами привилегию «слышать умолкнувший звук божественной эллинской речи», — ни, в частности, от своего несовершенного, но незаменимого спондея, — так и ограничение наших метрических подражаний античной лирике воспроизведением порядка древних арсисов не должно отвращать нас от задачи такого воспроизведения... Ритмические силы нашего языка богаче поэтических форм, получивших в нем право гражданства. Что касается нашего опыта и его соответствия метру подлинника, то, помимо изложенных ограничений общего характера, должно отметить на вид две допущенные нами особенности. Во-первых, в несколько большей, сравнительно с подлинником, мере обособлены отдельные ритмические части, « $\kappa\omega\lambda\alpha$ ». нам казалось, что это обособление облегчает чтение непривычного нашему уху неожиданностию своих метрических переходов текста. Во-вторых, встречный толчок арсисов, конечного и начального, двух смежных метрических групп, сохраненный нами вообще (ср., например, 3-й стих эподов), — в каждом 2-м стихе (5-й строке) строф и антистроф был устранен как затруднительный при чтении (несмотря на свою вероятную музыкальность в пении), — вставкою одного лишнего краткого слога (вместо «начало торжеств внемлет», мы пишем: «начало веселый внемлет») — вольность, оправдываемая до некоторой степени вероятностию предположения, что в этом и подобных случаях два смежные арсиса разделялись некоторою малою

музыкальную паузою. В остальном наш перевод верен древнему размеру; и если принципиальные противники нововведений в господствующем стихосложении найдут, что в той же мере перевод этот перестает быть стихотворным, то мы первые готовы предложить читателям смотреть на него как на опыт ритмической прозы. Элементы церковные и старонародные, допущенные в языке перевода, казались нам согласными с тоном и диалектом подлинника».

5) В. И. Иванов (Вакхилид, 18). Печ. по изд.: Ф. Ф. Зелинский. Древнегреческая литература эпохи независимости, ч. 2. П., 1918, с. 123—126. Перевод размером подлинника. Впервые опубликован в 1904 г.

6) И. Ф. Анненский (Вакхилид, 18). Печ. по изд.: «Греческая литература в избранных переводах», сост. В. О. Ниландер. М., 1939, с. 126—127. Перевод вольным размером, в традиции Державина и Водовозова. Реплики хора вложены в уста Медси по произвольному предположению Анненского.

7) М. Е. Грабарь-Пассек (Пиндар, Истм. 1). Печ. по изд.: И. Ф. Дертани. Хрестоматия по античной литературе, т. 1. М., 1939, с. 112—116. Перевод в той же традиции, но более приближенный к размеру подлинника.

СОДЕРЖАНИЕ

ПИНДАР

Жизнеописание Пиндара 5

ОЛИМПИЙСКИЕ ПЕСНИ

1. <«Пелоп»> Гиерону Сиракузскому 3
2. <«Острова блаженных»> Ферону Акрагантскому 11
3. <«Геракл Гиперборейский»> Ферону Акрагантскому 19
4. <«Эргин»> Псавмию Камарицскому 22
5. <«Камарица»> Псавмию Камарицскому 23
6. <«Иам»> Агесию Сиракузскому 25
7. <«Родос»> Диагору Родосскому 31
8. <«Эак»> Алкимедонту Эгинскому 36
9. <«Потоп»> Эфармосту Опунтскому 40
10. <«Первая Олимпиада»> Агесидаму из Локров Эпизефирских. Обещанная песня 41
11. Агесидаму из Локров Эпизефирских. Обещающая песня 49
12. <«Удача»> Эрготелу Гимерскому 51
13. <«Беллерофонт»> Ксенофонту Корицфскому 51
14. <«Хариты»> Асопиху Орхоменскому 56

ПИФИЙСКИЕ ПЕСНИ

1. <«Этна»> Гиерону Сиракузскому 53
2. <«Иксион»> Гиерону Сиракузскому 61
3. <«Аскланий»> Гиерону Сиракузскому 69
4. <«Аргонавты»> Аркесилаю Киренскому 71

5. <«Батт»> Аркесилаю Киренскому	99
6. <«Антилох»> Ксенократу Акрагантскому .	95
7. <«Афины»> Мегаклу Афинскому	97
8. <«Алкмеон»> Аристомену Эгинскому	98
9. <«Жирена»> Телесикрату Киренскому	102
10. <«Персей Гиперборейский»> Гиппоклу Пел- линнейскому	108
11. <«Орест»> Фрасидею Фиванскому	111
12. <«Горгона»> Мидасу Акрагантскому	114

НЕМЕЙСКИЕ ПЕСНИ

1. <«Геракл-младенец»> Хромью Этнейскому	116
2. Тимодему Ахарнскому	120
3. <«Ахилл»> Аристоклиду Эгинскому	121
4. <«Эакиды»> Тимасарху Эгинскому	126
5. <«Пелей»> Пифею Эгинскому.	130
6. <«Бассиды»> Алкимиду Эгинскому	134
7. <«Неоптолем»> Согену Эгинскому	138
8. <«Аянт»> Дивнию Эгинскому	144
9. <«Адраст»> Хромью Этнейскому	147
10. <«Диоскуры»> Фею Аргосскому	151
11. Аристагору Теспедосскому на его избрание пританом	157

ИСТМИЙСКИЕ ПЕСНИ

1. <«Иолай и Кастор»> Геродоту Фиванскому .	160
2. Ксенократу Акрагантскому, посмертно . .	163
3—4. <«Геракл»> Мелиссу Фиванскому	165
5. <«Эгина»> Филакиду Эгинскому	170
6. <«Теламон»> Филакиду Эгинскому	173

7. <«Фивы»> Стрепсиаду Фиванскому 176
 8. <«Свадьба Фетиды»> Клеавдру Эгинскому 178

ОТРЫВКИ

- I. Эпиникии 183
 II. Гимны 184
 III. Пеаны 188
 IV. Дифирамбы 200
 V. Просодии 203
 VI. Парфешии 204
 VII. Гишорхемы 207
 VIII. Энкомии 209
 IX. Френы 213
 X. Из разных книг 215

ВАКХИЛИД

ЭПИНИКИИ

1. <«Тельхины»> Аргею Кеосскому, истмий-
 ская 227
 2. Аргею Кеосскому, истмийская 230
 3. <«Крез»> Гиерону Спракузскому, олимпий-
 ская 230
 4. Гиерону Спракузскому, пифийская 234
 5. <«Мелеагр»> Гиерону Спракузскому, олим-
 пийская 235
 6. Лахону Кеосскому, олимпийская 242
 7. Лахону Кеосскому, олимпийская 242
 8. Линариону Кеосскому (?) 243

9. <«Асопиды»> Автомету Флиунтскому, немейская	244
10. Аглаю Афинскому, истмийская	247
11. <«Претиды»> Алексидаму Метапонтскому, пифийская	250
12. Тисию Эгипскому, немейская	251
13. <«Эакпиды»> Пифею Эгинскому, немейская	255
14. Клеоптолему Фессалийскому, петрейская	260
14б. Аристотелю Фессалийскому	261

ДИФИРАМБЫ

15. Антенориды, или Посольство о выдаче Елены	262
16. Геракл, для дельфийцев	263
17. Юноши, или Фесей, для кеосского хора	265
18. Фесей, для афинян	269
19. Ио, для афинян	271
20. Идас, для лакедемонян	273
21. Кассандра (?)	273
26. Пасифая (?)	273
27. Хирон (?)	274

ОТРЫВКИ

I. Эпивикии	275
II. Гимны	275
III. Пеаны	275
IV. Дифирамбы	277
V. Просодии	277
VI. Гипорхемы	278
VII. Любовные песни	278

VIII. Эпкомни	279
IX. Из неизвестных книг	282
X. Эпиграммы	283
Спорное	284

ТИМОФЕЙ

ПЕРСЫ	285
-----------------	-----

ДОПОЛНЕНИЯ

ОДЫ ПИНДАРА И ВАКХИЛИДА В ПЕРЕВОДАХ РУССКИХ ПОЭТОВ XVIII—XX ВВ.

<i>Аноним.</i> Олимпийская вторая	295
<i>Г. Р. Державин.</i> Олимпийская первая песнь	301
<i>В. И. Водосозов.</i> Третья олимпийская ода	307
<i>В. И. Иванов.</i> Первая пифийская ода	312
<i>В. И. Иванов.</i> Фесей	319
<i>И. Ф. Анненский.</i> Фесей	322
<i>М. Е. Грабиль-Пассек.</i> Первая истмийская ода	325

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>М. Л. Гаспаров.</i> Древнегреческая хоровая лирика	331
<i>М. Л. Гаспаров.</i> Поэзия Пиндара	361
Хронологический указатель	384
Примечания	387

ПИНДАР. ВАКХИЛИД
Оды. Фрагменты



Утверждено к печати
редколлекцией серии
«Литературные памятники»

Редактор издательства
И. Г. Дрвлянская

Художник

В. Г. Виноградов

Художественный редактор
Т. П. Поленова

Технический редактор
Н. П. Кузнецова

Корректоры

Р. С. Алимова, В. А. Бобров

ИБ № 15018

Сдано в набор 03.09.79.

Подписано к печати 25.12.79.

Формат 70×90¹/₃₂

Бумага типографская № 2

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 18,54. Уч.-изд. л. 22,9

Тираж 50 000 экз. Тип. зак. 175

Цена 3 руб.

Издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 99

Отпечатано в 4-й типографии издательства «Наука».
630077, Новосибирск, 77, ул. Станиславского, 25,
с матриц, изготовленных во 2-й типографии.

